

Министерство образования Российской Федерации
Самарский государственный университет

А.Г.Безверхов

ИМУЩЕСТВЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Издательство «Самарский университет»
2002

УДК 347.21.3
ББК 67.99(2)3
Б 39

Безверхов А.Г. Имущественные преступления. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2002. 359 с.
ISBN 5-86465-135-4

В монографии обосновывается новый подход к трактовке объекта преступных деяний, предусмотренных в главе 21 «Преступления против собственности» Уголовного кодекса Российской Федерации. С учетом развития в современной России рыночной экономики ставится вопрос о наименовании указанных преступных посягательств «имущественными преступлениями». Исследуются проблемы криминализации и систематизации имущественных преступлений. На основе широкого использования следственной и судебной практики рассматриваются вопросы квалификации этих преступлений. Значительное внимание уделено различным аспектам взаимодействия уголовного и других отраслей права в сфере имущественных отношений.

Для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов юридических вузов, а также для судей, прокуроров, следователей и адвокатов.

УДК 347.21.3
ББК 67.99(2)3

Ответственный редактор заслуженный деятель науки Российской Федерации и Республики Татарстан, действительный член Академии наук высшей школы России, д-р юрид. наук, проф. **В.П.Малков**

Рецензенты: заведующий кафедрой теории и истории государства и права Самарской государственной экономической академии, д-р юрид. наук, проф. **В.М.Ведяхин**,

ректор Волжского университета им. В.Н.Татищева (г.Тольятти), заведующий кафедрой уголовного права и процесса того же университета, д-р юрид. наук, проф. **В.А. Якушин**

ISBN 5-86465-135-4

© Безверхов А.Г., 2002
© Издательство «Самарский университет», 2002

Содержание

Предисловие	4
Введение	6
Глава 1. Экономическое и юридическое понимание собственности и имущественных отношений	13
1. Экономическое понимание собственности и имущественных отношений	13
2. Юридическое понимание собственности и имущественных отношений	31
3. Понимание собственности и имущественных отношений в уголовном праве	40
Глава 2. Имущественные преступления: историко-экономический анализ	59
1. Основание уголовно-правового запрета в сфере имущественных отношений	59
2. Имущественные преступления в обществе с традиционной экономикой	66
3. Имущественные преступления в обществе с плановой экономикой	82
4. Имущественные преступления в обществе с рыночной экономикой	91
Глава 3. Понятие имущественных преступлений по действующему уголовному законодательству России и их классификация	105
1. Объективные признаки имущественных преступлений	105
2. Субъективные признаки имущественных преступлений	152
3. Классификация имущественных преступлений	174
Глава 4. Проблемы совершенствования норм об отдельных видах имущественных преступлений и практики их применения	189
1. Имущественные преступления, выражающиеся в изъятии чужого имущества: проблемы совершенствования законодательной и судебной практики	189
2. Проблемы ответственности за уничтожение и повреждение чужого имущества	231
3. Имущественные преступления, совершаемые путем обмана и с использованием доверия: вопросы теории и законодательной практики	244
4. Совершенствование законодательного определения вымогательства	282
Глава 5. Взаимодействие уголовного и частного права в сфере имущественных отношений	319
1. Взаимодействие уголовного и гражданского права в сфере имущественных отношений	319
2. Взаимодействие уголовного и семейного права в сфере имущественных отношений	333
Заключение	348
Приложение	351

Предисловие

Предлагаемая читателю работа доцента кафедры уголовного права и криминологии Самарского государственного университета А.Г. Безверхова носит поисковый и новаторский характер. В ней с учетом восстановления в России рыночной экономики ведется исследование собственности в экономическом и правовом значении, подвергаются критическому анализу сложившиеся взгляды по этим вопросам в экономической, гражданско-правовой и уголовно-правовой доктрине, показывается узость сложившихся в советское время воззрений на объект преступлений против собственности, обосновывается необходимость переосмысления сложившихся учений по этому вопросу, формулируется авторская научная трактовка понятия и содержания имущественных отношений как объекта уголовно-правовой охраны в условиях рыночной экономики. Автор этой работы обоснованно ставит вопрос о необходимости адекватного отражения в уголовном законодательстве различных форм и видов преступных посягательств на имущественные отношения в различных сферах предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности, предлагает систему имущественных преступлений главы 21 в рамках раздела VIII «Преступления в сфере экономики» Уголовного кодекса Российской Федерации.

В монографии показывается, что в условиях рыночной экономики происходит перемещение насильственных форм посягательств на имущественные отношения в сторону использования способов посягательств, опирающихся на интеллектуальные способности злоумышленников, то есть обманных преступных посягательств. В монографии теоретически обосновывается новая постановка вопроса об объекте преступлений, предусмотренных в главе 21 УК РФ, как имущественных отношениях, ставится вопрос о переименовании главы 21 УК «Преступления против собственности» на «Имущественные преступления», предлагаются новые составы имущественных преступлений в системе данной главы.

В монографии А.Г. Безверхова читатель найдет немало оригинальных идей и малоизвестных сведений, которые обогатят его новыми знаниями, вызовут потребность собственного научного поиска по обсуждаемым проблемам, будут способствовать ему в разрешении сложных вопросов в правоприменительной практике. Как и во всякой новаторской работе, в предлагаемой читателю монографии, вероятно, найдутся проблемы и вопросы, которые можно трактовать или решать иным образом, которые будут представляться недостаточно убедительно либо неудачно решенными. Однако сказанное ни коим образом нельзя считать недостатком этой работы: только в дискуссиях возможен поиск наиболее оптимальных находок и решений.

Монография будет полезной для участников законотворческого процесса, судей судов общей юрисдикции и арбитражных судов, работников учреждений системы Министерства юстиции, прокуратуры, органов МВД,

Предисловие

налоговой полиции, таможенного контроля и адвокатуры. Эта работа также представляет интерес для профессоров и преподавателей, аспирантов, адъюнктов, студентов высших и средних профессиональных учебных заведений экономико-правового профиля, других читателей, интересующихся проблемами борьбы с имущественными и иными преступлениями в сфере экономики.

Заслуженный деятель науки Российской Федерации и Республики Татарстан, действительный член академии наук высшей школы России, д-юрид. наук, проф. В.П. Малков

Введение

Современная Россия переживает сложный период восстановления рыночной экономики. Переход к цивилизованному рынку еще не завершен. Пока не создана приемлемая для страны система экономического устройства, способная обеспечить устойчивую экономическую стабильность и повышение уровня жизни народа.

В условиях реформирования социально-политического устройства общества и экономической деятельности особую остроту приобретает угроза роста преступности¹. Рынок не является панацеей от преступности. Он не имеет механизмов, сдерживающих это зло. Остались в прошлом утопические представления о рыночной экономике как о саморегулирующейся системе, обеспечивающей снижение преступности в целом, в том числе ограничивающей сферу совершения экономических преступлений. Поэтому есть все основания говорить как об усилении государственного регулирования российской экономики, так и об адекватном уголовно-правовом противодействии преступности в сфере рыночных отношений. Какова должна быть мера уголовно-правового обеспечения экономики, чтобы не подрывать способность рыночной системы к саморегуляции? На протяжении истории эта мера устанавливалась опытным путем и закреплялась в соотношении публичного и частного права². В обществе с рыночной экономикой уголовное право должно обеспечить надежную охрану прав и законных интересов участников экономических отношений (граждан, организаций и государства), гарантировать стабильность имущественного правопорядка и развитие российской экономики как системы цивилизованных рыночных отношений.

В современной рыночной экономике одним из основных объектов уголовно-правовой охраны продолжают оставаться имущественные отношения — регулируемые правом отношения собственности. Это наиболее уязвимый из всех правоохраняемых объектов. Преступные посягательства на собственность количественно преобладают в общей массе преступности. Так, в первой половине девяностых годов XX столетия доля указанных преступлений в структуре преступности варьировалась в пределах 65-75%³. В 1996 г. удельный вес зарегистрированных на территории Российской Федерации преступных посягательств на собственность составил 60, 8 % (в указанном году было зарегистрировано 2 625 081 преступление, из них против собственности — 1 595 373)⁴. В 2000 г. в России было зарегистрировано 2 952 тыс. преступлений, из них краж — 1 310 тыс., грабежей — 132,4 тыс., разбоев —

¹ См.: Концепция национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента РФ от 17 декабря 1997 года (в редакции Указа Президента РФ от 10 января 2000 года) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. №2. Ст.170.

² См.: Халфина Р. Право и переход к рынку // Российский экономический журнал. 1992. № 7. С.54.

³ См.: Преступность и реформы в России / Под ред. А.И.Долговой. М., 1998. С.194-195.

⁴ См.: Преступность, статистика, закон / Под ред. А.И.Долговой. М., 1997. С.200, 211.

Введение

39,4 тыс.¹ За 2001 г. в стране зарегистрировано 2968,3 тыс. преступлений, из которых краж — 1273,2 тыс., грабежей — 148,8 тыс., разбоев — 44,8 тыс.²

Указанная статистическая закономерность проявляется не только в масштабах всей России, но и в отдельных ее регионах. Так, по данным информационного центра ГУВД Самарской области, в 2000 г. в этом регионе было зарегистрировано 60 954 преступления, из которых краж — 22 456, мошенничества — 2023, грабежей — 2407, разбоев — 782, что составило (без учета других преступных посягательств на собственность) 45,4% от всей массы учтенной преступности. В 2001 г. в Самарской области было зарегистрировано 62 535 преступлений, из которых хищений — 30 259, вымогательства — 207, угонов — 580, что составило около 50% от общего числа зарегистрированных в этом субъекте Российской Федерации преступлений.

«К сожалению, права собственности еще по-прежнему плохо защищены», — указывается в послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации на 2001 г.³ При этом в послании обращается внимание на необходимость обеспечения надежной охраны прав всех собственников: и граждан, и крупных отечественных корпораций, и иностранных инвесторов. Подводя итоги за прошедший год и определяя задачи на предстоящий период, Президент Российской Федерации в послании Федеральному Собранию Российской Федерации на 2002 г. вновь подчеркнул, что в целях становления цивилизованного рынка и правового государства правоохранительные органы должны направлять свои усилия на защиту прав граждан, охрану прав собственника и производителя, вести жесткую борьбу с рэкетом⁴.

Имущественные отношения, как правоохраняемый объект, есть особая область экономических связей, в которой находят непосредственное выражение права и интересы не только собственников, но и многих других участников имущественных отношений — лиц, не являющихся собственниками используемого ими имущества. Следует также указать, что рыночные преобразования, происходящие в современной России, сопровождаются появлением новых субъектов имущественных отношений: частных корпораций (компаний) и их владельцев, лиц, уполномоченных представлять интересы частного капитала, различных участников договорных отношений, связанных с переходом имущественных благ от одних владельцев к другим с передачей права собственности и без таковой. С развитием рыночных реформ появляются и новые объекты имущественных отношений. Так, с развитием товарообмена объектом гражданско-правовых сделок становятся не только вещи, но и имущественные права, в том числе выраженные в специальных документах — ценных бумагах. Все интенсивнее втягиваются в

¹ См.: Краткая характеристика состояния преступности в России в 2000 году // Рос. юстиция. 2001. №3. С.77.

² См.: http://www.mvdinform.ru/index.php?section=stat_year_1

³ Рос. газета. 2001. 4 апреля.

⁴ Рос. газета. 2002. 19 апреля.

экономический оборот природные ресурсы, объекты недвижимости, различные виды энергии, результаты интеллектуальной деятельности, информация. Восстановление рыночной экономики в современной России вызвало к жизни появление самых многообразных экономических связей, складывающихся по поводу принадлежности и оборота имущества. *Интенсивное развитие и усложнение имущественных отношений как результат современных рыночных преобразований обусловили появление новых объектов уголовно-правовой охраны в имущественной сфере.*

Как показывают криминологические исследования, в течение ряда десятилетий преступления в имущественной сфере характеризовались чаще всего причинением вреда путем завладения той или иной движимой вещью, материальной ценностью помимо или вопреки воле собственника или иного владельца. Со вступлением России на путь рыночных реформ криминогенная ситуация в имущественной сфере меняется. Преступников все чаще привлекают наряду с материальными ценностями (*res corporales*) различные экономические блага не вещественного содержания — бестелесные вещи (*res incorporeales*). Эта криминогенная тенденция в известной степени подтверждается высоким ростом в процессе восстановления рыночных отношений в современной России таких преступлений как мошенничество и вымогательство¹. Активизируется деятельность криминальных структур и на рынке недвижимости². Прогнозируется возрастание криминальной активности в сфере добычи и переработки нефти, нефтепродуктов, леса и других природных ресурсов, а также в энергетике³. Не трудно видеть, что *современная криминогенная ситуация в имущественной сфере трансформируется в сторону известного расширения объекта преступных посягательств.*

Предупреждение преступлений в имущественной сфере во многом зависит от того, насколько обоснованно и полно в уголовном законе определен объем имущественных отношений, подлежащих уголовно-правовой охране. От того, насколько адекватным будет уголовно-правовое регулирование имущественных отношений, зависит эффективность охраны и других

¹ Так, в 1993 году был зарегистрирован 47 981 случай совершения мошенничества на территории России, в 1994 году - 65 366, в 1995 году - 67 243, в 1996 году - 74 539, в 1997 году - 77 757, в 2000 году - 81 470 (см.: Преступность, статистика, закон. С. 199; Организованная преступность — 4 / Под ред. А.И.Долговой. М.: Криминологическая Ассоциация, 1998. С.264). Рост мошенничества имеет место не только в масштабах страны, но и в отдельных ее регионах. Если в 1996 году, по данным информационного центра ГУВД Самарской области, в этом регионе было зарегистрировано 857 случаев совершения указанного преступления, то в 2000 году - 2023. Как свидетельствует статистика, развитие рыночных отношений в стране сопровождается и ростом вымогательства. Если в 1988 году судами Российской Федерации было осуждено за вымогательство 810 человек (см.: Верин В. Рассмотрение дел о вымогательстве // Сов. юстиция. 1993. № 1. С.7-8), то в 1993 году - 3920 (см.: Минская В.С. Вопросы квалификации вымогательства // Гос. и право. 1995. № 1. С.99). В 1993 году в целом по стране было выявлено 11 426 случаев совершения этого преступления, в 1997 году - 14 503 (см.: Организованная преступность - 4. С.134).

² Так, в 1999 году на рынке недвижимости было выявлено более 2000 преступлений экономической направленности (см.: Криминогенная ситуация в России на рубеже XXI века. С. 32).

³ См.: Криминогенная ситуация в России на рубеже XXI века. С.25.

сфер общественной жизни. Очевидно, что, непосредственно нарушая имущественный правопорядок, указанные посягательства попутно ущемляют личные права и свободы граждан, дезорганизуют экономическую деятельность, угрожают общественной безопасности и общественному порядку, затрагивают интересы государственной власти.

Между тем, действующее уголовное законодательство предоставляет охрану, в основном, тем имущественным отношениям, которые складываются в связи с принадлежностью вещей конкретным лицам — субъектам права собственности. Нормы об уголовной ответственности за преступные посягательства, называемые в Уголовном кодексе Российской Федерации¹ «преступлениями против собственности», не обеспечивают адекватную защиту имущественным отношениям, возникшим в результате рыночных реформ. В этой связи особую озабоченность вызывает слабая защищенность имущественных прав граждан и юридических лиц от посягательств, получивших распространение в сфере договорных и иных обязательств, что оказывает разрушительное воздействие на имущественный оборот. По существу, не обеспечена эффективная уголовно-правовая охрана имущественных прав акционеров, иных участников хозяйственных обществ и самих коммерческих организаций от злоупотреблений наемных управляющих, подчас безнаказанно посягающих на вверенные им частный капитал и имущественные интересы, в результате чего страдают не только собственники, но и инвесторы, и качество корпоративного управления, и эффективное проведение государственной экономической стратегии. Продолжает оставаться на недопустимо низком уровне и уголовно-правовое регулирование других имущественных отношений, вызванных к жизни рыночными преобразованиями.

С восстановлением в современной России рыночной экономики встал вопрос о надлежащем уголовно-правовом обеспечении имущественных отношений: как выражающихся в принадлежности вещественных благ конкретным лицам — субъектам права собственности, так и возникающих по поводу экономических ценностей невещественного характера, как связанных с имущественным оборотом, так и складывающихся в связи с управлением чужим имущественным состоянием. Значение уголовно-правовой охраны права собственности и иных имущественных прав нельзя недооценивать особенно в условиях структурных и институциональных преобразований в сфере экономики. Отсюда настоятельное требование времени — совершенствование юридической базы борьбы с преступными посягательствами на имущественные права личности, законные интересы общества и государства в имущественной сфере. Уголовное законодательство о «преступлениях против собственности» не может оставаться прежним в период модернизации имущественных отношений и все более интенсивного поражения их посягательствами, которые в современных условиях точнее именовать *«имущественными преступлениями»*.

¹ Далее — УК РФ или УК.

Несовершенство действующего уголовного законодательства об имущественных преступлениях все чаще негативно сказывается на практике его применения. Так, при квалификации вымогательства, мошенничества и других корыстных имущественных преступлений практические работники обычно руководствуются подходами, установленными для правовой оценки хищений чужих вещей. Получили известное распространение факты, когда имущественные преступления в сфере договорных имущественных отношений расцениваются как непроступные нарушения. В правоприменении вызывает трудности квалификация имущественных посягательств, совершаемых по поводу экономических ценностей неимущественного содержания, подчас побуждая практических работников занимать позицию невмешательства¹. Сложной для практики остается проблема разграничения имущественных преступлений и административных правонарушений в области охраны собственности, что неоднозначно сказывается на судьбах людей. Наконец, отсутствует единообразное применение уголовно-правовых норм, предусмотренных главой 21 УК РФ.

Имущественные преступления традиционно вызывают к себе живой научный интерес. В науке уголовного права досоветского периода проблемам противодействия указанным преступлениям посвятили свои исследования Л.С.Белогриц-Котляревский², В.В.Есипов³, Г.Е.Колоколов⁴, Н.А.Неклюдов⁵, С.В.Познышев⁶, И.Я.Фойницкий⁷ и другие. Многие из достижений этих дореволюционных ученых сохранили актуальность и для нашего времени. Значительный вклад в теорию и практику борьбы с имущественными посягательствами в советском и постсоветском уголовном праве внесли такие известные ученые как Г.Н.Борзенков⁸, В.А.Владимиров⁹, Б.В.Вол-

¹ Например, Г.Н.Борзенков пишет: «Обобщение судебной практики не позволило обнаружить случаев осуждения за вымогательство, состоящее в требовании выполнения действий имущественного характера, без посягательства на конкретное имущество. Очевидно, такие действия рассматриваются правоохранительными органами как малозначительные» (см.: Уголовное право Российской Федерации: Особенная часть: Учебник / Под ред. Г.Н.Борзенкова и В.С.Комиссарова. М.: Олимп; ООО «Издательство АСТ», 1997. С. 231).

² Белогриц-Котляревский Л.С. О воровстве-краже по русскому праву. Историко-догматическое исследование. Вып. 1. Киев, 1880.

³ См.: Есипов В.В. Уголовное право: Часть Особенная. Преступления против личности и имущества. Изд. 2, пересмотр. и доп. СПб, 1899.

⁴ См.: Колоколов Г.Е. Уголовное право: Особенная часть. Курс лекций, составленный студентами Императорского Московского университета 1900 академического года.

⁵ См.: Неклюдов Н.А. Руководство к Особенной части русского уголовного права. Т.2. Преступления и проступки против собственности. СПб, 1876.

⁶ См.: Познышев С.В. Особенная часть русского уголовного права. Сравнительный очерк важнейших отделов Особенной части старого и нового Уложений. 3-е изд., испр. и доп. М., 1912.

⁷ См.: Фойницкий И.Я. Курс уголовного права. Часть Особенная. Посягательства личные и имущественные. 6-е изд. СПб, 1912.

⁸ См.: Борзенков Г.Н. Ответственность за мошенничество (вопросы квалификации). М.: Юрид. лит., 1971.

⁹ См.: Владимиров В.А. Квалификация похищений личного имущества. М.: Юрид. лит., 1974.

женкин¹, Л.Д.Гаухман², А.А.Жижиленко³, Г.А.Кригер⁴, Ю.И.Ляпунов⁵, П.С.Матьшевский⁶, Б.С.Никифоров⁷, А.А.Пинаев⁸, А.А.Пионтковский⁹, С.И.Сирота¹⁰, Э.С.Тенчов¹¹, И.С.Тишкевич¹², Е.А.Фролов¹³ и другие. Некоторые из названных ученых-юристов и сегодня продолжают научный поиск оптимального уголовно-правового регулирования имущественных отношений. В современном уголовном праве проблемы противодействия имущественным преступлениям получили дальнейшее развитие в работах В.В.Векленко¹⁴, С.А.Елисеева¹⁵, И.А.Клепицкого¹⁶, С.М.Кочои¹⁷, С.В.Максимова¹⁸, С.В.Склярова¹⁹, П.С.Яни²⁰ и других. Отдавая должное высокому уровню научной разработки темы, необходимо, вместе с тем, подчеркнуть, что в настоящее время перед наукой уголовного права стоят задачи переосмысления концептуальных основ борьбы с имущественными преступлениями и разработки новых подходов к уголовно-правовому регулированию имуществен-

¹ См.: Водженкин Б.В. Корыстные злоупотребления по службе (хищения, взяточничество, злоупотребление служебным положением): уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации: Дис... д-ра юрид. наук. М., 1991.

² См.: Гаухман Л.Д. Насилие как средство совершения преступления. М.: Юрид. лит., 1974.0

³ См.: Жижиленко А.А. Преступления против имущества и исключительных прав. Л., 1928.

⁴ См.: Кригер Г.А. Квалификация хищений социалистического имущества. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрид. лит., 1974.

⁵ См.: Владимиров В.А., Ляпунов Ю.И. Социалистическая собственность под охраной закона. М.: Юрид. лит., 1979.

⁶ См.: Матьшевский П.С. Уголовно-правовая охрана социалистической собственности в Украинской ССР. Киев: Изд-во Киевского ун-та, 1972.

⁷ См.: Никифоров Б.С. Борьба с мошенническими посягательствами на социалистическую и личную собственность по советскому уголовному праву. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1952.

⁸ См.: Пинаев А.А. Уголовно-правовая борьба с хищениями. Харьков: Вища школа, 1975.

⁹ См.: Курс советского уголовного права. В 6-ти т. Т. 4. М.: Наука, 1970. С. 306-408.

¹⁰ См.: Сирота С.И. Преступления против социалистической собственности и борьба с ними. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1968. С.13.

¹¹ См.: Тенчов Э.С. Уголовно-правовая охрана социалистической собственности: Учебное пособие. Иваново, 1980.

¹² См.: Тишкевич И.С. Уголовная ответственность за посягательства на социалистическую собственность. Минск: Изд-во «Университетское», 1984.

¹³ См.: Фролов Е.А. Объект уголовно-правовой охраны и его роль в организации борьбы с посягательствами на социалистическую собственность: Автореф. дис... д-ра юрид. наук. Свердловск, 1971.

¹⁴ См.: Векленко В.В. Квалификация хищений. Омск, 2001.

¹⁵ См.: Елисеев С.А. Преступления против собственности по уголовному законодательству России (историко-теоретическое исследование): Автореф. дис... д-ра юрид. наук. Томск, 1999.

¹⁶ См.: Клепицкий И.А. Собственность и имущество в уголовном праве // Гос. и право. 1997. №5. С. 74-83.

¹⁷ См.: Кочои С.М. Ответственность за корыстные преступления против собственности. 2-е изд., доп. и перераб. М., 2000.

¹⁸ См.: Гаухман Л.Д., Максимов С.В. Ответственность за преступления против собственности. М.: Учебно-консультационный центр «ЮрИнфоР», 1997.

¹⁹ См.: Скляров С.В. Понятие хищения в уголовном законодательстве России: Теоретический анализ // Гос. и право. 1997. №9.

²⁰ См.: Яни П.С. Экономические и служебные преступления. М.: ЗАО «Бизнес школа «Интел Синтез», 1997.

ных отношений, складывающихся в условиях современной рыночной экономики. В этой связи вопросы о сущности, понятии и системе имущественных преступлений подлежат дальнейшему анализу с учетом особенностей уголовно-правового регулирования имущественных отношений товарного характера на основе комплексного подхода, подкрепленного данными криминологии, цивилистики и современной экономической теории. Проблемы построения норм об уголовной ответственности за имущественные преступления и вопросы квалификации указанных преступлений требуют решения с учетом межотраслевого взаимодействия с целью всестороннего регулирования и охраны имущественных отношений.

Вопросы экономической обусловленности преступности, взаимодействия экономики и уголовного права относятся к числу актуальных. Они получили освещение и развитие в работах Б.В.Волженкина¹, И.М.Гальперина², А.Э.Жалинского³, И.И.Карлеца⁴, В.В.Колесникова⁵, Н.Ф.Кузнецовой⁶, Н.А.Лопашенко⁷, А.В.Наумова⁸, И.И.Рогова⁹, А.М.Яковлева¹⁰ и других. Между тем в криминологии и науке уголовного права пока не достаточно глубоко исследованы проблемы экономической обусловленности имущественной преступности и криминализации имущественных преступлений.

В настоящей монографии основное внимание уделяется анализу понятия и системы имущественных преступлений как деяний, посягающих на имущественные отношения и нарушающих право собственности и иные имущественные права субъектов рыночной экономики. В монографии рассматриваются также проблемы криминализации и квалификации указанных преступных посягательств, исследуются вопросы взаимодействия уголовного и других отраслей права в сфере имущественных отношений.

Автор выражает искреннюю признательность заслуженному деятелю науки Российской Федерации, действительному члену академии наук высшей школы России, доктору юридических наук, профессору Виктору Павловичу Малкову, рекомендации которого оказали большую помощь в подготовке настоящей работы.

¹ См.: Волженкин Б.В. Экономические преступления. СПб: Юридический центр Пресс, 1999.

² См.: Гальперин И. Предпринимательство, правонарушения, уголовная ответственность // Вестник Верховного Суда СССР. 1991. №8. С.2-5.

³ См.: Жалинский А.Э. Уголовный закон и экономика в условиях социальных перемен // Укрепление законности и борьба с преступностью в условиях формирования правового государства: Сборн. ст. М., 1990. С.93-97.

⁴ См.: Карпец И.И. Экономика и преступность // Законность. 1992. №3. С.50-52.

⁵ См.: Колесников В.В. Экономическая преступность и рыночные реформы: Политико-экономические аспекты. СПб.: Изд-во СПбУЭФ, 1994.

⁶ См.: Кузнецова Н.Ф. О криминогенности пробелов уголовного законодательства // Изучение организованной преступности: Российско-американский диалог. М.: Олимп, 1997. С.151-163.

⁷ См.: Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономической деятельности: Понятие, система, проблемы квалификации и наказания. Саратов: СГАП, 1997; Она же. Глава 22 Уголовного кодекса нуждается в совершенствовании // Гос. и право. 2000. №12. С. 20-27.

⁸ См.: Наумов А.В. Уголовный закон в условиях перехода к рыночной экономике // Сов. гос. и право. 1991. №2. С.28-35.

⁹ См.: Рогов И.И. Экономика и преступность. Алма-Ата: Казахстан, 1991.

¹⁰ См.: Яковлев А.М. Социология экономической преступности. М.: Наука, 1988; Он же. Законодательное определение преступлений в сфере экономической деятельности // Гос. и право. 1999. №11. С.38-43.

Глава I

Экономическое и юридическое понимание собственности и имущественных отношений

1. Экономическое понимание собственности и имущественных отношений

В экономической теории *собственность* признается одним из основных институтов экономики и изучается этой наукой в связи с более общими проблемами экономического строения общества, организации хозяйства и рационального использования экономических ресурсов. В этом смысле собственность наряду с хозяйственным механизмом является составной частью экономики любого из известных обществ и на уровне макроэкономических процессов составляет основу любой экономической системы.

Тезис о том, что без собственности функционирование и развитие общества невозможно, существует давно. Он констатируется с тех давних пор, когда общество пришло к пониманию значимости этого института. Классики марксизма так определяли свое отношение к собственности: «... Ни о каком производстве, а стало быть, ни о каком обществе, не может быть речи там, где не существует никакой формы собственности...»¹. Действительно, собственность есть социальный институт, одинаково присущий всем цивилизованным народам. Собственность является неотъемлемым условием общественной жизни человека в мире вещей и рационального использования имущественных благ в социуме. Как справедливо утверждает С.С.Алексеев, собственность «представляет собой специфический механизм, своеобразное устройство, обеспечивающее функционирование человеческого общества»². Однако зададимся вопросом: в чем сущность, содержание и социальное назначение этого экономического института? Необходимо констатировать, что в современной экономической теории не существует единой концепции собственности. Различные экономические школы нередко по-разному определяют понятие собственности и ее значение в сфере экономики. Если мы попытаемся абстрагироваться от множества существующих дефиниций собственности и компромиссных определений между полярными из них, то придем к выводу, что понимание собственности тесно связано с определением предмета экономической теории.

Предметом марксистской политической экономии и тех экономических теорий, которые испытывают на себе влияние марксистского мировоз-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: 2-е изд. Т.12. С.714.

² Алексеев С.С. Собственность - право - социализм: Poleмические заметки. М.: Юрид. лит., 1989. С.75.

зрения, являются *производственные отношения* как совокупность экономических отношений, объективно складывающихся между людьми в процессе производства, распределения, обмена и потребления хозяйственных благ. В соответствии с классовым подходом этой теории к анализу общественной жизни, особое внимание уделяется исследованию *производства* — той фазы хозяйственного процесса, в которой первой созидающей силой является целенаправленная деятельность человека, его труд, а основным экономическим фактором выступает рабочая сила трудящихся масс, вынужденно продаваемая ими для получения средств существования. Не случайно в марксистской политэкономии все отношения, независимо от экономической фазы своего проявления — собственно производства, распределения, обмена или потребления, — носят название именно производственных. В рамках данного мировоззрения экономические отношения во всех своих моментах непосредственно заключены в производстве или им обуславливаются. В соответствии с таким подходом производство, распределение, обмен и потребление не анализируются отдельно в своей собственной определенности. Здесь выясняется, в каком отношении к производству находятся остальные фазы экономического процесса. К.Маркс писал: «Результат, к которому мы пришли, заключается не в том, что производство, распределение, обмен и потребление идентичны, а в том, что все они образуют собой части целого, различия внутри единства. Производство господствует как над самим собой во всей противоположности своих определений, так и над другими моментами. С него каждый раз начинается процесс снова»¹. Так, выявляя соотношение между производством и распределением, классики марксизма утверждали: «Распределение в самом поверхностном понимании выступает как распределение продуктов и, таким образом, представляется дальше отстоящим от производства и якобы самостоятельным по отношению к нему. Однако прежде чем распределение есть распределение продуктов, оно есть: 1) распределение орудий производства и 2) — что представляет собой дальнейшее определение того же отношения — распределение членов общества по различным родам производства... Распределение продуктов есть, очевидно, лишь результат этого распределения, которое заключено в самом процессе производства и которое определяет организацию производства»². Отсюда распределение рассматривается лишь в качестве иного выражения отношений производства. Марксистское исследование экономической фазы обмена показывает также, что обмен заключен в производстве и определяется им, а производство представляет собой по существу процесс обмена деятельностью и способностями людей. Аналогичный подход в марксистской политэкономии применяется и при анализе соотношения производства и потребления. Указанные фазы экономического процесса — два различных и вместе с тем взаимосвязанных полюса обществен-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: 2-е изд. Т.12. С.725.

² Там же. С.722.

Экономическое и юридическое понимание собственности и имущественных отношений

ной жизни. Определяющим в этом взаимодействии является опять-таки производство, которое в соответствии с рассматриваемым подходом не только создает предмет потребления и определяет способ потребления, но и служит основой появления и развития человеческих потребностей.

Символично и то, что понятие производства в марксистской экономической методологии имеет двоякий смысл. С одной стороны, оно обозначает исходную фазу в пофазной характеристике экономики (собственно производство). В данном случае производство, по словам К.Маркса, «есть присвоение индивидуумом предметов природы в пределах определенной общественной формы и посредством нее»¹. С другой стороны, оно имеет контекст сложного общественного явления, включающего в себя в качестве неотъемлемых составных частей как собственно процессы производства, так и процессы распределения, обмена и потребления. В этом смысле понятие производства становится тождественным общему понятию экономики².

Исходя из вышеизложенного становится очевидным, что марксистское понимание собственности должно быть теснейшим образом связано с категорией производства. Таким оно и есть на самом деле. Классики марксизма часто утверждали, что собственность, поскольку она есть только известное отношение к условиям производства как к своим, осуществляется только через само производство, что собственность есть выражение производства и присвоения продуктов, что отношения собственности в их реальной форме есть производственные отношения³.

Между тем для марксистской политэкономии и смежных с нею учений крупными методологическим проблемами до сих пор остаются, с одной стороны, соотношение собственности и производственных отношений, а с другой — понимание собственности, ее экономического содержания как «производственного» явления. Данное обстоятельство, кроме всего прочего, объясняется и многозначностью понятия собственности в трудах классиков марксизма, на что уже обращалось внимание в научной литературе⁴.

Очевидно, что констатация связи собственности с производством не предопределяет решение вопроса о характере такого взаимодействия. Экономическая наука XX века, базирующаяся на методологии марксизма или прикосновенная к последней, так и не пришла к однозначному определению места собственности в системе производственных отношений. Начнем с утверждения К.Маркса о том, что «собственность (присвоение) есть условие производства»⁵, что собственность означает, следовательно, первоначально не что иное, как отношение человека к его естественным условиям производства, как принадлежащим ему, как «к своим»⁶. Развитие этого

¹ Там же. С.713.

² См.: Мамедов О. Политическая экономия. Ростов н/Д: Изд-во «Феникс», 1999. С.21.

³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: 2-е изд. Т.4. С.168; Т.16. С.26; Т.27. С.406.

⁴ См., например: Толстой Ю.К. Содержание и гражданско-правовая защита права собственности в СССР. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1955. С.5.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: 2-е изд. Т.12. С.713.

⁶ Там же. Т.46. Ч.1. С.479-480.

Марксова положения привело ряд ученых к выводу, что собственность — это не только важнейшее условие, предпосылка производства, но и его закономерный результат. Обосновывая данный тезис, С.Н.Братусь писал: «Форма собственности выражает статистические моменты, характеризующие данный способ производства, — начальный и конечный этапы процесса общественного производства, причем, разумеется, конечный этап снова становится начальным, ибо процесс воспроизводства материальной жизни продолжается»¹. Е.А.Суханов также представляет себе собственность в виде отношений, возникающих между людьми в процессе производства — как его предпосылка и результат².

В отечественной науке не сложилось единого воззрения на соотношение собственности и производственных отношений. Основными по этой проблеме являются два взгляда. Согласно одному из них, собственность представляет собой всю систему производственных отношений, экономический базис общества³. В данном случае собственность фактически сводится ко всей совокупности экономических отношений. отождествление собственности со всей системой производственных отношений — взгляд, распространенный и среди ученых-юристов. Например, Ю.К.Толстой в свое время указывал: «Отношения собственности нельзя отождествлять с производственными отношениями лишь в том случае, если под отношениями собственности понимать собственность на средства и продукты производства. Если же рассматривать отношения собственности в широком смысле, то обмен деятельностью и способностей, который совершается в самом производстве, и формы распределения продуктов также можно считать отношениями собственности»⁴. В науке уголовного права данную точку зрения отстаивали С.И.Сирота и А.А.Пинаев, полагая, что классики марксизма под собственностью понимали всю совокупность общественно-производственных отношений в обществе, включая сюда отношения, возникающие в процессе производства, разделения труда, обмена и т.д.⁵ В современной уголовно-правовой науке сторонником такого понимания собственности является Э.С.Тенчов. Он пишет: «Собственность как социально-экономическая категория охватывает собой отношения присвоения материальных благ в про-

¹ Братусь С.Н. Предмет и система советского гражданского права. М.: Гос. изд-во юрид. лит-ры, 1963. С.21-22.

² См.: Суханов Е.А. Лекции о праве собственности. М.: Юрид. лит., 1991. С.9.

³ См.: Колганов М.В. Собственность в социалистическом обществе. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1953. С.8; Политическая экономия. Социализм - первая фаза коммунистического способа производства. Т.3. М.: Мысль, 1970. С.40.

⁴ Толстой Ю.К. Указ. соч. С.6. Сегодня Ю.К.Толстой говорит о проявлении собственности во всей системе производственных отношений и полагает оправданным вычленение собственности из этой системы. В этой связи он пишет: «Содержание собственности как общественного отношения раскрывается при посредстве тех связей и отношений, в которые собственник необходимо вступает с другими людьми в процессе производства, распределения, обмена и потребления материальных благ» (см.: Гражданское право: Учебник. Ч.1. Изд. 2-е, перераб. и доп. / Под ред. А.П.Сергеева, Ю.К.Толстого. М.: «ПРОСПЕКТ», 1997. С.323).

⁵ Сирота С.И. Указ. соч. С.3, 10; Пинаев А.А. Указ. соч. С.9-11.

Экономическое и юридическое понимание собственности и имущественных отношений

изводительной или потребительской сфере (в зависимости от того, идет ли речь о средствах производства или предметах потребления) и вместе с тем в распределительной сфере (соответственно реализации людьми своих способностей к труду на основе выбора рода деятельности или профессии)»¹.

Между тем в науке высказана и такая точка зрения: собственность — ведущее производственное отношение, его ядро, стержень, основная часть. В данном контексте отношения собственности признаются главной стороной производственных отношений; отношения распределения, обмена и потребления считаются зависимыми от собственности, определяемыми ею². В этой связи рядом экономистов констатируется, что нельзя отождествлять собственность со всей системой производственных отношений, ибо одно дело проявляться в других отношениях и другое — выступать самим этим отношением³. По данному вопросу с экономистами солидарны и многие юристы. Так, С.Н.Братусь отмечал: «Несомненно, что собственность в экономическом смысле в определенной исторически обусловленной ее форме является составной и основной частью производственных отношений. Но нельзя отождествлять собственность со всей совокупностью производственных отношений. Поэтому задача заключается в том, чтобы раскрыть содержание собственности в экономическом смысле как явления, не тождественного всей совокупности производственных отношений...»⁴. По мнению Ю.И.Ляпунова, основоположники марксизма никогда не ставили знак равенства между понятиями «собственность» и «совокупность общественно-производственных отношений», ибо при подобном отождествлении собственность потеряла бы свою качественную определенность и, по существу, растворилась бы в совокупности производственных отношений. В марксистском понимании собственность есть определяющее, коренное, главное экономическое отношение, внутреннее звено производственных отношений, важнейшая составная часть, которая определяет и господствует над всеми сторонами системы производственных отношений⁵.

Углубленные теоретические исследования собственности как отдельно, относительно самостоятельного производственного отношения, привели ряд ученых к выводу, что данное экономическое явление необходимо изучать через совокупность всех производственных отношений. Иными словами, отношения собственности характеризуются системообразующими свойствами, диалектическим проникновением во все другие компоненты системы производственных отношений⁶. В этой связи замечается, что собствен-

¹ Уголовное право России: Часть Особенная: Учебник / Отв. ред. Л.Л.Кругликов. М.: Издательство БЕК, 1999. С.191.

² См.: Введение в философию: Учебник. В 2ч. Ч.2. М.: Политиздат, 1990. С.428; Крапивенский С.Э. Социальная философия: Учебник. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1998. С.98-100.

³ См.: Социалистическая собственность: Экономические и социальные формы реализации / Под ред. Н.Д. Колесова, Н.В. Пахомовой. Л., 1990. С.18.

⁴ Братусь С.Н. Указ. соч. С.17.

⁵ См.: Владимиров В.А., Ляпунов Ю.И. Указ. соч. С.10-11.

⁶ См.: Основы функционирования экономической системы: Проблемные лекции по политической экономии. М.: Высш. шк., 1991. С.39.

ность — это основное (системообразующее) социально-производственное отношение, что она связывает в целое производственные отношения, превращая их из «совокупности» в «систему»¹.

В рамках «производственной» концепции собственности до сих пор остается спорным вопрос и о содержании этого экономического явления. Наиболее распространенным является взгляд на собственность как на социальную форму *присвоения* средств производства и создаваемых с их помощью материальных благ (присвоение условий и результатов общественного производства)². «Под собственностью, — замечал М.В. Колганов, — большинство марксистов понимает присвоение людьми продуктов природы внутри общества и посредством определенной его организации»³. Такой подход к пониманию собственности со всей очевидностью восходит к известной формуле марксизма о производстве как «присвоении индивидуумом предметов природы в пределах определенной общественной формы и посредством нее». Действительно, собственность можно характеризовать как присвоение, иначе говоря, обретение чего-либо в свою принадлежность, установление над вещью своего господства, выражение отношения к материальным благам «как к своим собственным».

Однако даже поверхностного взгляда довольно, чтобы признать категорию «присвоение» недостаточной для полной характеристики содержания собственности. В самом деле, если кто-то присваивает вещь, то тем самым отчуждает ее от других людей, которые лишаются к ней доступа. Другими словами, «если одно лицо владеет вещью, то другое лицо лишено возможности ее иметь»⁴. Именно диалектическое единство присвоения и отчуждения составляет содержание собственности, которое, исходя из вышеизложенного, недопустимо выразить через одну сторону отношений — присвоение, ибо тогда выпадает другая объективно необходимая сторона — отчуждение⁵. Поэтому в науке категория присвоения стала сочетаться с прямо противоположным понятием отчуждения, и получила известное распространение мысль, что определение собственности требует использования двух парных категорий — «*присвоение*» и «*отчуждение*». В этой связи Е.А. Суханов предлагает следующее определение собственности: «Собственность представляет собой отношения, заключающиеся в присвоении, или в

¹ См.: Мамедов О. Указ. соч. С.45; Илюшечкин В.П. Эксплуатация и собственность в сословно-классовых обществах (Опыт системно-структурного исследования). М.: Наука, Главная редакция восточной лит.-ры, 1990. С.28.

² См.: Венедиктов А.В. Государственная социалистическая собственность. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1948. С.23-29; Корнеев С.М. Право государственной социалистической собственности в СССР. М., 1964. С.3; Советское гражданское право: Учебник. В 2-х т. Т.1 / Под ред. О.А. Красавчикова. 3-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк., 1985. С.293-294; Ульбин К.А. Социалистическая собственность без иллюзий и догм. М.: Высш. шк., 1990. С.7; Экономика: Учебник / Под ред. А.С. Булатова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1997. С.39.

³ Колганов М.В. Собственность: Доклассические формации. М., 1962. С.3.

⁴ Экономика: Учебник / Под ред. А.С. Булатова. С.39.

⁵ См.: Основы функционирования экономической системы. С.38.

Экономическое и юридическое понимание собственности и имущественных отношений

принадлежности материальных благ одним лицам (их коллективам) и, соответственно, в отчужденности этих же благ от всех других лиц»¹.

Близким к рассматриваемому следует признать и воззрение Н.Д.Егорова. По его мнению, правильное представление о собственности возникает лишь тогда, когда она рассматривается с двух сторон: с материальной и социальной. С материальной стороны собственность есть такое общественное отношение, которое возникает в результате присвоения материальных благ. Однако, чтобы присвоить какое-либо материальное благо, необходимо устранить от него всех окружающих лиц. Без этого невозможно присвоение материальных благ. Поэтому присвоение с неизбежностью предполагает *устранение* от них всех окружающих субъекта присвоения лиц. При этом, как замечает Н.Д.Егоров, устранение всех окружающих лиц от определенных материальных благ составляет социальную сторону собственности, ее сущностный признак. Если такого устранения нет, то нет и самих отношений собственности. Отсюда, собственность рассматривается этим ученым как экономическое отношение, которое возникает в результате устранения индивидом (коллективом) всех окружающих его лиц от присваиваемых им материальных благ².

В научной литературе содержание собственности нередко характеризуется путем анализа распределительных отношений. Так, с точки зрения некоторых ученых, собственность представляет собой, в сущности, то или иное исторически обусловленное распределение средств, условий и продуктов производства в процессе производства и воспроизводства³. В юридической науке такое понимание собственности одним из первых обосновывал в своих работах С.Н.Братусь. Он писал: «Данный Марксом анализ соотношения производства и распределения является ключом для уяснения природы собственности как формы, в которой находит свое выражение распределение средств производства и продуктов труда, если брать это распределение не как процесс, не как динамику, а как момент статический, как результат процесса распределения, как состояние присвоенности указанных материальных благ, их принадлежности индивиду или коллективу»⁴. Это означало, что та или иная форма собственности выражает собой состояние фактической распределенности, присвоенности, принадлежности средств производства и его результатов между определенными лицами. И в более поздних своих трудах С.Н.Братусь продолжает утверждать, что собственность — это состояние присвоенности средств производства и его результатов как предпосылка и следствие процесса производства⁵. О том, что собст-

¹ Суханов Е.А. Указ. соч. С.7.

² См.: Егоров Н.Д. Гражданско-правовое регулирование экономических отношений: Учебное пособие Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1986. С.52-53; Право собственности в СССР / Под ред. Ю.К.Толстого, В.Ф.Яковлева. М.: Юрид. лит., 1989. С.36-37.

³ См.: Илющенко В.П. Указ. соч. С.27.

⁴ Братусь С.Н. Указ. соч. С.23.

⁵ См.: Братусь С.Н. Право государственной собственности и имущественная самостоятельность государственного предприятия // Право собственности в условиях совершенствования социализма. М., 1989. С.39.

венность есть состояние присвоенности, то есть принадлежности материальных благ (средств и продуктов производства) определенным лицам или их коллективам, пишет и Е.А.Суханов¹. Отношением присвоенности материальных благ представляется собственность в экономическом смысле и В.П.Камышанскому².

Между тем в научной литературе «присвоение» («присвоенность») не является исключительной характеристикой содержания собственности. По мнению одних ученых, содержание собственности не исчерпывается присвоением. Е.Ф.Борисов считает, что система отношений собственности включает в себя, наряду с отношениями *присвоения* и *отчуждения*, отношения *хозяйственного использования имущества*, а также отношения *экономической реализации* собственности³. По мнению других исследователей, категория «присвоение» слишком широкая и весьма отвлеченная, чтобы выразить суть собственности как экономического явления. Так, Ю.К.Толстой содержит отношения собственности раскрывает через категории «*владение*», «*пользование*» и «*распоряжение*», по его мнению, обладающие несомненными достоинствами по сравнению с предельно абстрактной категорией присвоения⁴. К сторонникам такого воззрения следует отнести Ю.И.Ляпунова, который также утверждал, что «содержанием собственности как экономической категории являются фактические отношения владения, пользования и распоряжения материальными благами, присвоенными и принадлежащими собственнику»⁵.

Кроме того, подмечено, что категория «присвоение» сама нуждается в определении. В литературе обращается внимание и на то обстоятельство, что наряду с собственностью формой присвоения может быть названо также воровство, однако ничего экономического здесь нет⁶.

Производственный подход к проблеме собственности определяет множество других проблем, неодинаково решаемых его представителями. Но и сказанного, думается, вполне достаточно, чтобы прийти к выводу о *кризисном положении концепции собственности как производственного отношения*. Эта концепция переживает переломный период. Она уже не может разрешить множество противоречий, накопившихся внутри нее. Сегодня с помощью этой концепции трудно дать адекватное представление о собственности и ее многообразии форм в современном обществе, основанном на рыночной экономике. В чем причина кризиса указанной концепции? Возможно, она состоит в том, что становление и развитие учения о собственности как производственном отношении происходило в тот период истории Рос-

¹ См.: Суханов Е.А. Указ. соч. С.9-11.

² См.: Камышанский В.П. Право собственности: пределы и ограничения. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2000. С.12.

³ Борисов Е.Ф. Экономическая теория: Учебник. М.: Юристъ, 1997. С.63-65.

⁴ См.: Толстой Ю.К. Указ. соч. С.6; Гражданское право: Учебник. Ч.1 / Под ред. А.П.Сергеева, Ю.К.Толстого. С.324.

⁵ Владимиров В.А., Ляпунов Ю.И. Указ. соч. С.13.

⁶ См.: Право собственности в СССР. С.12.

Экономическое и юридическое понимание собственности и имущественных отношений

сии, который характеризовался существенными деформациями в сфере имущественных отношений, в том числе отношений собственности. Между тем необходимо сказать, что указанная концепция внесла большой вклад в развитие общего учения о собственности.

Одно из основных ее значений — выявление и научное обоснование тесной связи этого института с производством и другими видами экономических отношений. Другое — доскональная разработка категориального аппарата теории собственности.

Критическое отношение к проблеме собственности как производственному отношению обязывает обратиться к альтернативным представлениям об этом экономическом феномене.

Характерной особенностью человека как биологического существа и его социальной жизнедеятельности является непреодолимая зависимость от окружающего мира, природы. Одни блага, удовлетворяющие потребности человека (например, воздух, вода, солнечный свет, энергия ветра, тепла земли, естественного движения водных потоков), имеются в почти неограниченных масштабах, так что пользование ими оказывается для человека доступным всюду и всегда. Другие блага имеются в природе в ограниченном размере, количестве (например, земля, ее недра, леса, животный мир, трудовые ресурсы, капитал, предпринимательские способности и пр.). Их не существует в достатке. Они в каждый данный момент времени ограничены по отношению к потребностям. Другая особенность указанных благ состоит в том, что для удовлетворения потребностей в них всякий раз нужны усилия, та или иная затрата энергии, работа, труд в целях их получения. Такие блага именуется в науке экономическими, хозяйственными. «Утрата этих благ, — пишут экономисты, — составляет потерю, ущерб, возмещение которых требует новых усилий, затрат, пожертвований. От них зависит благосостояние людей, поэтому хозяйственник обращается с ними бережно, экономно, расчетливо»¹. Ограниченность таких благ может быть абсолютной (ресурсы вообще невозможно увеличить, например, это относится к земле и полезным ископаемым) и относительной (ресурсы можно умножить, но в меньшей степени по сравнению с ростом потребностей — в частности, средства труда, капитал)².

С учетом сказанного, все большее признание в современной отечественной науке получает понимание предмета экономической теории как рационального использования *ограниченных ресурсов* для производства различных товаров и услуг, их распределения и обмена между членами общества в целях удовлетворения безграничных потребностей людей. По этому поводу А.И.Добрынин подчеркивает, что общая экономическая теория сегодня — это общественная наука, которая изучает поведение людей и социальных

¹ Экономическая теория (политэкономика): Учебник / Под общ. ред. В.И.Видяпина, Г.П.Журавлевой. М.: ИНФРА-М, 1999. С.29.

² См.: Борисов Е.Ф. Указ. соч. С.20-21.

групп в производстве, распределении, обмене и потреблении материальных благ в целях удовлетворения потребностей при ограниченных ресурсах, что порождает конкуренцию при их использовании¹. Кстати говоря, многие современные экономисты мира считают предмет своей науки проблемы экономического поведения всякого субъекта в любой системе хозяйства, обусловленное выбором наилучшего варианта использования ограниченных ресурсов.

Таким образом, современная экономическая теория стремится решить одно из основных экономических противоречий — противоречие между безграничными, полностью неутолимыми потребностями общества и ограниченными ресурсами, необходимыми человеку в целях его жизнедеятельности. Поэтому есть все основания вслед за Р.М.Нуревым и другими экономистами современности, утверждать, что экономическая наука сегодня должна изучать прежде всего экономические потребности и способы их удовлетворения². Очевидно, что проблему ограниченных ресурсов нельзя толковать исключительно в смысле недостатка средств производства. Любой производитель в процессе своей хозяйственной деятельности сталкивается с рядом различных ограничений — материальных (предмет и средства труда), физических (трудовые ресурсы, высококвалифицированная рабочая сила), ограничений, обусловленных спросом (денежные возможности потребителей), информационных ограничений и пр. Основная экономическая проблема, решаемая в этой связи, связана с необходимостью преодоления этих ограничений, ибо из ничего нельзя сделать что-то³.

Указанный подход, выражающийся, по существу, в смене экономической парадигмы, обусловлен рядом обстоятельств. Остановимся на трех основных из них. Во-первых, перед человечеством в XX-XXI вв. все более настойчиво предстает проблема ограниченности ресурсов по сравнению со сложившимся и возрастающим уровнем потребностей. Как пишет Е.Ф.Борисов, «в силу таких объективных обстоятельств перед хозяйственной деятельностью людей возникает задача первостепенной важности: как можно эффективнее использовать производственный потенциал общества, т.е. добиваться наибольшего удовлетворения потребностей при наименьшем и рациональном расходовании ресурсов»⁴.

Во-вторых, в современном мире все более остро осознается экологическая проблема. Она заставляет всерьез задуматься о пределах исчерпаемости природных ресурсов. Глубокие корни сегодняшней экологической проблемы лежат в том типе экономического взаимодействия общества и природы, который основан на безмерном и бездумном природопользовании.

¹ Цит. по: Экономическая теория (политэкономика). С.25.

² См.: Нурев Р.М. Курс микроэкономики: Учебник. М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА. М., 1998. С.44.

³ См.: Основы теории переходной экономики: Вводный курс: Учебное пособие. Киров, 1996. С.32-33.

⁴ Борисов Е.Ф. Указ. соч. С.21.

Экономическое и юридическое понимание собственности и имущественных отношений

В этой связи справедливо подчеркивается, что в целях восстановления единства градиентов действий окружающей среды и человечества необходимо перейти к созданию экономики не природопользования, а рациональных действий человека в круговороте природных процессов обмена¹.

Третий фактор, обуславливающий смену прежней экономической парадигмы, — это осознанная необходимость нового, гуманизированного направления социально-экономического развития, в центре которого должен стоять человек с его способностями и нуждами. В этой связи задача экономической системы состоит в том, чтобы в условиях ограниченных ресурсов обеспечить долговременный максимум физического и духовного здоровья людей. Преодоление бессубъектного, внеличностного рассмотрения экономических явлений и процессов предполагает новое видение экономических проблем, в том числе и тех, которые уже прежде являлись предметом научного познания. Как правильно указывается в экономической теории, при гуманистическом типе исследования решаются те же производственные задачи, однако основное внимание здесь сосредоточивается на субъекте экономических отношений — человеке. Такой акцент представляется особенно важным в период формирования в современной России социально ориентированной рыночной экономики².

Сообразно с изменением своего предмета экономическая наука трансформирует свой подход к проблеме собственности, связывая ее с недостатком хозяйственных благ (иначе ресурсов, которые требуются человеку для получения благ). Применение методологического подхода, выражающего закономерную взаимосвязь между собственностью и ограниченностью ресурсов, ничем не отличается от использования любой другой методологии и оправдано в той мере, в какой этот подход способен привнести ясность в предмет исследования³.

Вышеизложенное требует более детального обоснования. Начнем с общего понятия ограниченных ресурсов. Под последними в экономической теории понимаются материальные или иные блага, которые имеются в недостаточном количестве или редки, поэтому не могут удовлетворить потребности всех членов общества одновременно и в полном объеме. Ограниченность ресурсов — характерная черта всех известных обществ, которая обуславливает существование собственности как особого экономического взаимодействия между людьми, живущими в мире ограниченных ресурсов.

Взаимосвязь проблемы собственности с вопросом об ограниченности ресурсов в науке была выявлена сравнительно давно. Одним из первых ученых, обративших внимание на прочную «нить», связывающую два назван-

¹ См.: Экономика и право: Учебное пособие. М.: ЮНИТИ-ДАНА. Закон и право. 1999. С.42.

² См.: Экономическая теория (политэкономика). С.25-26.

³ Мысль, выводящая отношения собственности из ограниченности хозяйственных благ, западными экономистами развивается в рамках экономической теории прав собственности (property rights). См.: Нуреев Р.М. Курс микроэкономики. С.421-423; Экономическая теория (политэкономика). С.136-137.

ных экономических феномена, был русский правовед и историк Николая Николаевич Алексеев (1879-1964). В своей работе «Собственность и социализм. Опыт обоснования социально-экономической программы евразийства» (1928 г.) он писал, что явление собственности многосложно и изменчиво, что существуют различные виды собственности и что современные институты собственности не суть какие-то абсолютные категории, а только более или менее временные установления. Но есть один общий признак, неизменно присущий собственности, — некоторое лишение, некоторая бедность благ, необходимых для жизнедеятельности общества и человека. Именно, их редкость, по Н.Н.Алексееву, и составляет предположение идеи собственности и основу интереса к ней¹. В этой связи Н.Н.Алексеев утверждал, что «собственность есть удел мира, который построен на лишении и в котором нет абсолютной полноты благ. Такой мир не может жить без собственности, если только он не поставит себя в отношении полного безразличия к благам, не станет на путь отрешенной аскезы»².

Ограниченность ресурсов исключает возможность их неограниченного потребления и отрицает произвольное их использование одновременно всеми членами общества. Как свидетельствует социальный опыт, неограниченное потребление экономических ресурсов приводит к их быстрому истощению, на фоне которого происходит сокращение возможностей потребления вплоть до полного его прекращения, негативным последствием чего является универсум голода. Произвольное использование ограниченных ресурсов вызывает рост социальных конфликтов. Как уже было замечено, суть ограниченных благ в том, что они не могут одновременно удовлетворить потребности всех. Поэтому по поводу обладания такими благами всегда существует социальное напряжение. Как утверждает У.Маттеи, всякий индивид стремится к обладанию как можно более многочисленными ресурсами, поскольку связанные с этим блага принадлежат целиком ему, а издержки от неограниченного обладания ресурсами покрываются совместно с другими членами общества³. Указанные обстоятельства говорят о закономерном существовании в социуме особой системы отношений, возникающих в связи с рациональным и эффективным использованием экономических благ. С одной стороны, собственность как объективная реальность, которая не зависит от воли и сознания человека, представляет собой необходимые и устойчивые отношения, которые складываются между людьми в процессе их хозяйственной деятельности по использованию ограниченных ресурсов.

¹ См.: Русская философия собственности (XVII-XX вв.). Слб: СП «Ганза», 1993. С.346, 352-353.

² Там же. С.363. Отсюда, кстати говоря, становится понятным один из принципов коммунизма - отрицание собственности. Если принять во внимание грезы этого утопического учения о построении общества богатства и изобилия, где «все источники общественного богатства польются полным потоком и осуществится великий принцип: «От каждого - по способностям, каждому - по потребностям» (см.: Программа КПСС. М.: Политиздат, 1977. С.62), то, действительно, такое общество не нуждается в соответствующем институте.

³ См.: Маттеи У., Суханов Е.А. Основные положения права собственности. М.: Юристъ, 1999. С.91.

Экономическое и юридическое понимание собственности и имущественных отношений

С другой стороны, собственность есть конкретное отношение в сфере экономики, участники которого со знанием дела, своей волей и в своем интересе взаимодействуют между собой по поводу экономических благ и тем самым воспроизводят экономические отношения собственности надличностного, надындивидуального характера.

Представление о собственности как о конкретном экономическом отношении требует детального анализа составляющих его элементов. Объектом указанного отношения являются те предметы окружающего человека мира, которые необходимы для удовлетворения потребностей людей, но имеются в ограниченном «объеме». Это означает, что объект собственности выступает в виде экономической ценности. Экономическая ценность выражается в относительной ограниченности, редкости блага по сравнению со спросом на него. Экономическая ценность может быть субъективной и объективной. Экономическая ценность в субъективном смысле есть значение, какое имеет известное благо или совокупность известного рода благ для конкретного лица. Объективная экономическая ценность выражается в способности блага иметь значимость для многих людей и представляет собой не что иное как совокупный результат субъективных оценок. Эта такая ценность, которая получила общественное признание. Приобрести общественное признание - значит иметь реальную возможность участвовать в экономическом обороте, а следовательно, получить товарно-денежную форму.

По мнению Ю.И.Ляпунова, только вещь признается материальным субстратом собственности в экономическом смысле. Он пишет: «Собственность, как социально-экономическая категория, всегда связана с вещами и материализуется в них. Вне своей материальной основы она просто немыслима¹». В этой связи важно подчеркнуть, что современная экономическая теория не связывает объект собственности исключительно с предметами материального мира, имеющими «статус» вещей. Она исходит из понимания собственности как отношения по поводу использования «вещественных» и «невещественных», «материальных» и «нематериальных» благ. В экономическом смысле объект собственности имеет весьма широкое определение, которое включает в себя предметы природы, вещество, энергию, информацию, материальные и нематериальные результаты работ и услуг, отдельные права, интеллектуальные ценности, высококвалифицированную рабочую силу и все то, что в условиях экономического оборота может обладать признаком товара².

¹ Уголовное право: Особенная часть: Учебник / Под ред. Н.И.Ветрова, Ю.И.Ляпунова. М.: Новый Юрист, 1998. С.203.

² См.: Маттеи У., Суханов Е.А. Указ. соч. С.302-303; Шуныро В.М. Преобразование государственной собственности в период экономических реформ. М.: Издательский дом «ИНФРА-М», 1997. С.10; Кабашева И.А., Малыгин В.А., Тимирязов В.Г. Преобразование государственной собственности в условиях институциональных изменений. Казань: Издательство «Таглитат» Института экономики, управления и права, 2001. С.20.

Экономическое содержание собственности является сложным. Объяснение тому — тесное взаимодействие собственности со многими другими социально-экономическими явлениями. Будучи взаимосвязанной, с одной стороны, с производством, распределением, обменом и потреблением экономических благ, собственность, с другой стороны, тесно переплетается с управленческими и иными отношениями в сфере экономики. Отсюда, конкретное содержание собственности может быть самым многообразным, как разнообразны действия по поводу ограниченных благ: их присвоение, удержание, распределение, распоряжение, обмен, передача, отчуждение, управление, потребление. Если попытаться наполнить понятие собственности еще более полным содержанием, соответствующий перечень придется продолжить. С помощью какой же тогда научной категории можно наиболее глубоко и, одновременно, более точно выразить экономическое содержание собственности? В современной экономической науке подчеркивается связь собственности с экономической властью¹. В юридической литературе эта мысль глубоко обоснована в работах А.В.Венедиктова, который последовательно утверждал, что собственность есть использование средств и продуктов производства своей властью и в своем интересе².

Субъекты собственности — вот те лица или коллективы людей (организации, муниципальные образования, государство), которые имеют реальную возможность хозяйственного господства над ограниченными ресурсами. Как пишет С.С.Алексеев, здесь «вполне естественная власть человека над самим собой как бы распространяется на материальные предметы»³. Между тем экономическое господство субъектов собственности над ограниченными ресурсами затрагивает и отношения между людьми. Это положение имеет простое объяснение: обладая реальной возможностью распоряжаться жизнеобеспечивающими благами, ограниченными в рамках социума, и запрещая или, напротив, разрешая доступ к ним всех других членов общества, собственники тем самым способны оказывать властное влияние на поведение несобственников. Одна сторона указанных отношений оказывается в ситуации выбора между обладанием экономическими ценностями и риском их потери, если ее поведение не соответствует воле другой стороны. Поэтому собственность, принимая в самом первом приближении видимость власти человека над экономическими ценностями, в действительности тесно связана с властеотношениями и, как представляется, есть специфическое, своеобразное проявление власти в экономическом мире.

Посредством такого своеобразного «господства» в сфере экономики, во-первых, достигается жесткое обособление ограниченных ресурсов между участниками хозяйственных процессов: то, что принадлежит одним, не может принадлежать другим. В этом смысле собственность есть система ис-

¹ См., например: Экономическая теория (политэкономика). С.135; Экономика и право. С.137.

² См.: Венедиктов А.В. Указ. соч. С.32-34.

³ Алексеев С.С. Собственность - право - социализм. С.75.

Экономическое и юридическое понимание собственности и имущественных отношений

ключений из свободного доступа к экономическим благам. Это обстоятельство имеет важное значение, особенно для надлежащего функционирования производственных процессов. Очевидно, что лишается смысла производство, если созданный одним лицом продукт может быть самовольно и беспрепятственно присвоен другим, посторонним лицом¹. Во-вторых, хозяйственное «господство» обеспечивает эффективное использование и развитие собственности путем: (1) соединения средств производства с непосредственными производителями (несобственниками) на определенных условиях, регулируемых собственниками; (2) передачи объекта собственности владельцам на основе «разделения» властных полномочий по поводу эксплуатации экономических ресурсов. В современном экономическом мире указанное разделение достигло таких масштабов, что главной фигурой является не собственник, а владелец, распоряжающийся чужой собственностью, вовлеченной им в производство через акционирование, кредит, лизинг, доверительное управление, аренду²; (3) товарообмена, сопровождающегося переходом экономических ресурсов от одних собственников к другим; (4) соединения капиталов (объектов собственности) через различные организационно-правовые формы хозяйствования с передачей компетентным лицам отдельных функций управления деятельностью и имуществом созданных хозяйственных обществ.

Экономическая власть, как и всякая власть, нуждается в пределах и ограничениях, ибо несет в себе возможность произвола и склонность к злоупотреблениям. При этом пределы осуществления экономической власти означают такое использование собственником принадлежащих ему ресурсов, которое исключает отрицательные последствия в различных областях и сферах жизнедеятельности общества: охраны окружающей среды и рационального природопользования, общественной безопасности, охраны здоровья населения, предпринимательской деятельности, охраны труда. Ограничение экономической власти собственников означает такую эксплуатацию ресурсов, которая в известных пределах допускает возможность использования их наряду с собственниками одновременно другими лицами (несобственниками), предполагает в необходимых случаях обеспечение реализации интересов несобственников по поводу чужих экономических благ.

Научные представления об экономических отношениях собственности не могут быть полными и достаточно точными без обращения к такой категории, как «*имущественные отношения*». Последняя, наряду с понятием собственности, включена в систему категорий об экономической стороне жизнедеятельности людей и является одной из ключевых в понятийном аппарате цивилистики.

Категория «имущественные отношения» относится к правовым понятиям. Как известно, еще Г.В.Плеханов писал, что имущественными отно-

¹ Как метко подметил У. Маттеи, «ни один фермер не станет засеивать поле, зная, что урожай с него снимет сосед» (см.: Маттеи У., Суханов Е.А. Указ. соч. С.91).

² См.: Кабанева И.А., Мальгин В.А., Тимирязев В.Г. Указ. соч. С.22-24.

шениями на юридическом языке называются производственные отношения, или хозяйственный порядок, или экономическая структура¹. Эта категория играет важную методологическую роль в юридической науке. Посредством категории «имущественные отношения» юристы пытаются установить органическую связь права с экономикой, экономического содержания с правовой формой и выразить возможность и «меру» (пределы) правового регулирования экономических отношений собственности. Как известно, не всякое экономическое отношение регулируется правом. В этой связи указанная категория обозначает те отношения, складывающиеся между конкретными лицами в сфере экономики, которые требуют и поддаются правовому регулированию. Как утверждает Е.А.Суханов, право не может непосредственно воздействовать на базисные отношения, в том числе на экономические отношения собственности (которые складываются независимо от сознания и воли людей); оно в состоянии регулировать лишь их волевою сторону — «имущественные отношения собственности»². Авторы учебного пособия «Экономика и право» также указывают: право в сфере экономики регулирует лежащие на поверхности, видимые непосредственно экономические отношения — имущественные отношения³.

Приступая к анализу основных признаков имущественных отношений, надо заметить, что сама проблематика имущественных отношений относится к числу многоаспектных. Итогом длительных дискуссий в отечественной науке явился дуализм в понимании рассматриваемого феномена⁴. Одни исследователи при определении понятия имущественных отношений делают акцент на их экономическом содержании, другие — на их волевых началах. Очевидно, что конкретное общественное отношение имеет объективно-субъективный характер и представляет собой единство материального содержания и волевого опосредствования. Не являются исключением в этой связи и имущественные отношения. Как справедливо утверждается, каждое имущественное отношение образует единство материального содержания, не зависящего от воли и сознания людей, и волевой формы⁵.

Подчеркивая экономическое содержание имущественных отношений, исследователь отражает связь общественных отношений, возникающих в процессе производства, распределения, обмена и потребления, с теми или иными объектами экономического мира. Отсюда, имущественные отноше-

¹ См.: Плеханов Г.В. Избранные философские произведения: В 5-ти т. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1956. Т.2. С.515.

² См.: Суханов Е.А. Указ. соч. С.11-14.

³ См.: Экономика и право. С.134.

⁴ О дискуссии по этому вопросу см.: Алексеев С.С. Предмет советского социалистического гражданского права // Ученые труды Свердловский юридический институт. Свердловск, 1959. Т.1. С.25-27; Братусь С.Н. Предмет и система советского гражданского права. С.9-47; Грибанов В.П. К вопросу о понятии права собственности // Вестник МГУ. Серия: Экономика, философия и право. 1959. №3. С.184 и др.; Егоров Н.Д. Указ. соч. С.3-6; Суханов Е.А. Указ. соч. С.11-12.

⁵ См.: Советское гражданское право: Учебник. 2-е изд., испр. и доп. / Отв. ред. В.Т.Смирнов, Ю.К.Толстой, А.К.Юрченко. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1982. С.4.

ния определяются как отношения, которые возникают в процессе производства, распределения, обмена и потребления средств и результатов производства, как отношения по владению, пользованию и распоряжению имущественными благами¹.

Указание на волевою сторону таких отношений определяет их субъектный состав и обосновывает возможность их правового регулирования. Поэтому правы и те исследователи, которые предлагают рассматривать имущественные отношения в виде волевой стороны экономических отношений собственности. В этом аспекте имущественные отношения представляются как волевые отношения, которые складываются между конкретными лицами по поводу имущественных благ².

Имущественные отношения многочисленны и разнообразны. Это и отношения, которые связаны с нахождением имущественных благ у определенного лица, и отношения, которые возникают в связи с переходом имущественных ценностей от одних лиц к другим. Это и отношения по владению, пользованию и распоряжению имуществом самим собственником, и отношения, связанные с управлением чужим имуществом несобственником. Это и отношения, которые складываются по поводу вещей, и отношения, которые возникают по поводу результатов работ и оказания услуг, в том числе не всегда имеющих вещественный характер. Наконец, имущественные отношения могут иметь товарную (рыночную) природу или облекаться в нетоварную (нерыночную) форму. На последней разновидности имущественных отношений следует остановиться особо.

Современная экономика характеризуется сочетанием имущественных отношений как товарного, так и нетоварного вида. При этом в рыночной экономической системе определяющая роль принадлежит первым. Существенной чертой имущественных отношений, имеющих товарную природу, является их *стоимостной* характер. Эти имущественные отношения связаны с действием экономического закона стоимости и, по общему правилу, являются эквивалентно-возмездными. Объекты указанной группы имущественных отношений суть экономические блага, имеющие меновую стоимость и обладающие свойством товара; они производятся для продажи на рынке и поступают к потребителям посредством обмена. Предметы, исключенные из товарного оборота и составляющие исключительную принадлежность государства или муниципального образования, обычно не признаются объектами рассматриваемых имущественных отношений. С другой стороны, стоимостной характер имущественных отношений обуславливает осо-

¹ См.: Советское гражданское право: Учебник / Отв. ред. В.Т.Смирнов, Ю.К.Толстой, А.К.Юрченко. С.4; Советское гражданское право: Учебник. В 2-х т. Т.1 / Под ред. О.А.Красавчикова. С.10; Гражданское право России: Ч.1.: Учебник / Под ред. З.И.Цыбуленко. М.: Юристъ, 1998. С.10.

² См.: Братусь С.Н. Указ. соч. С.26-28, 34-35; Гражданское право: Ч.1: Учебник / Под ред. А.Г.Калина, А.И.Масляева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2001. С.17; Суханов Е.А. Указ. соч. С.10-12.

бенности положения, занимаемого их участниками: имущественные отношения, имеющие товарную природу, складываются между самостоятельными, независимыми друг от друга, экономически обособленными субъектами.

Как уже было замечено, имущественные отношения строятся и на нерыночной основе. Нетоварные (внерыночные) имущественные отношения довольно многообразны, проявляются в виде самых различных форм экономического взаимодействия. В значительной своей части имущественные отношения, имеющие нетоварную природу, обусловлены государственным регулированием экономики (бюджетные, налоговые отношения, отношения в сфере денежного обращения и иные финансовые отношения, возникающие в процессе образования, распределения и использования денежных ресурсов государства и органов местного самоуправления; имущественные отношения в области таможенного дела; отношения, возникающие в области охраны окружающей среды как основы жизни и деятельности народов, проживающих на территории Российской Федерации, и рационального использования природных ресурсов; отношения между государственными органами одинакового и разного уровня по управлению государственным имуществом; отношения в области валютного регулирования и валютного контроля; иные имущественные отношения в области государственного регулирования экономики).

Указанные отношения носят административный, властный характер. Объекты рассматриваемой разновидности имущественных отношений лишены товарной формы. Их движение осуществляется по прямым связям, которые имеют безэквивалентный, безвозмездный характер; они непосредственно распределяются между участниками экономических процессов и, минуя обмен, поступают в личное и производительное потребление. Указанные отношения связаны с централизованным воздействием и основаны на иерархической подчиненности их участников. Обычно указанные отношения возникают между органами власти и управления, или орган власти и управления является одним из их участников, осуществляющим административно-хозяйственные и иные управленческие функции по поводу имущественных благ, не имеющих экономической формы товара.

Анализ экономических отношений собственности и имущественных отношений позволяет сделать вывод, что собственность как экономическая категория охватывает собой довольно широкий круг общественных отношений, закономерно складывающихся в сфере экономики в связи с ограниченностью экономических ресурсов и воспроизводящихся в деятельности конкретных лиц по поводу их использования. В указанный круг экономических отношений собственности включены и имущественные отношения. Под последними понимаются те конкретные экономические отношения собственности, которые возникают между определенными лицами по поводу имущества, результатов работ и оказания услуг и являются предметом правового регулирования или могут входить в сферу правового регулирования.

2. Юридическое понимание собственности и имущественных отношений

Собственность и имущественные отношения нельзя рассматривать только с чисто экономических позиций. Будучи закрепленными в нормах права, волевые отношения собственности (имущественные отношения) подвергаются правовому регулированию и облекаются в правовые формы. Отсюда, собственность и имущественные отношения представляют собой явления не только экономической, но и правовой действительности. Получая юридическое признание и правовую охрану (защиту), указанные явления отображаются в категориях, разработанных для целей правового регулирования и потому имеющих особый смысл и значение. При этом правовая категория «имущественные отношения» обозначает особый предмет правового регулирования, а категория «собственность» — те правовые средства, с помощью которых волевые отношения собственности (как предмет правового регулирования) облекаются в правовые формы и принимают вид имущественных правоотношений.

Имущественные отношения регулируются различными отраслями права: конституционным, гражданским, семейным, трудовым, экологическим, финансовым, административным, уголовным и др. *Центральное место в регламентации указанных отношений занимает гражданское право.* Согласно п.1 ст.2 Гражданского кодекса Российской Федерации¹ имущественные и связанные с ними неимущественные отношения входят в предмет гражданского-правового регулирования. Существенными чертами имущественных отношений, составляющих предмет гражданского права, являются их стоимостной характер и товарная природа. Имущественные отношения, основанные на административном или ином властном подчинении одной стороны другой, в том числе налоговые и другие финансовые и административные отношения, не относятся к предмету гражданского права (п.3 ст.2 ГК РФ).

В современный период восстановления в России рыночной экономики происходит значительное расширение сферы гражданско-правового регулирования имущественных отношений. Это обусловлено как появлением новых отношений имущественного характера (например, отношений по управлению частным имуществом хозяйственных обществ²), так и включением в гражданский оборот отдельных природных и иных объектов, составлявших ранее исключительную собственность государства. Согласно п.3 ст.3 Земельного кодекса Российской Федерации³ имущественные отношения по владению, пользованию и распоряжению земельными участками, а

¹ Далее — ГК РФ или ГК.

² См.: Гражданское право: В 2-х т. Т.1: Учебник / Отв. ред. Е.А.Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: БЕК, 2002. С.29-30.

³ См.: Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. №44. Ст.4147.

также по совершению сделок с ними регулируются гражданским законодательством, если иное не предусмотрено земельным, лесным, водным законодательством, законодательством о недрах, об охране окружающей среды, специальными федеральными законами.

Будучи урегулированными нормами гражданского права, имущественные отношения приобретают правовые формы и становятся имущественными правоотношениями. В качестве объекта имущественных правоотношений выступают различные имущественные блага. В современном гражданском праве к числу объектов имущественных отношений относятся вещи, комплексы вещей, деньги, ценные бумаги, имущественные права, иное имущество в широком смысле этого слова, результаты работ и оказания услуг¹. Для обозначения указанных благ, а в ряде случаев и их содержания, в науке гражданского права обычно используется термин «имущество». Отсюда, кстати сказать, происходит и само название соответствующих отношений как имущественных. Поскольку в качестве объекта имущественных правоотношений выступают самые разнообразные блага, постольку понятие имущества приобретает различный смысл. Анализ норм действующего гражданского законодательства позволяет различать четыре значения термина «имущество» в гражданском праве.

1. Чаще всего понятие имущества трактуется в узком смысле как вещь или совокупность вещей, включая деньги и ценные бумаги, принадлежащие конкретному лицу (группе лиц, органу местного самоуправления, субъекту Российской Федерации, Российской Федерации) на праве собственности и иных вещных прав (п.2 ст.15, п.2 ст.46 ГК РФ). 2. Нередко в гражданском праве под имуществом, наряду с вещами, понимаются и имущественные права (ст.18, п.1 ст.56, ст.ст.128, 336, 1013 ГК РФ). Важно подчеркнуть, что такая трактовка понятия имущества согласуется с Конституцией Российской Федерации. По этому вопросу в постановлении Конституционного Суда РФ от 6 июня 2000 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности положения абзаца третьего пункта 2 статьи 77 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой открытого акционерного общества «Тверская прядильная фабрика» указывается, что по смыслу конституционных положений (статья 8, часть 1; статья 34, часть 1; статья 35 часть 2, Конституции Российской Федерации), термином «имущество» охватывается любое имущество, связанное с реализацией права частной и иных форм собственности, в том числе имущественные права, включая полученные от собственника права владения, пользования и распоряжения имуществом, если эти имущественные права принадлежат лицу на законных основаниях. Реализация имущественных прав осуществляется на основе общеправовых принципов неприкосновенности собственности и свобо-

¹ См.: Гражданское право: Учебник / Под общ. ред. Т.И.Илларионовой, Б.М.Гонгало, В.А.Плетнева. М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА. М. 1998. С.5; Гражданское право: Учебник. Ч.1 / Под ред. А.П.Сергеева, Ю.К.Толстого. С.4; Гражданское право: В 2-х т. Т.1: Учебник / Отв. ред. Е.А.Суханов. С.26.

ды договора, предполагающих равенство, автономию воли и имущественную самостоятельность участников гражданско-правовых отношений, недопустимость произвольного вмешательства кого-либо в частные дела¹. 3. В некоторых случаях в гражданском праве имущество трактуется как имущественные обязанности, долги (п.2 ст.132 ГК РФ). 4. Наконец, понятием имущества в гражданском праве обозначается весь состав имущества конкретного лица (группы лиц, органа местного самоуправления, субъекта Российской Федерации, Российской Федерации), то есть вся масса имущественных благ, выгод, обязанностей, долгов, которые в своей совокупности характеризуют имущественное положение (хозяйственное состояние) данного субъекта (п.2 ст.63 ГК РФ).

Научная концепция понятия «имущество» была разработана в дореволюционной отечественной науке гражданского права. Согласно ее положениям, под имуществом понимается совокупность подлежащих юридической и экономической (денежной) оценке благ, прав и обязанностей, имеющих у определенного лица. В этой связи Г.Ф.Шершеневич писал: «С юридической точки зрения под имуществом понимается совокупность имущественных, т.е. подлежащих денежной оценке, юридических отношений, в которых находится известное лицо»². Отсюда, содержание имущества выражается, с одной стороны, в совокупности вещей, принадлежащих лицу на праве собственности и в силу иных вещных прав, а также в совокупности прав на чужие действия (актив имущества), а с другой — в совокупности вещей, принадлежащих другим лицам, но временно находящихся в обладании данного лица, а также в совокупности лежащих на нем обязательств³.

Содержание имущественных правоотношений составляют субъективные права и обязанности их участников. Специфика этих прав и обязанностей состоит в том, что они возникают по поводу определенных имущественных благ и потому носят имущественный характер. Имущественный характер прав и обязанностей, принадлежащих участникам имущественных правоотношений, предопределяет их взаимоотношение между собой и действия (бездействие) по поводу объектов имущественных правоотношений. При этом под *имущественными правами* в цивилистике понимаются субъективные права участников имущественных правоотношений, связанные (1) с владением, пользованием и распоряжением имуществом (вещные права), а также (2) с имущественными требованиями, которые возникают между участниками гражданского оборота в связи с переходом имущества, оказанием услуг, выполнением работ и др. (обязательственные права). К имущественным правам в гражданском праве также относятся имущественные права авторов, изобретателей и иные исключительные имущественные права (имущественные права на результаты интеллектуальной деятельности),

¹ См.: *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2000. №24. Ст.2658.

² Шершеневич Г.Ф. *Учебник русского гражданского права*. М.: Спарк, 1995. С.95.

³ См.: Там же.

право наследования¹. Под *имущественными обязанностями* понимаются субъективные обязанности участников имущественных правоотношений, заключающиеся в бездействии в силу исполнения долга не препятствовать управомоченным лицам в реализации их интересов либо в совершении имущественных действий в интересах управомоченного субъекта.

Участниками имущественных правоотношений являются граждане и организации (юридические лица). В имущественных отношениях, регулируемых гражданским правом, могут участвовать также Российская Федерация, субъекты Российской Федерации и муниципальные образования (ст.124 ГК РФ). Исходя из п.1 ст.2 ГК РФ, установленные гражданским законодательством правила применяются и к имущественным отношениям с участием иностранных граждан, лиц без гражданства и иностранных юридических лиц, если иное не предусмотрено федеральным законом. При этом современное гражданское право исходит из равенства, автономии воли и имущественной самостоятельности субъектов имущественных правоотношений.

Еще одна характерная особенность имущественных правоотношений состоит в их комплексном характере. Комплекс имущественных правоотношений подразделяется на два основных компонента. Первым компонентом данного комплекса являются вещные правоотношения. Это урегулированные гражданско-правовыми нормами имущественные отношения, связанные с *принадлежностью* имущества (вещей) определенным лицам и отражающие статику товарного хозяйства. Вещные правоотношения реализуются непосредственными действиями по поводу вещи самого управомоченного лица, за которым закрепляется возможность самостоятельно использовать принадлежащие ему вещественные блага своей волей и в своем интересе. Второй компонент указанного комплекса образуют обязательственные правоотношения — урегулированные нормами гражданского права имущественные отношения, возникающие в связи с *переходом* имущественных благ от одних лиц к другим, их обменом, товарным обращением, рынком услуг, работ и тем самым фиксирующие динамику рыночной организации экономики. Обязательственные правоотношения реализуются путем совершения определенных имущественных действий (передачи имущества, уступки прав, выполнения работы, уплаты денег и т.п.) обязанным лицом.

По мнению Е.А.Суханова, усложнение имущественных отношений в результате развития товарообмена вызвало к жизни появление еще одной их разновидности — «отношений по управлению частными имуществами корпораций (компаний)». Юридической формой указанной разновидности имущественных отношений являются корпоративные (членские) правоотношения. Они возникают между участниками конкретной организации в

¹ См., в частности: Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю. Юридическая энциклопедия. М., 1997. С.178; Юридический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1984. С.122. При этом под правом наследования в субъективном смысле понимается право лица быть призванным к наследованию, а также его правомочия после принятия наследования (см.: Гражданское право: В 2-х т. Т.1: Учебник / Отв. ред. Е.А.Суханов. С.534).

Экономическое и юридическое понимание собственности и имущественных отношений

связи с необходимостью управления деятельностью и имуществом этой организации, созданной как юридическое лицо для постоянного и профессионального участия в сфере экономической деятельности¹. Современная законодательная практика рассматривает корпоративные отношения как разновидность обязательственных имущественных правоотношений (п.2 ст.48 ГК РФ). Таково в самых общих чертах юридическое понимание имущественных отношений.

Отличительная черта юридического подхода к определению собственности — стремление придать данной категории строгий вид, формально-определенное содержание и, конечно же, безусловно логичную форму. Итогом данных юридических изысканий явилось понятие собственности, несовместимое по смыслу с его экономическим «аналогом». Юристы по этому поводу пишут: «В экономическом и юридическом понимании собственности имеются существенные различия»²; «собственность как экономическая категория не совпадает с понятием права собственности, в котором экономические отношения собственности получают юридическое выражение»³. В самом деле, экономическая и правовая категории собственности отражают разные явления объективной действительности. Первая — особые отношения, складывающиеся в сфере экономики, вторая — их юридическое признание и закрепление в праве.

Следует, однако, подчеркнуть, что различие между экономическим и юридическим пониманием собственности вовсе не исключает тесной взаимосвязи между правом собственности и экономическими отношениями собственности. Исторический опыт показывает, что конкретные отношения собственности необходимо требуют упорядочения, в том числе и с помощью права собственности. Правда, юридическое понятие собственности отображает правовое оформление гораздо более узкой группы конкретных отношений собственности, чем имущественные отношения, составляющие предмет правового регулирования в целом или даже предмет гражданского права. Цивилисты по этому поводу объясняют: экономические отношения собственности как предмет правового регулирования не всегда оформляются с помощью права собственности; они получают самые различные правовые формы (вещные, обязательственные, исключительные права) и поэтому оказываются гораздо шире, чем непосредственный предмет права собственности и иных вещных прав⁴.

Как уже было замечено, имущественные отношения (как конкретные волевые отношения собственности) регулируются разными отраслями права. В силу данного обстоятельства совокупность норм различной отраслевой принадлежности, регулирующих принадлежность имущественных благ конкретным лицам, представляет собой комплексный (межотраслевой) ин-

¹ Подробнее см.: Гражданское право: В 2-х т. Т.1: Учебник / Отв. ред. Е.А.Суханов. С.29-30, 103.

² Там же. С.477.

³ Гражданское право России: Часть первая: Учебник / Под ред. З.И.Цыбуленко. С.259.

⁴ См.: Матвей У., Суханов Е.А. Указ. соч. С.302-303.

ститут права собственности. Между тем, вне всякого сомнения, остов этого комплексного института (или, по выражению Е.А.Суханова, его ядро¹) составляют нормы гражданского права о собственности. Именно в гражданском праве традиционно дается классическое определение собственности в юридическом смысле.

В научно-правовом понимании собственность есть особый юридический феномен, который в цивилистике обозначается самостоятельной категорией — «право собственности». Право собственности является юридическим выражением принадлежности вещей конкретным участникам экономических отношений. Содержание этой категории в науке гражданского права имеет двоякий смысл: право собственности в объективном смысле и право собственности в субъективном смысле. Под *правом собственности в объективном смысле* понимается определенная система гражданско-правовых норм, которые регулируют имущественные отношения, связанные с принадлежностью имущества (вещей) определенным лицам и отражающие статику товарного хозяйства. На основании указанных признаков право собственности отличается от обязательственного права как системы гражданско-правовых норм, которые регулируют имущественные отношения, связанные с переходом всевозможных имущественных благ от одного лица к другому. Под *правом собственности в субъективном смысле* понимается обеспеченная законом мера возможного (дозволенного) поведения собственника по владению, пользованию и распоряжению вещью по своему усмотрению. Указанному праву противостоит пассивная обязанность всех иных лиц воздерживаться от совершения любых действий, препятствующих собственнику осуществлять свои правомочия по владению, пользованию и распоряжению принадлежащей ему вещью. Тем самым указанное субъективное право отличается от субъективных имущественных и неимущественных прав, входящих в содержание других гражданско-правовых отношений.

Право собственности в объективном смысле и субъективное право собственности самым тесным образом связаны с понятием вещи. Так, право собственности в объективном смысле регулирует ту часть имущественных отношений, которая необходимо характеризуется материальным предметом — вещью. Будучи урегулированными правом собственности, имущественные отношения, связанные с принадлежностью вещей конкретным субъектам, приобретают правовую форму и становятся вещными правоотношениями. Вещь — основной объект вещных правоотношений, а равно исключительный объект права собственности и иных вещных прав. Понимание этого обстоятельства нашло отражение еще в досоветской теории гражданского права. По этому вопросу Г.Ф.Шершеневич писал, что объектом права собственности закон признает имущество — не в техническом смысле, а как вещь; в действительности право собственности может иметь своим объектом только материальные предметы, но не действия или права, которые по

¹ См.: Суханов Е.А. Указ. соч. С.17.

Экономическое и юридическое понимание собственности и имущественных отношений

существу своему не могут подлежать совершенно тем же юридическим правилам, какие установлены для первых¹. Это концептуальное положение принято и современной наукой гражданского права. Как справедливо замечает Л.В. Шенникова, предметом вещного права является вещь в материальном значении слова².

Вещь есть предмет материального мира, который доступен для человеческого обладания. Эта материальная субстанция характеризуется следующими отличительными признаками. Во-первых, вещь — это внешний по отношению к человеку предмет. В этом смысле вещь в системе философских категорий тождественна «объекту» и означает все то, что противопоставит, противоположно «субъекту». Во-вторых, вещь — это предмет материального, а не идеального, нематериального мира. Общеизвестно, что вещь, вещество — один из видов материи. К вещам относится все то, что имеет механическую массу или, как говорят в физике, массу покоя. Как предмет материального мира вещь может находиться в разнообразных состояниях. В повседневной жизни человек имеет дело с вещами как в твердом, жидком, так и газообразном состоянии (например, газ, заключенный в баллон, резервуар). В-третьих, вещь имеет тело, материальную оболочку, физические параметры. Ее характер предметно-натуральный. Это означает, что вещь как материальный предмет обладает определенными физическими свойствами, такими как вес, объем, длина, конфигурация, запах, цвет и др. Вещь — чувственно осязаемый предмет, объект, так сказать, «видимого» органами человеческих чувств мира. В этом смысле вещь — это такой предмет, который может быть подвергнут физическому воздействию и посредством силы трансформирован, перейти от покоя к движению. Многие вещи можно взять в руки, перемещать в пространстве. Будучи доступной для обладания, вещь поддается завладению, может быть использована для удовлетворения тех или иных потребностей, наконец, «покорно» испытывает на себе хозяйственное распоряжение.

Понятие вещи в гражданском праве также ограничено по объему материальными, физически осязаемыми объектами (*res corporales*). При этом к вещам относятся не только традиционные средства производства и предметы потребления, но также деньги, ценные бумаги (ст.128 ГК РФ) и животные (ст.137 ГК РФ). Имущественные права (например, право требования и пользования) и имущественные обязанности не являются вещами, а следовательно, не могут выступать самостоятельными объектами отношений, урегулированных гражданско-правовым институтом собственности³. Следует отметить, что вещи становятся объектами как права собственности, так и других вещных прав, а также обязательственных отношений.

¹ См.: Шершеневич Г.Ф. Указ. соч. С.166-167.

² Шенникова Л.В. Вещные права в гражданском праве России. М.: БЕК. 1996. С.15.

³ См.: Гражданское право: Часть первая: Учебник / Под ред. А.Г.Калпина, А.И.Масляева. С.263; Гражданское право: В 2-х т. Т.1 / Отв. ред. Е.А.Суханов. С.301.

Отношение одного лица к вещи как к собственной означает, что все другие относятся к этой вещи как к чужой, им не принадлежащей. Поэтому в самом первом приближении юридическое понимание собственности покоится на различении «своего-чужого», «моего-твоего», «нашего-вашего». Однако в действительности институт права собственности регулирует имущественные отношения, объекты которых (вещи) получают один из трех статусов: «вещи свои», «вещи чужие» и «вещи ничьи». При этом «своей» признается такая вещь, к которой определенное лицо (как «Я») относится как к собственной и которую все другие лица считают для себя чужой и, соответственно, относятся к ней как к посторонней, им не принадлежащей. В сознании каждого собственника преломляется отношение к вещам как к своим, то есть находящимся вне сферы проявления воли всех других лиц. Все остальные члены общества со своей стороны относятся к соответствующему имуществу как к чужому. «Чужой» называется такая вещь, которая находится во владении другого лица и на которое «Я» как определенное лицо не имеет права собственности. «Ничьи» — это вещи, не имеющие собственника, никому не принадлежащие, не поступившие в чье-либо владение, бесхозные (в смысле, без хозяина). Как видно, эта категория вещей исключена из сферы социальных отношений. По общему правилу, вещи «ничьи» следуют за первым лицом, их присвоившим. При этом, конечно же, названное правило действует с учетом тех ограничений, которые установлены в гражданском законодательстве (см., например, ст.225 ГК РФ).

Право собственности в субъективном смысле — одно из основных и наиболее широких по содержанию вещных прав. Это субъективное право отличает тесная и неразрывная связь с вещью, «прикрепленность» к ней. С гибелью вещи автоматически прекращается и право собственности на нее. Содержание права собственности, согласно действующему гражданскому законодательству, выражается в «триаде» правомочий собственника: владении, пользовании и распоряжении.

Под *владением* как одним из правомочий собственника в гражданском праве понимается юридически обеспеченная возможность иметь вещь у себя, в своем фактическом обладании, осуществлять хозяйственное господство над вещью «своей властью и в своем интересе». Из правомочия владения необходимо вытекает, что никто ни вправе самовольно изъять вещь без воли и согласия на то ее хозяина.

Пользование есть основанная на законе возможность эксплуатации вещи, извлечения из вещи тех или иных полезных свойств в процессе ее потребления. Данное правомочие исключает необоснованное использование вещи другим лицом, в том числе извлечение из нее выгоды, получение доходов и пр.

Наконец, под *распоряжением* понимается юридически обеспеченная возможность отчуждения вещи (временно или навсегда) и совершения иных действий по определению ее судьбы. Из данного правомочия следует, что

Экономическое и юридическое понимание собственности и имущественных отношений

никто не может самовольно распоряжаться чужим имуществом по своему усмотрению либо принуждать к этому собственника или владельца этого имущества.

Современное право различает формы и виды собственности. В зависимости от формы и вида собственности определяются особенности правового режима имущества при безусловном сохранении при этом за всеми собственниками одинакового объема (набора) правомочий по отношению к своему имуществу, поскольку право собственности едино по своему содержанию для всех участников имущественного оборота. В основу деления собственности на формы и виды кладется признак субъекта (субъектный критерий), точнее, его качественная и количественная характеристика.

В зависимости от качественных особенностей субъекта различаются частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности (ч.2 ст.8 Конституции РФ и ст.212 ГК РФ). При этом частной признается собственность граждан и юридических лиц (кроме государственных и муниципальных предприятий и учреждений) на любое имущество, за исключением отдельных его видов, которые, в соответствии с законом, не могут принадлежать гражданам или юридическим лицам (ст.213 ГК РФ). К государственной собственности, в соответствии с п.1 ст.214 ГК РФ, относится имущество, принадлежащее на праве собственности Российской Федерации (федеральная собственность), и имущество, принадлежащее на праве собственности субъектам Российской Федерации — республикам, краям, областям, городам федерального значения, автономной области, автономным округам (собственность субъекта Российской Федерации). Муниципальной собственностью, согласно ст.215 ГК РФ, является имущество, принадлежащее на праве собственности городским и сельским поселениям, а также другим муниципальным образованиям. Содержание понятия «иные формы собственности» в ГК РФ не раскрывается. Между тем, строго следуя букве закона, необходимо констатировать, что перечень форм собственности законодателем не признается исчерпывающим. В связи с чем предлагается относить к «иным формам собственности» собственность общественных объединений, иностранных государств, международных организаций и пр. Вместе с тем, по этому вопросу высказана и такая точка зрения: «иные формы собственности» — понятие, которое лишено правового смысла, и, следовательно, его наличие в законе является результатом недоразумения¹. Действующим законодательством признается, что все формы собственности и права всех собственников защищаются равным образом (ч.2 ст.8 Конституции РФ, п.4 ст.212 ГК РФ).

В основу различения видов собственности может быть положен критерий, выражающий количественный состав ее субъектов. В силу этого критерия выделяются два вида собственности: собственность отдельного лица

¹ См.: Комментарий части первой Гражданского кодекса Российской Федерации. М.: Редакция журнала «Хозяйство и право», «Спарк», 1995. С.274; Маттеи У., Суханов Е.А. Указ. соч. С.306.

(односубъектная собственность) и общая собственность. Общая собственность необходимо связана с принадлежностью конкретного имущества нескольким лицам. Участники общей собственности являются сособственниками одного и того же имущества. Здесь возникает множественность субъектов права собственности на одну и ту же вещь. В свою очередь, общая собственность может быть долевой или совместной (п. 2 ст. 244 ГК РФ).

Юридический анализ собственности и имущественных отношений показывает, что собственность в праве рассматривается в виде системы юридических норм, регулирующих определенную часть имущественных отношений, связанных с принадлежностью имущества (в смысле вещи) определенным лицам (собственникам), а также в виде субъективного права, которое дает возможность одному из участников имущественных отношений (собственнику) по своему усмотрению владеть, пользоваться и распоряжаться принадлежащей ему вещью. В свою очередь, имущественные отношения рассматриваются в праве как конкретные отношения по поводу принадлежности и перехода имущественных благ, которые получают правовую регламентацию с помощью права собственности, иных (ограниченных) вещных прав, обязательственного права, иных правовых форм (например, наследственного права) и становятся имущественными правоотношениями.

3. Понимание собственности и имущественных отношений в уголовном праве

В современном уголовном праве России собственность признается одним из важных правоохраняемых объектов. Охрана собственности от преступных посягательств провозглашена одной из задач УК РФ, что нашло закрепление в ч. 1 ст. 2 этого закона. Многозначным является и то обстоятельство, что в перечне социальных благ, интересов и ценностей, поставленных под охрану УК РФ, собственность занимает одно из первенствующих мест, располагаясь непосредственно сразу же за важнейшим из правоохраняемых объектов — правами и свободами человека и гражданина.

Обращение к понятию собственности в уголовном праве приобретает особую актуальность и в связи с важностью адекватного научного понимания этого блага в качестве объекта самостоятельной группы общественно опасных посягательств, ответственность за которые предусмотрена статьями главы 21 «Преступления против собственности» УК РФ. Общеизвестно, что сужение или, напротив, увеличение объема понятия того или иного элемента состава преступления напрямую связано с сокращением или расширением круга деяний, относимых к преступным посягательствам. Справедливым в этой связи представляется утверждение, что для науки уголовного права вопрос о понимании собственности имеет далеко не академический характер: «Ввиду того, что объект преступления связывается с социальной категорией общественных отношений, для правильного применения уго-

ловного закона небезразлично, как широко определяются сами пределы этих отношений. От того, шире или уже обозначены в теоретическом определении границы объекта посягательства, в значительной мере зависит круг общественно опасных деяний, охватываемых признаками состава преступления, элементом которого является определяемый объект»¹.

Между тем, вопрос о понятии собственности в науке уголовного права относится к числу дискуссионных. Достаточно сказать, что в рамках учения о «преступлениях против собственности» сложилось *три* взгляда на собственность как единый и основной объект соответствующей разновидности посягательств: (1) собственность как экономическое отношение, (2) собственность как правовая ценность (право собственности в субъективном смысле) и (3) собственность как экономическое отношение и право собственности. Остановимся более подробно на обозначенных подходах к пониманию собственности в уголовном праве.

Согласно первому подходу, собственность — одно из основных отношений, складывающихся в области экономики. При этом утверждается, что «в любом обществе, какова бы ни была его политическая система и государственное устройство, собственность всегда была, есть и будет экономической основой, базисом его существования и развития»². Указанное концептуальное положение в свое время соответствовало господствующей официальной доктрине о собственности как основе экономической системы советского государства. Последняя была закреплена даже в нормах конституционного права того времени. Так, в соответствии со ст.4 Конституции СССР 1936 г., «экономическую основу СССР составляют социалистическая система хозяйства и социалистическая собственность на орудия и средства производства». Конституция РСФСР 1978 г. также провозглашала, что основу экономической системы РСФСР составляет социалистическая собственность на средства производства в форме государственной (общенародной) и колхозно-кооперативной собственности (ст.10). Сегодня понимание собственности как именно экономического феномена непосредственно не вытекает из конституционных положений. Конституция РФ не содержит специального раздела об экономической основе государства и общества, не устанавливает какую-либо форму собственности в качестве основной, равно как не предусматривает и ограничений для отдельных форм собственности. Однако, как уже о том говорилось выше, понимание собственности как одного из основных компонентов экономики в современной экономической теории сохраняется, а «экономическая» трактовка объекта имущественных преступлений вытекает из наименования раздела VIII «Преступления в сфере экономики» УК РФ, содержащего систему норм об ответственности за названные посягательства.

¹ Владимиров В.А., Ляпунов Ю.И. Указ. соч. С.8-9.

² Уголовное право: Особенная часть: Учебник / Под ред. Н.И.Ветрова и Ю.И.Ляпунова. М.: Новый Юрист, 1998. С.192.

В советском уголовном праве одним из первых выразителей идеи объекта имущественных преступлений именно как собственности и сторонником ее экономического понимания был Д.Н.Розенберг. Ссылаясь на классиков марксизма, он писал: «Объектом этого рода преступлений является собственность, как общественное отношение, — частная собственность в капиталистическом обществе и социалистическая или личная собственность в социалистическом обществе... Особенности, свойственные социалистической собственности и личной собственности, не только отражают экономические качества, но сами входят в реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания»¹.

В рамках рассматриваемого подхода А.А.Пионтковский утверждал: «Для правильного понимания объекта хищения государственного и общественного имущества необходимо различать собственность как экономическую категорию и собственность как юридическую категорию, как право собственности ... В действительности общим объектом посягательства при хищении государственного и общественного имущества являются экономические производственные отношения. Именно этим в конечном счете определяется сугубая общественная опасность хищений государственного и общественного имущества — посягательства на основы нашего строя»². Также, по мнению А.А.Пинаева, собственность как объект соответствующей разновидности преступлений представляет собой общественные отношения, существующие при производстве, распределении, обмене и потреблении как элементов общественных отношений собственности. При этом отношения по производству материальных благ и распределению продуктов труда признавались этим исследователем объектом преступлений против «социалистической» собственности, тогда как отношения по обмену и потреблению рассматривались в качестве объекта посягательств на «личную» собственность³. О том, что объектом исследуемых преступлений выступает собственность как экономическая основа общества, как экономические производственные отношения, а также существующая система распределения материальных благ, писали и другие советские криминалисты⁴.

¹ Розенберг Д.Н. О понятии имущественных преступлений в советском уголовном праве // Ученые записки Харьковского юридического института. Вып.3. Харьков, 1948. С.69, 75. Следует заметить, что Д.Н. Розенберг, характеризуя собственность как экономическую основу советского государства, одновременно полагал, что собственность есть институт права, а частная собственность — «право присвоения прибавочной стоимости» (см.: Там же. С.65, 68).

² См.: Куре советского уголовного права. В 6-ти т. Т.4. С.310, 312.

³ См.: Пинаев А.А. Указ. соч. С.9-13; Он же. Проблемы дальнейшего совершенствования советского уголовного законодательства об ответственности за хищения: Автореф. дис... д-ра юрид. наук. Киев, 1984. С.7-11.

⁴ См., например: Некипелов П.Т. Советское уголовное законодательство в борьбе с хищениями социалистической собственности. М., 1954. С.74; Панов Н.И. Уголовная ответственность за причинение имущественного ущерба путем обмана и злоупотребления доверием. Харьков, 1977. С.5-16; Сергеева Т.Л. Уголовно-правовая охрана социалистической собственности в СССР. М., 1954. С.15-16.

Указанный подход продолжает иметь своих сторонников и в современной уголовно-правовой доктрине. Так, Ю.И.Ляпунов утверждает, что преступления, ответственность за которые предусмотрена статьями главы 21 раздела VIII Особенной части УК РФ, посягают на отношения собственности (в смысле экономической категории), которые и следует рассматривать в качестве объекта данной группы уголовно наказуемых деяний¹. Исходя из анализа указанных преступлений, проведенного Л.Д.Гаухманом, следует, что их объектом является собственность как исторически определенная общественная форма присвоения материальных благ, прежде всего средств производства². Л.Д.Гаухман пишет: «Признание родовым объектом преступлений против собственности именно общественных отношений собственности, а не права собственности и не правоотношений собственности, обосновывается тем, что общественные отношения первичны и нарушаются преступлениями в конечном счете, тогда как указанные право и правоотношения вторичны и нарушаются как бы «попутно»³. Рассматриваемого подхода придерживается и Г.Н.Борзенков, указывая на особое экономическое содержание объекта преступлений, предусмотренных главой 21 УК РФ. При этом искомым объектом признаются отношения собственности как общественные отношения в сфере распределения материальных благ, предназначенных для индивидуального или коллективного потребления либо для осуществления производственной деятельности. Обосновывая такое понимание этого вопроса, Г.Н.Борзенков пишет: «В науке уголовного права существует мнение, что хищения нарушают также и отношения по производству материальных благ. Однако эти отношения нарушаются, во-первых, не всегда, во-вторых, не непосредственно хищением. Распределительные отношения нарушаются имущественными преступлениями как в своей динамике (процесс распределения), так и в статике (конечный момент распре-

¹ См.: Уголовное право: Особенная часть: Учебник / Под ред. В.Н.Петрашева. М.: Издательство Приор, 1999. С.159; Уголовное право: Учебник / Под ред. Н.И.Ветрова и Ю.И.Ляпунова. 2-е изд. испр. и доп. М.: Юриспруденция, 2001. С.341-344. Заметим, что в более ранних своих работах Ю.И. Ляпунов допускал возможным говорить о посягательстве на право собственности в связи с нарушением состояния присвоенности, принадлежности материальных благ. При этом он писал, что преступление против собственности не может не нарушить и правовую «оболочку» отношений собственности в виде «права собственности как такового». Однако, по мнению этого ученого-юриста, право собственности не следует рассматриваться как основной непосредственный объект не только анализируемых, но и любых других преступлений. Право собственности есть всего лишь юридическая форма, содержанием которой являются производственные отношения собственности. Уголовный закон, охраняя форму, тем самым и прежде всего охраняет указанное социальное содержание (см.: Владимирова В.А., Ляпунов Ю.И. Указ. соч. С.13). В одном из комментариев к УК РФ 1996 года Ю.И. Ляпунов утверждает: «Любое хищение чужого имущества одновременно нарушает и социальное содержание - отношение собственности - и его «правовую оболочку» в виде права собственности, которое также входит в сферу объекта уголовно-правовой охраны от анализируемой группы корыстных посягательств» (см.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: Особенная часть / Под общ. ред. Ю.И.Скуратова и В.М.Лебедева. М.: Издательская группа ИНФРА. М - НОРМА, 1996. С.110).

² Гаухман Л.Д., Максимов С.В. Указ. соч. С.9-18.

³ Там же. С.18.

деления, состояние «присвоенности» материальных благ, обладания ими)»¹. Что касается права собственности, оно, по мнению этого автора, не может признаваться объектом преступления. «С точки зрения теории уголовного права, — полагает Г.Н.Борзенков, — объектом преступления вообще не может быть право ни в объективном, ни в субъективном смысле. Такая роль отводится только общественным отношениям. Право собственности не прекращается в результате хищения вещи, которую собственник может истребовать из чужого незаконного владения...»².

Как представляется, экономическое понимание собственности как правоохраняемого объекта чрезмерно расширяет сферу уголовно-правовой охраны, включая в нее всю систему экономических отношений собственности, в том числе и те которые закономерно складываются в области экономики независимо от воли и сознания людей и не требуют юридического признания и правовой защиты.

Экономическая трактовка собственности как объекта преступлений, предусмотренных главой 21 УК, существенно расширяет круг общественных отношений, составляющих объект названных посягательств, и в том смысле, что позволяет относить к ним волевые экономические отношения по поводу самых различных экономических благ (природных ресурсов, вещества, энергии, информации, материальных и нематериальных результатов работ и услуг, интеллектуальных ценностей и пр.). Нетрудно видеть, что такое понимание объекта преступлений, указанных в главе 21 УК, затрудняет их отграничение от экологических преступлений, преступлений в сфере компьютерной информации и ряда других преступных деяний, существенно нарушающих в области рационального использования собственности (в экономическом смысле) интересы общественной безопасности (например, ст.ст.215-218 УК), здоровья населения (например, ст.ст.238 и 243 УК), поступления денежных средств в бюджетную систему Российской Федерации (ст.ст.198 и 199 УК), свободу интеллектуальной деятельности (ст.ст.146 и 147 УК) и др.

Кроме того, справедливым представляется утверждение, согласно которому «признать объектом преступления собственность только как экономическую категорию — значит игнорировать факт нарушения правомочий, принадлежащих по закону собственнику (или иному владельцу)»³.

В науке уголовного права сложилось воззрение на собственность как на исключительно юридическое явление. Обоснованием такого подхода в советский период развития уголовно-правовой науки служило известное высказывание К.Маркса по поводу кражи леса: «Преступная... сущность действия заключается не в посягательстве на лес, как нечто материальное, а в

¹ См.: Уголовное право Российской Федерации: Особенная часть: Учебник / Под ред. Г.Н.Борзенкова и В.С.Комиссарова. С.173-174.

² Там же. С.175-176.

³ Кочои С.М. Указ. соч. С.82.

посягательстве на государственный нерв — на право собственности как таковое, т.е. в осуществлении противозаконного намерения»¹. Наиболее последовательно обозначенного подхода придерживались Б.С.Никифоров и П.С.Матышевский. Так, Б.С.Никифоров утверждал: «Объектом таких преступлений как кража и, в значительной мере, мошенничество является гарантированная собственнику законом возможность (а гарантированная законом возможность — это в данном случае и есть право) в установленных законом пределах использовать имущество по своему усмотрению, обращаться с ним «как со своим», в частности, возможность владеть, пользоваться и распоряжаться им своей властью (по своей воле) и в своем так или иначе понимаемом интересе. Всякое воспрепятствование собственнику в законных пределах осуществлять свое право собственности представляет собой правонарушение; при определенных условиях, когда речь идет о посягательстве не на отдельные элементы права собственности, а на самое это право в полном его объеме, такое воспрепятствование является преступлением»². Аргументируя юридическое понимание собственности в уголовном праве, П.С.Матышевский писал: «Преступления против социалистической собственности посягают не на фактическое общественное отношение, а лишь на одну его часть — на право собственности, в соответствии с которым осуществляется владение, пользование и распоряжение социалистическим имуществом, или иначе — на право собственности в его субъективном смысле». И далее: «Хотя право собственности является формой лежащего в его основе фактического общественного отношения, оно вместе с тем выступает в качестве самостоятельного общественного явления со своим содержанием в виде правомочий собственника. Именно в этом последнем качестве право собственности и выступает как объект преступного посягательства»³.

Взгляд на собственность как на правовое явление имеет своих сторонников и в современной науке уголовного права. Так, А.Н.Игнатов пишет: «Родовым объектом преступлений против собственности являются отношения собственности, выражающиеся в принадлежащем собственнику праве владения, пользования и распоряжения своим имуществом (ст. 209 ГК). Отношения собственности включают и право законного приобретения имущества (ч.3 ст.212 ГК)»⁴. Такого же взгляда на содержание объекта рассматриваемых преступлений придерживается и С.И.Никулин, указывая, что им яв-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.1. С.149.

² Никифоров Б.С. Указ. соч. С.30-31.

³ См.: Матышевский П.С. Указ. соч. С.16. Следует заметить, что юридическое понимание собственности не мешало Б.С.Никифорову иногда трактовать рассматриваемые преступления как посягательства на порядок распределения материальных благ (см.: Никифоров Б.С. Указ. соч. С.4-5), а П.С.Матышевскому признавать, что собственность есть и экономическое отношение между людьми по поводу материальных благ (см.: Матышевский П.С. Указ. соч. С.16).

⁴ См.: Уголовное право России: Учебник. В 2-х т. Т.2. Особенная часть / Под ред. А.Н.Игнатова и Ю.А.Красикова. М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА. М. 1998. С.179-180.

ляются «отношения собственности, вытекающие из прав владения, пользования и распоряжения тем или иным имуществом»¹. К сторонниками рассматриваемого подхода относятся и другие современные криминалисты².

Надо сказать, что понимание в уголовном праве собственности в исключительно юридическом смысле является небезосновательным. Оно в известной мере опирается на положение Конституции РФ, согласно которому право частной собственности охраняется законом (ч.1 ст.35). Кроме того, собственность трактуется как исключительно правовой феномен также некоторыми философами, экономистами, цивилистами. Так, Г.В.Плеханов утверждал, что «собственность есть, прежде всего, правовой институт»³. Последовательно отстаивает точку зрения на собственность как на исключительно правовое явление В.П.Шкрелов. Согласно его взглядам, собственность есть система реальных правоотношений, как юридическая (волевая) форма выражения экономических процессов производства и воспроизводства⁴. По мнению К.И.Скловского, о собственности можно сказать лишь то, что это наиболее полное, неограниченное право, право вообще, что собственность не понимается иначе, как феномен юридический, и что поэтому собственность и право собственности следует трактовать как синонимы⁵.

Вместе с тем, есть основание утверждать, что сведение собственности как правоохраняемого объекта к субъективному праву собственности приводит к недопустимому ограничению действия уголовного закона в области охраны имущественных и иных экономических прав и свобод. При таком порядке вещей из сферы уголовно-правового регулирования «выпадают» отношения, возникающие в связи с существенным нарушением вещных прав лиц, не являющихся собственниками (ст.216 ГК РФ), прав владельцев, не являющихся собственниками (ст.305 ГК РФ), обязательственных прав (в частности, ст.48 ГК РФ), права наследования (ст.1154 ГК РФ), права на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности (ч.1

¹ См.: Российское уголовное право: Особенная часть: Учебник / Под ред. М.П.Журавлева и С.И.Никулина. М.: Спарк, 1998. С.134.

² См., в частности: Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. в 2-х т. Т.1 / Под ред. П.Н.Панченко. Нижний Новгород: НОМОС, 1996. С.398; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Ростов н/Д: Феникс, 1996. С.350-351; Уголовное право России: Особенная часть: Учебник / Отв. ред. Б.В.Здравомыслов. М.: Юристъ, 1996. С.135.

³ Плеханов Г.В. Избранные философские произведения. Т.1. С.528.

⁴ См.: Шкрелов В.П. Экономика и право (Опыт экономико-юридического исследования общественного производства). 2-е изд., перераб. и доп. М.: Экономика, 1990. С.4. Вот как этот ученый-экономист на одном из «круглых столов», посвященных проблемам собственности, обозначил свою научную позицию по рассматриваемому вопросу: «Я один из тех немногих экономистов, кто яростно борется за утверждение того, что собственность является предметом правоведения, юридической науки и не является предметом экономической науки» (см.: Право собственности в СССР. С.10).

⁵ См.: Скловский К.И. Собственность в гражданском праве: Учебно-практическое пособие. М.: Дело, 1999. С.12-14, 149-158.

ст.34 Конституции РФ), права на свободное распоряжение своими способностями к труду (ч.1 ст.37 Конституции РФ), исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности — интеллектуальной собственности (ч.1 ст.44 Конституции РФ) и др.

В свою очередь, понимание объекта преступлений, предусмотренных главой 21 УК, как исключительно права собственности необоснованно сужает по объему объект указанных посягательств, исключая из него все другие права на имущество, а точнее те имущественные отношения, которые не входят в предмет права собственности (в объективном смысле), и содержание которых, соответственно, не составляет право собственности (в субъективном смысле). К числу последних относятся имущественные отношения, которые складываются по поводу имущественных благ невещественной природы, либо возникают в связи с переходом имущественных благ вещественного и невещественного характера от одного лица к другому, а равно участниками которых являются субъекты ограниченных вещных прав, владельцы (как законные, так и незаконные), арендатор и арендодатель, ссудодатель и ссудополучатель, страхователь и страховщик, поверенный и доверитель и т.д.

Кроме того, как справедливо утверждается в науке уголовного права, внеэкономическое понимание объекта исследуемых преступлений «практически не дает ответа на вопрос, в чем суть ущерба, причиненного этому объекту, и каков механизм его нарушения»¹.

Суть третьего подхода — в экономической и правовой трактовке собственности в уголовном праве. Такой подход сложился в советской уголовно-правовой доктрине. Одним из первых советских криминалистов, последовательно придерживавшихся понимания собственности одновременно как экономического отношения и субъективного права, был С.И.Сирота. Poleмизируя с Б.С.Никифоровым, он утверждал, что «объект преступлений против социалистической собственности охватывает как материальные, экономические отношения социалистической собственности, так и правовые отношения, т.е. их правовую оболочку, а не только отношения собственности в смысле субъективного права собственности, как утверждает Б.С.Никифоров»². Эту же мысль спустя более десяти лет пропагандировал Э.С.Тенчов. Отношения собственности, писал он, как объект уголовно-правовой охраны, предполагают как материальные общественные отношения, так и их юридическое выражение, «правовую оболочку», то есть право собствен-

¹ Пинаев А.А. Уголовно-правовая борьба с хищениями. С.28.

² Сирота С.И. Указ. соч. С.13.

ности¹. Аналогичную позицию по данному вопросу занимал и В.Н.Литовченко: «Отношения собственности не существуют вне правовой оболочки, они урегулированы нормами права. Поэтому, посягая на отношения собственности, виновный одновременно нарушает и право собственности как юридическое выражение социально-экономических отношений»². Нельзя не упомянуть мнение по рассматриваемому вопросу и Г.А.Кригера. По существу, он также придерживался экономического и правового понимания собственности в уголовном праве. Указывая на необходимость дальнейшего развития идеи о праве собственности как объекта хищения, Г.А.Кригер писал: «Действительно, при имущественных преступлениях посягательство направлено против права собственности...». Вместе с тем, полагал он, «давая характеристику объекта посягательства при хищениях, нельзя ограничиться лишь указанием на право собственности как юридическую категорию, а следует раскрыть экономическое содержание отношений социальной собственности...»³.

В современной науке уголовного права обозначенный подход развивается в работах С.М.Кочои, по мнению которого, собственность — категория двуединая (экономическая и правовая). Это положение позволяет данному автору считать, что экономическое содержание собственности как объекта преступления образуют отношения присвоения (для собственника) и отношения хозяйственного использования имущества (для владельца), тогда как правовое содержание собственности составляют правомочия собственника, предоставленные ему законом. Отсюда С.М.Кочои делает следующий вывод: нельзя посягать на отношения собственности как экономической категории, причинить им ущерб, не затрагивая при этом отношения собственности как правовой категории и наоборот⁴. Оригинальный взгляд по рассматриваемому вопросу защищается З.А.Незнамовой. Последняя утверждает, что отношения собственности на орудия и средства производства, на предметы труда как структурный элемент более сложного образования, именуемого производственными, экономическими отношениями, выступают видовым объектом исследуемой группы посягательств. Тогда как права владения, пользования и распоряжения составляют суть отношений собственности как непосредственного объекта уголовно-правовой охраны

¹ См.: Тенцов Э.С. Указ. соч. С.34. В настоящее время взгляд Э.С.Тенцова на содержание собственности в уголовном праве трансформировался. Он считает, что преступления против собственности посягают на собственность в производственной, потребительской или в распределительной сферах как единственный объект или основной объект уголовно-правовой охраны (см.: Уголовное право России: Часть Особенная: Учебник / Отв. ред. Л.Л.Кругликов. С.191-194).

² Литовченко В.Н. Уголовная ответственность за посягательства на социалистическую собственность (понятие хищения): Учеб. пос. М., 1985. С.9.

³ См.: Кригер Г.А. Указ. соч. С.29.

⁴ См.: Кочои С.М. Указ. соч. С.81-82.

Экономическое и юридическое понимание собственности и имущественных отношений

нормами права, содержащимися в главе 21 УК РФ.

Указанный подход к пониманию собственности в уголовном праве не свободен от тех «уязвимых мест», на которые уже обращалось внимание при анализе двух предыдущих взглядов. Кроме того, при определении объекта преступлений, предусмотренных в главе 21 УК, как экономического отношения и одновременно как субъективного права собственности не учитывается, что экономическая и юридическая категории собственности не только несовместимы по смыслу, но и не всегда взаимосвязаны. С одной стороны, не всякое волевое экономическое отношение собственности имеет своим содержанием субъективное право собственности, так как может получать юридическую регламентацию и посредством иных правовых форм (например, с помощью обязательственного права). С другой стороны, субъективное право собственности не всегда реализуется исключительно в сфере экономики и «привязано» к реальным экономическим отношениям². Оно может осуществляться в сфере межличностных, управленческих и иных неэкономических отношений. Согласно закону собственник вправе по своему усмотрению совершать в отношении принадлежащих ему вещей любые правомерные действия (не обязательно экономически обусловленные).

Сосуществование в уголовном праве нескольких подходов к пониманию собственности не является случайным обстоятельством, а, скорее, есть следствие сложности как самого явления собственности, характеризующегося многоаспектностью, многосторонностью, многогранностью, так и его связей с другими явлениями и процессами действительности. В мировой и отечественной науке проблема собственности изучается философами, историками, политологами, социологами, психологами, экономистами, юристами и пр.³ Понятие собственности относится к числу межотраслевых и связано с рядом других фундаментальных категорий — «личность», «общество», «свобода», «власть», «производство», «право». В исследованиях проблематики собственности затрагиваются самые различные аспекты — философский, морально-этический, политический, социологический, психологический, исторический, экономический, правовой, наконец, даже религиозный. Согласно Библии, люди были наделены правом владеть земными благами на шестой день сотворения мира Богом: «И благословил их Бог, и

¹ См.: Уголовное право: Особенная часть: Учебник / Отв. ред. И.Я.Козаченко, З.А.Незнамова, Г.П.Новоселов. М., 1997. С.189-190.

² По этому поводу цивилисты замечают: «Субъекты юридических отношений (права собственности) и экономических отношений (присвоения) совсем не обязательно совпадают» (см.: Гражданское право: В 2-х т. Т.1: Учебник / Отв. ред. Е.А.Суханов. С.481).

³ См.: Ахиледиани А.А., Ковалев А.М. Собственность. Власть. Политика. М.: МГУ, 1996; Бургацов А.Х. Философия собственности: Курс лекций / Под ред. П.С.Кабытова. Самара, 1996; Зибер Н.И. Очерки первобытной экономической культуры. М.: Гос. социально-экономическое изд-во, 1937; Ковалевский М.М. Очерк происхождения и развития семьи и собственности. М., 1939; Лисин В.С. Собственность и предпринимательство в переходной экономике современной России. М.: Высш. шк., 1999; Прудон П.Ж. Что такое собственность? М.: Республика, 1998; Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.21. С.23-178.

сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над всяким животным, пресмыкающимся по земле» (Быт. 1:28).

Между тем, до сих пор остается открытым вопрос: что есть собственность по природе своей — начало духовное или материальное? Какие из особенностей этого многообразного и многоликого феномена являются основополагающими — нематериальные или вещественные? По Гегелю, «разумность собственности заключается не в удовлетворении потребностей, а в том, что снимается голая субъективность личности. Лишь в собственности лицо выступает как разум»¹. По Марксу, ответить на вопрос, что такое собственность, политическая экономия в состоянии только анализом отношений собственности как производственных отношений². Трудно не согласиться и с русским философом Н.А.Бердяевым, что собственность предполагает не только потребление материальных благ, но и более устойчивую и преемственную духовную жизнь личности в семье и роде, что начало собственности связано с метафизической природой личности, с ее внутренним правом совершать акты, преодолевающие быстротечное время³.

В современных научных исследованиях все больше внимания уделяется личностному аспекту данной проблематики. Вслед за философией собственности (Н.Н.Алексеев, Н.А.Бердяев, В.С.Соловьев, Б.Н.Чичерин и др.), сущность этого феномена стала связываться с самой личностью человека и представляться как идеальное продолжение личности в вещах. С.С.Алексеев утверждает: «Собственность — это как бы распространение себя самого на внешние предметы, на вещи. Или — что то же самое — вовлечение внешних предметов, вещей в орбиту себя самого»⁴. Сообразные с указанными взглядами принципы и методы исследования собственности активно вторглись в область, традиционно считавшуюся полем деятельности экономистов и юристов. Любопытно отметить, что понимание собственности как свойства самой личности находит своих сторонников и в науке уголовного права. Вот, что по этому поводу пишет Г.Н.Борзенков: «Согласно современному представлению о системе социальных ценностей, право собственности расценивается как важнейшее из социальных благ личности. Следовательно, посягательства на это благо являются, в широком смысле, также посягательствами на личность»⁵. Такие воззрения предполагают широкую сферу их приложения в праве. И, действительно, в современной уголовно-правовой доктрине на основании личностного подхода к собственности предлагаются некоторые пути совершенствования структуры Особенной части УК. О.В.Борисова пишет: «Охраняемые уголовным законом имущественные

¹ Гегель Г.В.Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. С.101.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т.16. С.26.

³ См.: Русская философия собственности (XVII-XX вв.). С.303-304.

⁴ Алексеев С.С. Собственность - право - социализм: полемические заметки. С.68.

⁵ См.: Уголовное право Российской Федерации: Особенная часть: Учебник / Под ред. Г.Н.Борзенкова и В.С.Комиссарова. С.172.

отношения несут в себе столько же экономического, материального, сколько и личного, волевого, поэтому оптимальным было бы расположение соответствующей группы уголовно-правовых норм в самостоятельном разделе между разделами о преступлениях против личности и о преступлениях в сфере экономики»¹.

Как видно, научно-философское понимание собственности включает в себя множество аспектов этого весьма сложного в своих связях, опосредованиях и отношениях явления, не ограничиваясь его экономической и правовой трактовкой. Это обстоятельство, возможно, и послужило основанием идеи, отвергающей собственность в качестве объекта преступных деяний, именуемых современным уголовным правом «преступлениями против собственности». Ее автор, И.А.Клепицкий, задается вопросом, что сегодня понимать в качестве объекта «преступлений против собственности»: Политико-экономическую «частную собственность» в смысле теории К.Маркса? Экономическую «собственность» как аксиологически бесцветные отношения по распределению материальных благ? Или формально-юридические правоотношения собственности? Отвечая на поставленный вопрос, И.А.Клепицкий утверждает: «Доктрина преступлений против собственности отвечала потребностям и характеру имущественных отношений того времени, когда она возникла и развивалась. Сегодня эта доктрина неприемлема как с теоретической, так и с практической точки зрения. Уже сейчас она настолько противоречит действительным условиям общественной жизни, что приводит к серьезным ошибкам в законодательстве»². Признание несовместимым с современной социально-экономической и криминологической реальностью учения о «преступлениях против собственности» исключает определение объекта преступных деяний, предусмотренных в главе 21 УК, с помощью такой категории как «собственность». К такому выводу, по существу, и приходит И.А.Клепицкий, признавая объектом указанных посягательств «имущественные права и интересы в их многообразии».

Восстановление в нашей стране рыночной экономики, сопровождающееся интенсивным развитием товарообмена, вовлечением в экономический оборот качественно новых объектов — *«res incorporales»* и все большего числа субъектов имущественных прав, появлением в имущественной сфере не известных в огосударственной экономике разновидностей отношений, обуславливает необходимость адекватного уголовно-правового обеспечения нового имущественного правопорядка. Очевидно, что это обстоятельство не может не отразиться на понимании объекта рассматривае-

¹ Борисова О.В. Традиционность и новизна технических приемов в главе 21 УК РФ // Проблемы юридической техники: Сборник статей / Под ред. В.М.Баранова. Нижний Новгород, 2000. С.628.

² Клепицкий И.А. Указ. соч. С.82.

мых преступных деяний и, соответственно, на наименовании этих преступлений. В прежнем правопорядке, основанном на плановой экономике, возникла идея объекта указанных преступных посягательств как собственности, что дало основание утверждать: «Термин «имущественные преступления», как неправильный, указывающий разве только на формальный признак, относящийся к объективной стороне состава, должен быть заменен иным наименованием этой категории преступлений. Эти преступления представляют собою преступления против частной собственности в буржуазном праве, преступления против социалистической собственности и преступления против личной собственности в социалистическом праве. Такое наименование этих преступлений будет соответствовать их социально-экономической и политической оценке»¹. В имущественном правопорядке, базирующемся на рыночной экономике, необходимо переосмысление прежних представлений об объекте преступлений, совершаемых в имущественной сфере. Последний, с одной стороны, более не может охватывать своим содержанием всю «основу экономической системы государства и общества», а с другой — ограничиваться исключительно субъективным правом собственности. Соответственно, и рассматриваемые преступления, и их объект должны получить наименования, которые более точно выражают природу указанных посягательств в новых социально-экономических и политических условиях.

Разумеется, сказанное не следует трактовать в смысле отрицания собственности, ее роли и места в уголовном праве. Бесспорно, собственность была, есть и в обозримом будущем останется необходимым компонентом как экономической, так и правовой системы, а следовательно, одним из наиболее значимых объектов правовой защиты. Как справедливо утверждалось еще в дореволюционной доктрине, с тех пор, как существует институт собственности, он не перестает быть объектом наибольшей суммы преступлений в обществе. С изменением многих условий общественной жизни изменяются не только количество, но и формы правонарушений, направленных против собственности. Так, по мере увеличения общей безопасности и изменения в нравах общества число случаев разбоя и грабежа, постепенно уменьшаясь, уступает место в жизни и в таблицах уголовной статистики краже и мошенничеству, преступлениям, где средством для достижения преступного намерения служат не физическая сила, а известные интеллектуальные способности человека². Другое дело, что с учетом становления и развития в нашей стране рыночного имущественного правопорядка пред-

¹ Розенберг Д.Н. Указ. соч. С.69.

² См.: Тальберг Д. Насильственное похищение имущества по русскому праву (разбой и грабеж). Историко-догматическое исследование. Спб., 1880. С.I-II.

ставляется необходимым использование в уголовном праве новых категорий, которые наиболее адекватно отражали бы сущность преступлений, совершаемых в имущественной сфере, и устранили бы существенные расхождения в трактовке их объекта.

Вместе с тем нельзя полностью согласиться с суждением И.А.Клепицкого об «имущественных правах и интересах» как объекте рассматриваемой группы преступлений. Односторонний подход к определению объекта преступлений в имущественной сфере, как исключительно правового или экономического феномена не учитывает органическую взаимосвязь экономики и права. С этой точки зрения сторонники «юридизации» или «экономизма» допускают методологическую ошибку, игнорируя взаимодействие хозяйственных и правовых явлений и тем самым лишая право его экономических оснований, а экономику — ее правовых основ. Справедливо замечено, что юридическую регламентацию имущественных отношений невозможно понять, не вникая в их экономическую сущность¹. С другой стороны, не менее верным следует считать и положение, что экономический анализ отношений, складывающихся в имущественной сфере, не может быть точным без учета результатов их правового регулирования.

Важно поэтому подчеркнуть, что именно экономико-правовое (комплексное) понимание должно составить методологическую основу определения объекта рассматриваемых преступлений². В этой связи наиболее удачной представляется категория *«имущественные отношения»*, обозначающая конкретные экономические отношения собственности, которые складываются в сфере производства, распределения, обмена и потребления по поводу использования экономических благ. Это те отношения, которые возникают между конкретными лицами в связи с принадлежностью и переходом благ (имущества, результатов работ, оказания услуг) и являются предметом правового регулирования и охраны. Трудно найти юридический термин, который более точно и адекватно отражал бы современные экономические

¹ См.: Суханов Е.А. Указ. соч. С.6.

² Уместно сказать, что экономико-правовая трактовка объекта имущественных преступлений согласуется с комплексным подходом к пониманию волевых отношений собственности (имущественных отношений), имеющим своих сторонников в экономической теории и науке гражданского права. Например, по мнению К.А.Улыбина, правовое и экономическое содержание собственности вряд ли стоит противопоставлять (хотя они могут не совпадать и даже противоречить друг другу), так как в сущности оба эти момента являются двумя сторонами одной медали (см.: Улыбин К.А. Указ. соч. С.8). Е.А.Суханов также отмечает, что собственность следует рассматривать как экономико-правовое явление, в котором правовая форма неразрывно слита с экономическим содержанием, что отношения собственности выступают как экономико-правовые отношения, поскольку их экономическое содержание немалосило вне правовой оболочки (см.: Суханов Е.А. Указ. соч. С.16; Маттеи У., Суханов Е.А. Указ. соч. С.299, 300).

процессы принадлежности и перехода имущества (в широком смысле слова), получающие юридическую регламентацию с помощью вещных, обязательственных и иных правовых форм. Имущественные отношения составляют объект особой разновидности посягательств — *имущественных преступлений*, именуемых в действующем УК «преступлениями против собственности». Указанные преступные деяния в условиях рыночной экономики посягают обычно на имущественные отношения, которые имеют стоимостной характер, складываются по поводу имущественных благ, обладающих экономической формой товара, и субъектами которых являются юридически равные и независимые друг от друга лица. В свете сказанного целесообразно в рамках раздела VIII УК РФ наименование главы «Преступления против собственности» изложить в следующей редакции: «Имущественные преступления».

Понимание имущественных отношений как экономических по своей природе означает признание имущественных преступлений разновидностью экономических преступных посягательств. Это положение не только вытекает из наименования раздела VIII «Преступления в сфере экономики» УК РФ, содержащего систему норм об ответственности за указанные посягательства, но и получило научное признание¹.

Общественная опасность имущественных преступлений состоит в посягательстве на имущественные отношения товарно-денежного характера (в том числе на признанные в Российской Федерации и охраняемые равным образом частную, государственную, муниципальную и иные формы собственности), а также в причинении или угрозе причинения существенного имущественного ущерба личности, обществу и государству, в искажении мотиваций поведения участников имущественных отношений. Между тем вопрос о социальной опасности указанных преступных деяний получает различное решение в зависимости от трактовки их объекта. Так, в рамках «производственной» концепции собственности как правоохраняемого объекта опасность имущественных преступлений связывается, главным образом, с двумя обстоятельствами. Во-первых, считается, что данные посягательства нарушают производственные отношения и тем самым препятствуют созданию материально-технической базы общества, тормозят дальней-

¹ См.: Пшонковский А.А. Советское уголовное право: Особенная часть. Т.2. М., Л.: Государственное изд-во, 1928. С.24-27; Медведев А.М. Экономические преступления: понятие и система // Сов. гос. и право. 1992. №1. С.78-84; Милюков С.Ф. Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа. СПб., 2000. С.229; Право собственности в СССР. С.182-183; Яковлев А.М. Социология экономической преступности. С.50-51; Российское законодательство: проблемы и перспективы. М.: БЕК, 1995. С.343.

шее повышение материального и культурного уровня жизни народа¹. Это обстоятельство обосновывается тем, что посягательства на собственность как основное производственное отношение выражаются в уменьшении материальных благ, предназначенных для использования в народном хозяйстве. Во-вторых, признается, что рассматриваемые преступления грубо попирают принцип распределения материальных благ. Данное обстоятельство объясняется тем, что эти преступные посягательства чаще всего заключаются в присвоении чужого труда, овеществленного в имуществе. Как известно, в условиях социализма действует распределительный принцип, который получает выражение в формуле «От каждого — по способностям», каждому — по труду» (ст.14 Конституции РСФСР 1978 г.). При этом основу личной собственности граждан составляют трудовые доходы (ст.13 Конституции РСФСР). В связи с этим, опасность рассматриваемых преступлений видится в обогащении виновных за счет чужого труда, в уклонении от контроля за мерой труда и мерой потребления, в подрыве материальных и моральных стимулов к труду, в ведении паразитического образа жизни².

Понимание объекта имущественных преступлений как имущественных отношений, складывающихся в сфере производства, распределения, обмена и потребления по поводу использования экономических благ (ограниченных ресурсов), определяет более глубокое видение опасности исследуемых преступных деяний. Эти посягательства подрывают стабильность и устойчивость экономической системы, серьезно препятствуют экономическому росту, нарушают нормальное функционирование основных экономических процессов, приводят к искажениям мотиваций в реальных секторах экономики. Так, они негативно воздействуют на *производственную сферу*. Снижая или лишая стимулы к развитию производства, эти преступления способствуют сокращению и падению объемов производства материальных благ, способны привести к серьезному спаду и свертыванию производства, повлечь стагнацию производственных процессов. Данные преступления приводят к серьезным деформациям и в *сфере распределительных отношений*. Здесь они выражаются в необоснованном присвоении части дохода внеэкономическими способами (путем обмана, насилия, угроз, принуждения и пр.) в пользу паразитического потребления. Имущественные посягательства негативно влияют и на процессы *обмена*. В самом деле, кто будет совершать сделки, заранее зная, к примеру, что его обманут? Очевидно, что такой «порядок вещей» способен вызвать снижение инвестиционной актив-

¹ См.: Кригер Г.А. Указ. соч. С.8; Матышевский П.С. Указ. соч. С.6; Сирота С.И. Указ. соч. С.4.

² См.: Владимиров В.А. Указ. соч. С.7; Владимиров В.А., Ляпунов Ю.И. Указ. соч. С.13; Кригер Г.А. Указ. соч. С.8; Матышевский П.С. Указ. соч. С.6; Сирота С.И. Указ. соч. С.4.

ности в экономической сфере, серьезно затормозить экономический оборот. Имущественные преступления вызывают рост негативных явлений и в *потребительской сфере* — конечной экономической фазе. Здесь названные посягательства существенно затрудняют или исключают потребление экономических благ действительными участниками экономических процессов. Свертывание потребления, в свою очередь, ведет к количественному и качественному уменьшению потребностей. Кроме того, имущественные преступления нередко лишают конкретных лиц средств существования.

Опасность имущественных преступлений заключается и в том, что они препятствуют эффективной эксплуатации ограниченных ресурсов, осуществлению режима рационального, экономного хозяйствования, снижая у собственников стимулы к бережному и разумному ведению хозяйственной деятельности. Действительно, в условиях постоянного риска потерь от имущественных посягательств, реальности угрозы полного разорения очень трудно сохранить «чувство хозяина» и стремление к наилучшему ведению производства, его совершенствованию.

Повышенную опасность указанные преступные деяния представляют в период экономических трансформаций, когда переход общества от одной экономической системы к другой сопровождается кризисными явлениями в сфере экономики, изменениями принципов и правил присвоения и оборота имущественных ценностей, пересмотром ценностных подходов в сфере имущественных отношений. В условиях восстановления рыночных отношений в современной России опасность имущественных преступлений состоит в том, что, попирая базовые принципы функционирования рыночной экономической системы (принципы неприкосновенности собственности, свободы договора и имущественного оборота), подрывая стимулы к активной предпринимательской и иной экономической деятельности, лишая малоимущих людей средств к существованию, вызывая социальную напряженность и провоцируя рост конфликтов в обществе, они препятствуют формированию в стране цивилизованного рыночного хозяйства.

Проникновение в «правовую сферу» имущественных отношений также способствует более глубокому пониманию общественной опасности исследуемой группы посягательств. Поясним сказанное. Право собственности является одним из прав человека, провозглашенных Конституцией Российской Федерации как высшей ценности. Согласно п.1 ст.17 Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 г., каждый человек имеет право владеть имуществом как единолично, так и совместно с другими. В соответствии со ст.1 Протокола к Конвенции о защите прав человека и основных

Экономическое и юридическое понимание собственности и имущественных отношений

свобод от 4 ноября 1950 г., каждое физическое или юридическое лицо имеет право беспрепятственно пользоваться своим имуществом. Это требование демократического международного сообщества признано Конституцией Российской Федерации: каждый вправе иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами (ч.2 ст.35). В связи с вышеизложенным общественная опасность имущественных преступлений заключается в нарушении принципа неприкосновенности собственности, провозглашенного Всеобщей декларацией прав человека (п.2 ст.17) и сформулированного в ч.3 ст.35 Конституции РФ, согласно которой никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда. Отрицая право собственности, имущественные преступления посягают также на другие гражданские права и охраняемые законом интересы личности, общества и государства в имущественной сфере, подрывают в целом основы имущественного правопорядка.

В связи со сказанным представляется необходимым уточнить значение для уголовного права конституционного принципа равной защиты всех форм собственности. В современном уголовном праве получило признание положение о том, что действие указанного конституционного принципа исключает дифференциацию ответственности за исследуемые преступления в зависимости от формы собственности. Равная уголовно-правовая охрана всех форм собственности *в части прав всех собственников (граждан, государства и иных субъектов права собственности)* была обеспечена Федеральным законом от 1 июля 1994 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР»¹. Данное положение нашло свое дальнейшее развитие в общих судебных разъяснениях. Так, в п. 1 постановления № 5 Пленума Верховного Суда РФ от 25 апреля 1995 г. «О некоторых вопросах применения судами законодательства об ответственности за преступления против собственности»² указывается: поскольку закон не предусматривает дифференциации ответственности за эти преступления в зависимости от формы собственности, определение таковой не может рассматриваться обязательным элементом формулировки обвинения лица, привлекаемого к уголовной ответственности. Считается, что и УК РФ сохраняет равную уголовно-правовую охрану всех форм собственности. В действительности же, это не совсем так. Формы собственности, как пишут цивилисты, нельзя отождествлять с правом собственности,

¹ См.: Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. №10. Ст.1109.

² См.: Сборник постановлений Пленумов Верховного Суда Российской Федерации (СССР, РСФСР) по уголовным делам. М.: ПБОЮЛ Гриженко Е.М., 2001. С.208-211.

ибо они получают самые различные юридические формы выражения, не сводящиеся только к праву собственности¹. Отсюда, гарантированная Конституцией РФ равная защита всех форм собственности предполагает одинаковую защиту прав всех товаровладельцев, равную охрану любых не противоречащих законодательству форм хозяйствования и признаваемых законом имущественных прав². Для уголовного права это означает не только необходимость обеспечения равной охраны права собственности (точнее, имущественных отношений, складывающихся в связи с принадлежностью вещей различным лицам — субъектам права собственности) независимо от того, кто является его субъектом, но и признание права собственности и иных имущественных прав равнозначными (равноценными) правоохраняемыми объектами.

¹ См.: Гражданское право: В 2 т. Т.1: Учебник / Отв. ред. Е.А.Суханов. С.480.

² См.: Комментарий к Конституции Российской Федерации. М.: БЕК, 1994. С.31.

Глава II

Имущественные преступления: историко-экономический анализ

1. Основание уголовно-правового запрета в сфере имущественных отношений

Как известно, все наши представления (утверждения и идеи), так же как и явления материального мира, находятся между собой во взаимосвязи. В силу этого всегда и повсюду каждое существует лишь посредством другого. Одну из разновидностей всеобщих связей и выражает категория «*основание*». В научно-философском смысле основание означает базис, первоначало, фундамент, на что опирается или из чего исходит нечто другое — явление или процесс, действие или событие, мысль или вещь.

Философы вкладывают в понятие «основание» два смысла: (1) логическое основание (основание познания), под которым понимают суждения или идеи, на которые опираются другие суждения и идеи; (2) реальное основание (основание бытия) — явления или вещи, из действительности которых вытекает действительность других явлений или вещей; основание бытия иначе называют причиной. Действительно, каждое событие или явление материального и нематериального мира должны иметь свою первооснову: вещи, чтобы существовать, нуждаются в причине, утверждения — в основании.

Что касается причинности, как и любой закон, она имеет определенную сферу своего проявления и пределы своего применения. Во-первых, причинность касается исключительно изменений и объясняет такие изменения, которые происходят в окружающем человека мире. Изменения как переход из одного качественно определенного бытия в качественно другое бытие выражаются в смене состояний какого-либо процесса или явления *во времени*. Отсюда, указанный закон регулирует такие отношения, в которых предшествующее состояние называется причиной, последующее — следствием, а связь между названными состояниями — причинной связью. Изменение может наступить только вследствие того, что ему предшествует другое изменение, которое необходимо влечет его за собой. Эта необходимость и есть причинная связь. Во-вторых, закон причинности, объясняя изменения в окружающем человека мире, утверждает, что не явление есть причина другого явления, а изменение одного состояния выступает причиной изменения другого состояния. Соответственно, явления или процессы, действия или события следуют друг за другом, а не друг из друга.

В свете вышеизложенного, под *основанием уголовно-правового запрета* следует понимать те явления и процессы, которые порождают потребность общества в уголовно-правовой охране наиболее важных социальных отношений и вызывают необходимость принятия, изменения или отмены уголовно-правовых норм, регулирующих эти отношения. Словом, это то, что определяет или устраняет уголовную противоправность конкретных форм социального поведения¹.

Факторы, вызывающие возникновение, изменение или прекращение действия уголовно-правовой нормы, носят криминогенный или антикриминогенный характер. В первом случае соответствующие детерминанты выражаются в появлении и распространении общественно опасных деяний, причиняющих существенный вред или создающих угрозу причинения существенного вреда личности, обществу или государству. Во втором — в сокращении форм преступного поведения или уменьшении степени общественной опасности тех или иных видов преступности.

Криминогенные трансформации влияют на законотворческий процесс, всякий раз побуждая законодателя более или менее точно выражать в уголовном законе новые тенденции и характеристики преступности. Критический пересмотр и обновление уголовного законодательства имеют под собой прежде всего криминологическое обоснование, заключающееся в изменении криминогенной ситуации в социуме. Уголовный закон должен адекватно отражать криминогенное состояние общества; изменение и дополнение уголовного закона должны быть криминологически обоснованными. Не случайно одним из основных концептуальных положений текущего совершенствования и реформирования уголовного законодательства является необходимость его приведения в соответствие со сложившейся криминологической реальностью². Отсюда, криминологические обоснованным следует признавать закон, который не соответствует криминогенным реалиям.

Основание уголовно-правового запрета следует отличать от основания уголовной ответственности. Проблема основания уголовной ответственности — одна из центральных проблем уголовного права, от практического решения которой во многом зависят масштабы и пределы применения уголовной репрессии, ее социально-политическая направленность. Следует подчеркнуть, что категории «основание уголовно-правового запрета» и «основание уголовной ответственности» не являются равнозначными. Основа-

¹ См.: Основание уголовно-правового запрета. М.: Наука, 1982. С.5 и др. В данной работе наряду с категорией «основание уголовно-правового запрета» используется понятие «основание криминализации». Последнее обозначает «те процессы, происходящие в материальной и духовной жизни общества, развитие которых порождает объективную необходимость уголовно-правовой охраны тех или иных ценностей», «то, что создает действительную общественную потребность в уголовно-правовой повеле, внутренняя необходимость возникновения правовой нормы» (см.: Там же. С.204-205). Как видно, указанные категории являются тождественными.

² См.: Пояснительная записка к проекту Уголовного кодекса Российской Федерации // Рос. газета. 1995. 25 января.

Имущественные преступления: историко-экономический анализ

ние уголовной ответственности — это совокупность указанных в уголовном законе объективных и субъективных обстоятельств содеянного, необходимых и достаточных для применения уголовно-правовой нормы. Тогда как основание уголовно-правового запрета — комплекс причин возникновения и изменения самих уголовно-правовых норм. Между тем указанные категории взаимосвязаны. Основание уголовно-правового запрета определяет основание уголовной ответственности, то есть при формулировании в уголовном законе основания ответственности законодатель учитывает основание криминализации. При этом основание уголовной ответственности должно быть несколько «шире» основания уголовно-правового запрета в целях обеспечения эффективного применения уголовно-правовой нормы.

Криминогенные процессы, происходящие в имущественной сфере, также требуют своего адекватного отражения в Особенной части УК. Уголовно-правовые нормы об имущественных преступлениях не могут оставаться неизменными в условиях происходящих криминогенных трансформаций в сфере экономики. В противном случае уголовный закон теряет свой предупредительный потенциал. Отсюда, *основание уголовно-правового запрета в сфере имущественных отношений* — это те криминогенные явления и процессы, которые обуславливают необходимость уголовно-правовой охраны имущественного порядка, сложившегося в сфере экономики и, соответственно, принятия, изменения или отмены уголовно-правовых норм об ответственности за имущественные преступления.

Необходимость криминализации тех или иных общественно опасных форм поведения в имущественной сфере возникает всякий раз, когда происходят существенные криминогенные изменения в мире экономики. Прежняя система норм об имущественных преступлениях уступает место новому нормативному образованию, способному отразить натиск преступности в соответствующей сфере и предупредить распространение прежде неизвестных видов имущественных посягательств.

Факт обусловленности человеческого поведения вообще определяет обусловленность и преступного поведения людей. Преступность — явление детерминированное и поддается причинным объяснениям. «Как социальное явление, — писал С.Е.Вицин. — преступность подчиняется действию объективных социальных факторов»¹. Также и по мнению А.М.Яковлева, «никакое социальное явление (прежде всего — преступность) не может быть удовлетворительно объяснено «из самого себя», взятое изолированно от той более общей структуры, частью которого изучаемое социальное явление служит»². Изменения состояния преступности обусловлены действием множества факторов различной природы. Ту же мысль можно выразить словами: преступность «является результатом длительного действия сложных

¹ Вицин С.Е. Моделирование в криминологии: Учебное пособие. М., 1973. С.24.

² См.: Ли Д.А. Преступность в структуре общества. М.: Информационно-издательское агентство «Русский мир», 2000. С.8.

факторов, определивших на известной территории жизнь народа и обусловивших все явления, характеризующие эту жизнь»¹.

Среди комплекса факторов, обуславливающих распространение общественно опасного поведения в имущественной сфере и изменение форм указанного поведения, основными являются факторы экономического характера. Как известно, динамика преступности проявляется в следующих количественных и качественных криминогенных переменных: в уровне колебания и структурных сдвигах². В этом смысле изменчивость есть способность преступности реагировать на воздействие тех или иных экономических факторов уровневными и структурными изменениями. Так, экономические кризисы оказывают усиливающее влияние на рост имущественной преступности³. *Экономические трансформации, то есть переход общества от одной экономической системы к другой, приводят к сдвигам в структуре имущественной преступности.* Имущественная преступность под экономическим углом зрения представляет собой своеобразный результат «приспособления» асоциальных потребностей, криминальных способностей, своеобразных устремлений человека к изменяющимся экономическим условиям. В этой связи очередное возрастание и (или) качественное изменение характера и движущих мотиваций криминогенных процессов в сфере имущественных отношений — одно из закономерных следствий происходящих перемен в сфере экономики. Тем самым, имущественная преступность получает экономическое обоснование.

В рамках исследуемой проблематики обращает на себя внимание структура преступности. Под структурой преступности в криминологии понимается показатель, обозначающий «качественный состав преступности, то есть наличие и число преступлений различных групп и видов в их общем количестве»⁴. Структура преступности выступает реальным прообразом как системы преступлений, закрепленной в уголовном законе, так и научной классификации преступных деяний. В этом смысле система и классификация преступлений, в том числе и имущественного характера, есть идеализированная модель ее действительной структуры.

Как структура преступности характеризует соотношение видов преступности, так и структура имущественной преступности выражает разнообразие ее видов. Изменение в структуре преступности связаны с процессом видообразования криминального поведения. Этот процесс выражается в появлении новых видов общественно опасных деяний, изменении их общественной опасности и утрате этими деяниями со временем социально опасного характера. Трансформации в структуре имущественной преступности также принимают три направления: 1) появление и распространение

¹ Ван-Кан Ж. Экономические факторы преступности. М., 1915. С.312.

² См.: Криминология: Учебник / Под ред. Н.Ф.Кузнецовой, Г.М.Миньковского. М.: БЕК, 1998. С.96.

³ См.: Шнайдер Г.И. Криминология. М.: Издательская группа «Прогресс»-«Универс», 1994. С.159.

⁴ Вицин С.Е. Указ. соч. С.32.

Имущественные преступления: историко-экономический анализ

новых видов общественно опасного поведения в имущественной сфере; 2) изменение характера и степени общественной опасности тех или иных видов имущественного поведения, наказуемого уголовным законом; 3) отмирание и исчезновение некоторых видов социального опасного поведения в области имущественных отношений.

Многие виды имущественных преступлений, отраженные в прошлых системах отечественного законодательства, неизвестны современному праву России или отнесены им к другим группам преступных посягательств. Например, согласно действующему УК общественно опасные виды банкротства признаются преступлениями в сфере экономической деятельности (ст.ст.195-197), тогда как по Уголовному Уложению 1903 г. указанные деяния были отнесены к случаям наказуемой недобросовестности по имуществу (ст.ст.599-603). Другие имущественные преступления претерпели существенные модификации. Так, мошенничество, которое в современном уголовном законодательстве признается одной из форм хищения чужого имущества, прежде составляло самостоятельный вид имущественных преступлений или даже рассматривалось в виде группы имущественных посягательств, совершаемых путем обмана (глава 33 «О мошенничестве» Уголовного Уложения). Присвоение и растрата также потеряли в действующем УК былую характеристику преступлений, заключающихся в необоснованном обогащении без нарушения владения (ст.ст.574 и ч.3 ст.578 Уголовного Уложения), и рассматриваются в качестве форм хищения. Злоупотребление доверием — известное современному праву как способ совершения некоторых имущественных преступлений (ст.ст.159 и 165 УК)¹, ранее составляло группу общественно опасных посягательств, совершаемых в сфере имущественных отношений (ст.ст.577-580 Уголовного Уложения). Таким образом, структура имущественной преступности — феномен, меняющийся с течением времени под воздействием, главным образом, экономических детерминант.

Между тем нельзя чрезмерно абсолютизировать преобладающее влияние экономического фактора как на уровень, так и структуру имущественной преступности. Отношения между экономическими процессами и определенным состоянием преступности в имущественной сфере носят сложные и далеко не однозначные зависимости. Во-первых, экономика — часть системы более высокого порядка — общества. Экономические отношения многими нитями связаны с другими социальными институтами и структурами. Поэтому изменение криминогенных процессов в области имущест-

¹ Следует указать, что в п.«м» ч.1 ст.63 УК называется такое отягчающее наказание обстоятельство как совершение преступления с использованием доверия, оказанному виновному в силу его служебного положения или договора. В этой связи представляется, что вышеуказанный способ имущественных преступлений было бы правильнее именовать не «злоупотребление доверием» (категорией, скорее, обозначающей вид преступного деяния, чем способ его совершения), а «использование доверия, оказанного виновному в силу договора, служебного положения или иных оснований» либо просто — «использование доверия».

венных отношений не может обуславливаться исключительно факторами экономического характера. Функционирование имущественной преступности происходит под известным влиянием факторов различной природы, специфичных для той или иной страны: исторических, культурных, национально-традиционных, политических, идеологических, морально-этических, наконец, природно-климатических. Каждый из них по-своему определяет течение криминогенных процессов в имущественной сфере. Поэтому конкретное состояние имущественной преступности является (в более строгом смысле) следствием взаимодействия всех этих моментов, всей этой «группы параллелограммов сил». В связи с этим уместно вспомнить справедливое замечание С.В.Познышева о влиянии разнообразных факторов на генезис имущественной преступности. Этот ученый-юрист писал, что указанные посягательства кажутся особенно тесно связанными с экономическими условиями современного общества. Однако они несомненно останутся и при всех мыслимых улучшениях общественной жизни, о которых только можно в настоящее время серьезно рассуждать. Конечно, может значительно сократиться число их, по крайней мере, некоторых из них. Но все-таки они останутся в жизни, так как невозможно представить себе, чтобы исчезли все воспроизводящие их факторы. А факторы эти не одна только бедность и нужда, а и слишком сильная у людей жажда наживы, чрезмерная склонность к разным чувственным наслаждениям, для удовлетворения которых не хватает законных источников и средств, незнание своего ремесла и нелюбовь к труду, зависть, ненависть, месть и т.д.¹

Итак, проблема основания уголовно-правового запрета в сфере имущественных отношений — это вопрос о влиянии экономических закономерностей на течение криминогенных процессов в имущественной сфере, с одной стороны, и отражении происходящих криминогенных перемен в уголовном законодательстве об ответственности за имущественные преступления — с другой. Эту невидимую связь, которая складывается между экономикой, имущественной преступностью и уголовным законом, можно выразить в следующей формуле: *структурно-системные преобразования экономических отношений собственности обуславливают изменение преступности в сфере имущественных отношений, что, в свою очередь, требует понятия, изменения и(или) уголовно-правовых норм об ответственности за преступления в имущественной сфере.*

Основание уголовно-правового запрета в имущественной сфере находит свое выражение в известном влиянии экономической системы на правовую. Такое воздействие носит необычный характер. Экономические процессы и явления могут влиять на уголовный закон, если они воспроизводят общественно опасное экономическое поведение. Кроме того, действие экономических факторов нельзя понимать так, что они прямо и непосред-

¹ См.: Познышев С.В. Особенная часть русского уголовного права: Изд. 3-е, испр. и доп. М., 1912. С. 190.

венно «порождают» преступность. Здесь необходимо принимать во внимание известные особенности причинных отношений: не явление есть причина другого явления, а изменение одного состояния выступает причиной изменения другого состояния. Отсюда, изменение экономических условий необходимо влечет за собой изменение криминогенных процессов в имущественной сфере. Равным образом, и имущественная преступность не «плодит» законов. Криминогенные трансформации, происходящие в имущественной сфере, обуславливают изменение уголовного законодательства об имущественных преступлениях.

Очевидно, что сказанное требует обоснования, способ которого зависит от выбора методологического средства исследования. Так, в современной отечественной криминологии подчеркивается, что имущественная преступность органически связана с определенной системой социально-экономических отношений (формацией)¹. На наш взгляд, генезис рассматриваемого вида преступности обусловлен, прежде всего, системно-структурными трансформациями в сфере экономики.

Как известно, экономика есть *система* отношений, складывающихся в связи с производством, распределением, обменом и потреблением благ. Наличие в экономике системных связей и свойственных ей системных признаков позволяет рассматривать последнюю в определенный исторический период как экономическую систему. В этом смысле экономическое развитие общества представляет собой историческую цепь последовательно сменяющих друг друга экономических систем. Экономические системы отличаются многообразием типов. Особое внимание обращает на себя типология экономических систем в зависимости от следующих признаков: 1) формы собственности, преобладающей в экономике определенного типа, и 2) основного способа организации экономической деятельности (формы хозяйствования). На основании указанных признаков в современной экономической литературе различают традиционную, плановую и рыночную экономики².

Отличительные признаки *традиционной экономики* состоят в доминировании (1) общинной формы собственности на основные средства производства и (2) натурально-общинных форм хозяйствования. В *плановой экономике* преобладают (1) государственная собственность и (2) государственное регулирование экономических отношений. Особенности *рыночной экономики* — (1) многообразие форм собственности и (2) основанный на свободной конкуренции механизм регулирования экономических процессов³.

¹ См.: Криминология: Учебник / Под общ. ред. А.И.Долговой. М.: Издательская группа ИН-ФРА.М — НОРМА, 1997. С.469-470.

² См.: Мамедов О. Указ. соч. С.81-130; Экономика: Учебник / Под ред. А.С.Булатова. С.16.

³ См.: Гусейнов Р. История экономики России: Учебное пособие. Новосибирск: ООО «Издательство ЮКЭА», 1998. С.33; Нуреев Р.М. Курс микроэкономики. С.60-63; Нуреев Р.М. Политическая экономика. Докапиталистические способы производства: Основные закономерности развития: Учебное пособие. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1991. С.81; Основы теории переходной экономики (вводный курс). С.9-11; Экономика: Учебник / Под ред. А.С.Булатова. С.19-21.

Эти типы экономики отличаются друг от друга не только по названным экономическим признакам. Они имеют неодинаковые криминологические характеристики и, соответственно, обуславливают существенное различие в системе и содержании уголовно-правовых запретов, действующих в сфере имущественных отношений. Отсюда, методологическую основу этой части исследования составляет *историко-экономический анализ*: развитие законодательства об имущественных преступлениях связывается с криминогенными трансформациями в имущественной сфере, происходящими в связи с переходом общества от одного типа экономики к другому. Возможно, что такой методологический подход не является универсальным, но он оказывается весьма эффективным при исследовании имущественных преступлений по уголовному праву России, «испытавшему» влияние всех трех из названных выше экономических систем.

2. Имущественные преступления в обществе с традиционной экономикой

Традиционная экономика характерна для общества, где имеют место существенный недостаток экономических благ и низкий уровень развития производительных сил, который обусловлен, прежде всего, примитивной техникой ручных орудий труда, основанной на использовании мускульной силы человека, двигательной силы домашних животных, потоков воды и ветра¹. Традиционная экономика соответствует такой ступени развития производительных сил, которая предопределяет крайне ограниченную цель производства, подчиняя последнее удовлетворению первоочередных, насущных жизненных потребностей, незначительных по объему и однообразных по своему характеру. Традиционная экономика обычно способна обеспечить лишь необходимый уровень потребления и не всегда может устранить даже угрозу голода. Характеризуя этот тип экономических отношений, специалисты замечают: «Уровень экономического развития низкий, обеспечивающий потребление на грани физического выживания... Принуждение к труду носит объективно-физиологический характер — кто не добывает себе пропитание, умирает от голода»², основное производство — это производство пищи, средств потребления³. Даже на более высоких ступенях развития общества с традиционной экономикой указанные особенности сохраняются. В этой связи уместно привести суждения Ж. Ле Гоффа: «Экономика средневекового Запада имела целью обеспечить людям средства существо-

¹ См.: Илющенко В.П. Указ. соч. С.48.

² Березин И.С. Краткая история экономического развития: Учебное пособие. М.: Русская Деловая Литература, 1998. С.15.

³ См.: Нуреев Р.М. Экономический строй докапиталистических формаций (Диалектика производительных сил и производственных отношений). Душанбе: Донни, 1989. С.121.

Имущественные преступления: историко-экономический анализ

вания. Дальше этого она не шла... Средневековый Запад — это прежде всего универсум голода, его терзал страх голода и слишком часто сам голод¹. Указанные условия жизнедеятельности «традиционного» общества определяют следующую основную экономическую функцию его хозяйственной системы — обеспечить получение устойчивого, регулярного необходимого продукта. В условиях, когда общество без конца подвергается угрозе лишения средств существования, основная цель экономики, по выражению Ж. Ле Гоффа, — «создавать необходимое»².

При неизменности хозяйственного быта и существующего образа жизни уровень и структура имущественной преступности остаются величинами в целом устойчивыми, стабильными, их изменения заметны лишь по истечении длительных периодов времени. Медленное течение экономических процессов, господство традиций и обычаев, единообразие экономической жизни вызывают «застой» криминогенных процессов в экономике. Отсюда, криминологической закономерностью общества с традиционной экономикой является повторение криминогенных процессов в прежних пропорциях и размерах.

Слабое развитие производства, существенная ограниченность в обществе материальных ресурсов, имеющих в силу этого весьма высокую ценность, сами по себе сдерживают рост имущественной преступности. Наука обязана Ч.Ломброзо открытием на первый взгляд парадоксальной криминологической закономерности, как представляется, действующей и в имущественной сфере: «Бедность является источником преступлений, хотя и очень грубых и жестоких по своей форме, но зато довольно ограниченных по своему числу. Между тем искусственные бесконечные потребности богатых людей создают и многочисленные виды особых преступлений»³. На это обстоятельство обращают внимание и современные криминологи: «В средние века имущественные преступления были широко распространены, но, конечно, не в столь огромных масштабах, как сегодня»⁴.

Как замечено, имущественные преступления не могут получить широкого распространения при незначительном объеме материальных благ, обеспечивающих общинную жизнедеятельность. Трудно не согласиться с формулой П.Л.Лаврова: «Пока вещей немного, а нас мало, мы не спорим»⁵. Недостаток вещей, кроме всего прочего, определяет их повышенную значимость для общества, часто превышающую ценность человеческой жизни, что обеспечивает повышенную охрану имущественных интересов со стороны владельцев вещей, даже ценой собственной жизни. В обществе с традиционной экономикой «индивидуальная собственность, едва только образо-

¹ См.: Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада / Общ. ред. Ю.Л.Богословского. М.: Издательская группа Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. С.208, 216.

² Ле Гофф Ж. Указ. соч. С.209.

³ Ломброзо Ч. Преступление. М.: СПАРК, 1994. С.120.

⁴ Шнайдер Г.И. Указ. соч. С.156.

⁵ См.: Русская философия собственности. С.85.

вавшаяся, ценится так высоко, в такой тесной связи находится с личностью обладателя, что составляет как бы плоть и кровь его»¹, а «вещь предстает связанной, соединенной с человеком»². Объясняя такое положение, Л.С.Белогриц-Котляревский писал: тогда приобретение имущества было сопряжено со столь большими трудностями и лишениями, что они равнялись часто потере здоровья и самой жизни; поэтому человек нередко и смотрел на имущество как на более драгоценное благо, чем телесная неприкосновенность и здоровье³. С другой стороны, когда вещи составляют большую редкость, владение ими так заметно, что обнаружение хищения и требование возвращения противоправно присвоенного следует одно за другим почти непосредственно⁴.

Рост имущественной преступности в рассматриваемых условиях ограничивается и тесной сплоченностью общинной жизни, наличием сильных коллективных связей, господством общинной собственности, преобладанием общности имущества. В самом деле, чем больше равенства, тем меньше мотивов похищать друг у друга. С другой стороны, пока индивид не выходит из общины, вся его жизнь сохраняет публичный характер, протекает на виду и под тотальным контролем общественных институтов, что определяет моментальное изобличение виновного, неотвратимость кары.

В обществе с традиционной экономикой если и имеет место рост имущественных посягательств, то скорее в направлении внешнего мира. Однако посягательства на имущественную сферу соседних сообществ не рассматриваются как преступления. Н.И.Зибер подчеркивал, что все народы, ведущие натуральное хозяйство, с большой точностью соблюдают имущественные права по отношению к ним самим: в среде соплеменников собственность священна. Но воровать вне своего сообщества считается скорее заслугой, чем преступлением. Удачный вор, когда жертвой является не член сообщества, получает одобрение всего племени, относительно «чужеземцев» воровство — не более как ловкая проделка, и ловкий вор, как у спартанцев, награждается аплодисментами своих друзей⁵. Сообщество может даже возвести воровство у «врага» в одну из отраслей почетного труда⁶.

Следует заметить, что разная оценка в сущности сходных типов поведения объясняется не только экономическими факторами. Локальность, присущая традиционным сообществам, определяет партикуляристское сознание, когда индивид еще не знает общего понятия «человек»: человек для него только соплеменник⁷. Из этого следует и распространенный в таком

¹ См.: Богдановский А. Развитие понятий о преступлении и наказаний в русском праве до Петра Великого. М., 1857. С.101.

² См.: Вейнберг И.П. Человек в культуре древнего Ближнего Востока. М.: Наука, 1986. С.83.

³ Белогриц-Котляревский Л.С. Очерки курса русского уголовного права: Общая и Особенная часть. Лекции. Киев-Харьков, 1896. С.15.

⁴ См.: Зибер Н.И. Указ. соч. С.161.

⁵ См.: Зибер Н.И. Указ. соч. С.188-191.

⁶ См.: Там же. С.197.

⁷ См.: Кон И.С. Открытие «Я». М.: Политиздат, 1978. С.125-126, 177.

Имущественные преступления: историко-экономический анализ

социуме взгляд на преступление как на деяние, причиняющее исключительно материальный вред своему сообществу или его отдельному члену.

Структура имущественной преступности общества с традиционной экономикой не отличается разнообразием видов посягательств. Так, Русской Правде и другим памятникам древнерусского права известны татьба (кража), истребление или повреждение чужих вещей, а также незаконное завладение и пользование имуществом, имеющим особую социальную ценность (обычно это земля и лошади)¹. Сравнительно «бедная» структура имущественной преступности «традиционного» общества объясняется тем, что в массе населения преобладают самые элементарные потребности, находящиеся вместе с производством в зачаточном состоянии.

Вопрос об объекте имущественных преступлений в обществе с традиционной экономикой трудно отнести к числу простых. Этому обществу неведомо представление о собственности как об исключительном господстве конкретного лица над определенным кругом имущественных объектов. Ж. Ле Гофф писал: «Собственность как материальная или психологическая реальность была почти неизвестна в средние века. От крестьянина до сеньора каждый индивид, каждая семья имели более или менее широкие права условной, временной собственности, узуфрукта. Каждый человек не только имел над собой господина или кого-то обладающего более мощным правом, кто мог насильно лишить его земли, но и само право признавало за сеньором легальную возможность отнять у серва или вассала его земельное имущество при условии предоставления ему эквивалента, подчас очень удаленного от изъятого»².

В этой связи представляется неслучайным возникновение в юриспруденции дискуссии о первичности собственности и владения. Как известно, в римском праве владение представлено с исторической точки зрения как отношение, предшествовавшее собственности и породившее ее: собственность на вещи произошла от естественного владения. Это объяснялось тем, что в доклассическое время не существовало общего определения собственности, а давалось перечисление отдельных правомочий собственника; при обобщении всех этих отдельных определений собственность не обособлялась от владения³. Мнение римских корифеев, что первоначально собственность скрыта во владении, разделялось некоторыми отечественными учены-

¹ См.: Малиновский И. Лекции по истории русского права. Ростов н/Д, 1918. С.298.

² Ле Гофф Ж. Указ. соч. С.126-127. Также И.С.Кон замечает, что феодальная собственность является условной: положение индивида в феодальной иерархии, его права и обязанности связаны с владением земель, полученной от вышестоящего сеньора, который в свою очередь был чьим-то вассалом (см.: Кон И.С. Указ. соч. С.247). Для феодализма, пишет В.П.Шкретов, типична такая форма собственности, при которой господство над вещами (прежде всего землей) принадлежит не исключительно одному какому-либо индивиду, а группе, ассоциации феодалов. В чистом виде такую форму имущественных связей следует рассматривать не как частную, а как специфически историческую форму ассоциированной собственности (см.: Шкретов В.П. Указ. соч. С.19).

³ См.: Римское частное право: Учебник / Под ред. И.Б.Новицкого и И.С.Перетерского. М.: Юристъ, 1997. С.158, 177.

ми-юристами XIX века. Так, по словам Д.И.Мейера, «понятие о праве собственности обыкновенно развивается из владения»¹. В дореволюционной науке высказывались и противоположные суждения: «Никак нельзя согласиться, что когда-либо идея владения совершенно покрывала понятие собственности»². Правильное решение указанной проблемы было найдено В.Сергеевичем. «На первых ступенях развития, — считал этот ученый-юрист, — как у нас, так и у других народов владение и собственность сливались. Собственник был в то же время и владельцем, а кто владел, тот и был собственником... В древности не различали владения и собственности»³. Действительно, общество с традиционной экономикой воспроизводит имущественные отношения, выражающиеся в ограниченном количестве материальных ценностей, доступных обществу, тесной (в частности, кровнородственной) сплоченности участников этих отношений, непосредственном единстве производителей со средствами производства, незначительной распространенности обмена и пр. Как писал А.Е.Пресняков, в древнейший период лицо было в столь сильной зависимости от задруги⁴, что не могло проявлять своих прав как прав сколько-нибудь индивидуальных, так что о каком-либо праве собственности отдельного задругаря как совладельца не может быть и речи: права, вытекающие из собственности на имущество, принадлежали целому, задруге, а не ее членам; лишь постепенно, по мере разложения основ старого задругного права, задруга все больше приближается к совладению, принимая характер корпорации. Чтобы осмыслить этот тип имущественного права, к нему применяется понятие общего, нераздельного владения⁵.

Высказано мнение, что в данной экономической системе «собственностью является лишь то, что потребляется», что здесь «собственность есть потребление»⁶. В самом деле, потребительная стоимость вещи обнаруживается в пользовании вещью. Следовательно, имущественные отношения традиционного общества — это отношения, складывающиеся в большинстве своем по поводу владения и пользования вещами. Поэтому применительно к традиционной экономике понятия «собственность» или «право собственности» следует понимать условно, в значении, весьма отличном от современного смысла этих феноменов. Вышеизложенные обстоятельства подтверждают необходимость определения объекта рассматриваемых преступлений через категорию «имущественные отношения».

Объектом имущественных преступлений в обществе с традиционной экономикой являются *имущественно-потребительные* отношения. Это весь-

¹ Мейер Д.И. Русское гражданское право: В 2-х ч. Ч.2. М.: Статут, 1997. С.5.

² Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права: 3-е изд. с доп. Киев-СПб, 1900. С.520.

³ Сергеевич В. Лекции и исследования по истории русского права: 3-е изд. СПб, 1903. С.522-523.

⁴ Задруга (сербохорв.) — семейная община у южных славян.

⁵ Пресняков А.Е. Княжое право в древней Руси: Лекции по русской истории. Киевская Русь. М.: Наука, 1993. С.14-15.

⁶ См.: Зибер Н.И. Указ. соч. С.167.

ма простой вид имущественных связей. Последние предполагают взаимную оценку их участниками индивидуальных качеств экономических благ, по поводу владения и пользования которых эти отношения складываются.

Предмет имущественных преступлений в условиях традиционной экономики характеризуется исключительно физическими, натурально-вещественными признаками. Им может быть только *вещь* как предмет потребления или средство добывания потребляемых благ. Слабое развитие производительных сил общества с традиционной экономикой обуславливает значительную зависимость его от природы. Как писал С.Соловьев, такое общество ведет образ жизни, какой указала ему природа¹. Следовательно, в обществе с традиционной экономикой преобладают производственные процессы, определяемые и привязанные к природным². Как известно, природа не знает имущественных прав, ей неизвестны имущественные выгоды и интересы. Отсюда становится понятным, почему при традиционной экономике только ценности вещественного характера являются предметом имущественных посягательств.

Предметом рассматриваемых правонарушений (особенно на ранних стадиях развития общества с традиционной экономикой) выступает вещество, данное природой, и лишь в некоторых случаях продукты человеческого труда. Многие вещи как предмет имущественных посягательств занимают важное место в жизни людей как источники пищи, средства охоты и пр. Например, в положениях Русской Правды подробно перечисляются следующие возможные предметы имущественных нарушений: конь, бобр, вол, корова, голуби, куры, утки, гуси, лебеди, овцы, козы, свиньи, псы, ястребы, соколы, пчелы и т.д.

В обществе, где в роли экономического фактора используются рабы — «говорящие орудия труда», где рабовладение складывается в систему или выступает отдельным элементом экономических отношений, предметом имущественных правонарушений признается и человек. Убийство, причинение вреда здоровью или похищение раба (холопа, челядина) рассматриваются как имущественные нарушения³. Так, Русская Правда за кражу холопа устанавливала 12 гривен продажи — наиболее высокую меру взыскания за имущественные посягательства. В Судебнике 1497 г. упоминается о головной татбе — краже холопов, рабов, за которую «живота не дати, казнити смертною казньо»⁴. Как писал С.Соловьев, «в числе похищений чужой собственности полагался увод, укрывательство беглого холопа, поощь, оказанная ему во время бегства, нерадение при поимке»⁵.

¹ Соловьев С. История России с древнейших времен. Т.1. 3-е изд. М., 1857. С.1.

² См.: Нуреев Р.М. Политическая экономия. Докапиталистические способы производства. С.8-9.

³ См.: Косвен М. Преступление и наказание в догосударственном обществе. М.-Л.: Гос. изд-во, 1925. С.117.

⁴ См.: Хрестоматия по истории государства и права СССР. Дооктябрьский период / Под ред. Ю.П.Титова, О.И.Чистякова. М.: Юрид. лит., 1990. С.45.

⁵ Соловьев С. Указ. соч. С.260.

Современному праву известно общее деление вещей на движимые и недвижимые. Предметом имущественных преступлений в условиях традиционного способа производства являются в основном движимые вещи. Недвижимое имущество признается предметом некоторых видов рассматриваемых посягательств. Традиционная экономика существует на базе естественных производительных сил, ее основной отраслью является сельское хозяйство, где занято, по оценке некоторых исследователей, до 85% трудоспособного населения¹. Земля представляет собой основной элемент традиционного производственного процесса, участвуя в процессе производства как всеобщий предмет и средство труда. Поэтому в традиционном обществе обеспечивается охрана землевладению; участки леса с бортными деревьями ограничиваются вырубленными на коре знаками, вокруг отдельных полей идут межи — нейтральные земельные полосы. Нарушение или повреждение (уничтожение) межевых знаков — пограничных знаков чужого недвижимого владения по Русской Правде карается высшей мерой продажи в 12 гривен. Указанные случаи В.Сергеевич оценивал как завладение недвижимостью, соединенное с порчей межевых знаков². И.Малиновский — как истребление пограничных знаков в целях завладения недвижимостью³. Соборное Уложение 1649 г. сохраняет принципы Русской Правды о защите землепользования. Повреждение и уничтожение межей рассматриваются как тяжкие преступления и подлежат строгому наказанию. Согласно ст.231 Соборного Уложения, кто «писцовую межу испортит и столбы вымечет, или грани высечет, или ямы заровняет, или землю перепашет», тех людей «бити кнутем нещадно, и бив кнудом, вкинути в тюрьму на неделю», и «велети межи и грани зделати и ямы выкопати по прежнему»⁴.

Недвижимые вещи являются предметом и такого имущественного посягательства как уничтожение или повреждение чужих вещей, главным образом, путем поджога. За поджог гумна или двора — помещений, предназначенных для хранения материальных ценностей и проживания людей, виновный подвергался по Русской Правде высшей мере наказания — потоку и разграблению, так как ставил под угрозу самую возможность существования потерпевших. С.Соловьев по данному вопросу писал: «Также должна была община изначала смотреть и на зажигательство двора или гумна: зажигатель должен был заплатить за вред, причиненный пожаром, и потом осуждался также на поток, а дом его отдавался на разграбление»⁵.

Экономический признак предмета имущественных преступлений в условиях традиционной экономики выражается в полезности вещи. Как установлено экономической теорией, объективной целью традиционного обще-

¹ См.: Березин И.С. Указ. соч. С.16.

² Сергеевич В. Указ. соч. С.433.

³ Малиновский И. Указ. соч. С.299.

⁴ См.: Российское законодательство X-XX веков: В 9-ти т. Т.3. Акты Земских Соборов. М.: Юрид. лит., 1985. С.141.

⁵ Соловьев С. Указ. соч. С.260.

Имущественные преступления: историко-экономический анализ

ства является производство таких материальных ценностей, которые в своей подавляющей массе потребляются самими производителями и потому не принимают товарную форму¹.

Поскольку объективной целью традиционного способа производства является создание продуктов, главным образом, для собственного потребления, стоимость не выступает основанием дифференциации ответственности за имущественные преступления. Памятники русского законодательства свидетельствуют, что «нашему древнему праву неизвестно различие краж по цене украденного»². Например, в Русской Правде не принята рыночная цена вещи как предмета имущественного посягательства; понятие татыбы по Соборному Уложению 1649 г. также не зависит от стоимости предмета этого вида хищения. «Кража по Уложению будет налицо и тогда, когда вор крадет вещи большой стоимости, и тогда, когда он срывает воровски в чужом саду плоды такой ценности, которую нельзя было, может быть, и перевести на деньги. Мы ни в одной статье не встречаем указаний на то, чтобы хищение вещей малой стоимости нарушало понятие кражи»³.

Стоимостное выражение предмета имущественных посягательств впервые получило юридическое значение только в законодательстве эпохи Петра I. По этому поводу, М.Ф.Владимирский-Буданов писал: «Относительно имущественных преступлений петровское законодательство заключает в себе важное отличие от предшествующего русского права, вводя по оценке преступлений (по образцу немецкого права) цену вещи (при краже), различая кражу на сумму не свыше 20 руб. от большой кражи (свыше 20 руб.)»⁴.

Основанием дифференциации ответственности за имущественные преступления в условиях традиционной экономики выступают натурально-экономические свойства вещи. Поэтому предмет указанных посягательств непременно *конкретизирован* в законодательстве. Русская Правда определяет размер уголовного штрафа за кражу прежде всего в зависимости от вида похищаемого имущества и его экономического значения (ценности): за кражу холопа и бобра назначена продажа в высшем размере — 12 гривен, за кражу собаки, сокола, ястреба, пчел — 3 гривны, уток и гусей — 30 кун и пр. Также и хищение водного судна, согласно ст.79 Русской Правды, наказывается уголовным штрафом в зависимости от вида последнего: кража обычной ладьи (грузового судна) влечет продажу в размере 60 кун, морской ладьи (большого килевого судна) — 3 гривны, набойной ладьи (большегруз-

¹ См.: Илющечкин В.П. Указ. соч. С.50.

² Сергеевич В. Указ. соч. С.429.

³ Белогриц-Котляревский Л. О воровстве-краже по русскому праву. С.26-27.

⁴ Владимирский-Буданов М.Ф. Указ. соч. С.359. Несколько ранее на указанное положение было обращено внимание А.Ф.Бернером: «Самое замечательное изменение Воинских Артикулов по отношению к предшествовавшим памятникам заключается в уступлении наказуемости воровства-кражи по мере ценности украденного предмета» (см.: Бернер А.Ф. Учебник уголовного права. Части Общая и Особенная. С прим., прил. и доп. По истории русского права и законодательству положительному / Перевод и издание Н.Неклюдова. Т.1. Часть Общая. Спб, 1865. С.249).

ного судна с надставленными в высоту бортами, а также палубой) — 2 гривны, челна (малого судна, выдолбленного из ствола дерева) — 20 кун, струга (речного грузового судна, гребного или парусного) — 1 гривна¹.

К объектам, подлежащим особой охране в традиционном обществе, принадлежали лошади. Конокрадство рассматривалось как квалифицированный вид кражи и относилось к категории особо тяжких преступлений. С. Соловьев, анализируя положения Русской правды, писал: «Относительно кражи похитивший обязан был возратить похищенное, и платить известную сумму за обиду, смотря по ценности украденного; исключение составляет в некоторых списках коневой тать, которого мир выдавал князю на поток»². В. Сергеевич также обращал внимание на суровое наказание за конокрадство, предусмотренное в нормативных актах раннего средневековья: «У германцев кража лошади вела иногда к смертной казни побоем камнями. По Русской Правде коневому татю полагается высшая мера наказания — поток и разграбление. Псковская судная грамота коневому татю угрожает смертной казнью»³. Как представляется, указанное обстоятельство также не является случайным. Лошадь — важнейший элемент натурального хозяйства, имеющий многофункциональное назначение. Так, использование лошадей (в отличие от другого рабочего скота) повышает производительность труда⁴.

Объективная сторона имущественных преступлений в условиях традиционной экономики характеризуется исключительно активной формой поведения в виде незаконного завладения, повреждения или уничтожения чужого движимого или недвижимого имущества. При этом составы преступлений сконструированы путем чрезмерной конкретизации той или иной формы поведения (по Русской Правде, «двор и гумно зажгут», «конь порежет или скотину», «борть подытнет», «украдут чюжь пес» и пр.).

По своей законодательной конструкции составы абсолютного большинства имущественных преступлений материальные. Как замечено историками уголовного права, «деликт представляет собой в эту эпоху причинение материального ущерба»⁵. Между тем указанное положение, как и всякое правило, знает исключение. Составы имущественных посягательств,

¹ См.: Хрестоматия по истории государства и права СССР. Дооктябрьский период. С. 18.

² Соловьев С. Указ. соч. С. 260.

³ Сергеевич В. Указ. соч. С. 431.

⁴ Как замечает Ж. Ле Гофф: «Превосходство лошади признавалось у славян с XII в. до такой степени, что, согласно хронике Гельмонда, единицей измерения пашни была площадь участка, который можно было обработать за день парой быков или одной лошадейю, а в Польше в это же время лошадь стоила вдвое дороже быка, поскольку производительность ее дневного труда была на 30% выше» (см.: Ле Гофф Ж. Указ. соч. С. 201). В экономической теории обращается внимание и на другие обстоятельства: «В отличие от вола, кормом которого служили естественная растительность, а также вторичные продукты земледелия (солома, ботва и т.п.), лошади, особенно в период страды, требовалось зерно, которое было основным продуктом питания земледельца и его семьи» (см.: Нуреев Р. М. Политическая экономия. Доканиталистические способы производства. С. 19).

⁵ Косвен М. Указ. соч. С. 117.

предметом которых являются вещи, обладающие особой экономической ценностью в традиционной экономике, сконструированы по типу формальных. В памятниках русского права это нарушение или повреждение межвых знаков, а также незаконное завладение чужой лошастью. Последнее наказывается по Русской Правде наравне с простой кражей (татьбой): «кто поедет на чужом коне, не спросив у хозяина, то 3 гривны».

В обществе с традиционной экономикой основанием дифференциации ответственности за имущественные преступления выступает наряду с предметом соотносимое с ним действие. При определении имущественного преступления и наказания за него обращается внимание на скрытый характер посягательства. По утверждению некоторых исследователей, в таком обществе особую опасность представляют тайно совершаемые правонарушения. Поэтому и наказываются строже обыкновенного те посягательства, которые заключаются в «скрытности» — признаке, указывающем на обстановку совершения преступления и на особые свойства личности виновного, использующего внешние условия для реализации своего преступного замысла. Как свидетельствуют историки, в глазах древнего германца, славянина и всякой другой нации человека посягательство носило более опасный характер в том случае, когда оно направлялось низкими, недостойными намерениями и целями, нежели, когда его совершали явно¹. «В начале истории, когда каждый полагался только на свои личные силы, тайный вор возбуждал гораздо большее отвращение и более казался опасным, чем тот, кто открыто шел к своей цели»². Отсюда, одним из первых и наиболее распространенных видов имущественных преступлений в обществе с традиционной экономикой выступает кража³.

Напротив, насильственные посягательства в имущественной сфере не признаются преступлениями либо оцениваются как нетяжкие имущественные нарушения, наказуемые наравне с ненасильственными преступлениями против собственности или даже влекущие за собой более мягкие меры ответственности. Как утверждал В.Сергеевич, насилие само по себе не только не ухудшало участь похитителя, а облегчало ее. Вероятно считалось, что человек, прямо идущий к своей цели (но не ведомый лихой), имеет достаточные причины отнять силой чужую вещь⁴.

В древнерусском праве открытые и насильственные имущественные посягательства не предусматривали особых уголовных кар. Как писал Д.Тальберг, «ни Русская Правда, ни другие памятники ... не знают ни грабежа, ни разбоя в современном значении этого слова»⁵. Видимо, в одних

¹ См.: Богдановский А. Указ. соч. С.117-118.

² См.: Сергеевич В. Лекции и исследования по истории русского права. 1903. С.432.

³ Как писал Л.С.Белогриц-Котляревский: «Кража в смысле тайного похищения сравнительно рано выделяется в самостоятельное преступление, отличное от других видов корыстного захвата чужого имущества» (см.: Белогриц-Котляревский Л.С. Очерки курса русского уголовного права. С.395).

⁴ См.: Сергеевич В. Указ. соч. С.438-439.

⁵ Тальберг Д. Указ. соч. С.15.

случаях открытое и насильственное хищение охватывалось понятием воровства, в других — признавалось ненаказуемым.

Что касалось грабежа в русском праве, первоначально он вовсе не выделялся в качестве самостоятельного вида преступления. Более того, этот вид посягательства не имел строго определенного понятия. Грабежом признавались насильственные, однако не всегда противозаконные действия, заключающиеся в изъятии имущественного блага, находящегося во владении другого лица.

Так, по мнению одних исследователей, «под грабежом понимался всякий насильственный захват чужого имущества — будет ли это действием установленной власти или личного произвола (самоуправства) или народного волнения»¹. Действительно, по русскому праву понятием грабежа охватывалось даже один из самых суровых видов уголовного наказания — «поток и разграбление». Последний заключался в изгнании преступника вместе с членами его семьи из общины и возмещении убытков за счет имущества последних, а также уничтожении и присвоении (расхищении) членами общины имущества виновного.

С точки зрения других историков-юристов, грабеж хотя и не выделялся в специальный вид имущественного преступления, но несомненно наказывался наравне с татьбой и под именем татьбы. М.Ф.Владимирский-Буданов писал: «Древнему русскому праву (равно как и большей части прав первобытных народов) неизвестен грабеж как преступление; но из этого не следует, что такое деяние вовсе не считалось преступным и не наказывалось, напротив, оно только не выделялось в особый вид из целой массы имущественных преступлений, заключенных под общим названием татьбы»². Близкая точка зрения по данному вопросу была высказана и И.Я.Фойницким: «До Соборного Уложения «татьба» была единственным термином для обозначения, с одной стороны, тайного похищения движимости, с другой — насильственного отнятия ее, не переходящего в разбой»³.

Как самостоятельное преступление, грабеж впервые выделяется в памятниках московского законодательства. Он относился к числу нетяжких преступлений в силу того факта, «что в старину существовал снисходительный взгляд на явное отнятие имущества»⁴. По мнению М.Ф.Владимирского-Буданова, грабеж считался не более как самоуправным изъятием материального блага у другого лица после драки, возникшей по каким-либо личным или имущественным мотивам⁵. По Соборному Уложению 1649 г. за грабеж предусматривалось менее строгое наказание, чем за татьбу. По этому поводу В.Сергеевич замечал, что дети, пограбившие насильством животы родителей, наказываются кнутом нещадно, однако тюрьме, ссылке и по-

¹ Там же. С.26.

² Владимирский-Буданов М.Ф. Указ. соч. С.298.

³ Фойницкий И.Я. Мошеничество по русскому праву. Спб, 1871. Ч.1. С.21.

⁴ См.: Малиновский И. Указ. соч. С.300.

⁵ См.: Владимирский-Буданов М.Ф. Указ. соч. С.341.

тере уха не подлежат. Согласно ст.136 главы X Соборного Уложения, простой грабеж сверх вознаграждения убытков карался только пеней, что государь укажет, а следовательно, гораздо мягче татьбы (согласно ст.9 главы XXI Соборного Уложения, первая татьба влекла за собой торговую казнь, тюремное заключение на два года, отрезание левого уха и передачу имущества вора пострадавшему).

О другом насильственном имущественном посягательстве — разбое упоминалось в Русской Правде только как о преступлении против жизни — убийство в «разбое» («разбой без всякой свады»). Под этим преступлением понималось причинение смерти совершенно невинному человеку в целях достижения какой-либо низкой, корыстной цели¹. По мнению А.Богдановского, это убийство без всякой предшествовавшей обиды или ссоры, могшей вызвать обиженного на честные бои, на месть за обиду, — где, следовательно, преступник руководствуется какими-либо скрытными, неблагоприятными, низкими целями, — каково, например, отнятие и присвоение чужой собственности и др. тайное злодеяние, соединенное с убийством². Аналогичное мнение о сущности этого преступления высказывал и С.Соловьев: Русская Правда различает разбойничество, когда человек убил другого без всякой вражды, от убийства по вражде, в пылу ссоры, драки⁴.

В московский период развития русского права разбой относился к числу тяжких многообъектных преступлений, направленных как против жизни, здоровья, имущественных прав частных лиц, так и против интересов общества в целом. «Разбой» — это нападение, совершенное устойчивой преступной группой лиц (ведомых лихих людей) обычно в целях завладения чужим имуществом, нередко сопряженное с убийством, поджогом. В историко-правовой литературе указывается на следующие характерные особенности данного деяния: «разбой московского законодательства означает преимущественно открытое нападение, производимое, как ремесло, шайкой злодеев»³. Наконец, последнее примечательное замечание о разбое: в царских Судебниках 1497 г. и 1550 г. разбой наказывался наравне или даже менее строго, чем кража. Лишь Соборное Уложение 1649 г. установило ответственность за разбой несколько выше в сравнении с санкциями за кражу. Так, этот законодательный акт устанавливал за первый разбой трехгодичное тюремное заключение с последующей ссылкой (ст.16 главы XXI), за неоднократный — смертную казнь (ст.17 главы XXI).

Такое, в известной мере, снисходительное отношение общества с традиционной экономикой к насилию и терпимость его к открытым формам имущественных посягательств обусловлены целым комплексом факторов. Подобный подход к открытому и насильственному изъятию чужого имуще-

¹ Владимирский-Буданов М.Ф. Указ. соч. С.308.

² См.: Богдановский А. Указ. соч. С.31, 102, 118.

³ См.: Соловьев С. Указ. соч. С.259.

⁴ См.: Тальберг Д. Указ. соч. С.74.

ства объясняется, не в последнюю очередь, и соображениями экономического характера. Одна из особенностей экономики древних и средневековых обществ — широкое распространение ручного универсального труда¹. Свойственная данной ступени экономического развития система производительных сил являлась натуральной в том смысле, что для нее были характерны естественные средства и условия производства, а также преобладание живого труда над овеществленным. Главным источником энергии для производственных целей на протяжении всей истории древнего и средневекового общества оставалась мускульная сила человека и домашних животных, на долю которой приходилось не менее 90-95% всех затрат двигательной энергии в процессе общественного производства². Понятно, что в таком обществе решающее значение имели индивидуально-природные особенности человека. И в первую очередь повышенной ценностью признавалась физическая сила. Это обстоятельство находит отражение и в правосознании. Там, где дерзость и физическая сила признаются высшей ценностью, открытые и насильственные нарушения чужих интересов являются социально терпимыми или, по крайней мере, не вызывают большого общественного негодования.

Что касается таких способов противоправного получения имущественной выгоды, как обман, использование доверия, принуждение, они не известны обществу с традиционной экономикой. Поэтому мошенничество и другие виды имущественного обмана, присвоение и растрата, использование оказанного доверия в ущерб интересам выгодоприобретателя, вымогательство и иные виды принуждения в сфере имущественных отношений, банкротские правонарушения незнакомы традиционной экономике на ранней стадии ее развития и остаются нетипичными для нее даже на более поздних этапах ее функционирования.

Нормы об указанных преступлениях — плод более развитого экономического строя и сознания в сравнении с нормами о других имущественных преступлениях. Указанные посягательства появляются и получают распространение по мере развития имущественных отношений, экономической основой которых являются глубокое общественное разделение труда, господство экономического обмена и товарно-денежных отношений, развитие частной собственности и капитала.

Так, в истории отечественного права ни Русская Правда, ни Псковская судная грамота, ни другие ранние памятники русского права не упоминали о мошенничестве. Исследователи истории русского права отмечают: «Мошенничество, как похищение чужих вещей посредством обмана, не отмечено в древнейших законах»³. Указанное криминогенное обстоятельство имеет свое экономическое обоснование. Составным компонентом традиционной экономики являются натурально-общинные формы хозяйст

¹ См.: Борисов Е.Ф. Указ. соч. С.101; Экономика: Учебник / Под ред. А.С.Булатова. С.19.

² См.: Илюшечкин В.П. Указ. соч. С.350, 361.

³ Владимирский-Буданов М.Ф. Указ. соч. С.342.

ния. Натуральное хозяйство — это такой строй хозяйства, который основан на общинных формах присвоения и натуральных формах распределения созданного продукта, и поэтому носит замкнутый, локальный характер. При таком экономическом порядке, как уже отмечалось, общественный продукт не принимает формы товара или принимает ее лишь в небольшой своей части, так как производится, главным образом, для удовлетворения потребностей самих производителей, а не для продажи на рынке.

Имущественные обманы получают распространение с развитием экономического оборота, когда обмен из неэкономического фактора и случайного, спорадического явления в сфере экономики становится необходимой составляющей экономической системы. Усиление экономического оборота, ускорение движения экономических благ и обусловленное ими развитие договорных отношений сопровождается ростом мошенничества, а также других имущественных преступлений, соединенных с обманом. С возрастанием доли этого преступления в структуре имущественной преступности развивается и уголовно-правовое понятие мошенничества¹.

В отечественном законодательстве нормы о мошенничестве формируются постепенно, начиная со второй половины XVI века. По утверждению Лохвицкого, «мошенничество появляется позже кражи; в нашем законодательстве оно встречается в первый раз в Судебнике царя Ивана Васильевича именно потому, что обман, хитрость не свойственны быту патриархальному: они показывают в преступнике умственную ловкость». Действительно, первое указание на имущественный обман в виде мошенничества дается в ст. 58 Судебника 1550 г. Ивана Грозного: «А мошеннику таже казнь, что и татю, а обманщика бити кнутьем». Этот законодательный акт отождествляет мошенничество с татьбой, совершенной впервые. Через столетие Соборное Уложение 1649 г. в своей статье 11 главы XXI повторяет положение Судебника о мошенничестве: «Да и мошенником чинить тот же указ, что указано чинить татем за первую татьбу» (бить кнутом, отрезать левое ухо и посадить в тюрьму на два года). Между тем само понятие «мошенничество» в названных законодательных актах не определялось. По мнению некоторых дореволюционных юристов, в прежние времена под мошенничеством

¹ «Уголовно-преступный имущественный обман, — писал И.Я. Фойницкий, — начинает появляться в летописях русского законодательства с тех только пор, когда имущественный оборот нашего общества достиг той степени развития, на которой для него необходимо взаимное доверие, врываясь последовательно в различные отношения по степени этой необходимости. Такие области оборота как торг золотыми и серебряными товарами или как торг на общественных рынках, настоятельно требовавший правдивость в мерах и весах, послужил для него входною дверью в нашу юридическую жизнь. Затем он последовательно и очень медленно проникал в те отдельные отношения, на которые указывали развивавшиеся общественные отношения — в продажу чужого или проданного уже недвижимого имущества, потом вобрал в себя обмер и обвес, обманы в качестве и т.д.» (см.: Фойницкий И.Я. Мошенничество по русскому праву. Ч. I. С. 83-84).

понималось хищение мошны¹ или из мошны, то есть карманная кража². По мнению В. В. Есипова, мошенничество в Соборном Уложении «означало обманное, ловкое (иногда внезапное) хищение чужого имущества; наказание за мошенничество было одинаково с наказанием за кражу»³.

Воинские артикулы Петра I вовсе не упоминают о мошенничестве. Как свидетельствуют историки, в петровские времена формы хищения, сопряженные с обманом, обычно охватывались понятием кражи.

Впервые законодательное определение мошенничества было дано в указе Екатерины II от 1781 г. «О разных видах воровства и какие за них наказание чинит». Примечательно само определение мошенничества: «Воровством-мошенничеством называется, когда кто на торгу или в ином многоядном месте у кого из кармана что вынет, или обманом, или вымыслом, или внезапно у кого что отнимет, или унесет, или от платья полу отрежет, или позумент спорет, или шапку сорвет, или купит что и не заплатив денег скроется, или обманом, или вымыслом продаст, или отдаст поддельное за настоящее, или весом обвесит или мерою обмерит, или что подобное обманом или вымыслом себе присвоит без воли и согласия хозяина». Ценность этого определения состоит в том, что в нем упоминается, хотя и в качестве альтернативного, такой существенный признак этого преступления, как обман.

В XIX веке в Своде законов Российской империи 1830 г. почти дословно повторяется понятие этой формы хищения из положений Указа 1781 г. В этой связи Н. С. Таганцев писал: «Определение Свода нельзя назвать определением мошенничества в строгом смысле, потому что Свод группировал под именем мошенничества в высшей степени разнообразные и по существу своему почти не имеющие между собой ничего общего преступления против собственности на основании лишь одного внешнего признака их, именно маловажности»⁴.

Таким образом, законодатель долгое время не проводил строгого отграничения мошенничества от таких имущественных преступлений, как кража и грабеж. Мошенничество в отечественном праве, начиная со второй половины XVI века и вплоть до XIX века рассматривалось как вид кражи или иных форм хищений, соединенных с хитрым, коварным изъятием чужого имущества и изворотливостью со стороны виновного. Понятием мошенничества обычно охватывались и «ловкие» кражи, и внезапное открытое хищение чужого имущества, рассчитанное на быстроту действий виновного, и завладение чужим имуществом путем обмана.

¹ Мошна (устар.) — кошель; сумка; мешочек для хранения денег, на вздержке или с завязкой (см.: Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т.1-4: Т.2. М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994. С.926).

² См.: Белогриц-Котляревский Л. О воровстве-краже по русскому праву. С.152.

³ Есипов В. В. Указ. соч. С.175.

⁴ Таганцев Н. С. Курс уголовного права: Особенная часть. Вып.4. Спб, 1871. С.199.

Имущественные преступления: историко-экономический анализ

Вопрос о мотивах и целях имущественных преступлений в обществе с традиционной экономикой связан с основной функцией, свойственной указанной хозяйственной системе, — обеспечить получение регулярного необходимого продукта, «создавать необходимое» (Ж. Ле Гофф). В этих условиях мотивом экономического поведения выступают побуждения «обеспечить как свое собственное существование, так и поддержать тех бедняков, которые не способны сами позаботиться о себе»¹, а целью — приобретение конкретного материального блага, притом не для себя одного, а для целого коллектива, сообщества. В связи с этим, мотивация и целенаправленность преступного имущественного поведения обычно выражается в обществе с традиционной экономикой не в личном обогащении как таковом, а в стремлении приобрести необходимые блага впрок, «на случай голода», либо в целях «повышения репутации»². Поэтому корыстная мотивация и целенаправленность преступного поведения в условиях традиционной экономики не является основанием дифференциации имущественных посягательств. Даже «татьба» по Русской Правде — это далеко не то корыстное имущественное преступление, которое имеет в виду современное правосознание.

Это обстоятельство объясняется как недостаточным уровнем развития производительных сил «традиционного» общества³, отсутствием в нем существенного имущественного неравенства, порождающего корысть, так и господством в правосознании его членов материального понимания преступления, идеи объективного вменения. Кроме того, неизменная структура потребностей, опирающаяся на силу традиций и обычаев, и слабое развитие предпринимательства также сдерживают корыстные побуждения и ограничивают эгоистические устремления. Давно замечено, что «как явление общественной жизни корысть появилась не сразу. По времени своего возникновения она значительно уступает мести, в особенности кровной мести. Корысть возникла вместе с возникновением частной собственности, появлением государства, разделением общества на классы. И следовательно, эволюция корысти, формы ее проявления и ее содержание как отрицательного морального качества непосредственно связаны с развитием государства, сменой общественно-экономических формаций, развитием форм собственности»⁴. Особенно обращает на себя последний из указанных факторов генезиса рассматриваемого вида мотивации. В самом деле, господство общинных форм собственности не способствует развитию в обществе корысти. Корысть распространяется и получает социальную оценку с экономиче-

¹ Ле Гофф Ж. Указ. соч. С.208.

² См.: Артемьева О.Ю. Личность и социальные нормы в раннепервобытной общине. М., 1987. С.178.

³ Как замечает Ж. Ле Гофф, безразличие и даже враждебность по отношению к экономическому росту отражались в сфере денежного хозяйства и оказывали сильное сопротивление развитию в этой сфере духа наживы (см.: Ле Гофф Ж. Указ. соч. С.211).

⁴ Волков Б.С. Мотивы преступлений (уголовно-правовое и социально-психологическое исследование). Казань, 1982. С.42.

ским ростом, развитием частной собственности, углублением имущественного расслоения населения. Появлению корысти предпосланы представления об экономическом благополучии. Генезис корысти предполагает далеко не самый низкий уровень развития производительных сил общества.

3. Имущественные преступления в обществе с плановой экономикой

В обществе с плановой экономической системой политика является концентрированным выражением экономики и определяет направление хозяйственной деятельности на решение, в первую очередь, государственных задач. В условиях абсолютного подчинения экономической системы государству плановая экономика сталкивается с таким специфическим ограничением, как единообразие форм собственности. Доминирующей в структуре этого типа хозяйства является государственная собственность на средства производства. Обобщественное и нетоварное производство имеет одной из основных целей удовлетворение материальных потребностей членов общества. Отсюда, ориентация плановой экономики на укрепление материально-технической базы (которую образуют, прежде всего, вещественные элементы производительных сил), строжайший учет и контроль над производством и распределением продуктов, приоритетную охрану «вещественного состава» собственности¹.

Структура имущественной преступности в обществе с плановой экономикой характеризуется высоким удельным весом хищений и многообразием их форм. Представляется не случайным то обстоятельство, что в ст.59 Конституции РСФСР 1978 г. было закреплено положение о долге граждан бороться с хищениями как самыми распространенными имущественными посягательствами, наносящими существенный ущерб плановой экономике. Особая опасность хищений в таком обществе экономически обусловлена. Централизованное планирование, ценообразование и распределение — отличительные особенности командного хозяйства. Основное место в плановой экономике занимает проблема распределения материальных благ, трудовых и финансовых ресурсов. Так, согласно ст.14 Конституции РСФСР 1978 г., в соответствии с принципом социализма «От каждого — по способностям, каждому — по труду» государство осуществляет контроль за мерой труда и потребления. Именно процесс распределения выступает реальным источником богатства в обществе с плановой экономической системой. Между тем известно, что хищения тесно связаны с распределительными отношениями в сфере экономики. В обществе с плановым хозяйством особое

¹ См.: Венедиктов А.В. Гражданско-правовая охрана социалистической собственности в СССР. М.-Л.: Академия наук СССР, 1954. С.58, 92-93.

распространение получают хищения, совершаемые путем кражи, грабежа, разбоя¹.

Особое значение здесь приобретает также борьба с должностными хищениями, представляющими весьма распространенный вид имущественных посягательств на государственную (общественную) собственность². Так, в условиях административно-командной системы уголовное законодательство России содержало специальную норму об ответственности за особую форму хищения — хищение государственного или общественного имущества, совершенное путем злоупотребления служебным положением (ст.92 УК РСФСР 1960 г.). Высокий рост завладений с корыстной целью государственным (общественным) имуществом путем злоупотребления должностных лиц своим служебным положением при таком порядке хозяйствования вполне объясним. Отрицание частной собственности на средства производства приводит к слиянию собственности и власти. В этих условиях господство получает редиистрибутивный принцип распределения экономических благ, означающий волевое изъятие и распоряжение прибавочным продуктом органами государственной власти. Управление «общенародным достоянием» осуществляют лица, уполномоченные на то государством, доступ к рычагам распределения определяется причастностью к государственной власти. В современной экономической теории указывается, что особенностью распределения продукции в условиях плановой экономики является привилегированное положение государственной элиты³; доход, в том числе и преступного происхождения, в обществе с таким типом экономической системы зависит прежде всего от статуса, чина и должности⁴.

К самостоятельным формам хищения государственного и общественного имущества УК 1960 г. были отнесены также присвоение и растрата. Противоправное завладение государственным (общественным) имуществом, вверенным на основании трудовых отношений работнику, который обычно владеет, пользуется или распоряжается им во время трудовой деятельности, весьма напоминает хищение. И действительно, в условиях плановой системы, чтобы присвоить или растратить, виновному необходимо было, как правило, *изъять* вверенное имущество из фондов государственных (общественных) организаций, где оно обычно и находилось.

В обществе с плановой экономикой и обман обычно выступает способом совершения хищения. В этой связи под мошенничеством как преступлением против «социалистической» собственности понималось исключительно хищение государственного (общественного) имущества. В соответ-

¹ См.: Советская криминология: Учебник / Отв. ред. А.А.Герцензон, И.И.Карпец, В.Н.Кудрявцев. М.: Юрид. лит., 1966. С.230; Криминология / Под ред. Н.Ф.Кузнецовой, Г.М.Миньковского. М.: Изд-во МГУ, 1994. С.80.

² См.: Советская криминология. С.231; Криминология: Учебник / Под ред. Б.В.Коробейникова, Н.Ф.Кузнецовой, Г.М.Миньковского. М.: Юрид. лит., 1988. С.305-306.

³ См.: Экономика: Учебник / Под ред. А.С.Булатова. С.21-23.

⁴ Нуреев Р.М. Курс микроэкономики. С.63.

вии со ст.93 УК 1960 г. указанная форма хищения определялась как «завладение государственным или общественным имуществом путем обмана или злоупотребления доверием».

Равным образом и вымогательство при данном хозяйственном порядке имеет существенное сходство с хищением и, по-видимому, также оценивается судебной практикой. В самом деле, если вымогателю удалось получить от потерпевшего требуемое имущество в виде вещи, то в его действиях есть признаки хищения. Поэтому (с известными оговорками) можно согласиться с мнением Г.Н.Борзенкова, что вымогательство есть самостоятельная и «равноправная» форма хищения¹. В обществе с плановой экономикой вымогательство выглядит как хищение, принимая одну из форм этого корыстного посягательства.

В условиях плановой системы *объект* имущественных преступлений — это имущественные отношения, которые складываются, главным образом, по поводу принадлежности вещей и получают юридическую регламентацию с помощью права собственности. Другими словами, объект рассматриваемых посягательств в обществе с плановой экономикой — это конкретные экономические отношения, связанные с владением, пользованием и распоряжением материальными благами субъектами права собственности. Поэтому имущественные преступления в условиях планового хозяйства принимают форму «преступлений против собственности» и аналогичным образом именуется в доктрине. Посягательства на право собственности заключаются в противоправном присвоении материальных плодов чужого труда и (или) причинении ущерба «вещественному составу» чужой собственности.

Планово-хозяйственные отношения предполагают строгую дифференциацию ответственности за имущественные преступления в зависимости от формы собственности (то есть от того, кто является субъектом права собственности, ставшего объектом посягательства). Преступления против государственной (общественной) собственности рассматриваются в рамках данного экономического порядка как более тяжкие имущественные правонарушения. Дифференциация ответственности за указанные посягательства в зависимости от формы собственности обусловлена переходящими экономическими причинами. Отрицание частной собственности влечет за собой огосударствление экономических отношений, а также становление и функционирование в сфере экономики единого государственно-производственного («народно-хозяйственного») комплекса. В таком обществе все граждане, составляющие трудоспособное население, «становятся служащими и рабочими одного всенародного, государственного «синдиката»². Очевидно, что владение, пользование, распоряжение, контроль, учет, управление, совершение иных действий по отношению к имуществу, собственник которо-

¹ См.: Борзенков Г.Н. Уголовно-правовые проблемы охраны имущества граждан от корыстных посягательств: Автореф. дис... д-ра юрид. наук. М., 1991. С.26-27.

² См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.33. С.101.

го не персонифицирован, само по себе создает криминогенные условия для распространения в обществе корыстных посягательств. Если же наряду с указанным обстоятельством обратить внимание на объем экономических благ, принадлежащих государству в условиях плановой экономики, и на то колоссальное множество лиц, участвующих в экономических процессах, основанных на государственной собственности, то становится очевидным, что последняя в обществе с плановой экономикой выступает основным объектом преступных притязаний и нарушений. Поэтому в условиях плановой экономики государственная собственность требует повышенной уголовно-правовой охраны.

Переходя к вопросу о *предмете* исследуемых преступлений в обществе с плановой экономикой, следует заметить, что в роли такового выступают обычно чужие вещи, имеющие хозяйственное и культурное назначение. Это вполне согласуется с тем обстоятельством, что основной экономической ценностью при плановом хозяйстве являются материальные предметы, источником дохода — доступ к распределению овеществленных благ. Следовательно, криминогенное значение для данного типа экономики имеют такие имущественные правонарушения, которые сопряжены с незаконным завладением, пользованием или распоряжением чужими вещами. Здесь приоритет всегда отдавался и будет отдан уголовно-правовой борьбе с посягательствами на чужие вещественные блага.

Так, предметом мошенничества в условиях плановой экономики является чужая вещь преимущественно в виде денежных средств, реже иных материальных ценностей¹. Как известно, УК 1960 г. включал в предмет мошенничества как посягательства на личную собственность «право на имущество». Согласно ст.147 этого уголовного закона, под мошенничеством понималось «завладение личным имуществом граждан или приобретение права на имущество путем обмана или злоупотребления доверием». Между тем, упоминание в УК 1960 г. об имущественном праве вовсе не означает, что мошенническое приобретение права на чужое имущество имеет распространение в условиях плановой экономики. Так, в советской России правоприменительная практика сталкивалась в основном с такими мошенническими посягательствами, которые состояли в завладении имуществом в виде вещей. Поэтому в основу анализа мошенничества по советскому уголовному праву было положено понятие хищения².

Кроме того, ответственность за имущественные преступления в обществе с плановой экономикой возможна лишь при условии, что предмет посягательства является чужим для виновного: «свое имущество не может быть объектом уголовно-правовой охраны от преступлений против собственности»³.

¹ См.: Борзенков Г.Н. Ответственность за мошенничество. С.15.

² См.: Там же. С.6.

³ Уголовное право: Особенная часть: Учебник / Отв. ред. И.Я.Козаченко, З.А.Незнамова, Г.П.Носов. С.190.

Следует обратить внимание также на юридическое деление вещей, которое получает особое уголовно-правовое значение в обществе с плановой экономикой. Так, недвижимое имущество обычно не является предметом корыстных имущественных преступлений, свойственных плановой экономике¹. При данном экономическом порядке основные средства производства в промышленности, строительстве и сельском хозяйстве, средства транспорта и связи, основной городской жилищный фонд и др. составляют исключительную собственность государства, а значит, изъяты из гражданского оборота. Например, в ст.11 Конституции РСФСР 1978 г. среди объектов недвижимости, которые могут находиться в личной собственности граждан, назван лишь один — жилой дом. В этих условиях недвижимое имущество не представляет интереса для корыстной преступности, не является «привлекательным» объектом преступных посягательств, совершаемых в целях извлечения имущественных выгод. В самом деле, будучи исключенной из оборота, недвижимость может быть только предметом противоправных захватов и неправомерного пользования. Однако открытый (публичный) характер владения недвижимым имуществом в обществе существенно ограничивает и осложняет проявление указанной разновидности посягательств. Незаконное же присвоение чужой недвижимости, приобретение права собственности на нее в условиях данного экономического порядка исключается, а следовательно, отсутствует реальная возможность распоряжаться в корыстных целях противоправно присвоенным недвижимым имуществом.

Овеществление предмета имущественных преступлений в условиях плановой экономики напрямую определяет особенность *объективной стороны* этих посягательств. Здесь наиболее распространены такие формы преступного поведения, которым присущ «физический» характер воздействия на чужую имущественную сферу, связанный с употреблением виновным «силы» в процессе причинения материального ущерба. Указанные формы преступного деяния внешне выражаются в совершении таких действий, как незаконное изъятие чужой вещи, унос ее с места совершения преступления, противоправная эксплуатация чужой собственности, уничтожение и повреждение чужих вещей.

Особую распространенность в обществе с плановой экономикой получают посягательства на чужую имущественную сферу, связанные с использованием должностного (служебного) положения. Наряду с должностными

¹ В учебниках советского уголовного права, например, писали: «Похитить можно практически лишь то, чем общественные отношения позволяют распоряжаться, владеть и пользоваться как своим собственным... Таким образом, социалистические отношения фактически ограничивают предметы хищения главным образом предметами личного потребления, домашнего хозяйства и обихода, продуктивным скотом, птицей и мелким сельскохозяйственным инвентарем, т.е. такими, по поводу которых могут складываться отношения личной собственности» (см.: Курс советского уголовного права: В 5-ти т. Т.3. Часть Особенная / Отв. ред. Н.А.Беляев, М.Д.Шаргородский. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1973. С.355-356); «объектом хищения в сельском хозяйстве могут быть продукты сельского хозяйства, жилой или мертвый инвентарь, денежные средства» (см.: Курс советского уголовного права: В 6-ти т. Т.4. С.318).

Имущественные преступления: историко-экономический анализ

(служебными) хищениями здесь имеет высокий рост злоупотребление властью и служебным положением. Последнее представляет собой один из видов злоупотребления доверием. А.А.Пионтковский считал, что «случаи злоупотребления доверием, совершенные должностным лицом, заключают в себе состав должностного преступления — злоупотребления властью»¹. Б.С.Никифоров полагал, что «всякое злоупотребление властью или служебным положением предполагает совершение должностным лицом таких действий, которые оно могло совершить единственно благодаря своему служебному положению, иными словами, злоупотребляя оказываемым ему по службе доверием»². Также и по мнению Г.Н.Борзенкова, злоупотребление доверием со стороны должностного лица является злоупотреблением служебным положением³. Сказанное требует пояснения.

В обществе с плановой экономикой нет места злоупотреблению доверием как имущественному преступлению, заключающемуся в умышленном противоправном нарушении чужих имущественных интересов лицом, которому по закону, договору или иным основаниям вверены указанные интересы. Действия в чужом интересе не могут получить широкого распространения в условиях ограничения реализации интересов частных лиц, главным образом, сферой личного потребления. Нераспространенность таких действий в сфере экономики исключает и какие-либо криминогенные последствия их. В условиях отрицания частного капитала, частного права, ликвидации института частной службы просто отсутствуют основания для проявления указанных посягательств. Как справедливо замечено в науке советского уголовного права, «такого рода отношения распространены в капиталистическом обществе, но не типичны для нашего строя. Поэтому советскому уголовному праву нет необходимости выделять злоупотребление доверием в самостоятельный состав преступления»⁴. В самом деле, советское уголовное право не знает злоупотребления доверием как самостоятельной разновидности имущественных посягательств, выражающихся в использовании доверия в целях противоправного нарушения имущественных интересов поверенного. В УК РСФСР 1922 г. злоупотребление доверием было включено законодателем в понятие мошенничества. С тех пор в отечественном уголовном праве «злоупотребление доверием» стало рассматриваться как один из способов мошенничества, а само понятие мошенничества стало трактоваться нетрадиционно широко.

Соответственно были декриминализованы присвоение и растрата вверенного *личного* имущества. Официально это произошло с принятием УК 1960 г. Между тем указанные деяния утратили общественную опасность ранее. Это объясняется, по крайней мере, тем обстоятельством, что в усло-

¹ Пионтковский А.А. Советское уголовное право: Особенная часть. Т.2. С.142.

² Никифоров Б.С. Борьба с мошенническими посягательствами на социалистическую и личную собственность по советскому уголовному праву. С.157.

³ См.: Борзенков Г.Н. Ответственность за мошенничество. С.73.

⁴ См.: Там же. С.67.

виях огосударствления экономических отношений присвоение и растрата вверенной частной собственности явно не имеют распространенного характера и на этом основании не могут признаваться преступными посягательствами. Как правило, такие случаи влекут за собой гражданско-правовую ответственность. Иногда в судебной практике советского периода присвоение и растрата вверенного виновному личного имущества квалифицировались как «мошенническое злоупотребление доверием»¹.

«Отмирание» злоупотребления доверием в сфере имущественных отношений, складывающихся между частными лицами (гражданами), вовсе не означает, что при плановой системе хозяйствования указанное деяние утрачивает общественную опасность в целом. Как было замечено ранее, в обществе с плановой экономикой получает высокий рост такая разновидность злоупотребления доверием, как корыстные и иные злоупотребления властью и служебным положением. Как видно, в данном случае имеет место «перемещение» преступности из сферы отношений по управлению частным имуществом в область государственного управления экономикой.

В период господства государственных интересов в экономической сфере меняется характер опасности рассматриваемых посягательств. В обществе с плановой экономикой злоупотребление доверием в связи с совершением действий в чужом имущественном интересе рассматривается в качестве должностного (служебного) преступления. Такой подход законодателя находится в рамках общей тенденции распространения в условиях командного хозяйства норм о должностных (служебных) преступлениях на сферу имущественных и иных экономических отношений и объясняется тем, что при указанных обстоятельствах осуществление функций представительства, опеки, попечительства, управления коммерческими организациями независимо от их организационно-правовых форм носит исключительно публичный характер и является разновидностью государственного управления. Между тем суть рассматриваемых посягательств остается прежней — причинение имущественного ущерба чужому (в условиях плановой экономики государственному) вверенному интересу путем использования доверия (служебных полномочий) в целях получения выгод материального характера. По этому поводу в науке советского уголовного права справедливо отмечалось, что корыстное поведение наиболее характерно для должностных (служебных) преступлений и оказывается преимущественным основанием ответственности за них². Не случайно, что в судебной практике по данной категории дел особую сложность вызывали вопросы разграничения корыстных должностных (служебных) преступлений и хищений.

В условиях плановой экономики хищения и иные корыстные посягательства, совершаемые путем использования должностного и служебного положения, часто сочетаются с обманом. По данным некоторых исследова-

¹ См.: Там же. С. 75.

² См.: Жалинский А. Э. Законодательство о должностных преступлениях нуждается в изменении. Сов. гос. и право. 1988. №1. С. 100, 104.

Имущественные преступления: историко-экономический анализ

ний, три четверти должностных хищений в СССР совершались и маскировались путем подлогов, сокрытия или уничтожения документов либо иных обманных уловок¹.

Как видно, общество с плановой экономикой сталкивается с обманом. Отдельные виды последних получают значительное распространение в сфере отношений по государственному управлению экономикой. Имущественные обманы при командном хозяйстве, в первую очередь, поражают область отношений, складывающихся по поводу использования государственной (общественной) собственности. Наряду с мошенническим хищением государственного (общественного) имущества здесь относительное распространение получает имущественный обман, не связанный с присвоением чужих вещей и обращением их в пользу виновного. Он является способом совершения таких имущественных преступлений, которые посягают на отношения государственной (общественной) собственности и заключаются в незаконной эксплуатации чужого имущества или труда. С объективной стороны эти преступления могут выражаться, во-первых, в безвозмездном временном пользовании государственным или общественным имуществом (в смысле вещи) в корыстных или иных целях без согласия собственника. Обычно таким имуществом являются автомобили, механизмы, оборудование и другие вещи, которыми можно пользоваться в течение сравнительно длительного времени, а затем вернуть собственнику (непотребляемые вещи). К числу такого имущества не относятся деньги, а также потребляемые вещи. Во-вторых, эти имущественные преступления могут заключаться в незаконном безвозмездном пользовании услугами, которые предоставляются государственными или общественными предприятиями коммунального хозяйства, транспорта, связи и подлежат оплате. В этом случае механизм преступного поведения состоит в обманном уклонении от оплаты услуг (ст.94 УК 1960 г.).

Что касается обманов в сфере имущественных отношений между частными лицами (гражданами), их число сравнительно невелико. Это обстоятельство вполне объяснимо, если принять во внимание особенности плановой системы. Огосударствление экономики существенно ограничивает гражданский оборот, приводит к свертыванию договорных отношений. Очевидно, что при указанных обстоятельствах существенно сужается «пространство» для проявления всего многообразия видов обманов. С уменьшением числа сделок, заключаемых на рынках страны, с сокращением товарного обмена ограничивается доля обманов в сфере имущественных отношений, складывающихся между гражданами, при одновременном росте числа обманных уловок в области отношений государственной собственности.

В силу вышеназванных оснований является незначительным удельный вес вымогательства в структуре имущественной преступности при плановом

¹ См.: Криминология: Учебник / Под ред. Б.В.Коробейникова, Н.Ф.Кузнецовой, Г.М.Миньковского. С.307.

типе экономики. Вымогательство и мошенничество, на первый взгляд, два совершенно непохожих друг на друга преступления, и в то же время имеют ряд уголовно-правовых и криминологических признаков, существенно сближающих их друг с другом. Это и (1) предмет посягательства — «имущество вообще, безотносительно к данной вещи» (И.Я.Фойницкий). Это и (2) механизм совершения посягательства, выражающийся в совершении введенным в заблуждение или понуждаемым лицом имущественных действий, заключающихся в предоставлении имущественных выгод и внешне представляющих собой в таких случаях гражданско-правовую сделку. Наконец, это (3) формирование частного капитала («потерпевшей» стороны), усложнение системы объектов имущественных отношений (возможного «предмета» посягательства), развитие договорных отношений, экономического оборота как фактора, обуславливающего рост вымогательства и мошенничества.

С.И.Сирота утверждал, что «вымогательство социалистического имущества весьма редко встречается в судебной практике. В течение 1964-1966 гг. в судебной практике ряда областей РСФСР дела этой категории вовсе не встречались»¹. В связи с этим, рассматриваемое деяние в условиях плановой экономики считается не представляющим большой общественной опасности либо вовсе признается уголовно ненаказуемым. П.С.Матышевский писал, что в УК Украинской ССР и в УК Узбекской ССР, в отличие от всех других кодексов союзных республик, не предусмотрена ответственность за вымогательство государственного и общественного имущества. По его мнению, это пробел, который «не может быть оправдан тем, что вымогательство государственного или общественного имущества на практике не встречается. Тот факт, что определенное общественно опасное деяние на практике не встречается, вовсе не говорит о том, что такое деяние не может иметь места»². Если оставить в стороне критику этим автором позиции законодателя, по мотивам практической нецелесообразности отказавшегося криминализировать отдельные виды вымогательства, то становится очевидным, что в обществе с плановой экономикой вымогательство, по существу, не относится к числу распространенных имущественных посягательств.

Особые закономерности, присущие плановой экономике, обуславливают высокую опасность корыстных имущественных преступлений. В обществе с плановой системой отрицаются мотивы личной выгоды и личной заинтересованности как регуляторы экономического поведения хозяйствующих субъектов. Основной стимул к труду — не личный интерес, а «социалистическая дисциплина труда». Запреты частной собственности, частно-предпринимательской деятельности и официальное порицание «целей личной наживы и других корыстных целей» — тесно взаимосвязанные черты планового хозяйства. Особенно нетерпимо с точки зрения господствующей в таком обществе идеологии совершение противоправного поведения в це-

¹ Сирота С.И. Указ. соч. С.152.

² См.: Матышевский П.С. Указ. соч. С.28.

лях обогащения, наживы или удовлетворения каких-либо других личных интересов. Указанные побуждения рассматриваются как низменные, асоциальные и, соответственно, признаются уголовным закономотягчающим обстоятельством. Уголовное законодательство в обществе с плановой экономикой предусматривает нередко суровую ответственность за общественно опасные деяния, совершаемые из корыстной и иной личной заинтересованности. Так, за обогащение в особо крупных размерах путем хищения государственного или общественного имущества ст.93' УК 1960 г. угрожала наказанием в виде лишения свободы на срок от восьми до пятнадцати лет с конфискацией имущества, со ссылкой или без таковой или смертной казнью с конфискацией имущества. Таким образом, корыстная мотивация в условиях плановой экономики выступает основанием повышенной ответственности за имущественные посяательства.

4. Имущественные преступления в обществе с рыночной экономикой

Плановая и рыночная экономика — две качественно различные экономические системы, функционирующие по принципиально разным законам и, по распространенному мнению, антагонистические. Существенное отличие одного из указанных типов экономического порядка от другого охватывает и сферу имущественных отношений.

Для рыночной системы характерны, в первую очередь, имущественные отношения товарной природы. Участниками рыночных имущественных отношений наравне с государством становятся частные лица (граждане и организации). Согласно ч.1 ст.34 Конституции Российской Федерации каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности. Рыночная система характеризуется расширением сферы частных имущественных отношений, появлением новых видов имущественных связей, складывающихся по поводу не только вещей, но и имущественных прав, иного имущества в самом широком смысле этого слова, а также работ, услуг, информации и пр. Особое развитие в условиях рыночной экономики получают имущественные отношения, связанные с переходом экономических ценностей от одних лиц к другим (товарообменом) и управлением чужим имуществом несобственниками.

Плановое и рыночное хозяйство как две полярно противоположные экономические системы обуславливают неодинаковое течение и криминальных процессов в сфере имущественных отношений. Первое, что бросается в глаза, — структура имущественной преступности, которая при рыночных отношениях выглядит иначе, чем при плановой системе. В обществе с рыночной экономикой наряду с «традиционными» для плановой сис-

темы имущественными посягательствами (хищением, уничтожением и повреждением чужого имущества) получают значительное распространение мошенничество, вымогательство, злоупотребление доверием и другие криминогенные явления, которые характеризуются многообразием видов и форм, не известных централизованно-управляемому хозяйству.

Равным образом, имущественные посягательства в условиях плановой и рыночной экономики в известной степени различаются и по содержанию своих объективных признаков.

В обществе с рыночной экономикой объектом рассматриваемых преступлений являются имущественные отношения, которые складываются в условиях товарного производства и обращения в связи с принадлежностью и переходом имущества (в широком смысле слова), по поводу материальных и нематериальных результатов работ, оказания услуг. Указанные отношения получают юридическую регламентацию с помощью не только права собственности, но и иных вещных, обязательственных и исключительных прав. В рыночной экономике и имущественные отношения, связанные с владением, пользованием и распоряжением материальными благами, и имущественные отношения по поводу благ невещественного характера, и экономический обмен, и отношения по управлению чужим имуществом в равной мере нуждаются в уголовно-правовой охране от названной группы преступных деяний. Как было замечено еще И.Я.Фойницким, действительность свидетельствует «о прямом соотношении между развитием экономической жизни и расширением области наказуемой охраны имущества»¹. Следует также указать, что соответствующее положение было принято во внимание при составлении Уголовного Уложения 1903 г. — законодательного акта, в известной своей части призванного охранять рыночные имущественные отношения в дореволюционной России. В объяснительной записке редакционной комиссии подчеркивалось, что задача охраны имущественной сферы граждан не исчерпывается противодействием посягательствам, имеющим своим предметом имущество в смысле физической вещи. Имущественная сфера «может быть предметом посягательства не только в лице конкретных физических вещей, но также в лице совокупности вещей, обнимаемых каким-либо правом или обязательством по имуществу, не успевших еще воплотиться в конкретных вещах». При этом преступное нарушение имущественных прав, неисполнение имущественных обязанностей, по мнению авторов объяснительной записки, составляет такое же, а иногда и более глубокое вторжение в чужую имущественную сферу, как и посягательства, предметом которых выступает имущество в смысле вещи².

¹ Фойницкий И.Я. Курс уголовного права: Особенная часть. Посягательства личные и имущественные. С.372.

² См.: Уголовное Уложение 22 марта 1903 г. С мотивами, извлеченными из объяснительной записки редакционной комиссии, представления Мин. Юстиции в Гос. Совет и журналов — особого совещания, особого присутствия департаментов и общего собрания Гос. Совета. Изд. Н.С.Таганцева. Спб, 1904. С.832-833.

Такое широкое содержание объекта имущественных преступлений в обществе с рыночной экономикой имеет следующее экономическое обоснование. Указанный экономический порядок обуславливает развитие системы объектов имущественных отношений. Объектом рыночных имущественных отношений являются не только вещи, но и имущественные права, природные ресурсы, объекты недвижимости, различные виды энергии, результаты интеллектуальной деятельности, информация. Особо обращает на себя внимание появление в условиях рынка не только новых отдельных видов имущества, но и совокупности имущественных благ, объединенных хозяйственным или иным назначением (предприятия, имущественные комплексы)¹. Согласно п.2 ст.132 ГК РФ предприятие в целом или его часть могут быть объектом купли-продажи, залога, аренды и других сделок, связанных с установлением, изменением или прекращением вещных прав. В состав предприятия как имущественного комплекса входят все виды имущества, предназначенные для его деятельности, включая земельные участки, здания, сооружения, оборудование, инвентарь, сырье, продукцию, права требования, долги.

Становление и развитие акционерной собственности (в экономическом смысле слова) свидетельствуют о возрастании значения в сфере рыночной экономики информационных, организационных и управленческих процессов, что определяет появление новых видов имущественных отношений. На это обстоятельство обращается внимание в современной юриспруденции. Как пишет С.С.Алексеев, «в связи с тенденцией к концентрации капитала, его акционерными формами, а также в связи с развитием «знаковых», письменных способов фиксации речи, усложнением и глобализацией форм информации, — в связи со всем этим собственность стала все более «переключаться» в отношения по организации и управлению, в корпоративные институты, характерные для акционерного права, а фиксируемые титулы собственности стали обретать новые «знаковые» формы, формы ценных бумаг, и более того — переключаться в информационную сферу, вплоть до бездокументарного оборота ценных бумаг, иных знаковых форм фиксации и реализации гражданских прав». Указанные изменения, считает этот автор, могут найти вполне удовлетворительное объяснение в фундаментальной гражданско-правовой категории бестелесной вещи².

В условиях рынка уровень общественной опасности имущественных преступлений обыкновенно не зависит от форм собственности, ставших объектом указанных посягательств. Рыночная экономика формируется и развивается как многоукладная. При таком экономическом порядке дифференциация ответственности за имущественные посягательства в зависимости от формы собственности исключается.

¹ См.: Кулагин М.И. Избранные труды. М.: Статут, 1997. С.251.

² Алексеев С.С. Гражданское право в современную эпоху. М.: Юрайт, 1999. С.22.

Предметом исследуемых преступлений в рыночном хозяйстве выступают чужие вещи (основной предмет имущественных преступлений в плановой экономике), собственные вещи (неосновательно сбереженные виновным деньги и иные материальные ценности путем незаконного уклонения от их должной передачи¹), а равно иное имущество вообще безотносительно к конкретной вещи (невещественные блага): имущественные права и иные выгоды имущественного характера. Это криминогенное обстоятельство вытекает из сути рыночных отношений, которые характеризуются многообразием форм собственности и, соответственно, интенсивным экономическим кругооборотом всевозможных имущественных благ как вещественного, так и невещественного характера.

В рыночной системе как движимое, так и недвижимое имущество является возможным предметом корыстных имущественных посягательств. В обществе с рыночной экономикой недвижимость (включая основные средства производства) становится возможным предметом купли-продажи, мены, иных гражданско-правовых сделок, она включена в имущественный оборот, может находиться в собственности как государства, так и частных лиц. В этих условиях недвижимость является объектом преступных корыстных интересов. Вместе с тем признание недвижимости предметом имущественных посягательств корыстной направленности вовсе не означает, что такое имущество может быть предметом любого из указанных видов преступлений. Недвижимость — возможный предмет тех корыстных посягательств, которые заключаются в противоправном склонении потерпевшего к передаче права на недвижимое имущество либо в совершении иных неправомερных действий с заведомо чужим недвижимым имуществом путем использования доверия, обмана или принуждения (подробнее об этом см. §1 главы 3 настоящей работы).

В условиях рыночной экономики *объективная сторона* имущественных посягательств имеет следующие особенности. Здесь наряду с «физическим» преступным воздействием на чужую имущественную сферу, известную распространенность приобретают «интеллектуальные» приемы незаконного приобретения имущественной выгоды: заведомо ложные обещания (лживые намерения), подделка информации, фальсификации, подлоги, иные разновидности обманных уловок, шантаж и иные виды психологического принуждения. Вот как оценивают специалисты криминогенное состояние рыночных отношений, складывающихся в современной России: «Судя по структуре и динамике экономической преступности, можно сказать, что она стала более организованной, технически оснащенной, профессионально и интеллектуально подготовленной. Идет процесс относительного вытесне-

¹ Следует также подчеркнуть, что в уголовном праве конца XIX — начала XX в.в. составным элементом системы имущественных преступлений выступали банкротские нарушения и махинации, которые, как известно, имеют своим основным предметом собственное имущество виновного. (см., например: Фойницкий И.Я. Курс уголовного права: Особенная часть. Посягательства личные и имущественные. С.396).

ния из сферы корыстной преступности примитивного уголовного типа интеллектуальным и предприимчивым преступником с новыми более изощренными способами и формами преступной деятельности»¹.

Становление и развитие рыночного хозяйства обуславливают, в первую очередь, интенсивный рост обманов и вымогательских угроз в имущественной сфере. Указанное обстоятельство есть криминогенная закономерность функционирования рынка. Отличительными особенностями рыночной экономики являются товарное производство и обращение. Рынок — это прежде всего обмен, взаимная передача участниками экономических отношений права собственности, иных имущественных прав и выгод. Основная правовая форма, в которой реализуются рыночные отношения, — договор. Усиление экономического оборота и обусловленное им развитие договорных отношений существенно расширяют область возможного проявления имущественных обманов и принуждения в имущественной сфере, создают «почву» для их роста.

Формирование рыночных отношений сопровождается не только существенным ростом, но и распространением новых видов обманов и угроз в имущественной сфере. *«Богатство» видов обманных уловок и вымогательских приемов — одно из криминогенных последствий рыночной экономики, вызванное, в конечном итоге, более высокой степенью развития имущественного оборота.* В обществе с рыночной экономикой имущественные обманы и угрозы совершаются не только по поводу чужих движимых вещей. Рыночные отношения обуславливают появление и распространение обманов и угроз, совершаемых по поводу недвижимого имущества, имущественных прав, передачи имущества с переходом права собственности или без таковой.

В условиях рыночной экономики получают распространение обманы и угрозы, способствующие незаконному обогащению путем получения всевозможных выгод, не связанных с приобретением имущества или права на имущество (уклонение обманщика от исполнения имущественных обязательств, например, безвозмездное выполнение в интересах обманщика каких-либо работ, подлежащих оплате; безвозмездное пользование обманщиком чужими услугами, предоставляемыми за плату; склонение потерпевшего к отсрочке или рассрочке платежей либо скидке с долгов, к уменьшению арендных платежей и др.).

Рыночная экономика «заражена» многообразием обманов не только в предмете, но и в лице, в других обстоятельствах или фактах. Также неограниченно разнообразие форм имущественного обмана, среди которых особо распространены обманы с использованием поддельных кредитных и расчетных карт, подложных документов, штампов, печатей, бланков, ЭВМ, системы ЭВМ или их сети. При этом использование информационной техники и технологий в целях извлечения имущественных выгод — криминогенная

¹ См.: Ларьков А., Кесарева Т. Экономическая преступность: Характеристика и факторный анализ // Уголовное право. 1998. №3. С.127.

особенность современного рыночного хозяйства, тесно связанного с информационными процессами.

Особую распространенность в условиях рынка получают обманы и угрозы, совершаемые под «прикрытием» различного рода договоров, легальной предпринимательской или иной экономической деятельности. Совершение таких корыстных посягательств под «видом» заключения гражданско-правовых сделок или с «использованием» юридического лица придает им еще более «замаскированный» характер, существенно облегчая достижение преступного результата и способствуя сокрытию следов преступления.

Таким образом, распространение и дифференциация имущественных преступлений, совершаемых путем обмана и принуждения, обусловлены развитием экономического оборота, когда обмен становится обычным явлением и необходимым отношением в сфере экономики. С возрастанием доли указанных преступлений в структуре имущественной преступности развиваются и правовые понятия мошенничества и вымогательства.

Когда развитие капиталистического уклада в царской России потребовало обеспечения надлежащей охраны формирующегося рынка от имущественных обманов, законодатель придал мошенничеству строгую юридическую конструкцию. «Воровством-мошенничеством признается всякое посредством какого-либо обмана учиненное похищение чужих вещей, денег или иного движимого имущества», — указывалось в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. В последующих редакциях Уложения мошенничеством именуется «всякое обманное похищение чужого движимого имущества». От мошенничества Уложение отличало «обманы всякого рода в обязательствах», ответственность за которые предусматривалась в самостоятельной главе данного законодательного акта.

На достаточно высоком уровне определялись вопросы основания и дифференциации ответственности за мошенничество в разработанном правительственной комиссией Уголовном Уложении 1903 г. В данной законодательной модели, так и не ставшей в целом действующим уголовным законом досоветской России, нормы об ответственности за мошенничество были помещены в главу 33, именуемую «О мошенничестве». Эта глава включала 8 статей (ст.ст.591-598), в своей совокупности выражающих законодательное определение мошенничества. Уложение широко трактовало мошенничество и понимало под ним в целом как «похищение, посредством обмана, чужого движимого имущества, с целью присвоения», так и «побуждение посредством обмана, с целью доставить себе или другому имущественную выгоду, к уступке права по имуществу или ко вступлению в иную невыгодную сделку по имуществу» (ст.591). Предметом мошенничества Уложение признавало и недвижимое имущество (ст.593). Как писал С.В.Познышев, под предметом мошенничества следует понимать не только

разные движимые вещи, но и недвижимость, а также права и разные имущественные выгоды по обязательствам¹.

Рост промышленного производства и потребности растущего товарооборота в царской России требовали обеспечения охраны развивающихся рыночных отношений не только от обманов, но и угроз, а также иных способов принуждения. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных в более поздних своих редакциях предусматривало ответственность за различные виды вымогательства в четырех статьях. При этом две статьи о вымогательстве (ст.ст.1545 и 1546) содержались в разделе X «О преступлениях против жизни, здоровья, свободы и чести частных лиц», две другие (ст.ст.1686 и 1687) — в разделе XII «О преступлениях и проступках против собственности частных лиц». Исходя из содержания ст.ст.1545 и 1546 Уложения, ответственность наступала за угрозы насильственными действиями, убийством или поджогом, «когда к тому было присоединено требование выдать или положить в назначаемое для того место сумму денег, или вещь, или письменный акт, или что-либо иное, или же принять на себя какие-либо невыгодные обязательства, или отказаться от какого-либо законного права». В ст.ст.1686 и 1687 Уложения предусматривалась ответственность за принуждение к даче обязательств: «кто силою или угрозами заставит кого-либо написать, выдать или подписать какое-либо на себя обязательство, или, напротив, истребит акт, служащий доказательством его права на собственность какого-либо рода, или же согласится на какую-либо невыгодную для него сделку по имуществу, или на отречение от какого-либо права или иска, или же на иное также невыгодное условие».

В Уголовном Уложении вымогательство получило более строгое понимание. Его определение было дано в ст.590, размещенной в главе 32 «О воровстве, разбое и вымогательстве». Уложение под вымогательством понимало имущественное преступление, которое заключается «в принуждении с целью доставить себе или другому имущественную выгоду к уступке права по имуществу или ко вступлению в иную невыгодную сделку по имуществу посредством телесного повреждения, насилия над личностью или наказуемой угрозы».

Свобода предпринимательской и иной экономической деятельности, предоставляющая возможность частным лицам (гражданам и организациям) наряду и совместно с государством полноправно участвовать в экономической жизни общества, ограничивает проявление злоупотреблений должностными (служебными) полномочиями сферой деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений. С расширением участия в имущественном обороте частных корпораций и граждан, уполномоченных действовать в чужом имущественном интересе, корыстные злоупотребления публичных служащих

¹ См.: Познышев С.В. Особенная часть русского уголовного права: Сравнительный очерк важнейших отделов Особенной части старого и нового Уложений. С.249.

теряют тот «размах», какой им свойственен при плановой системе. Они уступают место злоупотреблениям доверием — имущественным посягательствам со стороны лиц, уполномоченных собственником выражать вверенные им интересы. Указанные общественно опасные деяния получают особое распространение в сфере имущественных отношений по управлению частным капиталом и имеют следующее основание криминализации: *отделение в условиях рыночной экономики функций управления производством от собственности*. Сказанное нуждается в пояснении.

При простой капиталистической кооперации труда, выражающейся в совместной экономической деятельности многих лиц под началом частного собственника, управление производством и капиталом сосредоточивается в руках последнего. При такой системной организации труда собственник обыкновенно никому не доверяет выполнение управленческих функций. Он же сам, единолично владея капиталом, и контролирует, и направляет всю экономическую деятельность. В данном случае собственник объединяет в своем лице и предпринимателя, и привилегированного получателя дохода, и руководителя предприятия¹. Пока предприятия являются небольшими, собственник сохраняет непосредственный контроль за своим имуществом и контакт со своими работниками. Любая нечестность со стороны последних в этих условиях легко обнаруживается. Неотвратимость ответственности существенно ограничивает рост возможных злоупотреблений по отношению к вверенным имущественным интересам.

Положение дел меняется в условиях крупного машинного производства, развитие которого непосредственно связано с дальнейшим обобществлением хозяйственных процессов. Тенденция к усилению реального обобществления производства является материальной основой возникновения акционерной формы собственности. Акционерное общество — одна из эффективных форм организации предпринимательской деятельности в рыночном хозяйстве, особенность которой заключается в *объединении* индивидуальных капиталов для реализации крупных экономических проектов. Механизм включения индивидуальных капиталов в единый корпоративный капитал связан с выпуском и продажей акций — ценных бумаг, дающих право на получение части дохода акционерного общества и участия в его управлении.

Акционерной форме мобилизации капитала соответствует организационная структура данного хозяйственного процесса. Очевидно, что многочисленные держатели акций — участники акционерного общества, они же собственники капиталов, вложенных в общее дело, не могут каждодневно и непосредственно принимать участие в оперативном управлении акционерного общества. Поэтому организационная структура последнего строится таким образом, что предусматривает органы, с одной стороны, представляющие и выражающие интересы собственников (общее собрание, наблюда-

¹ См.: Гэлбрейт Джон К. Экономические теории и цели общества. М.: Прогресс, 1976. С.124.

Имущественные преступления: историко-экономический анализ

тельный совет и другие представительные органы), а с другой — осуществляющие непосредственное управление текущими делами предприятия (директор, правление и другие исполнительные органы). В таких случаях управление производством обособляется от собственности, а владельцы капитала — участники акционерного общества — в своем подавляющем большинстве перестают прямо влиять на процесс принятия хозяйственных решений. Решения принимаются уже не собственниками-акционерами, а управляющими коммерческими делами организации. Отделение собственности от процесса управления приводит к перераспределению экономической власти в пользу управляющих. Необходимо принимать во внимание и то обстоятельство, что переход к акционерной форме собственности возможен при высоком развитии кредита, основанного на доверии и порождающего доверие. Через акционерную форму капитал все более пополняется за счет заемных денежных средств. В результате усиливается отделение собственности на денежный капитал от его предпринимательского применения¹.

Таким образом, обобществление производства, развитие кредита, рост акционерных форм собственности обуславливают необходимость найма профессионалов — управленцев, менеджеров. Повышение роли управляющих предприятием по сравнению с ролью собственников происходит устойчиво в мировой экономике, начиная с XIX века. Эта тенденция была подчеркнута еще К.Марксом. «Акционерные предприятия развивающиеся вместе с кредитом, — писал он, — вообще обнаруживают тенденцию все более отделять этот труд по управлению как особую функцию от владения капиталом, собственным, или заемным ... когда ... лицо, являющееся управляющим, не владеющее капиталом ни под каким титулом, ни заимообразно, ни как-либо иначе, исполняет все реальные функции, выпадающие на долю функционирующего капиталиста как такового, — тогда остается лишь служащий, а капиталист как лицо излишнее исчезает из процесса производства»².

В современной экономической теории отделение предпринимательских управленческих функций от собственности является общепризнанным фактом³. В странах Запада акционерная собственность стала чуть ли не всеобщей⁴. Ее охвачено около 80% основных фондов и производимой продукции⁵. В современной России к началу 1995 г. было приватизировано 85% всех объектов народного хозяйства, из них 70% акционировано. На смену традиционной для командной экономики конструкции «государственные предприятия» пришли новые субъекты — коммерческие организации, в том числе акционерные общества. С широким переходом к акционерной форме предприятий власть капиталистов-собственников над банками и корпорациями перешла в руки специалистов — управляющих, технократов⁵.

¹ См.: Борисов Е.Ф. Указ. соч. С.83; Экономическая теория (политэкономика). С.142.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.25. Ч. 1. С.426-427.

³ См.: Экономика и право. С.139.

⁴ См.: Экономическая теория (политэкономика). С.143.

⁵ См.: Борисов Е.Ф. Указ. соч. С.212.

Вот как этот процесс и его последствия описывает известный американский экономист Д.Гэлбрейт: «Небольшая корпорация, капитал которой состоит из вложений лишь нескольких акционеров, передавших управление одному лицу, только отдельными юридическими деталями отличается от фирмы, собственником и руководителем которой является одно и то же лицо. С ростом фирмы увеличивается и число акционеров. Со временем происходит также распыление акций среди многих держателей... Соответственно уменьшается доля капитала, приходящаяся на отдельного владельца акций, а значит, и его власть... На практике, в отличие от теории, экономисты давно уже признали, что власть от акционеров переходит к управляющим. Растет также понимание того, что цели управляющих могут отличаться от целей владельцев»¹. В самом деле лица, осуществляющие управление акционерными корпорациями, располагают в силу концентрации в их руках экономической власти многочисленными возможностями для личного обогащения в ущерб акционерам.

В условиях, когда средства производства принадлежат одним лицам, а ими фактически распоряжаются другие — доверительные управляющие, поверенные, профессиональные служащие, менеджеры и пр., действующие в чужом имущественном интересе и не являющиеся собственниками вверенного имущества, создаются предпосылки для распространения в сфере экономики злоупотреблений доверием. Существование уголовно-правовых норм, которые обеспечивают охрану имущественных прав и интересов от так называемых «внешних» угроз — краж, грабежей, разбоев, оказывается в условиях акционерного производства и развитых рыночных отношений явно недостаточным. Возникает объективная потребность в защите имущественных прав и от «внутренних» угроз, исходящих от доверенных лиц, которые распоряжаются чужим имуществом и выражают чужие интересы в имущественной сфере. Отделение функций управления от собственности обусловило появление новых разновидностей отношений по управлению чужим имущественным состоянием, требующих уголовно-правового регулирования. В условиях распространения в имущественной сфере криминогенных явлений, выражающихся в ненадлежащем управлении чужим имуществом вопреки законным интересам его собственника, злоупотребление доверием должно получить адекватное отражение в уголовном законе.

В обществе с рыночной экономикой основной регулятор экономического поведения — личный интерес, основное правило экономической жизни — максимизация доходов (выгоды) при минимуме затрат, право каждого — использование своих способностей и имущества для предпринимательской деятельности, направленной на систематическое получение прибыли. Указанные закономерности, характерные для рыночной экономики, в целом не оказывают влияния на *субъективную сторону* имущественных

¹ Гэлбрейт Джон К. Указ. соч. С.118, 123. См. также: Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. М.: Прогресс, 1969. С.88-113.

Имущественные преступления: историко-экономический анализ

преступлений. Вместе с тем, одна тенденция несомненна. Рыночные отношения создают благоприятные условия для проявления и широкого распространения в обществе корыстных интересов и устремлений, для роста мотивации обогащения, жадности наживы. В современной экономической теории утверждается, что природа предпринимательской экономики такова, что она способствует развитию алчности, эгоизма, стяжательства, душевной черствости, выражает аморальное безразличие к социальной справедливости, добру и злу¹. Это обстоятельство не может не сказаться на уровне опасности корыстных имущественных посягательств в обществе с рыночной экономикой. Корыстные мотивация и целенаправленность продолжают отражать и здесь повышенную опасность деяний в имущественной сфере, но не такого высокого уровня, какой характерен для корыстного противоправного поведения в обществе с плановой экономикой.

Социальная оценка опасности изменчива. Представления об опасности имущественных посягательств также меняются в зависимости, например, от состояния экономики, от того, богаче или беднее становится человек и общество в целом. Для социума, экономической целью которого является оптимальное удовлетворение потребностей людей при рациональном расходовании ресурсов, представляют в равной мере опасность и корыстные, и некорыстные имущественные преступления. Для лица, ставшего жертвой имущественного посягательства, не имеет существенного значения, с корыстной или иной целью были нарушены его имущественные права. Однако ему не безразлична глубина поражения его законных имущественных интересов. В связи со сказанным представляется спорным суждение Н.Ф.Кузнецовой, что «при рыночной экономике центр тяжести в криминализации имущественных преступлений перемещается на субъективную сторону — умысел, низменная мотивация и цель»². В условиях рыночных отношений опасность имущественных посягательств определяется, прежде всего, размером причиненного вреда и тяжестью наступивших последствий. В указанных условиях трудно говорить о существенном различии в уровне опасности корыстных и некорыстных имущественных преступлений. Более того, некорыстное имущественное преступление может в ряде случаев (например, будучи совершенным общеопасным способом или повлекшее тяжкие последствия) иметь более высокий уровень опасности, чем корыстное имущественное посягательство (в частности, ненасильственного характера).

Исходя из вышеизложенного в настоящей главе можно сделать ряд выводов, имеющих как криминологическое, так и уголовно-правовое значение.

1. Анализ имущественных преступлений в обществе с разным типом экономики указывает на одну из закономерностей, свойственных данной группе преступных деяний. Эти преступления имеют изменчивый характер.

¹ См.: Фальцман В. Макроэкономика плановой и предпринимательской систем // Экономические науки. 1991. №9. С.112.

² Уголовное право Российской Федерации: Особенная часть: Учебник / Под ред. Г.Н.Борзенкова и В.С.Комиссарова. С.11.

Исторически изменчивый характер — одно из свойств преступности, которое заключается в смене криминогенных состояний, в переходе из одного качественно определенного криминогенного бытия в другое.

2. Среди комплекса факторов, обуславливающих изменчивость имущественной преступности, основными являются факторы экономического характера.

3. Как свойства материала ограничивают его применение, так и в экономике закономерности того или иного типа экономического порядка ограничивают распространение или, напротив, создают условия для роста тех или иных конкретных форм экономического поведения, в том числе и социально опасного характера. Как писал И.И.Карпец, «каждая экономическая система рождает свою преступность»¹.

Равным образом, каков тип экономики и обусловленный им склад имущественных отношений, такова обычно и структура имущественной преступности. Каждому типу экономической системы наряду с общими («традиционными») имущественными преступлениями свойственны и особые («собственные») виды указанных посягательств.

4. Экономические трансформации, то есть переход общества от одного типа экономики к другому, обуславливают сдвиги в структуре имущественной преступности, что приводит к видоизменению общественно опасного поведения в имущественной сфере. В самом деле, поведение, опасное для одного типа экономики, может в силу малозначительности не представлять угрозы для другого экономического порядка. В этой связи появление новых разновидностей имущественных посягательств нередко связано с утратой общественной опасности других форм имущественного поведения. Экономические трансформации оказывают также известное влияние на характер и степень общественной опасности конкретных видов имущественных преступлений.

5. Плановая экономика обуславливает высокий уровень общественной опасности хищений как корыстных посягательств на государственную (общественную) собственность и многообразие их форм. При данном экономическом порядке наряду с кражей, грабежом и разбоем принимают формы хищения государственного (общественного) имущества мошенничество, присвоение, растрата, отдельные виды злоупотребления должностным (служебным) положением. В обществе с плановой экономикой вымогательство также облекается в форму хищения.

Рыночная экономика ограничивает разнообразие форм хищений. В условиях рыночных отношений содержание хищения сужается до «традиционной» триады форм (кражи, грабежа, разбоя), вследствие чего хищение принимает вид так называемого похищения². Одновременно получают рас-

¹ Карпец И.И. Указ. соч. С.50.

² По вопросу о соотношении уголовно-правовых категорий «похищение» и «хищение» в литературе высказано мнение, что похищение представляет собой разновидность хищения (см.: Кочои С.М. Указ. соч. С.117).

пространение иные виды корыстных имущественных преступлений, которые не сводятся в своем проявлении к указанному выше преступному поведению (например, вымогательство и мошенничество, которые согласно действующему УК, могут заключаться в противоправном приобретении права на чужое имущество или иных выгод имущественного характера).

6. Представляется возможным выдвинуть предположение о действии криминогенной закономерности, выражающей обратную зависимость между видообразованием хищений и иных корыстных имущественных преступлений. Ограничение разнообразия корыстных имущественных преступлений ведет к многообразию форм хищений: наряду с похищением (кражей, грабежом, разбоем) хищение получает и иные формы преступного проявления (присвоение, растрата и другие). Равно как и наоборот: по мере возрастания видов корыстных имущественных преступлений ослабевают процессы образования форм хищений (последние выражаются исключительно в похищении).

7. Функционирование имущественной преступности в историческом масштабе представляет собой своеобразный «пульсар». При переходе общества от одного типа экономики к другому имущественная преступность то стягивается в один «узел» — монопреступность, предельно упрощая свою структуру (имущественная преступность в обществе с традиционной экономикой), то разворачивается во всем многообразии видов и форм, поражая многие разновидности имущественных связей (имущественная преступность в обществе с рыночной экономикой), то ограничивает свое проявление областью имущественных отношений, складывающихся, главным образом, по поводу владения, пользования и распоряжения материальными благами субъектами права собственности (имущественная преступность в обществе с плановой экономикой). Все указанные состояния, все фазы «развития» есть необходимые моменты функционирования имущественной преступности, обусловленного действием комплекса факторов экономической и иной природы.

8. Имущественная преступность, отражая на себе особенности современного экономического устройства общества, в свою очередь, определяет содержание и систему уголовно-правовых запретов причинения имущественного вреда. Уголовно-правовое противодействие имущественным посягательствам обосновывается существенным нарушением указанными общественно-опасными деяниями основополагающих принципов имущественного порядка и этим же фактором ограничивается. Поведение, не соответствующее принципам имущественного порядка и причиняющее или угрожающее причинением существенного вреда имущественным отношениям, дает содержание уголовно-правовых запретов. Разнообразие форм такого поведения определяет противодействие ему посредством системы уголовно-правовых норм об ответственности за имущественные преступления.

9. В условиях экономических трансформаций и происходящих в имущественной сфере криминогенных перемен законодателем расширяется или, напротив, сужается круг имущественных отношений, подлежащих уголовно-правовой охране. Соответственно, законодателем уточняется и система уголовно-правовых средств обеспечения прав и интересов участников указанных отношений. Это объясняется невозможностью эффективно применять уголовный закон, защищающий принципы одного типа экономической системы, в борьбе с преступлениями, порождаемыми другим экономическим порядком, равно как и наоборот.

Интенсивный рост и многообразие криминогенных проявлений в сфере имущественных отношений товарной природы убедительно доказывает, что рыночная экономика в целом более уязвима для имущественных посягательств, чем ее антипод — плановая экономическая система. Отсюда, обеспечение надежной охраны имущественных отношений, складывающихся по поводу принадлежности и перехода экономических благ (товаров, работ, услуг), независимо от гражданско-правовых форм их выражения — одна из основных задач уголовного закона в обществе с рыночной экономикой.

Глава III

Понятие имущественных преступлений по действующему уголовному законодательству России и их классификация

1. Объективные признаки имущественных преступлений

Юридическая характеристика преступлений традиционно начинается с анализа их объекта. В науке уголовного права принято характеризовать объект преступления, строго придерживаясь его классификации на определенные группы общественных отношений в соответствии с наиболее существенным и общим для них признаком. Классификация объекта преступления представляет собой последовательное деление логического объема его понятия и образует развернутую систему соподчиненных понятий, в которой общее понятие объекта преступления подразделяется на определенные классы (роды, виды и т.д.).

Между тем в современной науке уголовного права сам вопрос о классификации объекта преступления относится к числу дискуссионных. Ученые-юристы не пришли к единому мнению как о числе членов такой классификации, так и о содержании некоторых из них применительно к конкретным видам преступлений. Указанное обстоятельство побуждает решать вопрос о классификации объекта преступления в русле строго нормативного подхода: руководствуясь буквой и духом закона, волей законодателя. В этом смысле вопрос о классификации объекта преступления тесно связан с системным строением Особенной части действующего уголовного законодательства. Последняя, будучи одной из двух основных составляющих системы УК, в свою очередь рассматривается в качестве системы более низкого порядка и подразделяется на следующие структурные компоненты: разделы, главы, статьи. Соответствующее четырехзвенное деление: Особенная часть, раздел Особенной части, глава Особенной части и статья Особенной части, вызывает, по представлению законодателя, необходимость различать «по вертикали» общий, родовый, видовой и непосредственный объекты преступления. При этом наименование разделов и глав Особенной части УК определяет собой содержание родовых и видовых объектов. Соответственно, число родовых и видовых объектов находится в прямой зависимости от количества разделов и глав в Особенной части УК. Исходя из анализа действующего уголовного законодательства следует различать 6 родовых и 19 видовых объектов. Каждое из названных классификационных делений объекта преступления (общий, родовый, видовой и непосредственный) призвано выполнять свое специальное методологическое назначение.

Общий объект преступления указывает на то, что в объективной действительности есть определенного рода отношения, обладающие позитивной значимостью для общества, которые испытывают негативное воздействие со стороны относительно повторяющихся, сравнительно устойчивых, неизменно воспроизводящихся актов особого типа социального поведения — преступлений. Следовательно, под общим объектом преступления понимается вся совокупность охраняемых уголовным законом общественных отношений, которые подвергаются преступным посягательствам. Общий объект призван отличать преступное от непроступного, в том числе и в сфере имущественных отношений. Однако в последнем случае общий объект не может служить разграничительным признаком и отделять имущественные преступления от проступков в области указанных отношений. Дело в том, что в современном законодательстве имущественным отношениям обеспечена комплексная охрана посредством как уголовного права, так и гражданского, семейного, административного, трудового и других отраслей законодательства. Очевидно, что нарушения в имущественной сфере независимо от их характера посягают на один и тот же объект. Различие между имущественными преступлениями и проступками проводится по другим признакам состава правонарушения.

Вопрос о родовом, видовом и непосредственном объектах имущественных преступлений, содержании последних, решается с учетом законодательного порядка объединения и расположения норм об указанных преступных посягательствах в системе Особенной части УК, а также исходя из названия структурных частей уголовного закона, где эти нормы сосредоточены.

В УК 1996 г. нормы об исследуемых преступлениях размещены законодателем в разделе VIII «Преступления в сфере экономики», где они объединены в главу 21 «Преступления против собственности». В эту главу включены 11 статей (ст.ст.158-168), в каждой из которых содержится описание отдельных видов указанных преступных деяний. Между тем в главе 21 УК предусматривается ответственность за 14 основных видов имущественных посягательств. Расхождение количества статей с числом видов этих преступлений объясняется тем, что в ст.ст.160, 167 и 168 УК описаны шесть преступлений — присвоение, растрата, умышленное уничтожение имущества, умышленное повреждение имущества, уничтожение имущества по неосторожности и повреждение имущества по неосторожности.

Переходя к вопросу о родовом и видовом объектах имущественных преступлений, необходимо вначале определиться с методологическим значением этих признаков в общем учении об объекте преступления. Родовой и видовой объекты позволяют дифференцировать преступные деяния на однородные группы и виды. Это деление преступлений основывается на реальных различиях, свойственных тем особым сторонам «всеобщего», тем отдельным частям, составляющим единое, но «дискретное» целое — об-

Понятие имущественных преступлений по действующему уголовному законодательству России и их классификация

ший объект преступления, на которые посягают соответствующие общественно опасные деяния. Таким образом, родовые и видовой объекты, выступая в качестве особых «образований», выделенных внутри разделенного на разнородные и разновидные сферы общего объекта, конкретизируют содержание последнего и раскрывают природу и другие специфические особенности того рода и вида преступлений, которые их поражают.

Так, специфика *родового объекта* позволяет выделить из всей массы преступных деяний преступления в сфере экономики (экономические преступления). К этому роду преступлений законодатель относит преступные деяния «против собственности», «в сфере экономической деятельности», «против интересов службы в коммерческих и иных организациях». Каждое из преступлений, указанных в разделе VIII УК, обладает соответствующим признаком (родовым объектом), характерным для данного класса посягательств и объединяющим указанные преступления в один род. Отсутствие его в преступном деянии или сведение указанного свойства на факультативные (дополнительные) роли исключает возможность рассматривать исследуемое посягательство как экономическое преступление. Как пишет А.М.Медведев: «Экономические преступления посягают на экономику, права, свободы, потребности и интересы участников экономических отношений, нарушают нормальное функционирование экономического (хозяйственного) механизма, причиняют этим социальным ценностям и благам материальный ущерб»¹. Таким образом, по представлению законодателя, родовым объектом преступлений, предусмотренных главой 21 УК, являются экономические отношения. Это такие отношения, которые возникают в сфере экономики в связи с производством, распределением, обменом и потреблением благ — товаров, работ, услуг.

По родовому объекту (в совокупности с рядом других признаков) имущественные преступления отграничиваются от ряда смежных преступлений, относящихся к иным родам преступных посягательств. Последние также сопряжены с причинением или угрозой причинения имущественного вреда, однако отличаются от первых тем, что совершаются, в первую очередь, против общественной безопасности и общественного порядка, государственной власти, военной службы. Так, к смежным с имущественными преступлениями можно отнести посягательства, указанные в следующих статьях УК: ст.ст.211, 212, 221, 226, 227, 229, 243, 267, 281, 346, 347 и др. Кроме того, по родовому объекту имущественные преступления следует отграничивать от таких преступных деяний, которые могут выражаться в причинении имущественного вреда (например, ст.ст.213, 285, 293 и др.).

Видовым объектом исследуемых преступлений, исходя из буквального толкования уголовного закона и названия главы 21 УК (где эти посягательства описаны), признается «собственность». Применительно к нормативным положениям, закрепленным в главе 21 УК, это понятие более уместно

¹ Медведев А.М. Указ. соч. С.81.

трактовать как имущественные отношения, связанные с владением, использованием и распоряжением материальными благами субъектами права собственности.

Анализ конкретных нормативных положений, предусмотренных в данной главе, свидетельствует о том, что уголовный закон наряду с собственностью упоминает и о владении. Так, законодатель в примечании 1 к ст.158 УК определяет хищение как деяния, причинившие ущерб *собственнику или иному владельцу* имущества (курсив наш — А.Б.). Далее, одним из видов рассматриваемых преступлений, согласно действующему УК, является причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (ст.165). В уголовном законодательстве данное посягательство определяется следующим образом: причинение имущественного ущерба *собственнику или иному владельцу* имущества путем обмана или злоупотребления доверием при отсутствии признаков хищения (курсив наш — А.Б.). Еще один пример — неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (ст.166). Суть этого преступления раскрывается в п.5 постановления №5 Пленума Верховного Суда РФ от 25 апреля 1995 г. «О некоторых вопросах применения судами законодательства об ответственности за преступления против собственности». Исходя из общих судебных разъяснений, угон отличается от хищения по умыслу, направленному не на обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, а на противоправное временное пользование этим имуществом в корыстных или иных целях без согласия *собственника или иного владельца* (курсив наш — А.Б.).

Как видно, назначение уголовно-правовых норм о вышеуказанных имущественных преступлениях состоит в запрете причинения вреда как интересам собственников, так и владельцев. Кроме того следует заметить, что современная судебная практика по рассматриваемому вопросу идет дальше законодателя, называя собственника и иного владельца имущества объектом *всех* рассматриваемых преступлений (п.2 постановления №5 Пленума Верховного Суда РФ от 25 апреля 1995 г.).

В современной науке уголовного права также имеют место суждения, что видовой объект рассматриваемых преступлений несколько шире, нежели это следует из их наименования в действующем УК. Г.Л.Кригер пишет: «Видовым объектом преступлений против собственности являются отношения собственности, включающие права собственника по владению, пользованию и распоряжению своим имуществом, а также права лица, хотя и не являющегося собственником, но владеющего имуществом на праве хозяйственного ведения, оперативного управления либо по иному основанию, предусмотренному законом или иным правовым актом»¹. Небезынтересно отметить, что такая трактовка объекта имущественных преступлений имеет

¹ Российское уголовное право: Особенная часть / Под ред. В.Н.Кудрявцева, А.В.Наумова. М.: Юристъ, 1997. С.138.

Понятие имущественных преступлений по действующему уголовному законодательству России и их классификация

давнюю традицию. Это обстоятельство применительно к воровству подметил еще Ф. Лист. Он писал: «Согласно с научным определением понятия воровства потерпевшими в смысле обычного словоупотребления называются собственник и обладатель. Потерпевшим же в техническом смысле слова является только носитель непосредственно нарушенного юридического блага, т.е. обладатель. Еще яснее выступает этот вывод в действующем праве, которое настолько выдвигает на первый план нарушение обладания, что даже одного намерения нарушить собственность достаточно для понятия воровства. Тем не менее, господствующее мнение, которое вообще придает слишком много значения понятию «потерпевший», признает таковыми при воровстве как собственника, так и обладателя»¹.

В гражданском праве категория «владение» несет сложную смысловую нагрузку и подразумевает под собой не только одноименное правомочие собственника, но и особое вещное право, а также фактически существующую принадлежность вещи (фактическое владение, владение как факт). В последнем случае под владением понимается обладание вещью, создающее для обладателя возможность воздействия на вещь. Владение есть господство лица над вещью, которое вместе с тем не означает, что владелец должен находиться с вещью в непосредственном соприкосновении. Поэтому владение в гражданском праве понимается значительно шире, нежели простое держание вещи.

Как правило, владельцем имущества является его собственник. В этом случае владение совпадает с правом собственности и представляет собой, с одной стороны, составную часть содержания субъективного права собственности, одно из правомочий, предоставляемых собственнику законом, а с другой — фактически существующую принадлежность вещи ее собственнику.

Однако право владения может принадлежать и несобственнику как на основании договора с собственником, так и помимо его, в силу закона или административного акта. В данном случае владение не совпадает с правом собственности и представляет собой, по утверждению ряда современных цивилистов, один из видов вещных прав². К категории вещных прав владение причислялось выдающимся правоведом Г.Ф.Шершеневичем. Обосновывая точку зрения, что «владение следует считать за право», он писал: «Владение охраняется против всех сограждан, потому что нарушителем его может быть каждый; владение возникает независимо от воли пассивных субъектов; владение имеет своим объектом вещь, а потому оно имеет полное основание занять место среди вещных прав»³. Между тем следует указать, что в современной науке гражданского права этот вопрос остается спорным. По мнению некоторых цивилистов, в российском праве отсутст-

¹ фон-Лист Ф. Учебник уголовного права: Особенная часть. М., 1905. С.145-146.

² См., например: Гражданское право: Учебник. Часть первая / Под общ. ред. Т.И.Илларионовой, Б.М.Гонгало и В.А.Плетнева. С.297-298.

³ См.: Шершеневич Г.Ф. Указ. соч. С.142, 152-153.

вует особое право владения, а есть лишь правомочие владения, входящее в состав различных субъективных прав¹.

Наконец, лицо может владеть вещью в силу самого факта без какого-либо правового основания. Такое владение (в отличие от двух предыдущих значений этой категории) в гражданском праве носит название незаконного. Незаконное владение не опирается на определенное правовое основание (титул владения), а потому является беститульным. Соответственно незаконным признается владение несобственника, не основанное на договоре с собственником, законе или административном акте. Незаконное владение, в свою очередь, подразделяется на добросовестное и недобросовестное.

При хищении достаточно нарушения фактического владения². Этот вывод вытекает из положений уголовного закона. Так, в примечании 1 к ст.158 УК законодатель говорит о владельце имущества, которому причиняется ущерб хищением, но при этом особо не оговаривает вид (категорию) владения. Данное обстоятельство позволяет заключить, что для квалификации хищений не имеет значения, законно или незаконно владение, на которое посягает данное деяние. Отсюда берет свое начало и юридическая формула «хищение похищенного». Очевидно, что в случае противоправного изъятия у другого лица имущества, приобретенного последним преступным путем, собственность не выступает объектом преступного посягательства, ибо она не может терпеть неоднократно ущерба в результате оборота или незаконных изъятий одного и того же имущества, однажды добытого преступным путем. В юридической литературе предлагается различная правовая оценка указанному общественно опасному деянию. Однако все правоведы солидарны в том, что это имущественное преступление³.

В свете сказанного получается, что и вор так или иначе пользуется «уголовно-правовой защитой» в случае хищения у него ранее им похищенного имущества. Однако признание объектом хищений имущественных отношений по владению вовсе не означает, что УК берет под охрану незаконные интересы. Уголовный закон не может и не должен охранять интересы противоправного характера. Равным образом и в рассматриваемом случае уголовный закон не обеспечивает охрану незаконным интересам владельцев, а запрещает совершение общественно опасных посягательств на владе-

¹ См.: Гражданское право: Учебник. Часть 1 / Под ред. А.П.Сергеева, Ю.К.Толстого. С.447; Скловский К.И. Указ. соч. С.292.

² Как утверждал А.В.Венедиктов, «общая уголовно-правовая защита от кражи, разбоя, присвоения чужого имущества... распространяется бесспорно и на фактического владельца... Поэтому в ряде случаев — может быть, даже в большинстве случаев — фактический владелец получит уголовно-правовую защиту от кражи и т.д. независимо от титула владельца» (см.: Венедиктов А.В. Государственная социалистическая собственность. С.577).

³ См.: Кочои С.М. Указ. соч. С.106; Пинаев А.А. Уголовно-правовая борьба с хищениями. С.18-22; Сирого С.И. Указ. соч. С.45-46. С предложением С.М.Кочои включить в УК специальную норму об ответственности за «хищение похищенного» трудно согласиться. Реализация такой идеи крайне осложнит деятельность практических работников, требуя от них по делам об имущественных преступлениях всякий раз выяснять вопрос о правовом основании владения имуществом лицом, ставшим объектом преступного посягательства.

Понятие имущественных преступлений по действующему уголовному законодательству России и их классификация

ние вообще. Хищение имущества у лица, которое приобрело его неправомерным путем, наказывается вовсе не потому, что государство берет под охрану интересы недобросовестного владельца, а потому, что всякое хищение нарушает имущественный порядок (общие для всех принципы и правила поведения в имущественной сфере). Одним из основных положений этого порядка является запрет самовольного лишения владения, вытекающий из презумпции правомерности фактического владения (как говорится, «блаженны владеющие»). Кроме того, принимается во внимание и субъективная сторона такого рода деяний: обыкновенно виновному лицу безразлично, причиняет ли он ущерб подлинному собственнику или другому похитителю. Как заметил В.А.Владимиров, преступник «не вдается в обсуждение вопроса о правовой принадлежности прельстившей его вещи»¹. Как видно, виновный, совершая посягательство на чужое законное или незаконное владение, действует с умыслом, который, безусловно, должен быть наказуем.

В связи с вышеизложенным представляется, что формула «хищение похищенного» применима не только к указанному, но и к смежным с ним случаям: «вымогательство похищенного», «уничтожение или повреждение похищенного», «хищение имущества, прежде переданного вымогателю» и др. Как писал В.А.Владимиров, «похищение не исключается и там, где вещи изымаются из чужого незаконного владения: у другого похитителя, у мошенника, обманом заполучившего имущество у потерпевшего, у лица, присвоившего находку, и др.»². Также и О.В.Дмитриев, затрагивая проблему владения как объекта вымогательства, правильно указывает: «Вопрос об ответственности преступника не следует ставить в зависимость от виновности потерпевшего в совершении каких-либо противоправных действий... Если субъект фактически владеет, пользуется или распоряжается имуществом, то не имеет значения, каким образом это имущество — законно или незаконно — к нему попало. Иной подход (признание в соответствующих ситуациях отсутствия объекта уголовно-правовой охраны) серьезно затруднит борьбу с вымогательством, поскольку из сферы уголовно-правового воздействия будет исключена вся масса посягательств на лиц, занимающихся нелегальным бизнесом»³. Очевидно, что рассматриваемая формула в действительности имеет более широкое содержание, так как охватывает собой множество случаев, когда имущественное нарушение имеет своим предметом имущество, ранее приобретенное незаконным путем (прежде уже бывшее предметом имущественного или другого посягательства). Придавая более широкий смысл юридической формуле «хищение похищенного», ее можно определить так: «посягательство на фактическое владение не исключает уголовной ответственности».

¹ Владимирив В.А. Указ. соч. С.32.

² Там же.

³ Дмитриев О.В. Криминологическая и уголовно-правовая характеристика вымогательства (по материалам Западно-Сибирского региона): Автореф. дис... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1994. С.9-10.

Из этого следует, что нормы о хищениях и иных имущественных преступлениях должны запрещать общественно опасное и противоправное нарушение владения — как законного, так и незаконного (фактического), в последнем случае — владения добросовестного и недобросовестного. Подход, признающий возможным объектом имущественных преступлений отношения по владению имуществом, является вполне обоснованным. Жизненный опыт показывает, что в большинстве случаев владение совпадает с правом собственности. Поэтому основанием такого понимания объекта имущественных преступлений выступает презумпция права собственности на стороне владельца. В противном случае на правоохранительные органы возлагалась бы обязанность выявлять при каждом отдельном происшествии действительного собственника имущества, ставшего предметом посягательства. С другой стороны, общественно опасные деяния, совершаемые в связи с имуществом, не имеющим собственника или собственник которого неизвестен либо находящемся в чужом незаконном владении, признавались бы уголовно ненаказуемыми. Этот подход в полной мере согласуется с идеями гражданского права, исходящими из предположения законности фактического владения.

Между тем не во всех случаях можно ставить знак равенства между принципами гражданского права и положениями действующего УК в части регулирования имущественных отношений. Так, в гражданском праве владельческая защита дается и против собственника, причем его ссылки на собственность не принимаются во внимание (ст.305 ГК). Согласно гражданскому праву, виндикационные и негаторные иски в защиту своих прав и интересов могут предъявлять не только собственники, но и субъекты иных прав на имущество. К их числу законом отнесены субъекты как вещных, так и обязательственных прав, связанных с владением чужим имуществом. Титульные (законные) владельцы, обладающие имуществом в силу закона или договора, в период действия своего права могут защищать свое право владения имуществом даже против его собственника. Тогда как по действующему УК свое (собственное) имущество не признается предметом имущественных преступлений. Содеянное в таком случае квалифицируется как самоуправство (ст.330), незаконные действия в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту либо подлежащего конфискации (ст.312), или получает иную уголовно-правовую оценку в зависимости от конкретных обстоятельств дела.

Таким образом, *содержание видового объекта имущественных преступлений недопустимо ограничивать исключительно имущественными отношениями по принадлежности материальных благ субъектам права собственности. Видовым объектом имущественных преступлений являются и отношения по владению имуществом конкретными лицами — владельцами.*

Видовой объект, как правило, един для всех преступлений, предусмотренных в одной главе. Он не может служить разграничительным признаком

Понятие имущественных преступлений по действующему уголовному законодательству России и их классификация

для преступных деяний одного вида, но является критерием разграничения однородных общественно-опасных посягательств. В рассматриваемом случае видовой объект позволяет отличать имущественные преступления от иных преступлений в сфере экономики: преступлений в сфере экономической деятельности (гл. 22 УК) и преступлений против интересов службы в коммерческих и иных организациях (гл. 23 УК).

Проблема разграничения смежных экономических преступлений относится к числу наиболее сложных в теории уголовного права. Объяснение тому — общность природы названных преступлений. Эти посягательства, угрожающие интересам производства, распределения, обмена и потребления благ, имеют один и тот же экономический характер и представляют собой, согласно взглядам законодателя, три составных части одного рода преступлений, совершаемых в сфере экономики. Каждое из экономических преступлений нередко одновременно посягает на имущественные и хозяйственные интересы личности, общества или государства, наряду с нарушением установленного порядка распределения, обмена или потребления произведенных благ дезорганизует правильное ведение экономической деятельности или нормальное функционирование коммерческих или иных организаций. Имущественные преступления, непосредственно посягающие на отношения в имущественной сфере, нередко попутно угрожают и другим экономическим интересам. Равно как и преступления в сфере экономической деятельности и против интересов службы в коммерческих и иных организациях довольно часто, наряду со «своим» видовым объектом, затрагивают имущественные отношения. Указанная особенность преступлений в сфере экономики ставит перед законодателем нелегкую задачу при конструировании конкретных составов экономических преступлений и формулировании нормативных предписаний об ответственности за них.

В этой связи представляет особый интерес вопрос о соотношении норм об имущественных преступлениях и преступлениях в сфере экономической деятельности. В науке характер взаимосвязей между указанными нормами пока еще не получил должного обоснования. Более того, по мнению некоторых исследователей, имущественные преступления (например, разбой, вымогательство) стоят ближе к посягательствам против личности, чем к хозяйственным правонарушениям. Между тем, законодатель располагает нормы о названных разновидностях преступлений друг возле друга (главы 21 и 22 раздела VIII УК), тем самым подчеркивая «родственные» отношения между этими посягательствами.

Говоря о соотношении указанных двух видов экономических преступлений следует заметить, что отдельные нормы о преступлениях в сфере экономической деятельности имеют свое логическое обоснование в соответствующих нормах об имущественных преступлениях и представляют собой как бы их прообраз, модифицированный вид. Наличие в нормах о преступлениях в сфере экономической деятельности ряда сходных признаков с те-

ми или иными видами имущественных посягательств не случайно. Оно является следствием отражения в уголовном законе процессов приспособления криминалитета к усложняющейся экономической организации общества. *Хозяйственные преступления всегда останутся особой формой подлаживания, приравливания преступности к изменяющимся условиям в экономической сфере.* Поэтому законодатель при сохранении «традиционных» норм об экономических преступлениях конструирует «новые», которые получают относительную самостоятельность, в силу чего их «родственная» связь с породившими их «пранормами» не всегда очевидна. При этом взаимодействие между «традиционными» нормами об имущественных преступлениях и «новыми» нормами о хозяйственных преступлениях принимает различный характер.

Исходя из анализа действующего уголовного законодательства, нормы об указанных видах экономических преступлений могут находиться между собой в отношении конкуренции. Такой вид взаимодействия складывается между общей нормой о причинении имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (ст.165) и специальными нормами о злостном уклонении от погашения кредиторской задолженности (ст.177), уклонении от уплаты таможенных платежей (ст.194), уклонении физического лица от уплаты налога или страхового вноса в государственные внебюджетные фонды (ст.198), уклонении от уплаты налогов или страховых взносов в государственные внебюджетные фонды с организации (ст.199). В соответствии с ч.3 ст.17 УК, если преступление предусмотрено общей и специальной нормами, совокупность преступлений отсутствует и уголовная ответственность наступает по специальной норме.

В другом случае между нормами о рассматриваемых видах преступлений возникают смежные отношения несовместимого характера. Этот тип нормотношений исключает идеальную совокупность преступлений. В разделе VIII УК такое взаимодействие имеет место, например, между нормой о мошенничестве (ст.159) и нормой об обмане потребителей (своего рода мелком систематически совершаемом мошенничестве на потребительском рынке — ст.200). В правоприменении нередко возникают вопросы при разграничении указанных составов преступлений.

Так, по приговору Новомосковского городского суда Тульской области Фомин, Ляпин и Пимичев признаны виновными в мошенничестве. Согласно материалам дела, осужденные в 1997 году изготовили 14 168 штук упаковок фальсифицированного стирального порошка (на основе синтетического моющего средства «Хес» турецкого производства, ранее приобретенного Фоминым у не установленных следствием лиц) под видом синтетического моющего средства «Ариэль» компании «Проктер энд Гембл» весом 750 г каждая и 4586 штук того же порошка весом каждая 450 г. Часть упаковок с фальсифицированным стиральным порошком Фомин путем обмана реализовал предпринимателям Дмитриеву В.П.и Дмитриеву В.В. на об-

Понятие имущественных преступлений по действующему уголовному законодательству России и их классификация

шую сумму 77 012 800 руб. Президиум Верховного Суда РФ не согласился с юридической оценкой действий осужденных, усмотрев в содеянном признаки обмана потребителей. Свое решение Президиум мотивировал так: преступные действия были направлены на то, чтобы с помощью предпринимателей извлечь наживу за счет реализации потребителям синтетического моющего средства низкого качества по цене более высокого качества и пользующегося широким спросом у населения¹.

Полагаю, что Президиум Верховного Суда РФ в данном случае придал нормативным положениям, содержащимся в ст.200 УК, смысл, который не совсем согласуется с волей законодателя. Сравнительный анализ диспозиций и санкций ст.ст.159 и 200 УК показывает, что под обманом потребителей законодатель понимает уголовно наказуемое мелкое мошенничество, совершаемое в сфере потребительского рынка. Это посягательство может выражаться в умышленном совершении обманного действия в отношении одного потерпевшего, заказывающего, приобретающего или использующего товары (услуги) исключительно для личных (бытовых) нужд. Однако чаще всего это посягательство заключается в совершении ряда тождественных обманных действий в отношении неограниченного числа граждан с целью незаконного получения от каждого потерпевшего незначительных по размеру денежных сумм. Очевидно, что при отсутствии уголовно-правового запрета обмана потребителей содеянное принимало бы вид мелкого мошенничества и рассматривалось в судебной практике как административное правонарушение — мелкое хищение чужого имущества. Уголовная ответственность за данное деяние не исключалась лишь в случае, если умысел виновного был направлен на получение имущественной выгоды в значительных размерах путем обмана нескольких лиц. Однако реализация уголовной ответственности в последнем случае была бы связана с подчас непреодолимыми сложностями, которые сопровождают процесс доказывания единства умысла виновного на совершение продолжаемого хищения в значительных размерах.

Именно данные обстоятельства, а равно чрезвычайно широкое распространение несущественных по размеру обманов в сфере потребительского рынка, побудили законодателя криминализовать указанное деяние. Принимая во внимание незначительный имущественный вред, который влечет каждый случай совершения обмана потребителей, законодатель отнес это посягательство не к преступлениям против собственности, а к преступлениям в сфере экономической деятельности, посчитав, что обман потребителей имеет своим основным объектом не имущественные интересы, а установленный порядок в сфере потребительского рынка, запрещающий даже «мелкие» обманные уловки.

Кроме того, Президиумом Верховного Суда РФ при принятии решения по данному делу не было учтено межотраслевое взаимодействие уголовно-

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2001. №5. С.13-15.

правовой нормы об обмане потребителей с нормами гражданского права о защите прав потребителей¹. Указанное взаимодействие ограничивает действие соответствующего уголовно-правового запрета отношениями, которые складываются между гражданином, имеющим намерение заказать или приобрести либо заказывающим, приобретающим или использующим товары (работы, услуги) исключительно для личных (бытовых) нужд, не связанных с извлечением прибыли, с одной стороны, и организацией либо индивидуальным предпринимателем, производящими товары для реализации потребителям по договору купли-продажи, выполняющими работы или оказывающими услуги потребителям по возмездному договору, с другой стороны.

Учитывая это, суды, на наш взгляд, не могут квалифицировать по ст.200 УК:

- обман граждан при продаже им товаров или оказании услуг лицами, не зарегистрированными в качестве индивидуальных предпринимателей в сфере торговли (услуг) и не являющимися работниками (представителями, поверенными и пр.) организаций, осуществляющих реализацию товаров или оказывающих услуги населению;

- обман гражданина-предпринимателя (индивидуального предпринимателя) при реализации ему товаров, выполнении для него работ или предоставлении ему услуг не для личных бытовых нужд, а для осуществления предпринимательской деятельности;

- обман при реализации товаров, выполнении работ или оказании услуг организации (предприятия, учреждения).

Содеянное во всех вышеуказанных случаях образует состав мошенничества (ст.159). Как представляется, именно такой подход является обоснованным при разграничении мошенничества и обмана потребителей. В заключении рассмотрения данной проблемы приведем позицию Б.В.Волженкина, справедливо утверждающего, что именно «преступлением против собственности является обман при реализации товаров или выполнении работ для организации или для индивидуального предпринимателя»².

Несовместимо смежными можно было назвать также нормы о вымогательстве (ст.163) и принуждении к совершению сделки или к отказу от ее совершения (своего рода вымогательство в сфере экономической деятельности — ст.179). В специальной литературе при разграничении этих преступлений обыкновенно называются такие противоположные их признаки, как имущественный и неимущественный, безвозмездный и возмездный характер сделки, конкретизированный или неконкретизированный характер ее условий, наличие или отсутствие корыстной цели. Однако из законода-

¹ См.: Закон Российской Федерации «О защите прав потребителей» в ред. Федерального закона от 5 декабря 1995 г. «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О защите прав потребителей» и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» (См.: Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. №3. Ст.140).

² Волженкин Б.В. Экономические преступления. С.238.

Понятие имущественных преступлений по действующему уголовному законодательству России и их классификация

тельного определения этих преступлений скорее следует равнозначное понимание их содержания. Другими словами, в рассматриваемом случае законодателем в различной юридической форме (посредством использования неодинаковой юридической терминологии) обозначается по сути одно и то же правовое предписание. Такое положение в уголовном законе приводит к случаям, когда суды не отграничивают вымогательство от принуждения к совершению сделки, дают противоречивые оценки одному и тому же виду деяния, усматривают в содеянном идеальную совокупность вымогательства и принуждения к совершению сделки.

Наглядным примером тому может служить дело Бабаева И. и Бабаева М. Последние, применяя насилие к сыну потерпевшей Ф. и угрожая ему убийством, принудили Ф. к обмену принадлежавшей ей на праве собственности благоустроенной квартиры на другую, неблагоустроенную. Ковровским городским судом Владимирской области действия Бабаева И. и Бабаева М. были квалифицированы как вымогательство и дополнительно по ст.179 УК как принуждение к совершению сделки. Однако, согласно закону, уголовная ответственность за принуждение к совершению сделки наступает в случае, когда действия виновного не содержат состава другого преступления — вымогательства, равно как и наоборот. В этой связи в протесте Заместителя Председателя Верховного Суда РФ был обособленно поставлен вопрос об изменении приговора — исключении из обвинения осужденных совершения ими принуждения к совершению сделки¹.

В силу сказанного есть все основания придать более конкретное и точное содержание диспозиции ст.179 УК, которое бы не находилось в отношении тождества с содержанием нормы о вымогательстве. В случае невозможности установления или описания в законе четких отличительных признаков принуждения к совершению сделки, ст.179 подлежит исключению из действующего уголовного законодательства.

Наконец, между нормами о рассматриваемых видах экономических преступлений складываются смежные связи совместимого характера (смежные отношения пересечения). В этом случае логические объемы разных составов преступлений частично совпадают. Как представляется, такой тип отношений возникает между нормой о мошенничестве (ст.159) и такими нормами преступлений в сфере экономической деятельности, как лжепредпринимательство (ст.173), незаконное получение кредита (ст.176), заведомо ложная реклама (ст.182), злоупотребление при выпуске ценных бумаг (эмиссии), изготовление или сбыт поддельных денег или ценных бумаг (ст.ст.185 и 186). Полагаю, что указанный тип нормосвязей не исключает как реальную, так и идеальную совокупность преступлений. Например: создание коммерческой организации без намерения осуществлять предпринимательскую деятельность, имеющее целью извлечение имущественной выгоды и совершение мошенничества; одновременный сбыт поддельных де-

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1999. №5. С.21.

нег, имеющих и не имеющих существенного сходства с подлинными денежными знаками; незаконное получение кредита в целях безвозвратного обращения в свою пользу части полученных денежных средств. Это положение обосновывается тем, что известная совместимость объемов требований уголовно-правовых запретов определяет возможность их одновременного нарушения путем совершения одного сложного («комплексного») деяния.

Непосредственный объект — предельная единица деления в классификации объекта преступления. Указанный классификационный член находится с видовым (а соответственно, и родовым) объектом в отношении подчинения. По объему понятия он не может совпадать с видовым объектом, так как объем понятия непосредственного объекта входит в объем понятия видового объекта. Видовой объект, как большее по объему понятие, полностью включает в себя понятие непосредственного объекта как меньшее по объему. Другими словами, непосредственный объект всегда является частью видового (родового) объекта. Поэтому непосредственный объект относится к той же сфере социальных отношений, что и видовой.

С учетом сказанного трудно согласиться с мнением некоторых исследователей о совпадении видового (родового) объекта рассматриваемых преступлений с их непосредственным объектом¹. Непосредственный объект — это конкретное общественное отношение, на которое посягает определенное преступление. Это отношение носит «межличностный», «межсубъектный» характер, складывается на «микроуровне» жизнедеятельности общества и выступает персонифицированной формой тех отношений, которые складываются в различных сферах жизнедеятельности общества и в своей совокупности нарушаются определенной группой (родом, видом) преступных посягательств. Отсюда, значение непосредственного объекта преступления состоит в том, что посредством этого признака состава преступления в максимально возможной степени конкретизируются общественные отношения как объект преступного посягательства: детализируется их содержание, индивидуализируется круг их участников, наконец, уточняются предметы, по поводу которых эти отношения складываются.

В современной теории уголовного права вопрос о непосредственном объекте преступлений, предусмотренных в главе 21 УК, относится к числу малоисследованных и неоднозначно решаемых. Достаточно сказать, что в специальной литературе непосредственный объект не всегда упоминается даже при общей характеристике посягательств на собственность².

¹ См.: Кочои С.М. Указ. соч. С.88; Пинаев А.А. Проблемы дальнейшего совершенствования советского уголовного законодательства об ответственности за хищения. С.4; Уголовное право Российской Федерации: Особенная часть: Учебник / Под ред. Г.Н.Борзенкова и В.С.Комиссарова. С.175.

² См.: Российское уголовное право: Особенная часть / Под ред. В.Н.Кудрявцева, А.В.Наумова. С.138-140; Российское уголовное право: Особенная часть: Учебник / Под ред. М.П.Журавлева и С.И.Никулина. С.133-137; Уголовное право: Особенная часть: Учебник / Под ред. А.И.Рарога. М.: Институт международного права и экономики. Издательство «Триада, Лтд», 1996. С.11-114; Миньковский Г.М., Магомедов А.А., Ревин В.П. Уголовное право России: Учебник: Общая и Особенная части. М.: Брандес, Альянс, 1998. С.234-236.

Понятие имущественных преступлений по действующему уголовному законодательству России и их классификация

Как представляется, *непосредственным объектом исследуемых преступлений следует считать конкретное имущественное отношение с присущими ему определенными участниками (физическими и юридическими лицами, государством, муниципальными образованиями), экономико-правовым содержанием и предметом*. При этом содержание непосредственного объекта должно быть настолько конкретизировано, чтобы в необходимых случаях без труда мог быть решен вопрос о гражданском иске в уголовном деле. Такой подход к определению содержания непосредственного объекта имущественных преступлений основан на соответствующих научных взглядах в общем учении об объекте преступления¹ и имеет своих сторонников в учении о преступных посягательствах на собственность².

В научной литературе непосредственный объект имущественных преступлений довольно часто определяется как отдельные формы собственности, нарушаемые в результате преступного деяния³. Такая характеристика непосредственного объекта является неполной, весьма «обедняет» содержание этого признака преступления и снижает его значение в квалификации содеянного. К тому же, «форма собственности» представляет собой экономическую, а не юридическую категорию⁴.

Помимо посягательства на основной непосредственный объект преступления может причинить вред одновременно другому объекту (объектам). В уголовном праве такие преступления именуются двухобъектными или многообъектными, в зависимости от того, какому числу дополнительных непосредственных объектов преступное деяние одновременно причиняет вред.

Некоторые имущественные преступления являются двухобъектными. К числу двухобъектных посягательств следует отнести насильственный грабёж (п.«г» ч. 2 ст.161), разбой (ст.162), вымогательство (ст.163), угон (п.«в» ч.2, ч.4 ст.166). При совершении этих преступлений наряду с имущественными отношениями (выступающими основным непосредственным объектом) страдают иные блага (дополнительный непосредственный объект). Обычно это те или иные интересы личности.

В науке уголовного права один из признаков, характеризующих объект преступного посягательства, называется *предметом* преступления. В основе многих общественных отношений лежат определенные блага и ценности, которые выступают в качестве предпосылки их установления. Указан-

¹ См.: Уголовное право: Общая часть: Учебник / Под ред. Н.И.Ветрова, Ю.И.Ляпунова. С.186; Уголовное право России: Часть Общая: Учебник / Отв. ред. Л.Л. Кругликов. М.: БЕК, 1999. С.125.

² См.: Ворошилин Е.В. Ответственность за мошенничество. М., 1980. С.13; Советское уголовное право: Особенная часть: Учебник. М., 1988. С.101.

³ См.: Курс советского уголовного права: В 5-ти т. Т.3: Особенная часть /Отв. ред. Н.А.Беляев, М.Д.Шаргородский. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1973. С.351; Уголовное право России: Особенная часть: Учебник / Отв. ред. Б.В.Здравомыслов. М.: Юристъ, 1996. С.135; Уголовное право: Особенная часть: Учебник / Под ред. Н.И.Ветрова и Ю.И.Ляпунова. С.197; Уголовное право России. В 2-х т. Т.2. Особенная часть / Под ред. А.Н.Игнатова и Ю.А.Красикова. С.180.

⁴ См.: Гражданское право: В 2-х т. Т.1: Учебник / Отв. ред. Е.А.Суханов. С.480.

ные социальные связи никогда не сложились бы, если не было того или иного блага (ценности) как необходимого условия их возникновения. Данное положение в равной мере относится и к тем общественным отношениям, которые признаются объектом преступных посягательств.

В науке уголовного права предмет относится к факультативным признакам состава преступления, так как указан далеко не во всех из предусмотренных в Особенной части уголовного закона преступных деяний. Однако это положение не распространяется на имущественные преступления. В доктрине уголовного права господствующим является воззрение, согласно которому все без исключения имущественные посягательства относятся к категории так называемых предметных преступлений. В самом деле, имущественные отношения, складывающиеся между людьми, необходимо характеризуются определенными экономическими благами (ценностями), по поводу которых они возникают. Отсюда, обязательным объективным признаком всех исследуемых посягательств является предмет преступления, который служит условием существования имущественных отношений и посредством, например, изъятия, уничтожения, повреждения которого причиняется вред указанному объекту.

В современной теории уголовного права предметом преступлений, предусмотренных в главе 21 УК, считается *имущество*. Однако ученые-юристы по разному определяют объем этого понятия применительно к вопросу о предмете имущественных преступлений. Так, С.М.Кочои, предметом указанных посягательств называет «имущество вообще или имущество в целом»¹. «Имущество вообще» — одна из давних категорий уголовного права, означающая «как совокупность не только материальных вещей, но тех или иных имущественных прав, равно как и имущественных выгод»². В этом случае под имуществом понимаются те виды объектов гражданских прав и обязанностей, которые относятся к имуществу в соответствии с ГК РФ. Как видно, речь идет о понятии имущества в самом широком смысле этой гражданско-правовой категории. Напомню, что в гражданском праве под имуществом в широком смысле понимается весь состав имущественных ценностей, в своей целостности характеризующий имущественное состояние конкретного субъекта (всю совокупность принадлежащих определенному лицу вещей, имущественных прав, иных выгод имущественного характера, а также совокупность обременяемых его имущественных обязанностей).

А.И.Рарог определяет предмет рассматриваемых преступлений как «любое имущество, которое в соответствии с гражданским законодательством может быть объектом права собственности»³. Получается, что предметом имущественных посягательств являются исключительно вещи, поскольку только они, согласно гражданскому праву, составляют объект права соб-

¹ См.: Кочои С.М. Указ. соч. С.90.

² Жижиленко А.А. Указ. соч. С.114.

³ Уголовное право России: Особенная часть: Учебник / Отв. ред. Б.В.Здравомыслов. С.135.

Понятие имущественных преступлений по действующему уголовному законодательству России и их классификация

ственности. А.Н.Игнатов также ограничивает предмет указанных посягательств только вещами. Он пишет: «Предметом преступлений против собственности являются имущество и предметы, дающие право на получение имущества, т.е. конкретные вещи, предметы материального мира, флора, фауна, домашние животные и т.д.»¹. Этому же мнению придерживается Н.И.Пикуров, утверждая: «Применительно к гл. 21 УК предметом преступления может быть лишь имущество, являющееся объектом права собственности»².

Согласно взглядам С.И.Никулина и Б.В.Яцеленко, предметом исследуемых преступлений является имущество в смысле таких вещей (предметов) материального мира, в которых овеществлен труд человека³. Как видно, в данном случае предлагается считать предметом имущественных преступлений не все вещи, а только те, которые являются продуктом труда.

Наиболее близкой к истине представляется первая точка зрения. Именно широкое понимание предмета имущественных преступлений более всего соответствует современным экономическим реалиям. К тому же сам законодатель при описании конкретных видов этих посягательств указывает на три категории имущественных благ, по поводу которых последние совершаются: 1) чужое имущество, 2) право на чужое имущество, 3) другие действия имущественного характера (иными словами, другие имущественные выгоды). Попытаемся раскрыть содержание каждой из указанных правовых категорий.

Чужое имущество — предмет, который характерен для всех без исключения имущественных преступлений. Как признак состава преступления «чужое имущество» прямо указано в абсолютном большинстве статей главы 21 УК (ст.ст.158-163, 167-168). В трех статьях этой главы данный признак непосредственно не назван, однако он без всяких сомнений подразумевается (ст.ст.164-166).

В российском уголовном праве понятие «чужое имущество» трактуется в узком смысле — как чужая вещь или совокупность чужих вещей, включая деньги и ценные бумаги. Также и в действующем уголовном законодательстве России под «чужим имуществом» понимается имущественное благо в виде чужой вещи. В этом смысле данная уголовно-правовая категория не охватывает собой понятия «права на чужое имущество» и «других действий имущественного характера».

«Чужое имущество» как предмет исследуемых преступлений конкретизирован в трех статьях главы 21 УК. В ст.160 говорится о чужом имуществе, которое вверено виновному. В ст.164 указывается на такую разновид-

¹ Уголовное право России: Учебник: В 2-х т. Т.2. Особенная часть / Под ред. А.Н.Игнатова и Ю.А.Красикова. С.180.

² Пикуров Н.И. Уголовное право в системе межотраслевых связей: Монография. Волгоград: ВЮИ МВД России, 1998. С.199.

³ Российское уголовное право: Особенная часть: Учебник / Под ред. М.П.Журавлева и С.И.Никулина. С.134; Уголовное право: Особенная часть: Учебник / Под ред. А.И.Рапога. С.111-112.

ность чужого имущества, как предметы и документы, имеющие особую историческую, научную, художественную или культурную ценность. В ст.166 предмет преступления определяется в виде автомобиля или иного транспортного средства. Не вызывает сомнений, что во всех этих случаях речь идет именно о чужих вещах в виде названных законодателем конкретных предметов материального мира.

Особо следует остановиться на вопросе о предмете такого преступления, ответственность за которое предусмотрена ст.165 УК (причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием). Предмет этого посягательства в уголовном законе прямо не назван. Это единственный случай, когда законодатель при описании состава конкретного имущественного преступления не упоминает о его предмете. В литературе многими исследователями причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием справедливо относится к числу предметных преступлений. Н.И.Панов определяет предмет этого преступления как имущество и в зависимости от вида причинения имущественного ущерба выделяет: (1) материальные блага, подлежащие передаче, а также (2) стоимость неправомерно эксплуатируемого имущества¹. По мнению А.Н.Игнатова, предметом указанного посягательства может быть любое имущество². Э.С.Тенчов характеризует предмет данного преступления как «имущественные ценности, обычно — денежные средства, подлежащие передаче государству в качестве обязательных платежей или иным субъектам в виде платы за пользование имуществом или иные услуги»³. Ю.И.Ляпунов считает предметом рассматриваемого посягательства товарно-денежные ценности, которые должны были поступить в распоряжение собственника, если бы виновным не было совершено указанное общественно опасное деяние⁴. Предметом преступления, предусмотренного ст.165 УК, может быть чужое имущество, имеющее вещественное содержание. Это положение является неоспоримым в случае, если названное посягательство выражается в незаконном безвозмездном использовании (эксплуатации) виновным чужих вещей.

Ответственность за преступления, предусмотренные в главе 21 УК, возможна лишь при условии, что предмет посягательства в виде вещи является чужим для виновного. В соответствии с действующим уголовным законодательством свои и ничьи вещи по общему правилу не признаются предметом имущественных преступлений. По конкретному делу Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда СССР было указано, что разбой предполагает нападение с целью завладения чужим имуществом, то есть

¹ См.: Панов Н.И. Указ. соч. С.18-19.

² См.: Уголовное право России: Учебник: В 2-х т. Т.2. Особенная часть / Под ред. А.Н.Игнатова и Ю.А.Красикова. С.214.

³ Уголовное право России: Часть Особенная: Учебник / Отв. ред. Л.Л.Кругликов. С.224.

⁴ См.: Уголовное право: Особенная часть: Учебник / Под ред. Н.И.Ветрова и Ю.И.Ляпунова. С.279.

Понятие имущественных преступлений по действующему уголовному законодательству России и их классификация

имуществом, на которое отсутствуют какие-либо права у обвиняемого или его соучастников¹.

Судебное определение понятия чужого имущества дано в п.1 постановления №5 Пленума Верховного Суда РФ от 25 апреля 1995 г. «О некоторых вопросах применения судами законодательства об ответственности за преступления против собственности», согласно которому чужим является имущество, не находящееся в собственности или законном владении виновного (критику этого положения см. в §1 главы 4 настоящей работы).

Предметом исследуемых преступлений могут быть как движимые, так и недвижимые вещи. Недвижимость не является предметом всех без исключения имущественных посягательств. Это положение является общепризнанным в современной доктрине. Между тем вопрос о недвижимости как предмете конкретных видов имущественных преступлений относится к числу дискуссионных. Бесспорным является признание недвижимости предметом вымогательства, мошенничества (в части «приобретения права на чужое имущество»), уничтожения и повреждения имущества. Спорным остается вопрос о недвижимом имуществе как возможном предмете хищений или некоторых его форм. Так, по мнению Г.Н.Борзенкова и С.И.Никулина, закон допускает в качестве предмета хищения как движимое, так и недвижимое имущество. Однако способы завладения последним сопряжены либо с насилием (физическим и психическим), либо с обманом². Л.Д.Гаухман считает, что недвижимое имущество может являться предметом мошенничества, присвоения и растраты³.

И.А.Клепицкий и С.М.Кочои, напротив, утверждают, что недвижимость не является предметом хищения чужого имущества. Она может выступать возможным предметом таких корыстных имущественных преступлений, как мошенничество (точнее, одной из его форм — «приобретения права на чужое имущество») и вымогательства, а также, по мнению С.М.Кочои, причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием⁴.

Последняя точка зрения представляется наиболее убедительной по следующим основаниям. Действующее уголовное законодательство не разграничивает предмет имущественных преступлений по признаку подвижности имущества и, соответственно, специально не устанавливает повышенную ответственность за общественно-опасные посягательства на недвижимость. Поэтому исходя исключительно из положений, закрепленных в главе 21

¹ См.: Судебная практика к Уголовному кодексу Российской Федерации / Сост. С.В.Бородин, А.И.Трусов; Под общ. ред. В.М.Лебедева. М.: Спарк, 2001. С.736-737.

² См.: Уголовное право Российской Федерации: Особенная часть: Учебник / Под ред. Г.Н.Борзенкова и В.С.Комиссарова. С.181; Российское уголовное право: Особенная часть: Учебник / Под ред. М.П.Журавлева и С.И.Никулина. С.138.

³ См.: Гаухман Л.Д., Макимов С.В. Указ. соч. С.27.

⁴ См.: Клепицкий И.А. Недвижимость как предмет хищения и вымогательства // Гос. и право. 2000. №12. С.12-13; Кочои С.М. Указ. соч. С.92.

УК, трудно определить круг имущественных посягательств, возможным предметом которых может быть недвижимое имущество. При решении этого вопроса необходимо обращение к нормам других отраслей права, регулирующих отношения по принадлежности и обороту недвижимости. В соответствии с п.1 ст.130 ГК РФ и ст.1 Федерального закона от 21 июля 1997 г. «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним»¹, к недвижимым вещам относятся земельные участки, участки недр, обособленные водные объекты и все то, что прочно связано с землей, то есть объекты, перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно, в том числе леса, многолетние насаждения, здания, сооружения. К недвижимым вещам относятся также подлежащие государственной регистрации воздушные и морские суда, суда внутреннего плавания, космические объекты. Понятие движимого имущества дается в п.2 ст.130 ГК РФ. Согласно закону движимыми признаются вещи, не относящиеся к недвижимости, включая деньги и ценные бумаги.

Недвижимость предполагает особый характер владения, пользования и распоряжения ею. Отличительная черта последнего — открытость, публичность. Достаточно заметить, что современным законодательством обеспечивается социальный контроль и гласность вещных прав на недвижимое имущество, что призвано служить законным интересам участников экономических отношений. Возникновение и прекращение вещных прав на недвижимость происходит в особом порядке и под контролем государства. Этот порядок, как правило, предполагает соблюдение обязательной письменной формы сделки с недвижимостью (ст.161 ГК) и требует государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним (ст.131 ГК). Государственная регистрация прав носит открытый характер. Наконец, в законе установлено, что право собственности на вновь создаваемое недвижимое имущество, подлежащее регистрации, возникает с момента такой регистрации (ст.219 ГК). С момента такой регистрации, если иное не установлено законом, возникает право собственности и у приобретателя имущества, если его отчуждение подлежит государственной регистрации (ст.223 ГК). Государственная регистрация является единственным доказательством существования зарегистрированного права (п.1 ст.2 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним»).

Изложенное выше обуславливает особенности преступного посягательства, совершаемого по поводу недвижимости. Тайное и открытое изъятие чужого недвижимого имущества при таких обстоятельствах исключается. Тем более не может идти речи о насильственном завладении чужим недвижимым имуществом. Как известно, последнее получает относительное распространение только при крайней слабости государственной власти. Невозможно и неправомерное удержание чужой «вверенной» недвижимой вещи

¹ См.: *Собрание законодательства Российской Федерации*. 1997. №30. Ст.3594.

Понятие имущественных преступлений по действующему уголовному законодательству России и их классификация

или ее растрата. Корыстное посягательство на недвижимость может заключаться в склонении путем обмана или принуждения к уступке права на недвижимое имущество, в незаконной передаче права на чужое недвижимое имущество с использованием доверия, в совершении указанными или иными способами действий по неправомерному пользованию (эксплуатации) чужой недвижимостью.

Недвижимость не может признаваться предметом хищения чужого имущества. Хищение есть посягательство на право собственности. Оно заключается в противоправном нарушении всех трех правомочий собственника — владения, пользования и распоряжения, соединенном с лишением собственника принадлежащей ему вещи. Соответственно, хищение признается оконченным в момент «поражения» всей триады правомочий, когда собственник лишается реальной возможности владеть, пользоваться и распоряжаться своим имуществом. Незаконное обращение виновным в свою пользу чужой недвижимости предполагает противоправное завладение и пользование ею, но не дает реальной возможности преступнику распоряжаться чужим недвижимым имуществом. В условиях гласности прав на недвижимость, открытости государственной регистрации, социального контроля за сделками и иными юридически значимыми действиями в отношении недвижимого имущества любое лицо получает реальную возможность распоряжаться чужой недвижимостью с момента передачи ему права на недвижимое имущество. Хищение же не совершается по поводу имущественных прав. Такого взгляда придерживается и Верховный Суд РФ. Так, Президиум Верховного Суда РФ не признал разбойного нападения в действиях осужденных, совершенных при следующих обстоятельствах. Виновные договорились путем обмана завладеть квартирой, в противном случае убить хозяина квартиры. Для осуществления задуманного они предложили ему продать им квартиру, последний отказался. Действуя по намеченному плану, осужденные убили хозяина квартиры и впоследствии пытались продать ее различным людям. В постановлении по данному делу Президиум указал, что умысел осужденных был направлен исключительно на лишение потерпевшего жизни с целью завладения его квартирой, но не путем разбойного нападения. Осужденные заранее предполагали распорядиться квартирой потерпевшего путем мошенничества (в форме «приобретения» права на чужое имущество)¹.

Как было замечено ранее, чужими вещами не исчерпывается содержание предмета имущественных преступлений по действующему УК. Наряду с чужим имуществом предметом некоторых преступлений (мошенничества, вымогательства, причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием) по прямому указанию закона или его смыслу могут являться право на чужое имущество и иные выгоды имущественного

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1999. №10. С.7-8.

характера, не связанные с незаконным получением чужих вещей и прав (ст.ст.159, 163 и 165).

«*Право на чужое имущество*» — предмет двух имущественных преступлений: мошенничества (ст.159) и вымогательства (ст.163). Правда, в последнем случае законодатель говорит о *праве на имущество* без указания на то, что имущество, право на которое вымогается, является чужим для преступника. Однако это свойство предмета вымогательства вытекает из смысла уголовного закона, который выявляется путем, например, систематического толкования положений, предусмотренных в ст.ст.159 и 163 УК.

Вопрос о содержании «права на чужое имущество» как объективного признака составов мошенничества и вымогательства относится к числу дискуссионных. Как справедливо указывает И.А.Клепицкий, в современном уголовном праве понятие «право на чужое имущество» имеет три самостоятельных значения¹.

Первое значение «права на чужое имущество» вытекает из буквального толкования этой категории в уголовном законе и определяется в виде *вещного права и обязательственного права в отношении вещей*: права владения вещью, права пользования или распоряжения ею; права требования передать вещь и др. Такое понимание «права на чужое имущество» имеет немало своих сторонников в науке уголовного права. Например, Э.С.Тенчов пишет: «Право на имущество может быть выражено в различных документах, гарантирующих получение по ним тех или иных имущественных ценностей (оплаченный кассовый чек, квитанция на получение вещей в камере хранения, сберкнижка на предъявителя, кредитно-расчетная карточка) либо пользования ими (ордер на квартиру, доверенность на управление автомобилем и т.п.)»².

Во-вторых, «право на чужое имущество» трактуется ограничительно как исключительно «право собственности». По этому поводу еще в советском уголовном праве было замечено: поскольку мошенничество является преступлением против собственности, постольку под правом на имущество следует понимать право собственности³. Узкого понимания исследуемой категории придерживается и ряд современных ученых-юристов. Так, Ю.И.Ляпунов указывает, что право на имущество — категория сугубо юридическая, содержанием которой являются правомочия собственника или управомоченных им лиц владеть, пользоваться и распоряжаться предметами матери-

¹ См.: Клепицкий И.А. Недвижимость как предмет хищения и вымогательства. С.13-15.

² Уголовное право России: Часть Особенная: Учебник / Отв. ред. Л.Л.Кругликов. С.209-210. См. также: Уголовное право: Особенная часть: Учебник / Отв. ред. И.Я.Козаченко, З.А.Незнамова, Г.П.Новоселов. С.240; Уголовное право России: Учебник. В 2-х т. Т.2. Особенная часть / Под ред. А.Н.Игнатова и Ю.А.Красикова. С.192.

³ См.: Научно-практический комментарий Уголовного кодекса РСФСР. М., 1964. С.314; Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР, 1971. С.316.

Понятие имущественных преступлений по действующему уголовному законодательству России и их классификация

ального мира в виде товарно-денежных ценностей¹. По мнению З.А.Незнамовой, «право на имущество — это юридическая категория, содержанием которой являются правомочия собственника, знаменитая цивилистическая триада: права владения, пользования и распоряжения»². Наконец, Г.Н.Борзенков применительно к мошенничеству пишет: «Если под правом на имущество понимается право собственности в полном объеме, то упоминание об этом имеет значение лишь для уточнения момента окончания преступления. Приобретение такого права является либо приготовлением к последующему завладению имуществом, либо противоправным образом создает видимость законного владения имуществом, уже находящегося в обладании виновного»³.

Наконец, исходя из единства правовых категорий, понятию «право на чужое имущество» придается смысл наиболее близкой к нему гражданско-правовой категории — «имущественное право». В результате эти две правовые конструкции отождествляются.

Решение вопроса об определении содержания «права на чужое имущество» упирается в концептуальное основание. Суть последнего в характере и силе связи между уголовным и гражданским правом. Исходя из принципа отраслевой обособленности уголовного права в системе законодательства, можно предположить, что все правовые категории, используемые в уголовном праве, имеют узкоотраслевое значение и специальный смысл, который им придается с учетом задач уголовного законодательства. В этом смысле они трактуются без какой-либо связи с положениями других отраслей права, в том числе и права гражданского. Наоборот, исходя из тесного взаимодействия гражданского и уголовного права в сфере имущественных отношений можно полагать, что упоминание в уголовном законе о «праве на чужое имущество» является результатом недоразумения, что эта категория лишена самостоятельного юридического значения и требует такой трактовки, которая бы в большей степени соответствовала смыслу гражданско-правового понятия «имущественные права». Именно последний подход представляется наиболее обоснованным. Из него, в частности, вытекает

¹ См.: Уголовное право: Особенная часть: Учебник / Под ред. Н.И.Ветрова и Ю.И.Ляпунова. С.272. Между тем, конкретизируя случаи приобретения права на имущество, Ю.И.Ляпунов несколько расширяет содержание соответствующей категории. Так, он указывает, что практика борьбы с вымогательством встречается с такими разновидностями требования передачи права на имущество, как «фиктивное зачисление в состав учредителей различных коммерческих структур в целях получения в последующем доходов от прибыли». Однако в соответствии с гражданским законодательством все «коммерческие структуры» (за исключением государственных и муниципальных унитарных предприятий) относятся к числу организаций, на имущество которых их участники имеют обязательственные права (п. 2 ст.48 ГК РФ). Что касается вопроса о получении «доходов от прибыли», то это есть не что иное как право требования. В континентальном праве права требования традиционно относятся к области обязательственного права.

² Уголовное право: Особенная часть: Учебник / Отв. ред. И.Я.Козаченко, З.А.Незнамова, Г.П.Новоселов. С.240.

³ Уголовное право Российской Федерации: Особенная часть: Учебник / Под ред. Г.Н.Борзенкова и В.С.Комиссарова. С.213.

следующее положение: предметом имущественных преступлений (вымогательства и мошенничества) являются не всякие имущественные права, а только те, которые могут быть переданы в соответствии с гражданским законодательством. Права, которые не могут переходить к другим лицам (ст.383 ГК РФ), не могут составлять и предмета указанных посягательств. Между тем в целях последовательной реализации указанного подхода необходимо привести уголовный закон в известной его части в соответствие с действующим гражданским законодательством.

Нередко в научной литературе «право на имущество» определяется весьма упрощенно, схематично, иногда юридически неверно. Например, В.Н.Сафонов применительно к вымогательству пишет: «Под правом на имущество понимают долговые расписки, фиктивное зачисление на работу с целью незаконного получения денег, документы о «добровольной» передаче квартиры от потерпевшего к виновному и т.п.»¹. Надо ли говорить, что долговые расписки, документы сами по себе «правом на имущество» не являются, в лучшем случае они удостоверяют (с соблюдением установленной формы и обязательных реквизитов) имущественные права, считаются, так сказать, их документарным выражением (формой), признаются письменным доказательством существования таких прав. Что касается «фиктивного зачисления на работу с целью незаконного получения денег», то это действие вообще не имеет никакого отношения к имущественным правам как гражданско-правовой категории, но может при наличии к тому оснований подпадать под правовую категорию «других действий имущественного характера».

По действующему УК ответственность за имущественные преступления возможна лишь при условии, что предмет посягательства в виде имущественного права является чужим для виновного. Требование лицом передачи (уступки) принадлежащего ему имущественного права вопреки установленному законом порядку образует в его действиях при наличии к тому оснований состав самоуправства (ст.330).

«Другие действия имущественного характера» — предмет вымогательства (ст.163) и, согласно сложившейся судебной практике, один из видов предмета причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (ст.165). Названная выше категория вызывает особый интерес тем, что за рамками научных исследований до сих пор остаются вопросы о юридической природе «других действий имущественного характера» и их соотношении с рассмотренными видами предмета имущественных преступлений («чужое имущество», «право на чужое имущество»).

Под имущественным действием вообще следует понимать активное поведение лица, направленное на возникновение, изменение или прекращение имущественных отношений. В этом смысле передача (получение) иму-

¹ Сафонов В.Н. Организованное вымогательство: уголовно-правовой и криминологический анализ: Монография. СПб., 2000. С.43.

Понятие имущественных преступлений по действующему уголовному законодательству России и их классификация

щества, равно как и уступка (приобретение) права на имущество есть не что иное, как действия имущественного характера.

Отсюда, под «другими действиями имущественного характера» в действующем уголовном законе понимаются действия лица, которые выражаются в предоставлении виновному имущественной выгоды при отсутствии признаков передачи имущества или права на него. Это действия по предоставлению таких имущественных выгод, в состав которых не входят вещи или имущественные права.

Перечень таких действий весьма широк и не поддается полному определению так сказать, является открытым. Среди видов указанных действий можно выделить следующие: прощение долга (погашение долга, отказ от требования возврата долга путем, например, уничтожения долговой расписки); скидка с долгов; отсрочка или рассрочка платежей; занижение стоимости передаваемого имущества; уменьшение арендных и иных платежей; получение льготных кредитов; снижение процентных ставок за пользование банковскими ссудами; безвозмездное выполнение работ и оказание услуг; безвозмездное использование чужого имущества; получение каких-либо иных имущественных льгот и преимуществ.

Конечно же, «другие действия имущественного характера» в буквальном смысле слова не могут признаваться предметом преступления. Совершение имущественных действий связано с передачей имущества, права на него или предоставлением других имущественных выгод. Отсюда, именно другие выгоды имущественного характера скорее и следует считать предметом названных выше имущественных преступлений.

Вышесказанное определяет значимость правильного понимания вопроса о понятии имущественной выгоды в уголовном праве. Имущественная выгода — самостоятельная юридическая категория, имеющая особый правовой смысл. Эта категория относится к числу работающих. Она известна прежнему уголовному законодательству России (см., в частности, ст.194 УК РСФСР 1922 г., ст.174 УК РСФСР 1926 г.) и применяется в действующем уголовном законе (ст.ст.173, 290). Однако законодатель не раскрывает содержания указанной категории.

По толковому словарю В.Даля, выгода есть «польза, барыш, прибыль; то, что выгадано, приобретено, добыто»¹. В словаре С.И.Ожегова и Н.Ю.Шведовой под выгодой понимается польза, преимущество². В юридической литературе одно из определений имущественной выгоды, правда, применительно к составу вымогательства, дается в кандидатской диссертации В.Н.Куца. По мнению последнего, под имущественными выгодами следует понимать не являющиеся личным имуществом и правом на имущество, воплощенные в вещах материального мира результаты определенного

¹ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т.1-4. Т.1. С.693.

² Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 2-е изд., испр. и доп. М., 1994. С.107.

поведения потерпевшего, приносящего или способного принести материальную пользу вымогателю или другим лицам¹.

По нашему мнению, определять имущественную выгоду как результат чьих-либо действий (бездействия) неточно. Споры нет, имущественная выгода может быть извлечена в результате поведения самого лица или других лиц. Наряду с этим имущественная выгода может быть результатом предпринимательской и иной экономической деятельности, какого-либо события (например, открытие наследства).

Неточным представляется и трактовка имущественной выгоды исключительно как результата (например, как положительных последствий, которые наступили в имущественной сфере определенного лица в связи с присвоением имущества, приобретением имущественных прав, получения результата работ). Акцент в таком понятии смещается в сторону оснований получения выгоды. Имущественная выгода получает смысл «следствия» чего-либо, теряет свое самостоятельное значение.

Однако суть имущественной выгоды состоит не в том, что она находится в причинной связи с какими-либо действиями или событиями. Ее квинт-эссенция заключается в фактическом обогащении определенного лица или в сбережении (сохранении) им своего имущественного состояния. Как представляется, имущественная выгода есть доход (прибыль) и иное имеющее стоимостную оценку благо, которые получены определенным лицом (выгодоприобретателем). Имущественные выгоды обыкновенно имеют денежную и натуральную форму. В имущественной сфере выгодно все то, что связано с фактическим улучшением имущественного состояния и его сбережением. В этом смысле понятие имущественной выгоды диаметрально противоположно понятию имущественных затрат, также как категория доходов — понятию расходов.

В связи со сказанным представляет особый интерес вопрос о соотношении имущественной выгоды с такой юридической категорией, как «имущество». Думается, что под имущественной выгодой можно понимать то имущество, которое приобретается (прирачивается) и сберегается (не расходуется, сохраняется) конкретным лицом в определенный момент. *Имущественная выгода — это полученное лицом имущество в денежной или натуральной форме, переданные лицу имущественные права, а также сбереженное лицом имущество.* Есть основания полагать, что исследуемая категория отражает «положительную» динамику, происходящую в имущественной сфере определенного лица. В самом деле, фактическое имущественное состояние, то есть статику материального положения участников экономических отношений, вряд ли можно назвать имущественными выгодами. Между тем как доходы, полученные в результате купли-продажи и иных видов приобретения-отчуждения имущества, использования имущества и пр., а равно

¹ См.: Куц В.Н. Ответственность за вымогательство по советскому уголовному праву: Автореф. дис... канд. юрид. наук. Харьков, 1986. С.9.

Понятие имущественных преступлений по действующему уголовному законодательству России и их классификация

сбереженное имущество, которое при обычных условиях гражданского оборота должно быть отчуждено, есть все основания причислять к имущественным выгодам.

Возвращаясь к вопросу о «других действиях имущественного характера» как объективном признаке некоторых преступлений, предусмотренных в главе 21 УК, заметим, что законодатель путем указания на этот признак говорит о таких выгодах имущественного характера, которые извлекаются виновным (или другими лицами) путем уклонения от уплаты должного, неосновательного сбережения собственного имущества, избавления от материальных затрат. Эти имущественные выгоды представляются потерпевшим, находящимся под принуждением или введенным в заблуждение, путем освобождения виновного (или других лиц) от исполнения имущественных обязанностей. Следовательно, предметом преступного посягательства в данном случае можно считать *сбереженное виновным или другими лицами имущество*.

В современной науке уголовного права распространенным является мнение, согласно которому все из названных юридических категорий — «чужое имущество», «право на чужое имущество» и «другие действия имущественного характера» — служат для обозначения предмета конкретных видов имущественных посягательств. И мошенничество, и вымогательство, и причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием относятся многими исследователями к числу предметных преступлений¹. Между тем в теории уголовного права существуют и иные взгляды на этот вопрос. По мнению Л.Д. Гаухмана, если имущественное преступление выражается в приобретении права на чужое имущество или заключается в требовании совершения других действий имущественного характера, оно является беспредметным².

Как видно, вопрос о содержании предмета имущественных преступлений является сложным. Широкая трактовка предмета некоторых имущественных посягательств как имущества вообще, безотносительно к его вещественному содержанию находится в известном противоречии с юридическим пониманием собственности как вещного права, которое связано с определенной вещью и не имеет своим объектом имущественные права, тем более иные выгоды имущественного характера. Цивилисты утверждают: «Объектами вещных прав в российском праве, как и в целом в континентальной правовой системе, не могут выступать имущественные права — права требования, права пользования и т.п., составляющие содержание обя-

¹ См.: Российское уголовное право: Особенная часть / Под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. С.163; Российское уголовное право: Особенная часть: Учебник / Под ред. М.П. Журавлева и С.И. Никулина. С.156; Уголовное право: Особенная часть: Учебник / Отв. ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова, Г.П. Новоселов. С.213, 240-241; Уголовное право России: Учебник: В 2-х т. Т.2 / Под ред. А.Н. Игнатова и Ю.А. Красикова. С.192, 207, 214; Уголовное право: Особенная часть: Учебник / Под ред. Н.И. Ветрова и Ю.И. Ляпунова. С.243, 272, 279; Уголовное право России: Часть Особенная: Учебник / Под ред. Л.Л. Кругликова. С.209, 222, 224.

² См.: Гаухман Л.Д., Максимов С.В. Указ. соч. С.65, 119.

зательственных отношений... Субъективные имущественные права, безусловно, могут быть предметом гражданского оборота, но из этого вовсе не следует, что они являются объектами вещных прав¹.

Широкое определение содержания предмета отдельных преступлений, предусмотренных в главе 21 УК, не находится в согласии и с общим учением об объекте преступления. Под предметом преступления в отечественной науке уголовного права традиционно понимаются *материальные предметы внешнего мира*, на которые непосредственно воздействует преступник, осуществляя посягательство на соответствующий объект. Так, в советской теории уголовного права утверждалось: «Под предметом преступления надлежит понимать такие предметы или вещи, которые служат материальным (вещественным) поводом, условием либо свидетельством существования определенных общественных отношений и посредством изъятия, уничтожения, создания либо видоизменения которых причиняется ущерб объекту преступления»². Это концептуальное положение принято и современной уголовно-правовой наукой. «Предмет преступления, — указывает А.В.Пашковская, — это овеществленный элемент материального мира, воздействуя на который, виновный осуществляет посягательство на объект преступления»³. Анализ абсолютного большинства определений предмета преступления, сформулированных и другими учеными-юристами, позволяет заключить, что в общем учении об объекте преступления предмет преступного посягательства рассматривается в виде *вещи* (иногда, правда, наряду с категорией вещи упоминаются и другие, охватываемые этим понятием, предметы материального мира — документы, хозяйственные ценности, материально выраженные части окружающей среды и пр.). Как видно, в отечественной науке уголовного права сложилась «вещная» концепция предмета преступления. Согласуется ли последняя с современными экономическими реалиями?

Экономические отношения складываются в обществе по поводу самых разных благ — товаров, работ, услуг, способных удовлетворять те или иные потребности человека. Потребности, как утверждают экономисты, удовлетворяются через потребление как материальных, так и нематериальных благ⁴. Вещественное содержание и вещественный результат не являются исключительным свойством современного производства. В экономической теории является общепризнанным, что во всех развитых странах современное хозяйство состоит из двух взаимосвязанных и дополняющих друг друга типов производства: материального и нематериального⁵. При этом в совре-

¹ Маттеи У., Суханов Е.А. Указ. соч. С.334.

² Фролов Е.А. Спорные вопросы общего учения об объекте преступления // Сборник ученых трудов Свердловского юридического ин-та, 1969. Вып. 10. С.222.

³ Курс уголовного права: Общая часть: Т.1 / Под ред. Н.Ф.Кузнецовой, И.М.Тяжковой. М.: ЗЕР-ЦАЛО, 1999. С.210.

⁴ См.: Экономика: Учебник / Под ред. А.С.Булатова. С.32.

⁵ Борисов Е.Ф. Указ. соч. С.27.

Понятие имущественных преступлений по действующему уголовному законодательству России и их классификация

менное производство органически вплетена особая сфера, воспроизводящая такие специфические блага, как услуги. Последние, в свою очередь, подразделяются на материальные и нематериальные.

Равно и цивилисты утверждают, что объекты экономических отношений суть товары, в развитом экономическом обороте представляющие собой отнюдь не только вещи. «Форму товара получают как материальные, так и нематериальные результаты работ и услуг, нематериальные результаты творческой деятельности, а также отдельные права (например, оформленные в виде ценных бумаг) и даже средства индивидуализации товаров (товарные знаки, фирменные наименования и т.п.). Гражданско-правовой режим этих объектов устанавливается с помощью не только вещных, но и обязательственных, и исключительных прав»¹. В современном мире даже информация приобрела товарный вид и выступает в качестве объекта договорных отношений, связанных с ее сбором, хранением, переработкой, распространением и использованием в различных сферах социальной жизнедеятельности².

Должны ли учитываться законодателем указанные экономические реалии? Безусловно. Содержание законов, регулирующих и охраняющих отношения в сфере экономики, дается самой экономической жизнью и выражает закономерности хозяйственных процессов. Отражены ли современные тенденции в сфере экономики в гражданском законодательстве, регулирующем имущественные отношения товарной природы? Как показывает его анализ, да. Согласно ГК РФ имущественные права могут свободно отчуждаться и переходить от одного лица к другому (ст.ст.128 и 129 ГК). Имущественные права либо иные права, имеющие денежную оценку, могут быть вкладом в уставный капитал хозяйственного товарищества или общества (п.6 ст.66 ГК); таким образом, передача имущественного права (требования) является одной из форм оплаты доли участника в уставном капитале товарищества или общества. В соответствии со ст.21 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» от 8 февраля 1998 г.³, участник общества вправе продать или иным образом уступить свою долю в уставном капитале общества другим лицам. Необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что доля участника в уставном капитале общества, по существу, является обязательственным правом требования, следовательно, на ее передачу (уступку) распространяются правила об уступке прав (ст.ст.382-390 ГК). Понятие уступки права включает, помимо продажи, мену, дарение. Следует иметь в виду, что передается именно доля, как стоимостное выражение части доли уставного капитала, пропорциональной части чистых активов, а не конкретное имущество⁴. Как видно, уступка иму-

¹ Маттеи У., Суханов Е.А. Указ. соч. С.302.

² См.: Гражданское право: Учебник. Часть I / Под ред. А.П.Сергеева, Ю.К.Толстого. С.214.

³ См.: Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. №7. Ст.785.

⁴ См.: Комментарий к Федеральному закону об обществах с ограниченной ответственностью / Под ред. М.Ю.Тихомирова. М., 1998. С.149.

шественного права является ни чем иным, как возмездным или безвозмездным отчуждением лицом по своему усмотрению и в своем интересе этого права.

Высказано мнение, что «любое право, в том числе и право на имущество, не может быть приобретено виновным в результате совершения преступления (право не возникает из правонарушения). На самом деле приобретается не юридическое право на имущество, а фактическая польза от обладания им... Поэтому употребление законодателем приобретения права на имущество в качестве варианта мошенничества следует признать не только неточным, но и излишним»¹. Однако если имущественное право является возможным объектом имущественного оборота и в силу этого его можно свободно «купить», «продать», «обменять» или «подарить», то почему оно не может быть преступным путем приобретено? Конечно же, в данном случае речь не идет о «хищении» имущественных прав, а о тех преступлениях, которые выражаются в противоправном склонении потерпевшего к уступке имущественного права.

В свете вышезложенного представляется необходимым дальнейшее развитие общего учения об объекте преступления. Характер и содержание социальных отношений изменчивы, меняются с ними и научные теории. Если в современном экономическом мире все большее число отношений складывается с лишенными вещественного содержания благами и ценностями, то это обстоятельство является весьма серьезным основанием для размышлений о соответствии теоретических положений о предмете преступления как вещи реалиям действительности. Полагаю, что определение предмета преступления более нельзя связывать исключительно с его вещественным содержанием. К примеру, предметом преступлений в сфере экономики может быть любое экономическое благо, имеющее как материальный, так и нематериальный характер. Главное, чтобы это благо имело действительную или потенциальную экономическую ценность, либо признавалось возможным объектом экономического оборота, то есть принимало товарную форму и получало стоимостное выражение.

Отрадно констатировать, что такой подход находит все большее число сторонников среди ученых-юристов. Так, Г.П. Новоселов предлагает определять понятие предмета преступления как «различного рода материальных или нематериальных благ (ценностей), способных удовлетворять потребности людей, преступное воздействие на которые (или незаконное обращение с которыми) причиняет или создает угрозу причинения вреда»².

Отсюда, не только вещи, но и иные объекты экономического мира могут признаваться предметом преступлений в сфере экономики (в т.ч. имущественных посягательств), если они составляют экономическую ценность, имеют стоимостное выражение и подлежат денежной оценке.

¹ Успенский А. О недостатках определений некоторых форм хищения в новом УК // Законность. 1997. №2. С.34.

² Новоселов Г.П. Учение об объекте преступления. Методологические аспекты. М.: НОРМА. 2001. С.53.

Понятие имущественных преступлений по действующему уголовному законодательству России и их классификация

Объективная сторона преступлений, предусмотренных в главе 21 УК, обычно выражается в противоправном получении имущественной выгоды (как правило, вещественного характера) и (или) причинении имущественного ущерба. Некоторые из указанных преступлений с объективной стороны состоят в посягательстве, непосредственно направленном на извлечение имущественной выгоды и создающем угрозу причинения имущественного ущерба.

Рассматриваемые преступления характеризуются активной формой поведения — действиями. Содержание этих действий определяется особенностями объекта (в том числе и предмета) посягательства. Как заметил Б.С. Никифоров, «нарушение охраняемого законом объекта может быть совершено не любыми, а только определенными действиями, характер которых определяется в первую очередь свойствами самого объекта»¹. Если считать объектом посягательств, описанных в главе 21 УК, имущественные отношения по владению, пользованию и распоряжению вещами конкретными субъектами права собственности, то указанные преступления с объективной стороны заключаются в совершении таких действий, как неправомерное владение чужим имуществом, противоправное использование чужого имущества и незаконное распоряжение чужим имуществом (в том числе его уничтожение и повреждение). Перечисленные действия могут сочетаться между собой. Так, использованию и распоряжению нередко предшествует завладение.

Между тем имущественные преступления с объективной стороны состоят в совершении не только названных выше действий, но и таких активных форм поведения как нападение с целью завладения чужим имуществом, требование от потерпевшего имущественных выгод вещественного и неимущественного характера, побуждение потерпевшего к передаче имущества, права на имущество или совершению иных действий имущественного характера в пользу виновного или указанных им лиц и др.

Согласно доктрине бездействие не характерно для исследуемых посягательств. Исключение составляют несколько преступлений, объективная сторона которых характеризуется как активной, так и пассивной формой поведения. Одно из них — причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 165). По мнению большинства исследователей, это преступление наряду с действием может быть совершено и путем бездействия². Бездействие в данном случае состоит в уклонении от уплаты должного (в неисполнении имущественных обязательств). Такое понимание объективной стороны указанного преступления не во всем согласуется с положениями уголовного закона. В строгом соответствии с УК причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления

¹ Никифоров Б.С. Объект преступления по советскому уголовному праву. М., 1960. С.137.

² См.: Панов Н.И. Указ. соч. С.21-22; Уголовное право России: Часть Особенная: Учебник / Отв. ред. Л.Л.Кругликов. С.193.

доверием признается посягательством на интересы собственника и владельца определенного имущества в смысле вещи, а не на интересы участников договорных отношений. Поэтому прав И.А.Клепицкий, когда пишет: «При совершении этого преступления виновный не приобретает путем обмана какого-либо права на имущество»¹. Строгое следование букве закона не позволяет также со всей однозначностью утверждать, что указанное преступление может выражаться в сбережении виновным своего имущества. Между тем практика придала нормативным положениям уголовного закона об ответственности за указанное преступление именно такой смысл. Обобщение последней показывает, что по ст.165 УК квалифицируются действия, заключающиеся в неуплате обязательных платежей за пользование электрической и тепловой энергией, газом, иными коммунальными услугами, самовольное подключение к сетям электросвязи (кабельного телевидения, Интернета и пр.), незаконное использование радиотелефонного сканера, реже незаконное использование в корыстных целях чужих транспортных средств или иного имущества. Так, за 12 месяцев 2001 г. по Самарской области было возбуждено около 215 уголовных дел за причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием, из которых приблизительно 67% — по факту неправомерного пользования энергией и связью, 4,5% — по факту незаконного использования чужого имущества, как правило, в виде служебных транспортных средств. 2 уголовных дела (0,9%) было возбуждено по факту противоправного подключения к сетям водоснабжения и незаконного пользования водой.

Другое имущественное преступление, которое, как указывается в литературе, может выражаться в активной и пассивной формах поведения, — присвоение (ст.160). Вопрос о бездействии применительно к составу присвоения является дискуссионным. По мнению Ю.И.Ляпунова, присвоение — форма активного поведения, состоящего в процессе обособления, то есть изъятия, и обращения похищаемого имущества в пользу виновного². Между тем более глубокий анализ объективных признаков этого преступления позволяет усомниться в характеристике присвоения как деяния, совершаемого в виде указанных выше действий (изъятия и обращения чужого имущества в пользу виновного или других лиц). Данное посягательство обычно не связано с нарушением чужого владения, что обусловлено нахождением предмета преступного посягательства в законном владении виновного до совершения преступления. Как писал А.А.Пионтковский, в случае совершения присвоения имеет место не завладение имуществом, так как оно уже находится во владении виновного, а незаконное обращение виновным имущества, находящегося в его правомочном владении, в свою пользу³. Лицу, на законных основаниях владеющему чужим имуществом, незначим изымать

¹ Клепицкий И.А. Недвижимость как предмет хищения и вымогательства. С.15.

² См.: Уголовное право: Особенная часть: Учебник / Под ред. Н.И.Ветрова и Ю.И.Ляпунова. С.249.

³ См.: Курс советского уголовного права: В 6-ти т. Т.4. С.320.

Понятие имущественных преступлений по действующему уголовному законодательству России и их классификация

последнее с целью противоправного обращения его в свою пользу. Предмет посягательства уже находится «в руках» у виновного. В данном случае виновному с целью присвоения чужого вверенного имущества достаточно удерживать его, не возвращать собственнику, уклоняться от исполнения возложенной на него юридической обязанности по передаче имущества. В свете сказанного правильным является мнение А.Н.Игнатова, который считает, что «с объективной стороны присвоение заключается в незаконном удержании имущества, вверенного лицу, т.е. в отказе его возвратить по требованию собственника или ввиду прекращения договорных отношений по поводу имущества... В этом случае преступление совершается путем бездействия»¹.

Наконец, путем бездействия могут быть совершены уничтожение и повреждение чужого имущества (ст.ст.167 и 168) в случае невыполнения виновным возложенных на него определенных обязанностей (например, непредоставление корма животным лицом, обязанным по службе или работе надлежаше содержать животных).

Вопрос о способах совершения имущественных преступлений заслуживает особого внимания. В первую очередь необходимо указать на связь способа посягательства с объектом преступления. Как справедливо утверждал Б.С.Никифоров, «ввиду характера объекта вред ему может быть причинен только определенным способом»². Развивая данное положение, Н.И.Панов писал: «При совершении преступления субъект применяет такие приемы и методы воздействия на объект (т.е. действует таким способом), которые в конечном счете обусловлены особенностями объекта, диктуются, определяются им»³. В самом деле, посягательство на некоторые общественные отношения может быть совершено лишь определенным способом или ограниченным числом способов (например, отношения, которые обеспечивают безопасность жизни и здоровья человека, нарушаются обычно насильственным способом).

Характер же других отношений таков, что обуславливает возможность противоправного нарушения их множеством способов преступного поведения. К отношениям, допускающим разнообразные способы причинения вреда, следует отнести экономические взаимосвязи, в том числе и имущественные отношения. Способ признается конструктивным признаком большинства имущественных преступлений и, следовательно, является критерием отграничения преступного поведения от непротивоправного в имущественной сфере. Кроме того, считается, что способ является одним из основных признаков, позволяющих отличать один вид имущественного посягательства от другого, особенно если речь идет о хищениях.

¹ Уголовное право России: Учебник: В 2-х т. Т.2: Особенная часть / Под ред. А.Н.Игнатова и Ю.И.Красикова. С. 197.

² Никифоров Б.С. Объект преступления по советскому уголовному праву. С.137.

³ Панов Н.И. Уголовно-правовое значение способа совершения преступления. Харьков, 1984. С.40.

Способ — конструктивный признак не всех преступлений, предусмотренных в главе 21 УК. В соответствии с законом, среди хищений одно посягательство — хищение предметов, имеющих особую ценность (ст.164), образует состав преступления «независимо от способа хищения». Также основные составы угона (ст.166), уничтожения и повреждения чужого имущества (ст.ст.167 и 168) описаны в законе без указания на способ их совершения. Способы совершения угона, уничтожения и повреждения чужого имущества могут быть разнообразными. Некоторые из них (например, насилие, общеопасный способ) признаются законодателем в качестве отягчающего эти преступления обстоятельства (п.«в» ч.2 и ч.4 ст.166, ч.2 ст.167, ч.2 ст.168).

Способ связан с действием (бездействием) и является важнейшей характеристикой действия, указывая, каким образом оно выполняется, какие приемы и методы использует преступник в процессе осуществления этого действия. Отсюда, под способом совершения имущественных преступлений следует понимать приемы и методы, которые определяют операционный аспект действий (бездействия), направленных на получение имущественной выгоды и (или) причинение имущественного ущерба. При этом как одно действие (например, склонение потерпевшего к передаче имущества) может характеризоваться несколькими способами, так и один способ (в частности, обман) может быть свойственен нескольким действиям (бездействию). Разновидность имущественных посягательств определяется путем всевозможных комбинаций конкретных действий (бездействия) с определенными способами.

На первый взгляд представляется очевидным, что и законодатель, принимая во внимание вышеуказанное обстоятельство, дифференцирует ответственность за эти посягательства путем соединения того или иного действия (бездействия) с тем или иным способом. Например, изъятие чужого имущества в сочетании с тайностью дает кражу, с обманом образует мошенничество, с открытостью — грабеж и т.д. Однако такой подход следует рассматривать как умозрительный. В действительности абсолютное большинство составов имущественных преступлений складывается в процессе исторического развития законодательства, то есть опирается на историческое основание. Поэтому было бы неправильным искать в данных юридических конструкциях отражение каких-либо логических умозаключений, также как и во всей совокупности норм Особенной части УК видеть завершенную логическую систему, построенную по одним и тем же правилам¹.

Это становится очевидным при более глубоком исследовании объективных признаков имущественных посягательств. В доктрине распространено мнение, что «тайность» и «открытость» относятся к числу способов совершения некоторых из этих преступлений, на основании чего следует раз-

¹ См.: Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений: 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрисъ, 1999. С.126-127.

Понятие имущественных преступлений по действующему уголовному законодательству России и их классификация

личать кражу и грабеж. Между тем тот или иной способ хищения тайным или открытым назвать нельзя. Как уже было замечено, способ — это те приемы и методы, которые характеризуют действие (бездействие) с его операционной стороны. Способ — это то, что внутренне присуще поведению, что является его органическим свойством. Тогда как тайность и открытость характеризуют внешние по отношению к изъятию чужого имущества объективные условия, при которых оно осуществляется, то есть обстановку совершения преступления. Они не являются составной частью действия. На этом основании следует согласиться с теми криминалистами, которые считают, что в таких случаях нет ни конкретного метода, ни приема совершения хищения¹. Вряд ли корректно различать формы хищения исключительно по способу их совершения. Следует сказать, что исторически первой линией дифференциации преступного и непроступного в имущественной сфере была обстановка совершения деяния², второй — способ содеянного (насилие). Отсюда, более обоснованным представляется подход, согласно которому хищения подразделяются на формы в зависимости от обстановки и способа их совершения.

Поведение виновного по извлечению имущественной выгоды и (или) причинения имущественного ущерба может быть соединено с воздействием на личность потерпевшего, а возможно и нет. Способы имущественных преступлений, непосредственно не связанные с воздействием на личность потерпевшего, весьма разнообразны и число их не поддается ограничению. В силу данного обстоятельства законодатель, как правило, не придает решающего правового значения указанным способам имущественных посягательств. Исключение из данного правила составляют случаи совершения кражи, грабежа и разбоя с незаконным проникновением в жилище, помещение либо иное хранилище (п.«в» ч.2 ст.158, п.«в» ч.2 ст.161 и п.«в» ч.2 ст.162), мошенничества, присвоения и растраты с использованием служебного положения (п.«в» ч.2 ст.159 и п.«в» ч.2 ст.160), уничтожения и повреждения чужого имущества общеопасным способом и путем неосторожного обращения с источниками повышенной опасности (ч.2 ст.167 и ч.2 ст.168). Между тем видно, что все указанные способы рассматриваются законодателем в качестве квалифицирующих обстоятельств.

Имущественные посягательства, соединенные с воздействием на человека постольку, поскольку он является обладателем известного имущества и может воспрепятствовать необоснованному приобретению виновным имущественного блага, характеризуются в законе строго ограниченным числом способов. К последним относятся *обман, использование доверия, насилие, угроза, принуждение*. Все указанные способы представляют собой совокуп-

¹ См.: Кочои С.М. Указ. соч. С.135; Ткаченко В.И. Квалификация хищений социалистического имущества. М., 1985. С.5.

² Как писал М.Ф.Владимирский-Буданов, с древнейших времен более строгое внимание законодателя привлекает к себе *татьба*, то есть тайное похищение чужих (движимых) вещей (см.: Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Ростов н/Д: Феникс, 1995. С.350).

ность приемов и методов воздействия на собственника, иного владельца или других лиц в процессе осуществления действий (бездействия), направленных на получение имущественной выгоды и (или) причинение имущественного ущерба. Именно эти способы служат одним из оснований законодательной классификации рассматриваемых посягательств.

В науке уголовного права высказано мнение, согласно которому изъятие чужого имущества признается обобщенным способом хищений¹. Такое суждение представляется спорным. Хищение отличается от других имущественных посягательств особенностями своего предмета (чужая вещь) и характером действия (изъятие чужой вещи). Способ же (в частности, угроза и насилие) сближает хищения с другими имущественными преступлениями (например, с вымогательством). Признание изъятия способом хищения находится в противоречии с действующим уголовным законодательством, которое употребляет категорию «изъятие» для характеристики действия похитителя (примечание 1 к ст.158). Кроме того, понимание изъятия как операционной стороны хищений исключает дифференциацию ответственности за указанные преступления в зависимости от способа посягательства, так как этот признак считается единым для всех форм хищений. Наконец, рассмотрение изъятия в качестве способа хищения предопределяет вопрос об определении действий, способом которых выступает изъятие чужого имущества. Конечно же, объективную сторону хищения можно определить как завладение чужим имуществом путем его изъятия и (или) обращения в пользу виновного или других лиц. Однако признать изъятие приемом завладения, его операционной стороной не представляется возможным. *Изъятие является не способом, а одним из видов завладения чужим имуществом* наряду с такими его разновидностями, как угон транспортного средства, присвоение найденного, сбор или добыча общедоступных вещей и пр. В отличие от других видов завладения, изъятие есть захват вещи из чужого владения, который предполагает выход имущества из фондов его собственника (владельца). Изъятие выражается в таком воздействии на вещь (например, с использованием мускульной силы человека, животного, технических средств и иных приспособлений), в применении таких усилий, которые необходимы и достаточны для отторжения вещи из имущественной сферы ее хозяина. При изъятии собственник лишается реальной возможности осуществлять де-факто одно из своих правомочий — владение. Фактическим владельцем вещи в результате противоправного изъятия становится похититель.

Обязательным признаком имущественных преступлений является их противоправность. *Противоправность* как один из обязательных признаков объективной стороны имущественных посягательств характеризует получение имущественной выгоды виновным и причинение имущественного

¹ См.: Лялунов Ю.И. Изъятие как обобщенный способ хищений // Соц. законность. 1984. №8. С.35-37.

Понятие имущественных преступлений по действующему уголовному законодательству России и их классификация

ущерба. Этот признак означает, что извлечение имущественной выгоды, уничтожение и повреждение чужого имущества совершаются неправомерно, при отсутствии у лица правовых оснований, вытекающих из закона, другого нормативного акта, договора или иной сделки. Примерами противоправного поведения могут служить случаи, когда виновный завладевает вещью помимо воли собственника (владельца) или напротив, вопреки его воле, когда виновный освобождается от имущественных обязанностей в связи с осуществлением обмана, насилия, угроз. Если изъятие имущества, приобретение выгоды имущественного характера и причинение имущественного вреда являются обоснованными, то есть имеют под собой правовые основания (например, определенную норму закона, согласие собственника), ответственность за имущественные преступления исключается.

По законодательной конструкции составы большинства преступлений, предусмотренных в главе 21 УК, относятся к числу материальных. Такими являются составы хищения (ст.ст.158-161, 164), причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (ст.165), уничтожения и повреждения чужого имущества (ст.ст.167 и 168). Наступление общественно опасных последствий и причинная связь между действием (бездействием) и наступившими последствиями выступают в качестве обязательных признаков объективной стороны этих преступлений. Согласно действующему УК последствия от указанных посягательств выражаются в причинении имущественного ущерба собственнику или иному владельцу имущества.

Понятие имущественного ущерба не раскрывается в действующем уголовном законодательстве. В целях уяснения содержания этого признака необходимо обратиться к нормам той отрасли права, предметом регулирования которой являются имущественные отношения. Как известно, это гражданское право. Имущественный ущерб в гражданском праве носит название убытков. Согласно ст.15 ГК под убытками понимаются расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение его имущества (реальный ущерб), а также неполученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода). Как видно, законодатель различает два вида имущественного ущерба (убытков): 1) уменьшение наличного имущественного блага, состояния, которое можно именовать как прямой, положительный, позитивный или реальный имущественный ущерб¹; 2) уменьшение будущего имущественного блага, состояния, которое является упущенной выгодой, неполученными доходами.

¹ Согласно Ст.238 Трудового кодекса РФ (см.: Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. №1. Ст.3) под прямым действительным ущербом понимается реальное уменьшение наличного имущества или ухудшение состояния указанного имущества, а также необходимость произвести затраты либо излишние выплаты на приобретение или восстановление имущества.

Важное значение для квалификации содеянного имеет установление вида имущественного ущерба. Так, обязательным признаком объективной стороны хищения является причинение виновным реального ущерба потерпевшему, то есть такого имущественного вреда, который выражается в уменьшении наличного имущества у последнего. Неполученные потерпевшим доходы в результате совершения хищения на квалификацию содеянного влияния не оказывают, так как размер хищения измеряется стоимостью похищенного имущества.

Обязательным признаком объективной стороны преступления, предусмотренного ст.165 УК, является причинение потерпевшему имущественного ущерба в виде упущенной выгоды. Именно характер последствий выступает в действующем УК основанием разграничения этого преступления и мошенничества, для которого характерно причинение реального ущерба. В судебной практике этот критерий учитывается не всегда, в результате чего судами допускаются ошибки при уголовно-правовой оценке обманов в сфере имущественных отношений.

Так, Торбеевским районным судом Республики Мордовия Агафонова признана виновной в мошенничестве. Согласно материалам дела, осужденная путем обмана ввела в заблуждение работников отдела социальной защиты населения, устно уведолив их о том, что она — инвалид II группы и этот факт может подтвердить имеющейся у нее дома справкой. В связи с этим ей в пенсионное удостоверение незаконно был поставлен штамп и сделана запись об инвалидности II группы, что предоставило ей право на приобретение проездных документов по льготному тарифу с 50-процентной скидкой. Впоследствии Агафонова трижды использовала пенсионное удостоверение с незаконной отметкой при проезде железнодорожным транспортом¹. Действиями осужденной был причинен имущественный ущерб Министерству путей сообщения РФ. Однако он выражался не в умалении наличного имущественного блага, а в упущенной выгоде, равной той сумме денег, которую осужденная необоснованно сберегла, приобретая проездные документы по скидке. Принимая во внимание данное обстоятельство, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Республики Мордовия правильно переквалифицировала содеянное Агафоновой со статьи о мошенничестве на ст.165 УК.

Размер имущественного ущерба является одним из оснований отграничения преступного от непроступного в имущественной сфере и служит критерием дифференциации уголовной ответственности за имущественные посяательства. В этой связи необходимо различать следующие категории преступных последствий рассматриваемых деяний: значительный размер, крупный размер, значительный ущерб и крупный ущерб.

Категория *«значительный размер»* в положениях главы 21 УК прямо не указана, однако ее наличие следует из смысла закона. Применительно к хи-

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1999. №2. С.16.

Понятие имущественных преступлений по действующему уголовному законодательству России и их классификация

шениям вопрос о значительном размере решается с учетом положений административного законодательства о мелком хищении. В соответствии со ст.49 КоАП РСФСР в редакции Федерального закона от 30 января 1999 г. «О внесении изменения в статью 49 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях»¹, хищение чужого имущества путем кражи, мошенничества, присвоения или растраты признается мелким, если стоимость похищенного имущества не превышает одного минимального размера оплаты труда, установленного законодательством Российской Федерации. Согласно примечанию к ст.7.27 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, который вводится в действие с 1 июля 2002 г.², хищение чужого имущества в форме кражи, мошенничества, присвоения или растраты признается мелким, если стоимость похищенного имущества не превышает пяти минимальных размеров оплаты труда, установленных законодательством Российской Федерации.

Отсюда, кража, мошенничество, присвоение и растрата признаются уголовно наказуемыми, если они совершены в значительных размерах, то есть когда стоимость похищенного имущества превышает один (по новому КоАП — пять) минимальный размер оплаты труда. Если стоимость похищенного не превышает одного (пяти) минимального размера оплаты труда, уголовная ответственность не исключается лишь в случае, если умысел виновного был направлен на совершение кражи, мошенничества, присвоения или растраты в значительном или крупном размере, но не был осуществлен до конца по не зависящим от виновного обстоятельствам.

Согласно закону перечень форм хищений, уголовная ответственность за которые ставится в зависимости от указанного размера стоимости незаконно полученной выгоды, является исчерпывающим и не подлежит расширению. Другие формы хищения (грабеж и разбой) независимо от стоимости имущества, ставшего предметом посягательства, признаются преступлениями и получают уголовно-правовую оценку по соответствующим статьям УК. Также закон не ограничивает ответственность за преступление, предусмотренное ст.165 УК, каким-либо минимальным размером причиненного имущественного ущерба. В таких случаях уголовная ответственность исключается лишь в силу малозначительности содеянного на основании ч. 2 ст.14 УК.

В обзорах судебной практики Верховного Суда РФ указывается на случаи необоснованного привлечения к уголовной ответственности лиц, действия которых в силу малозначительности не представляли общественной опасности. Так, по приговору Басманского межмуниципального (районного) суда Центрального административного округа г. Москвы Михеев был осужден за покушение на кражу аудиокассеты в футляре и пустого футляра из салона автомашины. Тверской межмуниципальный (районный) суд Цен-

¹ См.: Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. №5. Ст.603.

² См.: Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. №1. Ст.1.

трального административного округа г. Москвы признал Б. виновным в покушении на кражу одной пары шнурков и одного тюбика крема для обуви, осудив его к одному году лишения свободы условно с испытательным сроком один год¹.

В свете сказанного представляется целесообразным при описании в уголовном законе основных составов кражи, мошенничества, присвоения и растраты (а в необходимых случаях и других имущественных преступлений с материальным составом) указывать на значительный размер приобретенного преступным путем имущества (причиненного имущественного ущерба). К примеру, понятие кражи следует определить в УК так: «кража, то есть тайное хищение чужого имущества в значительном размере». На наш взгляд, целесообразно предусмотреть в главе УК об имущественных преступлениях отдельную статью — *«Понятия, используемые в настоящей главе»*, и определить в указанной статье понятие значительного размера с учетом соответствующих положений нового КоАП РФ: *«Значительным размером в статьях настоящей главы признается стоимость имущества или иных выгод имущественного характера, в пять раз превышающая минимальный размер оплаты труда, установленный законодательством Российской Федерации на момент совершения преступления»*.

Крупный размер — это формально определенная категория, содержание которой раскрывается в примечании 2 к ст.158 УК. Под крупным размером в статьях главы 21 УК понимается стоимость имущества, в пятьсот раз превышающая минимальный размер оплаты труда, установленный законодательством РФ на момент совершения преступления. Крупный размер выступает в качестве конструктивного и квалифицирующего признака следующих имущественных преступлений с материальным составом: кражи (п.«б» ч.3 ст.158), мошенничества (п.«б» ч.3 ст.159), присвоения и растраты (п.«б» ч.3 ст.160), грабежа (п.«б» ч.3 ст.161) и уничтожения или повреждения имущества по неосторожности (ч.1 ст.168). Кроме того, важно подчеркнуть, что закон не всегда связывает категорию «крупный размер» с фактическим наступлением общественно опасных последствий. Согласно действующему УК, отягчающим разбой (п.«б» ч.3 ст.162) и вымогательства (п.«б» ч.3 ст.163) обстоятельством является совершение указанных преступлений в целях завладения (получения) имущества в крупном размере. В этом случае достаточно установить наличие у виновного самой цели приобретения имущественной выгоды в крупном размере независимо от того, удалось ли ему достичь этой цели.

Исходя из широкой трактовки предмета рассматриваемых преступлений как имущества (в смысле вещи) и иных выгод имущественного характера, целесообразно определить понятие крупного размера в статье «Понятия, используемые в настоящей главе» главы УК об имущественных пре-

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1999. №1. С.19; 2000. №9. С.7; №10. С.20.

Понятие имущественных преступлений по действующему уголовному законодательству России и их классификация

ступлениях следующим образом: «Крупным размером в статьях настоящей главы признается стоимость имущества или иных выгод имущественного характера, в пятьсот раз превышающая минимальный размер оплаты труда, установленный законодательством Российской Федерации на момент совершения преступления».

Минимальный размер оплаты труда, исходя из которого определяется величина стоимости незаконно полученной выгоды, а также уничтоженного и поврежденного имущества, установлен не уголовным законом, а законом другой отраслевой принадлежности. Его содержание определяется в Федеральном законе от 19 июня 2000 г. «О минимальном размере оплаты труда»¹. В статье 1 этого законодательного акта минимальный размер оплаты труда установлен: с 1 июля 2000 г. в сумме 132 руб. в месяц; с 1 января 2001 г. в сумме 200 руб. в месяц; с 1 июля 2001 г. в сумме 300 руб. в месяц; с 1 мая 2002 г. в сумме 450 руб. в месяц². В статье 3 этого же Закона разъясняется, что минимальный размер оплаты труда, установленный в ст. 1, применяется исключительно для регулирования оплаты труда, а также для определения размеров указанных в законе пособий и выплат в связи с исполнением трудовых обязанностей. В статьях 4 и 5 указанного Закона устанавливается, что осуществляемые в зависимости от минимального размера оплаты труда выплаты стипендий, пособий и других обязательных социальных выплат, исчисления налогов, сборов, штрафов, иных платежей, а также платежей по гражданско-правовым обязательствам производятся с 1 января 2001 г. исходя из базовой суммы, равной 100 рублям.

Однако в названном Федеральном законе отсутствует положение о базовой сумме минимального размера оплаты труда, которым необходимо руководствоваться при исчислении крупного размера похищенного, уничтоженного или поврежденного имущества. Более того, в указанном законодательном акте вовсе не упоминается о базовой сумме минимального размера оплаты труда применительно к определению стоимостных критериев преступности деяний. Другими словами, Федеральный закон «О минимальном размере оплаты труда» не дает прямого ответа на вопрос, как определять стоимостное содержание признаков тех составов преступлений, квалификация которых поставлена в зависимость от исчисления величины минимального размера оплаты труда и его кратности. В частности, непонятно, какую сумму (равную 100 или 450 рублям) следует использовать при определении размера хищений и других экономических преступлений, ответственность за которые связана с величиной кратности минимального размера оплаты труда.

Этот пробел в законодательстве требует устранения, так как он нередко порождает неоднозначный подход в правоприменении, что в целом не-

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. №26. Ст.2729.

² См.: Федеральный закон от 29 апреля 2002 г. «О внесении дополнения в Федеральный закон «О минимальном размере оплаты труда» // Рос. газета. 2002. 7 мая.

гativement сказывается на устойчивости практики¹. Показательно в этом отношении дело Б. 5 января 2001 г. Б. пыталась похитить мелкие детали к автомобилю на общую сумму 176 руб. 40 коп., но была задержана с похищенным. За эти действия Б. было предъявлено обвинение по ч.3 ст.30 и ч.1 ст.158 УК. Суд, вынося оправдательный приговор по данному делу, указал, что привлечение Б. к уголовной ответственности является незаконным, так как в ее действиях отсутствует состав преступления. Решение суда было опротестовано прокурором. В протесте ставился вопрос о том, что суд не вправе принимать во внимание минимальный размер оплаты труда в сумме 200 руб. в силу того, что этот минимальный размер оплаты труда должен применяться лишь для регулирования оплаты труда, определения размеров пособий по временной нетрудоспособности, выплат в возмещение вреда от увечья. Вышестоящая судебная инстанция с доводами протеста не согласилась, указав, что «в соответствии со ст.1 Федерального закона от 19 июня 2000 г. минимальный размер оплаты труда с 1 января 2001 г. установлен в сумме 200 руб. в месяц, и суд обязан учитывать это обстоятельство при рассмотрении уголовных дел о хищениях»².

До внесения соответствующих дополнений в Федеральный закон от 19 июня 2000 г. полагаю необходимым при квалификации имущественных и иных экономических преступлений принимать во внимание наибольшую из указанных в этом Законе сумм минимального размера оплаты труда (в настоящее время равную 450 рублям). Такой подход обосновывается необходимостью выбора того из альтернативно предусмотренных в законодательстве варианта, который облегчает положение обвиняемого. Это вытекает из ч.3 ст.49 Конституции РФ, согласно которой неустранимые сомнения в виновности лица толкуются в пользу обвиняемого. Пленум Верховного Суда РФ в п.15 постановления №8 от 31 октября 1995 г. «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия»³ обращает внимание судов на необходимость выполнения этого конституционного положения. В п.4 постановления №1 Пленума Верховного Суда РФ от 29 апреля 1996 г. «О судебном приговоре»⁴ разъясняется, что по смыслу закона в пользу подсудимого толкуются не только неустранимые сомнения в его виновности в целом, но и неустранимые сомнения, касающиеся отдельных эпизодов предъявленного обвинения, формы вины, степени и характера участия в совершении преступления, смягчающих и отягчающих ответственность обстоятельств и т.д.

¹ Таково же мнение и Т.Д.Устиновой. См.: Устинова Т.Д. Проблемы квалификации преступлений, совершаемых в сфере экономической деятельности // Актуальные проблемы квалификации и расследования преступлений в сфере экономики: Материалы Всеросс. науч.-практ. конф. 23-24 мая 2001 г. Самара: Изд-во Самарск. гос. экон. акад., 2001. С.56.

² См.: Архив Сызранского городского суда Самарской области за 2001 г. Уголовное дело №1-347.

³ См.: Сборник постановлений Пленумов Верховного Суда Российской Федерации (СССР, РСФСР) по уголовным делам. С.4-11.

⁴ См.: там же. С.399-409.

Понятие имущественных преступлений по действующему уголовному законодательству России и их классификация

Значительный ущерб — оценочная категория, которая определяется в п.15 постановления №11 Пленума Верховного Суда СССР от 5 сентября 1986 г. «О судебной практике по делам о преступлениях против личной собственности»¹ и п.7 постановления №5 Пленума Верховного Суда РФ от 25 апреля 1995 г. «О некоторых вопросах применения судами законодательства об ответственности за преступления против собственности». По смыслу закона значительный ущерб как квалифицирующий признак представляет собой имущественный вред, причиненный гражданину в результате совершения таких форм хищения как кража (п.«г» ч.2 ст.158), мошенничество (п.«г» ч.2 ст.159), присвоение и растрата (п.«г» ч.2 ст.160), грабеж (п.«д» ч.2 ст.161). Его величина определяется исходя из следующих критериев: стоимости имущества, ставшего предметом преступного посягательства, и других существенных обстоятельств. К последним судебная практика относит количество похищенного имущества, значимость утраченного имущества для гражданина, материальное положение гражданина, в частности его заработную плату, наличие иждивенцев.

Вместе с тем, в действующем УК значительный ущерб выполняет роль конструктивного признака умышленных уничтожения и повреждения имущества (ст.167). В этом случае под значительным ущербом понимается имущественный вред, причиненный гражданину, организации, муниципальному образованию, государству. Решая вопрос о наличии в содеянном признака причинения значительного ущерба собственнику или иному владельцу уничтоженного или поврежденного имущества, следует исходить как из стоимости уничтоженного или поврежденного виновным чужого имущества, так и других обстоятельств дела: материального положения физического лица, финансового положения юридического лица, значимости уничтоженного или поврежденного имущества для собственника и пр. Указанный конструктивный и квалифицирующий признак может быть инкриминирован лишь в случае реального наступления общественно опасного последствия, вызванного утратой, уничтожением или повреждением имущества.

Крупный ущерб — оценочная категория, используемая в виде квалифицирующего признака состава причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (п.«б» ч.3 ст.165) и угона (ч.3 ст.166). Содержание этого признака не раскрывается в законе и общих судебных разъяснениях. В науке уголовного права весьма распространенным является взгляд, согласно которому крупный ущерб целесообразно понимать так же, как и крупный размер в соответствии с примечанием 2 к ст.158 УК². Та-

¹ См.: Там же. С.182-187.

² См.: Гаухман Л.Д., Максимов С.В. Указ. соч. С.137; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: Особенная часть / Под общ. ред. Ю.И.Скуратова и В.М.Лебедева. С.153; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Ростов н/Д, 1996. С.395; Уголовное право Российской Федерации: Особенная часть: Учебник / Под ред. Г.Н.Борзенкова и В.С.Комиссарова. С.238; Уголовное право России: Учебник: В 2-х т. Т.2: Особенная часть / Под ред. А.Н.Игнатова и Ю.А.Красикова. С.216; Уголовное право: Особенная часть: Учебник / Под ред. Н.И.Ветрова и Ю.И.Ляпунова. С.280; Уголовное право России: Часть Особенная: Учебник / Отв. ред. Л.Л.Кругликов. С.226.

кого подхода нередко придерживается и судебная практика. Так, Президиум Верховного Суда РФ по делу Ризванова и Фазлыева указал, что для квалификации преступления по признаку причинения крупного ущерба необходимо установить факт причинения потерпевшему реального материального ущерба в крупном размере¹.

Однако законодатель не дает оснований для отождествления понятий крупного ущерба и крупного размера. По смыслу уголовного закона эти категории следует различать, им придается неодинаковое смысловое значение. Об этом свидетельствует, по крайней мере, то обстоятельство, что в УК по-разному именуются рассматриваемые категории уголовного права. Более того, толкование действующего законодательства позволяет прийти к выводу, что рассматриваемые категории, хотя и близкие по своему значению, но имеют неодинаковое назначение в понятийном аппарате уголовного права. Категорию «крупный размер» законодатель связывает с *реальным ущербом* в виде утраты или повреждения имущества, что прямо вытекает из примечания 2 к ст.158 УК, где крупный размер определяется через стоимость имущества. Понятие крупного ущерба, исходя из смысла закона, имеет своим содержанием как (1) положительный ущерб в виде утраты или повреждения имущества, так и (2) ущерб в виде упущенной выгоды, а равно (3) общий ущерб (имущественный вред в целом, включающий в себя и реальный ущерб, и неполученные доходы). На этом основании также невозможно приравнивать категории «крупный размер» и «крупный ущерб» друг к другу. Крупный размер и крупный ущерб — величины, не всегда сопоставимые. В этом легко убедиться при анализе санкций, например, ст.ст.159 и 165 УК: мошенничество в крупном размере (п.«б» ч.3 ст.159) наказывается лишением свободы на срок от пяти до десяти лет с конфискацией имущества или без таковой, тогда как причинение крупного имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (п.«б» ч.3 ст.165) — лишением свободы на срок от двух до пяти лет со штрафом в размере до ста минимальных размеров оплаты труда или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до одного месяца либо без такового.

По мнению некоторых исследователей, при решении вопроса о причинении действиями виновного крупного ущерба следует исходить как из стоимостной оценки ущерба в целом, так и из других существенных обстоятельств, в частности, материального положения собственника или иного владельца². Такое широкое понимание содержания крупного ущерба не исключает возможности учета при его исчислении и организационного вреда, например, в виде расстройств хозяйственной деятельности организации в связи с хищением особо значимого для производственного процесса иму-

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2001. №1. С.9.

² См.: Верин В.П. Преступления в сфере экономики. М.: Дело, 1999. С.52; Гаухман Л. Соотношение крупного размера и крупного ущерба по УК РФ // Законность. 2001. №1. С.33.

Понятие имущественных преступлений по действующему уголовному законодательству России и их классификация

щества¹. Однако, как представляется, закон не дает оснований наряду со стоимостным содержанием учитывать и какое-либо иное выражение крупного ущерба. В этой связи представляется справедливым суждение о том, что в главе 21 УК крупный ущерб обозначает только экономические последствия².

Имущественные преступления, имеющие по конструкции материальный состав, признаются оконченными с момента причинения имущественного ущерба. Особый вопрос — определение момента окончания хищений, составы которых сконструированы по типу материальных (исключение разбой). Момент окончания этих корыстных посягательств на собственность судебной практикой связывается не с причинением имущественного вреда потерпевшему, а с появлением у виновного реальной возможности пользоваться и распоряжаться извлеченной имущественной выгодой в виде вещи. Как видно, момент окончания хищения является к тому же не формально определенным, а оценочным. В п.10 постановления №4 Пленума Верховного Суда СССР от 11 июля 1972 г. «О судебной практике по делам о хищениях государственного и общественного имущества» и п.14 постановления №11 Пленума Верховного Суда СССР от 5 сентября 1986 г. «О судебной практике по делам о преступлениях против личной собственности» разъяснялось, что хищение считается оконченным, если имущество изъято и виновный имеет реальную возможность пользоваться или распоряжаться им по своему усмотрению. Решение вопроса о покушении или окончании хищения возможно только на основании анализа всех обстоятельств дела и, в известной степени, является зависимым от усмотрения правоприменителя. Между тем вопрос об отграничении покушения от оконченного преступления имеет не только научный интерес, но и важное практическое значение. От его правильного решения зависит, например, назначение справедливого наказания. В силу закона покушение влечет менее строгое наказание, нежели оконченное преступление (ст.66 УК), поэтому ошибка в определении момента окончания преступления создает предпосылки для назначения за содеянное необоснованно мягкого или, напротив, незаслуженно сурового наказания.

Обобщение опубликованной практики позволяет утверждать, что вопрос о моменте окончания хищения относится к числу разноречиво решаемых. В отличие от нижестоящих судов, вышестоящие судебные инстанции при решении данного вопроса последовательно исходят из подхода, согласно которому момент окончания преступления зависит от объективной стороны преступления. Отсюда, хищение признается оконченным, когда виновный завладел чужим имуществом и унес его с места совершения преступления, получив реальную возможность пользоваться и распоряжаться

¹ См.: Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР. М.: Юрид. лит., 1971. С.232.

² См.: Кострова М. Крупный размер и крупный ущерб по УК РФ: языковой аспект // Законность. 2001. №10. С.25.

похищенным, или распорядился чужим имуществом непосредственно после его изъятия. Если хищение является продолжаемым, оно признается оконченным с момента совершения последнего действия, из числа нескольких тождественных действий, составляющих одно продолжаемое преступление, и при этом было доведено до конца.

По конкретным делам вышестоящие суды справедливо указывали: действия лица, застигнутого на месте преступления в тот момент, когда оно только что проникло в помещение, где намеревалось совершить хищение, следует рассматривать не как оконченное преступление, а как покушение на преступление¹; кража считается оконченной с момента, когда виновный приобретает реальную возможность распорядиться изъятим чужим имуществом по своему усмотрению. Отсюда, покушением следует считать действия лица, задержанного с похищенным практически сразу после выхода из секции универсама, так как он не мог предпринять какие-либо действия, направленные на реализацию изъятого имущества, тем более не осознавал того, что в момент совершения преступления за его действиями наблюдал сотрудник милиции, проконтролировавший его поведение вплоть до момента задержания²; задержание лица за воротами дома с изъятим чужим имуществом до получения им возможности распорядиться этим имуществом свидетельствует о покушении на совершение кражи³; тайное изъятие чужого имущества и неудавшаяся попытка скрыться с похищенным (по дороге брошенным) подлежат квалификации как неоконченное преступление⁴; продолжаемое мошенничество не может квалифицироваться как оконченное преступление, если преступные намерения виновных потерпевшие разгадали, о чем поставили в известность органы ФСБ, а те приняли меры к пресечению дальнейшего совершения данного преступления⁵; если лицо после грабежа сразу (при попытке бегства с места преступления) было задержано и не имело возможности распорядиться похищенным имуществом, преступление не может быть признано оконченным⁶; лицо, открыто изъывшее вещь и в связи с задержанием на месте преступления не имевшее возможности распорядиться похищенным, несет ответственность за покушение на данное преступление⁷.

Обобщение местной следственной и судебной практики также показывает, что вопрос о моменте окончания хищения не всегда решается с учетом появления у виновного после незаконного изъятия им чужого имуще-

¹ См.: Судебная практика к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. В.М.Лебедева С.680.

² См.: Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1997. №6. С.19.

³ См.: Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1998. №6. С.22-23.

⁴ См.: Судебная практика по уголовным делам: В 2-х частях. Часть 2. Разъяснения по вопросам Общей и Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации / Сост. С.А.Подзоров. М.: Экзамен, 2001. С.576-577.

⁵ См.: Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2001. №1. С.11.

⁶ См.: Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1996. №5. С.8.

⁷ См.: Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1998. №10. С.5.

Понятие имущественных преступлений по действующему уголовному законодательству России и их классификация

ства реальной возможности пользоваться и распоряжаться похищенным. По конкретным делам о хищении обоснованно указывалось: содеянное образует покушение на кражу, поскольку за действиями виновной наблюдали с начала совершение преступления, и она была задержана сразу же после изъятия чужого имущества¹; как покушение на кражу следует квалифицировать содеянное виновным, совершенное при следующих обстоятельствах: З. сорвал с шахты лифта алюминиевый профиль, сбросил его с крыши дома на землю, но не смог обратить незаконно изъятное имущество в свою пользу, так как был задержан сотрудниками милиции²; содеянное образует покушение на грабеж, поскольку виновный, сорвав золотую цепочку с кулоном с шеи потерпевшей, не имел возможности распорядиться похищенным: потерпевшая стала преследовать его, он споткнулся и потерял кулон, а видя, что его настигают, бросил и цепочку³.

Составы разбоя, вымогательства и угона сконструированы по типу формальных. Указанные преступления признаются оконченными с момента совершения определенного действия (действий), характеризующего их объективную сторону. Более конкретно момент окончания каждого из этих преступлений определен судебной практикой. Согласно п.16 постановления №31 Пленума Верховного Суда РСФСР от 22 марта 1966 г. «О судебной практике по делам о грабеже и разбое»⁴, разбой признается оконченным с момента нападения с целью завладения имуществом, соединенного с насилием, опасным для жизни и здоровья потерпевшего, или с угрозой применения такого насилия. Вымогательство считается оконченным с момента предъявления требования, сопровождающегося угрозой, независимо от достижения виновным поставленной цели (п.14 постановления №11 Пленума Верховного Суда СССР от 5 сентября 1986 г. «О судебной практике по делам о преступлениях против личной собственности»). Угон, как разъяснено в п.15 постановления №50 Пленума Верховного Суда РСФСР от 22 октября 1969 г. «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил безопасности движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения (ст.ст.211, 211², 148¹ УК РСФСР)»⁵, является оконченным преступлением с момента отъезда транспортного средства с места, на котором оно находилось.

Мошенничество имеет формально-материальный состав. При этом мошенничество как форма хищения чужого имущества признается оконченным с момента завладения имуществом и получения виновным реальной

¹ См.: Архив Федерального суда Автозаводского района г.Тольятти Самарской области за 2001 г. Уголовное дело №1-3886/2001.

² См.: Архив Кировского районного суда г. Самары за 2001 год. Уголовное дело №1-1095/01.

³ См.: Определение судебной коллегии по уголовным делам Самарского областного суда от 14 ноября 2001 г. по делу Ж. // Архив Кировского районного суда г. Самары за 2001 год. Уголовное дело №1-1535/01.

⁴ См.: Сборник постановлений Пленумов Верховного Суда Российской Федерации (СССР, РСФСР) по уголовным делам. С.190-194.

⁵ См.: там же. С.194-199.

возможности пользоваться или распоряжаться им по своему усмотрению. Мошенничество в виде приобретения права на чужое имущество считается оконченным с момента уступки потерпевшим виновному права на имущество независимо от того, получил ли последний имущество (в виде вещи) на основании реализации этого права¹.

Большинство основных составов преступлений, предусмотренных в главе 21 УК, относятся к категории преступлений средней тяжести. Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (ст.165), умышленное уничтожение и повреждение имущества без отягчающих обстоятельств (ч.1 ст.167), уничтожение и повреждение имущества по неосторожности (ст.168) — преступления небольшой тяжести. Разбой и хищение предметов, имеющих особую ценность, принадлежат к категории тяжких преступлений.

На основании ч.2 ст.30 УК не наказуемо приготовление к краже, мошенничеству, присвоению, растрате, грабежу, вымогательству, причинению имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием, умышленному уничтожению или повреждению имущества как к основным составам преступлений.

Что касается квалифицированных и особо квалифицированных составов имущественных посягательств, в абсолютном большинстве случаев они относятся к категории тяжких или особо тяжких преступлений. Исключения составляют причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием и умышленное уничтожение или повреждение имущества, квалифицированные виды которых относятся к категории преступлений средней тяжести, а также квалифицированный вид уничтожения или повреждения имущества по неосторожности — преступление небольшой тяжести. Отсюда, приготовление к квалифицированным и особо квалифицированным видам имущественных преступлений наказуемо за вышеуказанным исключением.

2. Субъективные признаки имущественных преступлений

Субъективная сторона преступлений, предусмотренных в главе 21 УК, есть внутреннее, психическое отношение виновного к совершаемому им общественно опасному деянию (действию или бездействию), выражающемуся в извлечении имущественной выгоды и (или) причинении ущерба собственнику или иному владельцу имущества. Обязательным признаком субъективной стороны всех преступлений, в том числе и имущественных посягательств, является вина — необходимое условие юридической ответственности.

¹ См.: Уголовное право: Особенная часть: Учебник / Под ред. Н.И.Ветрова и Ю.И.Ляпунова. С.243.

Понятие имущественных преступлений по действующему уголовному законодательству России и их классификация

сти. Абсолютное большинство имущественных преступлений — это умышленные посягательства. Имущественные преступления, которые согласно закону характеризуются неосторожной формой вины, — уничтожение и повреждение имущества по неосторожности (ст.168).

В юридической литературе имеет место единство взглядов на содержание умышленной формы вины имущественных преступлений. Эти посягательства, по общему правилу, предполагают вину в виде прямого умысла. Только два преступления в имущественной сфере могут быть совершены как с прямым, так и с косвенным умыслом — умышленные уничтожение и повреждение имущества (ст.167).

Согласно ч.2 ст.25 УК преступление признается совершенным с прямым умыслом, если лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желало их наступления. Как установлено в теории, в преступлениях с формальным составом лицо желает совершить само действие (бездействие) независимо от наступления общественно-опасных последствий. В соответствии с ч.3 ст.25 УК, преступление признается совершенным с косвенным умыслом, если лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность наступления общественно опасных последствий, не желало, но сознательно допускало эти последствия либо относилось к ним безразлично.

Отсюда, интеллектуальный момент умысла предполагает осознание виновным всех объективных признаков имущественного посягательства.

Во-первых, виновный должен осознавать общественно опасный характер своего поведения. Он должен понимать, что посягает на сложившийся в обществе имущественный правопорядок, нарушает права и интересы собственников или иных владельцев имущества. По конкретному делу действия виновных были квалифицированы судом как разбой. Согласно материалам дела, Х. и Б. остановили машину под управлением К. — водителя частного такси, чтобы «разобраться» с последним по поводу его неправильного поведения в отношении М. и получения с нее за проезд в такси суммы, значительно превышающей оговоренную. При этом осужденные, используя в качестве оружия пистолет-зажигалку, завладели деньгами К. в сумме 25 руб. Надзорная инстанция не усмотрела в содеянном признаков хищения, справедливо указав, что умысла и сговора на разбойное нападение у осужденных не было и имуществом потерпевшего они завладели самоуправным путем¹.

Во-вторых, виновный должен понимать, что он обращает в свою пользу чужие вещи, извлекает другие выгоды имущественного характера как результат чужого труда (работ, услуг, иных действий), уничтожает (повреждает) чужое имущество. Лицо может ошибаться по поводу принадлежности извлекаемого или повреждаемого имущественного блага, считая его своим.

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1994. №6. С.15.

Незаконное обращение в свою пользу или повреждение оспариваемого имущества, не может быть квалифицировано как имущественное преступление.

В-третьих, виновный должен знать, что получение имущественной выгоды в свою пользу или пользу других лиц и причинение имущественного вреда является противоправным, не вытекающим из закона, договора или иного правового основания. В этом отношении показательным делом является дело Тимуршиной, осужденной Североморским городским судом Мурманской области за мошенничество. Зарегистрированная в центре занятости как безработная и получавшая пособие по безработице, Тимуршина выступила учредителем общества с ограниченной ответственностью и была зарегистрирована в качестве субъекта предпринимательской деятельности. Не поставив об этом в известность центр занятости, она продолжала получать пособие по безработице. Судебная коллегия по уголовным делам Мурманского областного суда приняла решение об отмене приговора в отношении осужденной и прекращении дела производством за отсутствием в ее действиях состава преступления по следующим основаниям. Для привлечения Тимуршиной к ответственности за мошенничество необходимо установить, что подсудимая знала о том, что, став учредителем организации, она не имеет права на получение пособия по безработице, и умышленно скрыла это с целью незаконного его получения. Между тем в документах, регламентирующих порядок получения пособия по безработице, с которыми была ознакомлена Тимуршина, не было указаний на то, что учредитель какого-либо предприятия считается лицом работающим и не может признаваться безработным, что свидетельствует об отсутствии умысла Тимуршиной на хищение чужого имущества¹.

Сознанием преступника должны охватываться и квалифицирующие признаки имущественных посягательств.

Осознание виновным факта противоправного получения имущественной выгоды, уничтожения и повреждения чужого имущества предполагает предвидение причинения имущественного вреда собственнику, владельцу или другому лицу как в виде реального ущерба, так и в виде упущенной выгоды. При этом указанные последствия предвидятся виновным в абсолютном большинстве случаев именно как неизбежный результат совершаемых им действий (бездействия)².

Волевой момент умысла при совершении рассматриваемых преступлений предполагает желание виновного получить имущественную выгоду для себя или иных лиц и причинить имущественный ущерб собственнику или иному владельцу имущества. При умышленном уничтожении или повреж-

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1997. №12. С.7-8.

² Как верно подчеркивается в литературе, последствия хищения предвидятся лицом как неизбежный результат совершаемого им деяния (см.: Пинаев А.А. Уголовно-правовая борьба с хищениями. С.134; Тенчов Э.С. Указ. соч. С.75).

Понятие имущественных преступлений по действующему уголовному законодательству России и их классификация

дении чужого имущества виновный желает или допускает последствия в виде причинения имущественного вреда.

Субъективную сторону уничтожения и повреждения чужого имущества, ответственность за которые предусмотрена ст.168 УК, составляет неосторожность в виде легкомыслия или небрежности.

Имущественным преступлениям, совершаемым с прямым умыслом, обычно свойственны своеобразное представление виновного о желаемом преступном результате, особое побуждение, вызывающее у последнего решимость причинить имущественный вред другому лицу. Если законодатель не всегда упоминает об этих особых признаках, их «невидимое» существование вытекает из смысла закона. Специфика внутреннего содержания многих преступлений, предусмотренных в главе 21 УК, заключается в особом мотиве и (или) цели, которые признаются в качестве конструктивных субъективных признаков этих общественно-опасных деяний. В этой связи становятся объяснимыми требования высших судебных инстанций устанавливать, по каким мотивам, с какой целью совершено изъятие чужого имущества в процессе совершения тех или иных преступлений¹. Доказанность этого особого мотива и цели имущественных преступлений имеет существенное значение для решения вопроса о наличии в действиях обвиняемых и подсудимых того или иного состава преступления, предусмотренного статьями главы 21 УК.

Так, невыяснение судом по делу Р. и А. причины противоречий в показаниях потерпевших о том, требовали ли осужденные при нападении на них деньги, а также оставление без оценки доводов осужденных, отрицающих наличие у них цели на завладение чужим имуществом, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ признала нарушением требований уголовно-процессуального законодательства, приговор в отношении указанных осужденных отменила и дело направила на новое судебное рассмотрение². По делу Губко судом не был установлен корыстный мотив, что повлекло переквалификацию содеянного со статьи о разбое, совершенном по предварительному сговору группой лиц и с причинением тяжких телесных повреждений (п.п.«а» и «в» ч.2 ст.146 УК 1960 г.) на статью об умышленном тяжком телесном повреждении (ч.1 ст.108 УК 1960 г.)³. Неполное выяснение по делу О. и З. о разбое существенных обстоятельств, касающихся мотивов нападения на потерпевших, повлекло отмену приговора и направление дела на новое расследование⁴.

Под мотивом преступления понимается осознанное побуждение лица, которое вызывает у него решимость преступно действовать (бездейство-

¹ См., например: п. 17 постановления №31 Пленума Верховного Суда РФ от 22 марта 1966 г. «О судебной практике по делам о грабеже и разбое».

² См.: Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2001. №9. С.13.

³ См.: Судебная практика к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. В.М.Лебедева. С.737-739.

⁴ См.: Судебная практика по уголовным делам в 2-х ч. Ч.2. С.545-546.

вать). Это то, чем лицо руководствуется при совершении преступления. Мотив предшествует цели и детерминирует последнюю. Как пишет Б.С.Волков, «цель не возникает без мотива, но с другой стороны, мотив, как и весь волевой процесс, получает свое содержание благодаря цели, вследствие той конкретной деятельности, в которой эта цель находит свое воплощение»¹. Мотив как осознанная потребность — фундамент (основа), на котором возникает цель.

Цель преступления — это представление (предвосхищение) лица о желаемом преступном результате, к достижению которого это лицо стремится и который ожидается вследствие совершения определенным образом направленных действий. Вот почему законодатель, как правило, указывает на какое-либо конкретное действие при определении цели в тексте закона (например, с целью *сбыта*, с целью *скрыть* другое преступление или *облегчить* его совершение, в целях *прекращения* деятельности и пр.).

Разграничивая указанные субъективные признаки, Б.С.Волков утверждает: «Мотив отвечает на вопрос, зачем человек совершает те или иные действия, цель определяет направление деятельности»².

Вопрос о мотиве и цели как субъективных признаках имущественных преступлений относится к числу «вечных» по своей дискуссионности вопросов. Основанием спора в науке уголовного права продолжает оставаться различное понимание числа субъективных признаков, выражающих своеобразие имущественных посягательств, совершаемых с прямым умыслом, а также их содержания. В связи с числом особых субъективных признаков этих посягательств получили распространение два подхода. Согласно одному из них, конструктивным признаком субъективной стороны указанных посягательств является цель. В соответствии с другим — как мотив, так и цель. По поводу содержания мотива и цели также высказываются альтернативные суждения. Согласно одному варианту, цель и мотив носят корыстный характер. При этом само понятие корысти трактуется буквально или расширительно. В соответствии с другим — указанные субъективные признаки лишены корыстного содержания.

Следует подчеркнуть, что понимание особой целенаправленности и мотивации имущественных преступлений складывалось в науке уголовного права в рамках учения о хищении (точнее, о «похищении»). Определение цели хищения всегда представлялось непростой проблемой. Последняя в уголовно-правовой доктрине получила многовариантное решение.

Согласно одному из них, цель хищения есть представление виновного о противоправном завладении чужим имуществом. Приблизительно таким образом указанная цель имущественных деликтов была обозначена еще в древнеримском праве. По мнению Юлиа Павла, «есть четыре рода воров: явные, неявные, спрятавшие и унесшие (вещь). Явный вор — это тот, кто

¹ Волков Б.С. Мотивы преступлений. С.7.

² Там же.

Понятие имущественных преступлений по действующему уголовному законодательству России и их классификация

пойман на месте преступления в границах того места, откуда он что-нибудь унес, или с украденной вещью, или *прежде чем он придет на то место, в которое намеревался прийти в этот день*¹ (курсив наш — А.Б.). В последнем случае под понятие воровства (*furtum*) попадали и деяния, которые выражались лишь в создании условий для достижения желаемого преступного результата — противоправного завладения чужим имуществом состоянием.

В уголовном праве России о цели завладения упоминает Л.Д.Гаухман. Он пишет, что цель завладения имуществом является стремлением удовлетворить материальную потребность путем завладения имуществом, то есть паразитически обогатиться в результате незаконного обращения чужого имущества в свою пользу².

Цель завладения охватывает весьма широкий круг желаемых результатов в имущественной сфере. В этой связи указанная цель включает в свой логический объем следующие цели: хищения, временного позаимствования чужой вещи, возмездного изъятия чужого имущества, завладения вещью с намерением ее уничтожить или повредить, изъятия чужой вещи для самозащиты своих прав либо в интересах самого собственника, захвата чужого имущества из мести, хулиганских побуждений и др. В случае признания цели завладения конструктивным признаком конкретного состава имущественного преступления существенно затрудняется его отграничение от смежных правонарушений.

Кроме того, указанная цель как обязательный признак состава преступления влияет на его конструкцию. В этом случае составы имущественных посягательств принимают вид усеченных. Момент окончания содеянного в таких составах сдвигается на более раннюю стадию развития преступления: совершения противоправного действия, направленного на завладение чужим имуществом благом. Видимо отсюда берет свои «корни» ныне забытая теория прикосновения, согласно которой хищение признается оконченным, если виновный противоправно дотронулся до чужой вещи, коснулся ее или взял в руки³.

Цель завладения известна и современному праву России. В УК РФ указанная цель использована при конструировании состава пиратства. Согласно ст.227 УК пиратство есть нападение на морское или речное судно в целях завладения чужим имуществом. Примерно так же построен состав разбоя. В соответствии со ст.162 УК, разбой есть нападение в целях хищения. Заметим, что по УК 1926 г. разбой определялся как открытое с целью завладения чужим имуществом нападение (ст.167).

¹ Юлий Павел. Пять книг сентенций к сыну. Фрагменты Домиция Ульпиана / Отв. ред. Л.Л.Кофанов. (Серия «Памятники римского права»). М., 1998. С.51.

² См.: Гаухман Л.Д. Насилие как средство совершения преступления. С.131.

³ См.: Познышев С.В. Особенная часть русского уголовного права. Сравнительный очерк важнейших отделов Особенной части старого и нового Уложений. С.209.

В рамках другого подхода цель выражается в виде идеального образа о незаконном распоряжении чужим имуществом. Здесь целенаправленность состоит в стремлении виновного самовольно определить юридическую судьбу чужой вещи. Как пишет С.В.Скляров, «для привлечения виновного к ответственности за хищение достаточно установить, что он неправомерно изымал имущество с целью распоряжения им по своему усмотрению, независимо от того, обратил ли он это имущество в свою пользу, пользу других лиц или распорядился им по-иному»¹.

Цель распоряжения включает в качестве своих составляющих различные цели, том числе цель уничтожения или повреждения чужого имущества. На этом основании установление цели распоряжения в виде конструктивного признака хищения сделает сложным его отграничение от ряда смежных преступлений.

Цель распоряжения предполагает конструкцию формального состава хищения в виде противоправного завладения чужим имуществом в целях распорядиться им по своему усмотрению.

В следующем варианте рассматриваемый субъективный признак выражается как цель присвоения. Такая цель заключается в направленности действий виновного на отчуждение чужого имущества от его собственника или иного владельца и обращение изъятого имущества в сферу своих имущественных интересов или в пользу других лиц. Подробная характеристика этой цели была представлена в немецком уголовном праве Ф.Листом². Последний применительно к воровству писал: «Присвоение есть осуществление правомочий, составляющих содержание собственности, по отношению к чужой вещи. В то же время оно влечет за собой отнятие всех этих правомочий у собственника, из власти которого вещь удалена на продолжительное время. Похищение с целью присвоения означает, таким образом, установление владения в виде собственности, т.е. такого отношения к вещи, при котором виновник распоряжается ею как собственностью, исключая всех остальных лиц, в особенности же собственника. Присвоение не предполагает непременно длительности господства; напротив, полное господство в виде собственности необходимо. Распоряжения вещью в одном определенном направлении недостаточно, поскольку в действии не выражается намерение овладеть вещью вполне»³.

Аналогичного подхода к пониманию цели присвоения придерживались отечественные исследователи. Например, по мнению И.Я.Фойницкого, цель присвоения означает стремление виновного поставить чужую вещь в исключительную от себя зависимость, обратить ее в сферу своих имуществ-

¹ Скляров С.В. Указ. соч. С.67. См. также: Милюков С.Ф. Указ. соч. С.232; Никифоров Б.С. Борьба с мошенническими посягательствами на социалистическую и личную собственность по советскому уголовному праву. С.82; Филимонов В.Д. Общественная опасность личности преступника. Томск, 1973. С.17; Шелковкин Г.В. Последствия хищений социалистического имущества и их уголовно-правовое значение: Автореф. дис... канд. юрид. наук. Свердловск, 1970. С.9.

² фон-Лист Ф. Указ. соч. С.143.

В советском уголовном праве юридическая конструкция «цель присвоения» трансформировалась в конструкцию корыстной цели. Особенно наглядно это проявляется у А.А.Пионтковского. Он писал: «С субъективной стороны для всякого хищения характерна цель присвоения, т.е. умысел на незаконное обращение государственного или общественного имущества в свою собственность или в собственность других лиц. В этом выражается корыстная цель хищения государственного или общественного имущества»¹.

Корыстная цель в уголовном праве трактуется по-разному: как ограничительно, так и расширительно.

Сторонники узкого понимания корыстной цели в уголовном праве исходят из этимологического значения слова «корысть». В русском языке под корыстью понимается стремление к личной выгоде, наживе, приобретению, страсть к богатству, жадность к деньгам, наконец, материальная польза, барыш². В строгом смысле слова корысть есть мотив поведения, выражающийся в стремлении лица к получению имущественной выгоды в свою пользу. В науке уголовного права высказано мнение: наличие корыстной цели указывает на то, что виновный действует из корыстных побуждений, ради удовлетворения *своих собственных* материальных потребностей³. Узкое понимание корыстной цели предполагает обязательное наличие мотива. Если мотив признается обязательным признаком субъективной стороны рассматриваемых преступлений, считается, что он носит характер наживы и поэтому именуется корыстными побуждениями (корыстным мотивом)⁴.

Очевидно, что такая трактовка корысти как цели и мотива противоправного действия сужает круг хищений и иных имущественных преступлений, совершаемых с прямым умыслом. Последние в этой связи выражаются исключительно в неосновательном обогащении только виновного путем противоправного извлечения им имущественной выгоды лично для себя. Случаи же обогащения других лиц в результате совершенного имущественного посягательства, согласно указанной трактовке, не могут рассматриваться в качестве корыстных имущественных преступлений. В.В.Есипов, один из немногих дореволюционных ученых-юристов, считавших обязательными признаками хищения особые цель и мотив, писал: «Желание при хищении чужого имущества обнимает намерение взять вещь по мотиву корысти с целью присвоения. Мотив корысти означает все те побуждения и стимулы, которые имеют своим основанием желание противоправного

¹ Курс советского уголовного права. В 6-ти т. Т.4. С.327.

² См.: Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. Т.2. С.437; Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. С.293.

³ См.: Жижиленко А.А. Указ. соч. С.47; Скляров С.В. Указ. соч. С.67. См. также: Уголовное право: Особенная часть: Учебник / Под ред. Н.И.Ветрова и Ю.И.Ляпунова. С.226.

⁴ Исключением в связи со сказанным является позиция А.А. Пинаева. Он также указывал на два соответствующих субъективных признака, необходимых для состава хищения, полагал, что последние являются корыстными, однако трактовал корысть расширительно по сравнению с общепринятым значением этого слова (см.: Пинаев А.А. Уголовно-правовая борьба с хищениями. С.154-155).

Понятие имущественных преступлений по действующему уголовному законодательству России и их классификация

венных ценностей, т.е. желание воспользоваться ею как своим имуществом¹.

Имущественные посягательства, для которых характерна цель присвоения, признаются оконченными с момента завладения чужим имуществом независимо от получения виновным реальной возможности пользоваться и распоряжаться незаконно изъятым имуществом как своим собственным. Это основание дало развитие теории завладения, которой придерживалось абсолютное большинство юристов царской России. Согласно этой теории хищение считается оконченным, когда вещь изъята у потерпевшего и находится в фактическом владении виновного, другими словами, когда нарушена связь собственника с его вещью. По данной теории, для признания хищения оконченным преступлением вовсе не нужно, чтобы чужая вещь была унесена с места совершения преступления.

В истории уголовного законодательства России цель присвоения была отражена в Уголовном Уложении 1903 г. при конструировании составов воровства, разбоя, вымогательства и мошенничества (ст.ст.581, 589-591). Состав разбоя в этом Уложении был построен по типу формального. Согласно ст.589 Уложения под разбоем понимались случаи похищения чужого движимого имущества с целью присвоения посредством приведения в бессознательное состояние, телесного повреждения, насилия над личностью или наказуемой угрозы.

Признание цели присвоения в качестве обязательного признака состава имущественного преступления исключает указание на мотив содеянного. Как писал А.А.Жижиленко, состав похищения имущества не изменяется в зависимости от того, действовал ли виновный в своих личных интересах, с целью личного обогащения или в интересах других лиц или, наконец, из мотива мести, злобы и т.п.² Также И.Я.Фойницкий указывал: «Сокровенные мотивы, вызывающие хищническую деятельность, могут быть в высшей степени разнообразны и от различия их не изменяется состав этих деяний; они остаются похищением независимо от того, производятся ли для обогащения себя самого или из мотивов мести, любви, пользы науки, благодетельствования неимущим и т.п.... Хищение редкой рукописи для передачи музею своего родного города, хищение вещей для раздачи их нищим, для пропитания своего семейства и т.п.принадлежат к той же группе деяний, как и хищение для кутежа и для наживы»³.

Сторонники данного варианта определения цели обычно утверждают, что мотив поведения лица представляется признаком трудно распознаваемым правоприменителем и потому неудобным для построения составов имущественных преступлений.

¹ См.: Фойницкий И.Я. Курс уголовного права: Часть Особенная. Посягательства личные и имущественные. С.184.

² См.: Жижиленко А.А. Указ. соч. С.66.

³ Фойницкий И.Я. Курс уголовного права: Часть Особенная. Посягательства личные и имущественные. С.183.

Понятие имущественных преступлений по действующему уголовному законодательству России и их классификация

обогащения; поэтому нельзя считать похищением взятие чужих съестных припасов для раздачи бедным...; подобные случаи образуют лишь самовольное пользование чужим имуществом»¹.

Близкую к обозначенной позицию занимал Г.А.Кригер, который также подчеркивал: «Как мотивы, так и цели виновного при хищении обычно именуется корыстными... В данном случае мотиву преступного поведения — стремлению к паразитическому обогащению — соответствует и исходная цель — паразитически обогатиться за счет похищенного»². Между тем этот автор допускал обогащение в результате хищения других лиц, круг которых строго ограничивал. Г.А.Кригер писал, что при передаче имущества третьим лицам «виновный либо намеревается извлечь материальную выгоду путем последующего получения определенной части переданного имущества от третьих лиц, либо его корыстные устремления удовлетворяются незаконным обогащением таких лиц, в судьбе которых преступник лично заинтересован (родственники, иждивенцы, друзья и т.п.)»³.

В современном уголовном праве такого подхода придерживаются, например, А.Ф.Зелинский и Б.В.Волженкин. А.Ф.Зелинский пишет, что лицо, совершающее хищение, всегда преследует цель наживы и осознает это. Такая цель, по мнению А.Ф.Зелинского, усматривается и в случаях передачи имущества лицам, с которыми у виновного существовали особые отношения, вследствие чего незаконная передача чужого имущества приносит похитителю выгоду: погашение долга, сокращение собственных расходов, приобретение дефицитных товаров, расположение лица, от которого виновный зависим, и т.п.⁴ Однако «незаконная передача чужого имущества постороннему человеку из чувства сострадания и милосердия, — как подчеркивал этот автор, — может быть осуждаема за что угодно, но только не за корыстолюбие, поскольку действие совершено из общечеловеческой потребности»⁵.

По мнению Б.В.Волженкина, «корыстная цель имеет место, если чужое имущество незаконно и безвозмездно изымалось и (или) обращалось: 1) в пользу виновного; 2) в пользу лиц, близких виновному, в улучшении материального положения которых он лично заинтересован; 3) в пользу других лиц, являющихся соучастниками хищения»⁶.

Признание корыстного мотива и цели в качестве обязательного признака общественно опасного деяния обуславливает его конструкцию по типу материального состава. В этом случае преступление признается оконченным с момента совершения таких действий, которые выразились в получе-

¹ См.: Есипов В.В. Указ. соч. С.140.

² Кригер Г.А. Указ. соч. С.76.

³ Там же. С.77.

⁴ См.: Зелинский А.Ф. Осознаваемое и неосознаваемое в преступном поведении. Харьков, 1986. С.65-66.

⁵ Зелинский А.Ф. Корысть: опыт криминологического и психологического анализа // Сов. гос. и право. 1993. №3. С.69.

⁶ Волженкин Б.В. Служебные преступления. М.: Юрист, 2000. С.153.

нии имущественной выгоды и причинении имущественного ущерба потерпевшему. Такой подход дал жизнь теории уноса. Согласно последней, для признания хищения оконченным преступлением необходимо, чтобы виновный унес чужое имущество с места совершения преступления. Конечно же, указанную теорию нельзя отнести к числу абсолютно стройных и совершенных, ибо она отвечает далеко не на все вопросы, поставленные в судебной практике, а в некоторых случаях, где имущественные преступления являются оконченными, дает неправильный ответ (например, когда общественно опасное деяние выражается в потреблении похищенного имущества на месте совершения преступления или в распоряжении им там же). Между тем эта теория является несомненно ценной. Она ориентирует правоприменителя на установление того конкретного действия, которое следует признать последним, окончательным в обстоятельствах наступления общественно-опасных последствий и механизме причинения имущественного вреда, что имеет немаловажное значение и для определения характера мотивации преступного поведения. Безусловно, унос — лишь одно из таких действий. Но также бесспорным является тот факт, что унос относится к числу самых распространенных при совершении хищений действий. Кстати сказать, теория уноса явно нашла свое отражение в общих судебных разъяснениях о моменте окончания хищения. Как известно, хищение в современном праве признается оконченным с момента получения виновным реальной возможности пользоваться и распоряжаться похищенным. Об этом обстоятельстве со всей очевидностью свидетельствует унос виновным чужой вещи с места совершения преступления.

Сторонники расширительного толкования корысти считают, что сама жизнь требует более широкого видения уголовно-наказуемой корысти. Так, по мнению С.А.Тарарухина, законодатель вовсе не имел в виду, что хищение обязательно связано с непосредственным обогащением виновного; корыстную цель при хищении следует понимать не только как личную заинтересованность виновного, а в более широком смысле — как изъятие и обращение чужого имущества в пользу свою или других лиц¹. Г.Н. Борзенков указывает: «Корыстная цель при хищении предполагает стремление обратить похищенное чужое имущество в свою собственность или собственность третьего лица. Корыстная цель в хищении реализуется как получение фактической возможности владеть, пользоваться и распоряжаться похищенным имуществом как своим собственным»². М.Г. Миненок и Д.М. Миненок утверждают, что «корыстными, кроме побуждений к личной наживе или желания избавиться от материальных затрат, можно признать и стремление

¹ См.: Тарарухин С.А. Преступное поведение. Социальные и психологические черты. М.: Юрид. лит., 1974. С.95.

² Уголовное право Российской Федерации: Особенная часть: Учебник / Под ред. Г.Н. Борзенкова и В.С.Комиссарова. С.189.

Понятие имущественных преступлений по действующему уголовному законодательству России и их классификация

обеспечить имущественную выгоду другим лицам путем сознательного причинения виновным ущерба чужой собственности»¹.

Сказанное имеет под собой криминологическое основание. Криминологами установлено, что имущественные преступления нередко совершаются без цели наживы, например, из-за желания завоевать авторитет в группе, если членство в ней представляется ценным. Указанная мотивация и целенаправленность особенно характерны для преступников подросткового и молодежного возраста. Таких преступников криминологи относят не к «корыстному», а к «самоутверждающемуся» типу². Кроме того, в современной криминологии выделяется группа преступников с «вынужденной» ориентацией на необходимость удовлетворения элементарных жизненных потребностей³. Этот тип преступников сложился в республиках бывшего СССР в 1990-ые годы в связи с резким понижением жизненного уровня населения. Обычно, к этому типу относят лиц, совершающих хищение по крайней нужде, с единственной целью выживания и удовлетворения своих жизненно необходимых потребностей.

Широкое понимание корысти встречается и в современной судебной практике. Так, по смыслу п.11 постановления №1 Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. «О судебной практике по делам об убийстве (ст.105 УК РФ)»⁴, корыстные побуждения (как один из квалифицирующих признаков убийства) выражаются в целях получения материальной выгоды для виновного или других лиц (денег, имущества или права на его получение, прав на жилплощадь и т.п.) либо избавления от материальных затрат (возврата имущества, долга, оплаты услуг, выполнения имущественных обязательств, уплаты алиментов и др.). В соответствии с п.15 постановления №4 Пленума Верховного Суда СССР от 30 марта 1990 г. «О судебной практике по делам о злоупотреблении властью или служебным положением, превышении власти или служебных полномочий, халатности и должностном подлоге»⁵, корыстная заинтересованность как мотив преступления заключается в стремлении виновного получить выгоду имущественного характера.

Наконец, широкое понимание корысти следует из действующего УК, который не содержит указания на то, что преступления, предусмотренные в его главе 21, совершаются в целях личной наживы. В примечании 1 к ст.158 УК указывается, что хищение заключается в изъятии и (или) обраще-

¹ Миненок М.Г., Миненок Д.М. Корысть. Криминологические и уголовно-правовые проблемы. СПб., 2001. С.113.

² См.: Криминология: Учебник / Под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Э. Эминова. М.: Юристъ, 1995. С.89.

³ См.: Криминология: Учебник / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, Г.М. Миньковского. М.: Изд-во МГУ, 1994. С.111.

⁴ См.: Сборник постановлений Пленумов Верховного Суда Российской Федерации (СССР, РСФСР) по уголовным делам. С.156-162.

⁵ См.: Там же. С.298-302.

нии чужого имущества *в пользу виновного или других лиц* (курсив наш — А.Б.). Формулируя понятие вымогательства, УК вовсе не упоминает, в пользу кого должен выполнить потерпевший требуемые вымогателем действия: в пользу самого преступника или других лиц. Исходя из буквально-го толкования закона есть основания считать, что содеянное признается вымогательством как в случае требования совершить действия в интересах самого вымогателя, так и в принуждении потерпевшего выполнить имущественные действия в интересах указанных вымогателем лиц.

В связи со сказанным следует остановиться на случаях совершения корыстных имущественных посягательств *в пользу других лиц*.

Не вызывает сомнения наличие корыстного поведения в случаях, когда виновный совершает, например, хищение в целях *возмездной* передачи похищенного иным лицам, не принимавшим участия в совершении этого преступления. Здесь виновный стремится извлечь пользу из денежного или иного вознаграждения, предоставленного ему взамен незаконно приобретенной имущественной выгоды. В этой связи справедливы слова А.Ф.Зелинского, что «не следует верить в бескорыстие тех «широких натур», которые за чужой счет одаривают людей, чье расположение им приносит пользу в виде различного рода услуг, освобождения от обязанностей, сокращения расходов, выдвижения по службе и т.п.»¹.

Более сложным представляется решение вопроса, когда виновный преследует цель *безвозмездной* передачи предмета посягательства другим лицам, не участвующим в совершении преступления. Можно выделить три ситуации безвозмездного предоставления имущественного блага.

Одна из них состоит в том, что преступление совершается в целях обогащения близких родственников, иждивенцев и других лиц, которых виновный обязан материально содержать. Здесь содеянное направлено на сохранение личного имущественного состояния виновного, которое уменьшилось бы при выполнении возложенных на него имущественных обязанностей. В таком случае виновный или покрывает понесенные затраты и расходы преступным доходом, или использует полученные преступным путем средства в интересах указанных лиц. Поведение преступника в таком случае безусловно является корыстным.

Другая ситуация заключается в том, что преступление совершается в целях предоставления его плодов тем лицам, жизнь, здоровье и благополучие которых в силу сложившихся личных отношений дороги виновному (друзья, сожители и пр.). В этом случае корыстные устремления виновного как бы удовлетворяются незаконным обогащением таких лиц.

Наконец, имущественное посягательство может быть совершено в целях безвозмездной передачи материальной выгоды посторонним лицам. Такого рода «робингудство» хотя и не часто совершается, но вызывает обычно большой общественный резонанс, требующий надлежащей правовой

¹ Зелинский А.Ф. Корысть: опыт криминологического и психологического анализа. С.69.

Понятие имущественных преступлений по действующему уголовному законодательству России и их классификация

оценки содеянному. В этой связи признание содеянного корыстным посягательством противоречит нормам морали, усматривающей в таком поведении больше альтруизма, чем жадности, а нереагирование на подобные действия провоцирует рост случаев неправомерного распределения имущественных благ в обществе¹.

Вероятно, в праве определение корысти должно выходить за рамки понятия удовлетворения собственных материальных потребностей, должно получить более широкое понимание. Это обосновывается тем, что общественно опасные корыстные устремления проявляются и получают распространение в обществе независимо от того, получена ли имущественная выгода лично преступником или третьими лицами, находящимися или не находящимися с последним в каких-либо отношениях. Даже посторонние лица, меркантильно «прикасаюсь» к преступлению, придают ему с юридической точки зрения корыстную окраску и способствуют развитию преступной алчности и наживы в социальной жизнедеятельности. Факт того, кто необоснованно получил имущественную выгоду в результате совершения преступления — сам виновный, близкие или посторонние ему лица, — не может влиять на оценку этого преступления как корыстного.

Однако из широкого понимания корысти вовсе не следует, что любое умышленное причинение материального ущерба составляет корыстное имущественное посягательство. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР по делу К., М. и М. определила: временное изъятие имущества с целью создания искусственного обвинения в хищении против третьих лиц не может квалифицироваться как хищение². Уголовно-наказуемая корысть не дает оснований квалифицировать содеянное как корыстное преступление также в случаях завладения чужим имуществом с целью его повреждения или уничтожения, в целях самовольного использования его в интересах собственника или владельца, их хулиганских побуждений, в шутку, из озорства, из чувства мести, в счет погашения долга, лежащего на собственнике этого имущества или с целью возмещения причиненного собственником имущества ущерба, с целью склонить потерпевшего к возврату долга (в целях обеспечения уплаты долга) или принудить его к выполнению взятого на себя обязательства. Во всех указанных случаях корыстная цель отсутствует. При этом, как видно в большинстве из приведенных ситуаций изъятное имущество выполняет своего рода роль «залога». Данное обстоятельство свидетельствует о том, что виновный не стремится обратить его в

¹ Давая правовую оценку посягательствам на чужую собственность в целях безвозмездной передачи добытых имущественных благ посторонним лицам, не лишним вспомнить Гегеля, который писал: «Если св. Криспин крал кожу, для того чтобы шить из нее обувь бедным, то его поступок морален, но вместе с тем неправомерен и тем самым не имеет значимости» (см.: Гегель Г.В.Ф. Указ. соч. С.170).

² См.: Судебная практика к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. В.М. Лебедева. С.724.

свою пользу навсегда и намерен возратить, как только другое лицо совершит требуемые действия.

Изучение судебной практики показывает, что суды не в достаточной мере исследуют содержание и направленность умысла подсудимого и иногда допускают осуждение за хищение при отсутствии в содеянном корысти. Так, Л. осужден за кражу чужого имущества, совершенную при следующих обстоятельствах. Л. поссорился со своей знакомой М. Желая отомстить ей, Л., находясь в состоянии алкогольного опьянения, ночью проник в квартиру М., где незаконно изъял телевизор, магнитофон, аудиокассеты. Выйдя на улицу, осужденный подошел к сотрудникам милиции и попросил перевезти его вещи. На вопрос последних, кому принадлежат вещи, М. ответил, что «эти вещи принадлежат его подруге и взял он их, чтобы отомстить ей за ссору». Однако суд критически оценил показания подсудимого в той части, что у него не было умысла на кражу и корыстной цели¹.

Елабужским городским судом Республики Татарстан Л. и Ш. осуждены за покушение на грабж. Как установлено по делу, осужденные просили у продавца ночного магазина водку в долг, после отказа они угрожали взорвать магазин, Л. бил ногами в дверь, а Ш. пытался ее поджечь зажигалкой. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ приговор изменила, правильно переквалифицировав действия осужденных на п.«а» ч.2 ст.213 УК, поскольку они никаких попыток завладеть чужим имуществом не предпринимали, а совершили хулиганские действия².

В судебной практике имеют место случаи признания хищением самоуправных действий, совершенных с целью возврата долга или по другим некорыстным мотивам. Так, Дзержинским городским судом Горьковской области Ильичев В. и Ильичева М. осуждены за кражу. Согласно материалам дела, осужденные с целью понудить Ш. возратить долг проникли в его квартиру и незаконно изъяли там магнитофон, кассеты, покрывало, скатерть, одежду, обувь. При этом более ценные вещи, находящиеся в квартире, осужденные не взяли; среди изъятых вещей были одна женская босоножка, один детский сапожок. Принимая во внимание обстоятельства дела, в частности, что вещи были взяты не с целью присвоения, а для того, чтобы заставить потерпевшего вернуть долг, Президиум Нижегородского областного суда обоснованно переквалифицировал действия осужденных на статью УК о самоуправстве³.

Как кража были расценены Колпинским районным судом г. Санкт-Петербурга действия Бородина, который завладел личными вещами своей бывшей жены с тем, чтобы использовать это обстоятельство для разрешения взаимных претензий по разделу жилой площади и с целью возврата своего имущества. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Су-

¹ Архив Октябрьского районного суда г. Самары за 2001 г. Уголовное дело №1-627/01.

² См.: Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2001. №9. С.17.

³ См.: Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1991. №11. С.3-4.

Понятие имущественных преступлений по действующему уголовному законодательству России и их классификация

да РФ справедливо указала, что Бородин, пытаясь решить вопросы имущественного характера со своей бывшей супругой путем самовольного изъятия ее вещей из квартиры и используя это обстоятельство для осуществления своего оспариваемого права, действовал незаконно, причинив существенный вред потерпевшей, то есть совершил самоуправство¹.

Итак, корысть в уголовном праве не является тождественной понятию корысти как морально-этической категории. Корысть как уголовно-правовая категория призвана охватывать широкий круг устремлений, направленных как на личное обогащение, так и на обогащение других лиц, выражающихся в незаконном получении имущественной выгоды как самим виновным, так и иными лицами. Корыстный характер посягательства не исключается как в случае обращения чужого имущества в свою пользу или пользу других лиц навсегда, так и в случае временного пользования чужим имуществом виновным или третьими лицами. На этом основании признаются наказуемыми и действия, заключающиеся в умалении имущественного благосостояния потерпевшего без повреждения или уничтожения его имущества и, одновременно, без увеличения имущественного состояния виновного. Взгляд на корысть как на стремление преступника к обогащению в результате переноса имущества потерпевшего в состав имущественной сферы виновного, существенно сужает понимание рассматриваемого субъективного признака. В этой связи А.Я.Светловым верно замечено, что стремление уклониться от законной оплаты за какие-либо услуги или избежать материальной ответственности в случае задолженности перед другими лицами также является свидетельством корыстных мотивов².

Отсюда, под корыстью в уголовном праве следует понимать стремление виновного противоправным путем получить реальную возможность владеть, пользоваться и распоряжаться чужим имуществом как своим собственным, а равно незаконно извлечь иные выгоды имущественного характера для себя или других лиц.

Одним из необходимых элементов состава преступного посягательства является субъект преступления. Под субъектом преступления в уголовном праве России понимается физическое вменяемое лицо, достигшее определенного возраста, с которого по закону наступает уголовная ответственность. Наряду с указанными общими свойствами, субъект преступления может обладать особыми признаками, установленными конкретными нормами Особенной части УК, что образует понятие специального субъекта преступления.

Субъект преступлений, предусмотренных в главе 21 УК, имеет различную юридическую характеристику.

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1995. №4. С.7-8.

² См.: Светлов А.Я. Борьба с должностными злоупотреблениями. Киев: Наукова думка, 1970. С.74.

Многим указанным посягательствам свойственен субъект, который характеризуется общими признаками. Это объясняется в том числе и тем, что право собственности есть абсолютное право. Абсолютному праву соответствует обязанность всех воздержаться от совершения действий, несогласных с ним. Следовательно, пассивными субъектами абсолютных имущественных отношений являются все члены общества. Собственность защищается в общем от всех, потому что нарушителем ее может быть каждый. Таким образом, если посягательство на собственность рассматривать как нарушение абсолютных прав, то субъектом его может быть каждое физическое вменяемое лицо, достигшее установленного законом возраста.

УК РФ дифференцирует возраст уголовной ответственности за имущественные преступления в зависимости от их видов.

Субъектом более половины рассматриваемых посягательств признаются лица, достигшие к моменту совершения преступления 14-летнего возраста. В соответствии с ч.2 ст.20 УК, с 14-летнего возраста наступает ответственность за следующие имущественные преступления: кражу, грабеж, разбой, вымогательство, угон, умышленные уничтожение и повреждение имущества при отягчающих обстоятельствах. По смыслу закона осознание общественной опасности указанных посягательств на собственность доступно лицам начиная с четырнадцати лет.

При совершении других имущественных преступлений ответственность наступает с 16-летнего возраста. К этим преступлениям относятся мошенничество, причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием, хищение предметов, имеющих особую ценность, уничтожение и повреждение имущества (ч.1 ст.167 и ст.168).

Субъект присвоения и растраты характеризуется специальными признаками. Это лицо, которому по закону, договору или иным правовым основаниям вверено имущество собственником или иным уполномоченным субъектом для реализации соответствующих правомочий по отношению к данному имуществу. Круг специальных субъектов присвоения и растраты широк. Во-первых, это материально-ответственные лица, которым имущество передано с документальным оформлением на основании трудового договора о полной материальной ответственности. Это лица, достигшие или старше 18 лет. Согласно ст.244 Трудового кодекса РФ письменные договоры о полной индивидуальной или коллективной (бригадной) материальной ответственности, то есть о возмещении работодателю причиненного ущерба в полном размере за недостачу вверенного работникам имущества, заключаются с работниками, достигшими возраста восемнадцати лет и непосредственно обслуживающими или использующими денежные, товарные ценности или иное имущество. Во-вторых, в качестве специальных субъектов рассматриваемых преступлений могут выступать частные лица, которым было вверено чужое имущество на основании гражданско-правового договора, иных сделок или по иным правовым основаниям, не влекущим пере-

Понятие имущественных преступлений по действующему уголовному законодательству России и их классификация

хода права собственности на указанное имущество к данному лицу.

Субъекта имущественных преступлений характеризуют также шесть квалифицирующих признаков. Три из них связаны со множественностью преступлений, что является, как правило, свидетельством повышенной общественной опасности личности преступника. Во-первых, это признак неоднократности (п.«б» ч.2 ст.ст.158-164, ч.2 ст.165, п.«б» ч.2 ст.166), во-вторых, это признак, указывающий на лицо, ранее два или более раза судимое за хищение либо вымогательство (п.«в» ч.3 ст.ст.158-163), в-третьих, это признак, указывающий на лицо, ранее два или более раза судимое за хищение, вымогательство либо причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (п.«в» ч.2 ст.165). Еще два квалифицирующих признака характеризуют субъекта группового имущественного преступления. Это признаки совершения имущественных преступлений группой лиц по предварительному сговору (п.«а» ч.2 ст.ст.158-166) и организованной группой (п.«а» ч.3 ст.ст.158-163, п.«а» ч.2 ст.164, п.«а» ч.3 ст.165 и ч.3 ст.166). Наконец, шестой квалифицирующий признак связан со служебным статусом субъекта имущественного преступления и, соответственно, особым способом осуществления этого преступления. Речь идет о совершении трех посягательств — мошенничества, присвоения и растраты, лицом с использованием своего служебного положения (п.«в» ч.2 ст.ст.159 и 160). На последнем квалифицирующем обстоятельстве необходимо остановиться подробно. В научной литературе соответствующий вопрос не получил разностороннего анализа и, к тому же, относится к числу разноречиво решаемых.

Совершение преступления лицом с использованием своего служебного положения предусматривается в качестве квалифицирующего или особо квалифицирующего признака в более чем 20 статьях Особенной части УК: части 2 ст.ст.128, 136-138, 141, 144, 152, 159, 160, 174, 174¹, 221, 229, 258, 260, 272, 282, 359, а также части 3 ст.ст.139, 175, 209, 210, 226, 256, 294. Указывая на этот признак в качестве квалифицирующего и особо квалифицирующего признака ряда составов преступлений, законодатель стремится тем самым усилить ответственность лиц, которые совершают преступные деяния путем использования своих властных или иных служебных полномочий и возможностей службы в целях обеспечить или облегчить совершение преступления. Как представляется, понимание признака «использование служебного положения» должно быть одинаковым независимо от того, в каких статьях УК этот признак предусматривается.

Использование служебного положения при совершении указанных выше имущественных преступлений является посягательством на охраняемый уголовным законом дополнительный объект. Этим дополнительным объектом выступают интересы службы в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, в Вооруженных Силах РФ, других войсках и воинских формированиях РФ, в коммерческих организациях независимо от формы собственности, а также

некоммерческих организациях, не являющихся государственным органом, органом местного самоуправления, государственным или муниципальным учреждением¹. По своему содержанию «интересы службы» — сложный правоохраняемый объект. С одной стороны, интересы службы заключаются в правильной организации и эффективном осуществлении служебной деятельности в вышеуказанных органах и учреждениях. С другой стороны, они выражаются в соблюдении прав и свобод человека и гражданина, законных интересов организаций, общества и государства. Необходимо, чтобы служебные интересы были правомерными, поскольку уголовный закон не может защищать интересы публичной и частной службы противоправного характера.

Как уже говорилось выше, нарушение охраняемого законом объекта может быть совершено не любыми, а только определенными способами, характер которых определяется, главным образом, свойствами объекта преступления. Равным образом и «интересы службы» определяют применение особого способа посягательства на соответствующий объект как «использование лицом своего служебного положения». Этот способ, будучи в известной степени взаимосвязанным с обманом и использованием доверия, имеет самостоятельное юридическое содержание. Современная судебная практика под использованием служебного положения обычно понимает использование лицом своих властных или иных служебных полномочий, форменной одежды и атрибутики, служебных удостоверений или оружия, сведений, которыми оно располагает в связи со своим служебным положением, а равно значимость и авторитет занимаемой должности, нахождение в подчинении иных служащих. При этом использование родственных и дружеских связей, личных отношений, если они не связаны с занимаемой должностью, не может рассматриваться как использование служебного положения². Таким образом, под использованием лицом своего служебного положения понимается не только осуществление служебных полномочий (реализация юридических возможностей виновного лица), но и использование авторитета власти, должности, служебных связей, влияние аппарата управления (реализация фактических возможностей субъекта преступления).

Решая вопрос о вменении лицу рассматриваемого признака, в первую очередь, подлежит выяснению, совершено ли имущественное преступление лицом с использованием своего служебного положения. Одно обстоятельство, что виновный является служащим, еще не признак того, что он,

¹ См.: Корягина О.В., Годунов О.И. Использование лицом своего служебного положения как квалифицирующий признак хищения // Юридическая техника и проблемы дифференциации ответственности в уголовном праве и процессе: Сборник научных статей. Ярославль, 1999. С.50.

² См.: п.11 постановления Пленума Верховного Суда РФ №1 от 17 января 1997 г. «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» (см.: Сборник постановлений Пленумов Верховного Суда Российской Федерации (СССР, РСФСР) по уголовным делам. С.264-266); п.4 постановления Пленума Верховного Суда РФ №6 от 10 февраля 2000 г. «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе» (см.: Там же. С.215-222).

Понятие имущественных преступлений по действующему уголовному законодательству России и их классификация

совершая преступление, использовал в преступных целях свое служебное положение. При решении этого вопроса необходимо установить связь между использованием служебного положения и совершенным преступлением. Ведь последнее может быть связано со служебной деятельностью виновного, а может и нет. Кроме того, использование служебного положения при совершении преступления предполагает связь такого рода, при которой данное преступление было необходимо сопряжено с совершением каких-либо действий (бездействия) по службе или использованием служебного авторитета, зависимости, отношений и пр. Отсутствие необходимой связи между использованием возможностей по службе и совершением преступления исключает повышенную ответственность по данному квалифицирующему признаку. В этом случае виновный должен нести ответственность за совершение преступления на общих основаниях как частное лицо.

Между тем, как показывает анализ следственной практики, в правоприменении имеют место случаи необоснованного вменения в вину данного квалифицирующего обстоятельства. Так, С. предъявлено обвинение в совершении мошенничества в крупных размерах с использованием служебного положения. Согласно материалам дела, С. — директор частной коммерческой организации, путем представления в налоговые органы заведомо ложных сведений и подложных документов, якобы подтверждающих право коммерческой организации на получение возмещения суммы налога на добавленную стоимость из государственного бюджета, склонил должностных лиц налогового органа к принятию решения о возмещении коммерческой организации из государственного бюджета 1 300 000 руб. Незаконно зачисленные на расчетный счет коммерческой организации денежные средства Н. обналечил и обратил в свою пользу.

Согласно материалам дела, виновный ввел в заблуждение должностных лиц налоговых органов, не используя авторитет своего служебного положения в коммерческой организации, и склонил их к принятию значимого для него решения, не опираясь на свои служебные полномочия. В самом деле, оказать влияние на должностных лиц налогового органа, используя свое служебное положение, Н. не мог. При указанных обстоятельствах, свидетельствующих о том, что Н. обращался в налоговый орган не в силу своих служебных полномочий, а как лицо, представляющее интересы частной коммерческой организации, виновного нельзя признать субъектом служебного мошенничества. Отсюда можно сделать более общий вывод: мошенническое завладение государственными денежными средствами путем представления в налоговые органы заведомо искаженных данных лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческих и иных организациях, недопустимо квалифицировать как мошенничество, совершенное с использованием указанным лицом своего служебного положения.

По другому делу был осужден за присвоение вверенного имущества с использованием служебного положения С. Согласно материалам дела, С.,

работая ведущим инспектором отделения хранения Средневолжского тылового таможенного поста (СВТТП), имея умысел на незаконное удержание вверенных ему денежных средств, представил в бухгалтерию СВТТП подложные документы, якобы свидетельствующие о фактах целевого израсходования им вверенных денег¹. Между тем, вменяя в вину С. указанное квалифицирующее обстоятельство, суд не установил конкретные действия служебного характера, которые совершил С. с целью присвоения вверенных ему денежных средств. Исходя из материалов дела, также не усматривается, чтобы С. использовал свое положение для оказания влияния на работников бухгалтерии СВТТП. Сам же факт вверения имущества лицу, занимаемому определенной должностью, не является основанием для квалификации присвоения вверенного имущества как совершенного указанным лицом с использованием своего служебного положения.

Такой способ совершения преступления как «использование служебного положения» предопределяет особые свойства субъекта преступления — лица, «занимающего служебное положение». Последнее имеет различную уголовно-правовую характеристику.

Во-первых, это специальные субъекты преступлений против интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления. Различаются две категории таких лиц: 1) должностные лица, понятие которых раскрывается в примечании 1–3 к ст.285 УК, а также 2) государственные служащие и служащие органов местного самоуправления (муниципальные служащие), не относящиеся к числу должностных лиц.

Во-вторых, это лица, выполняющие управленческие функции в коммерческих или иных организациях, определение понятия которых дано в примечании 1 к ст.201 УК.

Возникает вопрос: ограничен ли круг субъектов преступлений, совершаемых с использованием служебного положения, только вышеперечисленными категориями лиц? Высказано мнение, что субъектами указанных преступлений являются также служащие коммерческих и некоммерческих организаций, не относящиеся к числу должностных лиц и лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческих и иных организациях². Это обосновывается тем, что служебное положение может использоваться не только должностными лицами, государственными и муниципальными служащими, лицами, осуществляющими управленческие функции в коммерческих и иных организациях, но и иными служащими.

В судебной практике встречаются случаи осуждения обычных служащих за служебные хищения. Так, К., работающая шеф-поваром, и П. — по-

¹ См.: Архив Федерального суда Автозаводского района г. Тольятти Самарской области за 2001 год. Уголовное дело №1-2910.

² См., например: Егорова Н.А. Преступления против интересов службы. Волгоград, 1999. С.23; Корягина О.В., Годунов О.И. Указ. соч. С.51; Медведев А.М. Вопросы квалификации мошенничества // Комментарий судебной практики. Вып. 4. М.: Юстициформ, 1998. С.143.

Понятие имущественных преступлений по действующему уголовному законодательству России и их классификация

вар, были осуждены за присвоение вверенных им продуктов питания, совершенного с использованием служебного положения¹.

В этой связи представляется необходимым определиться с понятием «служащего». В доктрине под служащим обычно понимается лицо, проходящее (несущее) службу в государственных, муниципальных, общественных или частных организациях (учреждениях), обязанности которого выражаются в оказании платных услуг по специальности (квалификации) или выполнении своего долга перед Отечеством. Как указывается в литературе, отличительным признаком служащего является его отношение к производству материальных ценностей. Специфика трудовых обязанностей служащего состоит в том, что его служебные функции непосредственно не связаны с производством таких ценностей (однако они могут заключаться в создании и обеспечении необходимых условий для этого). Поэтому в процессе своего труда служащий каких-либо благ и продуктов материального характера не создает, то есть товаров не производит и соответствующих работ не выполняет. Служебная деятельность его выступает в виде оказания услуг технического, экономического, научного, социально-культурного, бытового и иного характера². При этом в литературе подчеркивается, что служащими не могут быть признаны лица, выполняющие профессиональные обязанности в порядке индивидуального предпринимательства (то есть работающие не в рамках определенного коллектива, вне какой-либо организации). Указанное положение не распространяется на тех лиц, которые хотя и работают самостоятельно (без образования юридического лица), однако выполняют действия, влекущие официально признаваемые правовые последствия для граждан, организаций, общества или государства³.

Признаки общего понятия служащего трудно отнести к числу точных, строго определенных, исключающих неодинаковое их понимание. В законодательстве России общее понятие служащего и его правовой статус пока четко не определены. Это обстоятельство не дает оснований относить обычных служащих к числу субъектов преступлений, совершаемых с использованием служебного положения.

В следственной и судебной практике возникают трудности при квалификации общеуголовных преступлений, совершенных с использованием служебного положения. Так, сложным является вопрос об их разграничении и возможной квалификации по совокупности с преступлениями против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления (глава 30 УК), а также с посягательствами на интересы службы в коммерческих и иных организациях (глава 23 УК). Согласно общей теории квалификации преступлений, совокупность в данном

¹ См.: Архив Кировского районного суда г. Самары за 2001 год. Уголовное дело №1-1419/01.

² См.: Бахрах Д.Н. Административное право: Учебник: Часть Общая. М., 1993. С.98; Манохин В.М. Советская государственная служба. М., 1966. С.82-86; Стариков Ю.Н. Служебное право: Учебник. М., 1996. С.311-312.

³ См.: Егорова Н.А. Указ. соч. С.25.

случае может быть лишь реальной, когда различными действиями в разное время совершаются различные по оценке преступления должностным лицом или лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, либо иным служащим. В противном случае нарушается принцип справедливости, так как согласно ч.2 ст.6 УК, никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление. Отсюда действует следующее правило квалификации: если статьями УК специально предусматривается ответственность за общеуголовные преступления, совершенные с использованием служебного положения, то содеянное следует квалифицировать по этим статьям без совокупности со статьями, предусматривающими ответственность за служебные преступления.

Исходя из вышесказанного, *преступления, предусмотренные в главе 21 УК, можно определить как умышленные и неосторожные общественно опасные деяния (действия и бездействие), выражающиеся в неправомерном получении имущественной выгоды или направленные на ее незаконное извлечение и (или) причиняющие или угрожающие причинением имущественного ущерба собственнику или иному владельцу имущества.*

3. Классификация имущественных преступлений

Юридический анализ основных признаков преступлений, описанных в главе 21 УК, представляет собой первый необходимый этап исследования рассматриваемых общественноопасных посягательств. Следующий этап на пути углубленного научного познания в этой области — классификация имущественных преступлений. Вопросы классификации рассматриваемых преступлений имеют важное научное и практическое значение. Однако, одни из них не получили окончательного решения в науке уголовного права, другие — не привлекли должного внимания ученых-юристов, третьи — продолжают относиться к числу спорных. Указанное обстоятельство требует вначале остановиться на методологических основах построения и применения классификации в научном познании.

В научном смысле *классификация* (лат. *clasis* — группа, разряд, класс и *facere* — делать) представляет собой особый научный прием, заключающийся в осуществлении деления (членения) объема понятия каких-то объектов или явлений по группам (классам) на основании какого-либо общего признака или признаков в результате чего образуется развернутая система, в которой каждый классификационный член (вид) делится, в свою очередь, на подвиды и т.д. Классификация представляет собой многоступенчатое, разветвленное деление¹. Результат классификации выглядит в виде развер-

¹ См.: Ивин А.А. Логика: Учебник. М.: Гардарики, 2000. С.104.

Понятие имущественных преступлений по действующему уголовному законодательству России и их классификация

нутой системы соподчиненных понятий: делимое понятие является родом, новые понятия — видами, видами видов (подвидами) и т.д.¹

Классификация имеет важное теоретическое значение. Она вносит в познавательный процесс начало порядка, поскольку упорядоченность лежит в основании всякого мышления. В этом смысле классификация, какой бы она ни была, ценна сама по себе — это лучше, чем отсутствие всякой классификации. Любое классифицирование имеет превосходство над хаосом; и даже классификация на уровне чувственных качеств — этап в направлении к рациональному порядку². Классификацию необходимо рассматривать и как одно из эффективных средств познания. Из истории науки известно, что верно построенная классификация отображает закономерности развития классифицируемого объекта, позволяет вскрыть связи между составляющими его классами, наконец, служит основой для обобщающих выводов и составления прогнозов³. Особо следует подчеркнуть значение классификации в познании *закономерностей видообразования* изучаемых объектов⁴.

Классификация как целенаправленная деятельность подчиняется определенным правилам деления объема понятия. Основными из них являются следующие: 1) в одной и той же классификации необходимо применять одно и то же основание, то есть деление на каждом его этапе должно производиться по одному основанию; 2) объем членов классификации должен равняться объему классифицируемого объекта (рода), то есть деление должно быть соразмерным; 3) члены классификации должны взаимно исключать друг друга; 4) деление на классы должно быть непрерывным.

Наиболее важным является выбор основания классификации. Разные основания дают различные классификации одного и того же понятия.

В логике различают классификацию, образованную по видообразующему признаку, и дихотомическую⁵. Классификация по видообразующему признаку заключается в делении объема родового понятия на видовые понятия на основании тех признаков, которые присущи одним видам и не встречаются в других. Дихотомия (от греч. *dicha* и *tome* — сечение на две части) подразумевает такой вид деления объема понятия, в соответствии с которым объем делится на два противоречащих друг другу видовых понятия, полностью исчерпывающих объем родового понятия.

В качестве оснований деления в классификации могут быть положены признаки, как несущественные для изучаемых объектов, так и существенные, определяемые природой данных объектов. В первом случае речь идет об искусственных классификациях, которые выглядят в виде приема условного деления, удобного для той или иной цели деятельности. Во втором

¹ См.: Краткий словарь по логике / Под ред. Д.П.Горского. М.: Просвещение, 1991. С.77.

² Леви-Строс К. Первобытное мышление. М.: Республика, 1994. С.120, 125.

³ См.: Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник: 2-е изд., испр. и доп. М., 1975. С.247.

⁴ См.: Розова С.С. К вопросу о сущности научной классификации // Проблемы методологии и логики наук. Томск, 1965. С.146.

⁵ См.: Гетманова А.Д. Учебник по логике. 2-е изд. М., 1994. С.50.

случае речь идет о естественных классификациях, способствующих установлению закономерностей, свойственных изучаемому объекту. Естественные классификации являются наиболее ценными. Они основаны на познании законов связи между видами, перехода от одного вида к другому в процессе развития.

По мнению некоторых исследователей, критерий классификации должен быть единым, то есть основываться на одном признаке¹. Такое суждение является спорным. Единство основания классификации не следует смешивать с единым критерием (одним основанием) при последовательном, поэтапном делении. Как правило, на основе одного признака строятся искусственные классификации. Строение естественных классификаций обычно основано на едином сложном критерии, включающем в себя комплекс существенных признаков. Вот, что по этому поводу утверждается в науке: «Классификация, основанная на одном признаке, как бы важен он ни был, всегда была неудачна, потому что нет такой черты организации, которая всегда оставалась бы постоянной. Значение комплекса признаков, даже в том случае, когда между ними нет ни одного существенного, уже само по себе объясняет нам высказанный Линнеем афоризм, что не признаки определяют род, а род определяет признаки»².

Как известно, различие и сходство — два взаимосвязанных свойства предметов, явлений объективного мира. Первое означает то, чем один предмет отличается от другого; второе — то, что у предметов совпадает, является общим, объединяет их в группу, класс. Именно сходство и различие, существующие в действительности между теми или иными видами одного и того же объекта, обуславливают возможность их подразделения по группам (классам), соподчиненным другим группам (классам), то есть определяют классификацию. Этот факт вследствие своей обыкновенности мало обращает на себя внимание. Между тем, исходя из него становится ясным, что классификации с правильно выбранным основанием позволяют выявить сходство между соответствующими членами классификации, а также указывают на их отличие от других классификационных составляющих. Установление сходства и различия между предметами означает в свою очередь ни что иное, как обнаружение между ними определенных связей. Если обнаруженная связь носит необходимый, повторяющийся, устойчивый характер, это говорит о том, что с помощью классификации удалось установить определенную закономерность.

Поскольку окружающий нас мир развивается, а вместе с ним углубляются и наши знания о нем, постольку классификации с течением времени уточняются, то есть не остаются неизменными и постоянными.

¹ См.: Кривоченко Л.Н. Классификация преступлений. Харьков, 1983. С.22. Между тем это мнение расходится с дальнейшими рассуждениями автора о таких критериях классификации преступлений в Общей части УК как характер и степень общественной опасности (См.: Там же. С.48).

² Дарвин Ч. Происхождение видов путем естественного отбора. Л.: Наука, 1991. С.362.

Понятие имущественных преступлений по действующему уголовному законодательству России и их классификация

Все сказанное в полной мере относится и к классификации имущественных преступлений. Последняя в самом общем виде представляет собой деление указанных посягательств на виды исходя из общих признаков, присущих этим преступлениям и отличающих их от других правонарушений. При этом каждая разновидность имущественных преступлений, в свою очередь, подразделяется на более конкретные их виды. Классификация имущественных преступлений подчиняется общим правилам деления объема понятия. Анализ классификаций этих посягательств в современном уголовном праве свидетельствует, что указанные правила нередко нарушаются.

Л.Д.Гаухман, классифицируя преступления, предусмотренные в главе 21 УК, на три группы (хищения чужого имущества; иные виды неправомерного завладения или пользования чужим имуществом; уничтожение или повреждение имущества), утверждает, что единый критерий такого деления отсутствует¹. Однако он не упоминает об основаниях предложенной им классификации. Между тем известно, что отсутствие оснований исключает какую-либо классификацию.

Подразделяя рассматриваемые преступления на виды, Ю.И.Ляпунов предлагает различать наряду (1) с хищением чужого имущества, (2) уничтожением или повреждением чужого имущества, также и (3) преступления, которые причиняют (или могут причинить) имущественный вред отношениям собственности². Приведенная классификация построена с нарушением правила, согласно которому члены классификации должны взаимно исключать друг друга. Исходя же из наименования указанных групп посягательств, они не исключают друг друга, а находятся в отношении подчинения. В самом деле, понятия хищения чужого имущества (в том числе и разбоя), повреждения и уничтожения чужого имущества охватываются понятием преступлений, «причиняющих (или могущих причинить) имущественный вред отношениям собственности», а хищение, повреждение и уничтожение чужого имущества могут рассматриваться как разновидности последних.

Согласно одному из правил классификации подразделение на классы должно быть непрерывным. Это означает, что классификация строится в определенной последовательности и исключает существенные разрывы в виде «скачков» в более отдаленные подклассы. Это правило не соблюдается в классификации Г.Н.Борзенкова. По его мнению, имущественные преступления, связанные с неправомерным извлечением имущественной выгоды, следует подразделять на (1) хищения чужого имущества, (2) преступления, примыкающие к хищениям (вымогательство) и 3) иные корыстные преступления³. Между тем вымогательство охватывается группой «иных корыстных преступлений».

¹ См.: Гаухман Л.Д., Максимов С.В. Указ. соч. С.19.

² См.: Уголовное право: Особенная часть / Под ред. Н.И.Ветрова и Ю.И.Ляпунова. С.201-202.

³ См.: Уголовное право Российской Федерации: Особенная часть: Учебник / Под ред. Г.Н.Борзенкова и В.С.Комиссарова. С.177.

При построении классификации преступлений, описанных в главе 21 УК, как правило, остается слишком неопределенной та часть объема делимого понятия, которая содержит частицу *не*. Речь идет о наиболее распространенном в науке уголовного права дихотомическом делении объема понятия исследуемых посягательств на преступления, *связанные и не связанные с хищением чужого имущества (содержащие и не содержащие признаков хищения)*. В данном случае основанием классификации служит не изменение признака, а его наличие или отсутствие.

Еще более неопределенным является объем понятия первой из двух групп в классификации, предложенной А.Н.Игнатовым. Этот автор подразделяет имущественные посягательства на (1) «хищение и некоторые другие преступления» и (2) «преступное уничтожение и повреждение чужого имущества»¹.

Важным представляется установление основания классификации имущественных преступлений. Однако значительное число ученых-юристов при распределении этих преступлений на отдельные группы вовсе не упоминают о каком-либо критерии деления. Среди тех исследователей, кто указывает на основание классификации, отсутствует единство мнений о содержании этого критерия. При этом впечатляет разброс точек зрения по указанному вопросу. Э.С.Тенчов предлагает классифицировать все преступления, предусмотренные в главе 21 УК, в зависимости от объекта². А.И.Рарог считает классификацию указанных преступлений правильной по мотиву и способу совершения деяния³. По мнению В.П.Ревина (и исходя из предложенной им классификации), в качестве таких критериев выступают непосредственный объект, способ и мотив⁴. Согласно взглядам Ю.И.Ляпунова, имущественные преступления необходимо классифицировать «исходя из особенностей проявления объективных (кроме объекта) и субъективных свойств..., иными словами, из их социально-правовой природы и нормативного выражения ее в соответствующих уголовно-правовых нормах»⁵. С точки зрения Г.Л.Кригер, указанные посягательства необходимо группировать «с учетом сходства и различий в их объективных и субъективных признаках»⁶. Наконец, Б.В.Яценко представляется возможным классифицировать преступные посягательства в имущественной сфере с учетом особенностей их составов⁷.

¹ Уголовное право России: Учебник: В 2-х т. Т.2. Особенная часть / Под ред. А.Н.Игнатова и Ю.А.Красикова. С.181.

² См.: Уголовное право России: Часть Особенная: Учебник / Отв. ред. Л.Л.Кругликов. С.194.

³ См.: Уголовное право России: Особенная часть: Учебник / Отв. ред. Б.В.Здравомыслов. С.137.

⁴ См.: Миньковский Г.М., Магомедов А.А., Ревин В.П. Уголовное право России: Учебник: Общая и Особенная части. С.235-236.

⁵ Уголовное право: Особенная часть / Под ред. Н.И.Ветрова и Ю.И.Ляпунова. С.201.

⁶ Российское уголовное право: Особенная часть / Под ред. В.Н.Кудрявцева, А.В.Наумова. С.140.

⁷ См.: Уголовное право: Особенная часть: Учебник / Под ред. А.И.Рарога. С.114.

Понятие имущественных преступлений по действующему уголовному законодательству России и их классификация

Преступления, предусмотренные в главе 21 УК, можно классифицировать по-разному в зависимости от выбора того или иного основания деления объема их понятия. Принимая во внимание двойственную социально-правовую природу любых преступлений (их общественную опасность и уголовную противоправность), классификации имущественных посягательств могут строиться на основании критериев, определяемых либо социальной, либо правовой сущностью преступления. В данном случае речь идет об искусственных классификациях, имеющих значение для целей практической деятельности и исключающих возможность выявления тех или иных закономерностей, свойственных этим преступлениям. Одним из примеров такого типа классификаций является деление имущественных преступлений на различные категории в зависимости от характера и степени общественной опасности посягательства. По этому признаку следует различать четыре вида имущественных преступлений: небольшой тяжести, средней тяжести, тяжкие и особо тяжкие. Другим примером искусственных классификаций служит распределение указанных посягательств на группы на основании того или иного юридического признака состава преступления. В этом случае количество правовых признаков приблизительно определяет и число возможных классификаций. Так, по предмету посягательства указанные преступления могут быть подразделены на общественно опасные деяния, совершаемые по поводу чужих вещей, либо других выгод имущественного характера.

Классификация имущественных посягательств является естественной, если в основе ее лежит комплекс существенных признаков. При этом существенными признаются признаки, заложенные в самой природе исследуемых посягательств и выражающие их социально-правовую сущность. Как известно, общественная опасность и уголовная противоправность деяния определяются теми признаками, которые в своей совокупности образуют состав преступления. Поэтому основание естественной классификации исследуемых посягательств является сложным, состоящим из комплекса объективных и субъективных признаков их составов. Очевидно, что в этом случае сама классификация имущественных посягательств имеет несколько уровней, линий дифференциации.

Сложным является вопрос об установлении основных, базовых критериев этой классификации, о выделении из всей совокупности объективных и субъективных признаков составов имущественных преступлений наиболее существенных (видообразующих). Данное обстоятельство побуждает строить классификацию посягательств, указанных в главе 21 УК, руководствуясь волей законодателя. По смыслу закона, основной критерий классификации имущественных преступлений определяется в зависимости от категории указанных преступных деяний, с учетом месторасположения норм об этих преступлениях в главе 21 УК (по принципу «от более опасного — к менее опасному виду»). Отсюда, базовым основанием деления имуществен-

ных посягательств согласно закону выступает наличие или отсутствие признака, характеризующего корыстную мотивацию и целенаправленность преступного деяния в имущественной сфере. Исходя из указанного основания, преступления, предусмотренные в главе 21 УК, подразделяются на *некорыстные и корыстные*.

Некорыстные имущественные преступления — это преступления, как правило, небольшой тяжести. Нормы об этих преступлениях расположены в конце главы 21 УК. Они выражаются в одном лишь причинении имущественного ущерба и не сопряжены с извлечением имущественных выгод. К некорыстным имущественным посягательствам УК относит умышленные и неосторожные уничтожение и повреждение имущества (ст.ст.167 и 168). Особый вопрос о неправомерном завладении автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (ст.166). Этот вопрос относится к числу дискуссионных. Если, по мнению одних ученых-юристов, угон является корыстным преступлением¹, то по утверждению других — ни корыстная мотивация, ни корыстная целенаправленность не являются обязательными признаками этого преступного деяния². Вторая точка зрения представляется более обоснованной. В уголовном законе специально не называется цель (мотив), с которой совершается данное преступление. Между тем законодатель указывает на такой негативный признак рассматриваемого посягательства как совершение его «при отсутствии признаков хищения». Последнему же преступлению, как известно, свойственна корыстная природа. Далее, угон признается оконченным с момента отъезда транспортного средства с места, на котором оно находилось. Следовательно, получение какой-либо имущественной выгоды находится за рамками состава и не влияет на квалификацию этого преступления. Кроме того, как следует из разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, содержащихся в п.5 его постановления №5 от 25 апреля 1995 г. «О некоторых вопросах применения судами законодательства об ответственности за преступления против собственности», угон направлен на противоправное временное пользование автомобилем или иным транспортным средством *в корыстных или иных целях* без согласия собственника или иного владельца (курсив наш — А.Б.).

Корыстные имущественные преступления — это преступления обычно средней тяжести, сопряженные с незаконным извлечением имущественных выгод и отличающиеся корыстной мотивацией и целенаправленностью. К ним, согласно действующему УК, следует отнести: кражу (ст.158), мошенничество (ст.159), присвоение и растрату (ст.160), грабеж (ст.161), разбой (ст.162), вымогательство (ст.163), хищение предметов, имеющих особую

¹ См., например: Уголовное право России: Учебник.: В 2-х т. Т.2. Особенная часть / Под ред. А.Н.Игнатова и Ю.А.Красикова. С.214; Уголовное право Российской Федерации: Особенная часть: Учебник / Под ред. Г.Н.Борзенкова и В.С.Комиссарова. С.177.

² См., в частности: Кочои С.М. Указ. соч. С.98; Уголовное право России: Часть Особенная: Учебник / Отв. ред. Л.Л.Круликов. С.193.

Понятие имущественных преступлений по действующему уголовному законодательству России и их классификация

ценность (ст.164), причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (ст.165).

Необходимо, вместе с тем, подчеркнуть, что в науке уголовного права отсутствует единство мнений по вопросу о корысти как основном критерии деления объема понятия преступного в имущественной сфере.

Выделение корыстных имущественных посягательств в самостоятельную группу преступлений против имущества обосновывалось в досоветской доктрине И.Я.Фойницким. Последний писал, что характер и направление преступной воли глубоко отличается «те деяния, которые направляются против чужого имущества с целью присвоения его (корыстная группа), от деяний, равным образом посягающих на чужое имущество, но без такой цели (некорыстная группа)»¹. По мнению этого автора, в первом случае преступный результат содеянного дополняется результатом выгоды, противозаконной безвозмездной наживы на стороне виновного за счет утрачиваемого потерпевшим; во втором — содеянное выражается только в причинении имущественного вреда другому лицу. Именно отсюда, заключал И.Я.Фойницкий, следует деление имущественных посягательств на так называемые корыстные и некорыстные, имеющее высокое юридическое и общественное значение². Однако И.Я.Фойницкий считал, что названный субъективный признак дополняет объективные различия, свойственные имущественным посягательствам. Поэтому в системе имущественных преступлений И.Я.Фойницкого указанный признак не играл решающей роли³ и не повлиял существенно на порядок изложения им материала о «посягательствах против имущества».

Деление имущественных преступлений по признаку корысти получило широкое распространение в советской науке уголовного права. Так, В.Ф.Кириченко выделял из всей массы преступлений против «социалистической» собственности корыстные посягательства на собственность и противопоставлял им некорыстные нарушения отношений собственности⁴. По мнению П.С.Матышевского, корыстные мотив и цель являются основными критериями (наряду со способом), позволяющими систематизировать конкретные преступления против социалистической собственности внутри соответствующей главы УК⁵. Г.А.Кригер различал преступные посягательства на социалистическую собственность, связанные с обогащением и не связанные с таковым⁶. С.И.Сирота, предлагая классифицировать преступления против социалистической собственности по непосредственному объекту, тем не менее группировал их на «преступления, связанные с незаконной

¹ Фойницкий И.Я. Курс уголовного права: Часть Особенная: Посягательства личные и имущественные. С.6.

² См.: Там же. С.164.

³ См.: Там же. С.166.

⁴ См.: Советское уголовное право: Часть Особенная. М., 1973. С.137.

⁵ См.: Матышевский П.С. Указ. соч. С.26-27.

⁶ См.: Советское уголовное право: Особенная часть. М., 1975. С.102-103.

наживой виновного за счет государства или общественной организации» и «преступления, не связанные с незаконной наживой за счет общественного богатства»¹.

В современной уголовно-правовой теории некоторые исследователи продолжают придерживаться указанного подхода. По мнению Г.Н.Борзенкова, преступления, предусмотренные в главе 21 УК, могут быть классифицированы на «корыстные преступления, связанные с неправомерным извлечением имущественной выгоды» и «преступления против собственности, не связанные с извлечением имущественной выгоды»². А.Н.Игнатов считает основной сортировку рассматриваемых преступлений на корыстные и некорыстные³. Также С.М.Кочои признает корыстную цель основным критерием классификации исследуемых посягательств⁴.

Как представляется, корысть не может выступать в роли основного критерия классификации имущественных преступлений. Преступления традиционно группируются в Особой части УК исходя не из мотива содеянного, а из такого базового критерия, как объект преступления.

В данном случае подразделение имущественных отношений на определенные виды является основанием деления имущественных преступлений. Так, подразделяя имущественные отношения на отношения (1) по принадлежности имущества (в виде вещей) субъектам права собственности или иным владельцам и (2) по переходу имущества (в широком смысле слова) от одних участников указанных отношений к другим, можно выделить две группы имущественных посягательств. Первые выражаются в противоправном изъятии и ином неправомерном завладении чужим имуществом либо уничтожении и повреждении чужого имущества (кража, грабёж, разбой, угон, умышленные и неосторожные уничтожение и повреждение имущества). Другие — в противоправном уклонении виновного от исполнения обязанностей по передаче имущества (от уплаты должного) или в неправомерном склонении потерпевшего к передаче имущества или совершению иного действия имущественного характера (присвоение, растрата, мошенничество и иное причинение ущерба путем обмана или с использованием доверия, вымогательство).

В основании последующих делений лежат различные объективные и субъективные признаки состава преступления: мотив, способ, обстановка совершения преступления и др. К примеру, насилие выступает критерием деления изъятия чужого имущества, вследствие чего выделяются изъятие насильственное (насильственный грабёж и разбой) и изъятие ненасильственное (кража и грабёж). Современное право считает более предосудитель-

¹ См.: Сирота С.И. Указ. соч. С.22-24.

² См.: Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: Учебник / Под ред. Г.Н.Борзенкова и В.С.Комиссарова. С.177.

³ См.: Уголовное право России: Учебник: В 2-х т. Т.2. Особенная часть / Под ред. А.Н.Игнатова и Ю.А.Красикова. С.181.

⁴ См.: Кочои С.М. Указ. соч. С.97-98.

Понятие имущественных преступлений по действующему уголовному законодательству России и их классификация

ным и нетерпимым, когда ради незаконного получения имущественной выгоды виновный посягает на физическую неприкосновенность личности.

Отсутствие в вышеприведенной классификации хищения предметов, имеющих особую ценность (ст.164), расположение присвоения, растраты и вымогательства во второй классификационной группе могут вызвать вопросы, на которые следует ответить загодя.

Согласно ст.164 УК хищение предметов, имеющих особую ценность, представляет собой самостоятельный вид хищения, который выделяется не по способу и обстановке его совершения, а по предмету посягательства. В данном случае УК установил повышенную ответственность за «хищение предметов или документов, имеющих особую историческую, научную, художественную или культурную ценность». Выделение в качестве самостоятельного состава преступления хищения особо ценных предметов — прием законодательной техники, который трудно отнести к числу удачных. Предметом указанного посягательства выступают особо ценные предметы и документы, которые, по общему правилу, обладают высокой социальной ценностью и экономической стоимостью. В п.9 постановления №5 Пленума Верховного Суда РФ от 25 апреля 1995 г. «О некоторых вопросах применения судами законодательства об ответственности за преступления против собственности» указывается, что особая ценность похищенных предметов или документов (ст.164 УК) определяется на основании экспертного заключения с учетом не только их стоимости в денежном выражении, но и значимости для истории, науки, культуры. Следует также указать, что хищение особо ценных предметов чаще всего совершается путем проникновения виновного в жилище, помещение либо иное хранилище. Отсюда, эффективное противодействие таким посягательствам вполне осуществимо посредством «традиционных» норм о хищениях чужого имущества, предусматривающих в качестве квалифицирующих признаков и «незаконное проникновение в жилище, помещение либо иное хранилище», и «крупный размер» похищенного. Интересы борьбы с посягательствами, совершаемыми по поводу предметов, имеющих особую ценность, не нуждаются в специальной уголовно-правовой норме, которая тем более не отличается спецификой санкций. По УК кража в крупных размерах (п.«б» ч.3 ст.158) наказывается лишением свободы на срок от 5 до 10 лет с конфискацией имущества или без таковой; хищение особо ценных предметов (ч.1 ст.164) — лишением свободы на срок от 6 до 10 лет с конфискацией имущества или без таковой.

Далее, выделение отдельного вида хищения в зависимости от специфики предмета преступления является несовместимым с подходом того же законодателя, требующего различать по другим признакам формы хищения. Очевидно, что в этом случае нивелируется значение принципа недопустимости одинаковой ответственности за насильственные и ненасильственные формы хищения, последовательно проводимого в отечественном уголовном законодательстве. По УК 1996 г. не дифференцируется ответственность за

хищение особо ценных предметов по признаку насилия, т.е. не придается никакого значения, насильственным или ненасильственным способом совершено рассматриваемое посягательство.

Кроме того, возникают сложности при определении возраста, с которого наступает ответственность за совершение этого преступления. В литературе высказано мнение, что «возраст лица, виновного в похищении предметов, имеющих особую ценность, зависит от формы хищения. Если оно учинено путем кражи, грабежа или разбоя, то ответственность за него наступает по достижению лицом 14-летнего возраста. Субъектом данного деяния, совершенного в форме присвоения, растраты или мошенничества, может быть лицо, достигшее 16-ти лет»¹. Между тем, исходя из положений, закрепленных в ч.2 ст.20 УК, следует иной вывод: субъектом преступления, предусмотренного ст.164 УК, является лицо, достигшее 16-летнего возраста; лица в возрасте от 14 до 16 лет, совершившие хищение предметов, имеющих особую ценность, в форме кражи, грабежа или разбоя, несут ответственность по ст.ст.158, 161 или 162 УК.

Следует также указать, что наличие в УК нормы о хищении особых ценных предметов в ряде случаев вызывает необходимость квалификации этого преступления по совокупности с другими формами хищений, на что справедливо обращается внимание в литературе². Действительно, сравнительный анализ санкций ст.164 УК, с одной стороны, ст.ст.161 и 162 УК — с другой, позволяет говорить об этом, когда содеянное не охватывается признаками хищения особо ценных предметов: открытое хищение (или разбойное нападение с целью хищения) предметов, имеющих особую ценность, лицом, ранее два или более раза судимым за хищение либо вымогательство; разбойное нападение с целью хищения предметов, имеющих особую ценность, совершенное с незаконным проникновением в жилище, помещение или иное хранилище, либо с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, либо с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего.

Наконец, законодателя можно упрекнуть и в нелогичности решения о выделении в УК такого состава преступления как хищение предметов, имеющих особую ценность. В данном случае более последовательным представлялся бы подход к установлению особой ответственности не только за хищение, но и вымогательство особо ценных предметов, неправомерное завладение ими, а также их умышленное и неосторожное уничтожение и повреждение.

С учетом сказанного укажем, что *положение УК об ответственности за «хищение предметов, имеющих особую ценность» принято без учета оснований классификации хищений чужого имущества и может быть признано излишним*

¹ Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: В 2-х т. Т.1. Под ред. П.Н.Панченко. С.440.

² См.: Гаухман Л.Д., Максимов С.В. Указ. соч. С.111-112; Уголовное право Российской Федерации: Особенная часть: Учебник / Под ред. Г.Н.Борзенкова и В.С.Комиссарова. С.236.

Понятие имущественных преступлений по действующему уголовному законодательству России и их классификация

в связи с реальной возможностью обеспечения противодействия указанному посягательству такими средствами уголовного права, как запреты хищения чужого имущества (см. ст. 158-162).

Что касается присвоения и растраты, эти преступления, относящиеся по УК РФ к формам хищений, в действительности имеют двойственный характер. С одной стороны, они нарушают, пусть и косвенным образом, право собственности, поскольку причиняют имущественный ущерб собственнику, передавшему кому-либо в законное владение свое имущество, с другой — посягают на имущественные отношения, возникающие на основе «договора» и выражающиеся в причинении имущественного ущерба путем использования виновным доверия, оказанного ему в силу договора, служебного положения или иных оснований. Использование доверия является специфическим элементом присвоения и растраты, поскольку в обоих случаях виновный совершает преступление по поводу имущества, доверенного ему. Поэтому и само преступление внешне выражается в злоупотреблении тем доверием, которое оказано виновному самим фактом передачи ему чужого имущества¹.

На каком из названных выше оснований необходимо акцентировать внимание при определении места присвоения и растраты в системе имущественных преступлений? Отдавая приоритет «праву собственности», можно было бы отнести присвоение и растрату к первой классификационной группе. Но это вызвало бы необходимость уточнить название этой группы, поскольку присвоение и растрата не выражаются в противоправном изъятии чужого имущества и не представляют собой какую-либо иную форму неправомерного завладения. Отличительные черты присвоения и растраты обусловлены особенностями предмета этих посягательств — вверенного имущества, находящегося в правомерном владении виновного и являющегося обычно предметом договора. В условиях развития рыночной экономики именно признак «договора» точнее всего определяет природу присвоения и растраты как преступлений, посягающих на отношения по имущественному обороту.

И, наконец, последнее замечание по поводу предложенной нами классификации имущественных преступлений. Как свидетельствует анализ судебной практики, не только вымогательство, но и насильственные формы хищения могут выражаться в психическом или физическом склонении потерпевшего к передаче имущества, подтверждением чему служит, в частности, известная угроза разбойника: «жизнь или кошелек». Однако принудительное склонение не является типичным для насильственного хищения, не выступает его обязательным признаком. При совершении указанного посягательства насилие выступает способом воспрепятствования возможному

¹ Между тем, присвоение и растрату следует ограничивать от злоупотребления доверием как имущественного преступления, известного уголовному законодательству досоветского периода и современному континентальному европейскому праву (см. §3 главы 4 настоящей работы).

или реальному противодействию со стороны собственника, владельца или другого лица и обеспечивает изъятие чужого имущества либо удержание ранее изъятых имущества. Кроме того, насилие при грабеже и разбое непосредственно угрожает жизни, здоровью, физической неприкосновенности личности потерпевшего, нередко лишая последнего возможности руководить своими действиями. В случаях, когда в результате физического или психического насилия потерпевший не мог руководить своими действиями, появляется основание говорить об изъятии виновным чужого имущества «руками потерпевшего», о захвате чужих вещей посредством использования других лиц — их собственников, владельцев и пр. В обозначенной ситуации «передача» и «изъятие» становятся равнозначными по существу, отличаясь лишь по форме проявления.

Классификация имущественных преступлений не относится к числу неизменных и со временем уточняется. Об этом свидетельствует, по крайней мере, тот факт, что современное деление указанных посягательств отличается от ранее проводимых в науке уголовного права. Остановимся на некоторых классификациях имущественных преступлений, разработанных такими выдающимися учеными-юристами, как Ф.Лист, Г.Е.Колоколов, И.Я.Фойницкий и А.А.Жижиленко.

По мнению Ф.Листа, классификация имущественных преступлений является наиболее строгой, если при делении указанных посягательств принимается во внимание деление имущественных прав, принятое в гражданском праве. Однако, как указывал Ф.Лист, такому проведению деления препятствует исторически сложившееся состояние уголовного законодательства, обеспечивающего защиту не только отдельно взятым имущественным правам, но и имущественным отношениям в целом. Отсюда, Ф.Лист делил имущественные преступления на следующие группы: 1) наказуемые деяния против вещных прав, в том числе собственности (воровство; разбой; присвоение; повреждение вещей; похищение электрической энергии); 2) нарушение прав присвоения (нарушение права на охоту; нарушение права рыбной ловли; нарушение горного права); 3) наказуемые действия против прав требования (нарушение договора; злоупотребление доверием; банкротство; действия, подвергающие опасности удовлетворение кредитов при принудительном исполнении); 4) наказуемые деяния против имущества вообще (мошенничество; вымогательство; наказуемая эксплуатация других лиц — в частности, ростовщичество; действия опасные для имущества — например, азартная игра и публичный розыгрыш; укрывательство вещей)¹.

Г.Е.Колоколов предлагал следующую классификацию имущественных преступлений, определяемых им как посягательство против материальных вещей или против прав имущественных. В основу ее этот автор клал «мотивы, определяющие преступное намерение» и подразделял указанные по-

¹ См.: фон-Лист Ф. Указ. соч. С.133-135.

Понятие имущественных преступлений по действующему уголовному законодательству России и их классификация

сягатательства на две обширные группы: I) корыстные, к которым относил все деяния, влекущие за собой обогащение преступника, и II) истребление и повреждение чужого имущества, то есть деяния заключающиеся в уменьшении имущества пострадавшего без всякого обогащения виновного. Корыстные имущественные преступления, в свою очередь, Г.Е. Колоколовым подразделялись на несколько видов исходя из различия объектов и способа совершения преступления: 1) похищение чужого движимого имущества и завладение чужой недвижимостью; 2) присвоение находки и присвоение вверенного имущества; 3) противоправное пользование чужим имуществом; 4) корыстное злоупотребление доверием и всякого рода обманы по обязательствам¹.

По И.Я. Фойницкому, посягатательства на имущество подразделяются на 1) корыстные посягатательства против вещественных предметов имущественного обладания (похищение чужого движимого имущества; присвоение чужого движимого имущества; завладение чужим недвижимым имуществом); 2) повреждение имущества; 3) посягатательства на имущественную сферу вообще (все обманы и вымогательство, а также наказуемая недобросовестность в отношениях по имуществу — злоупотребление доверием, банкротство и др.); 4) посягатательства против отвлеченной собственности (наказуемые посягатательства против авторского права и права на изобретение); 5) посягатательства против отдельных частей собственности (самовольное завладение и распоряжение имуществом; самовольное пользование чужим имуществом и др.)².

Сложной в своей многоступенчатости и по числу членов деления является классификация имущественных преступлений, предложенная А.А. Жижиленко. Этот автор подразделял все «преступления против имущества» на две большие группы: (А) посягатательства на имущество в смысле материальной вещи и (В) посягатательства против имущества вообще. Первая классификационная группа имущественных преступлений далее распадается в классификации А.А. Жижиленко на две подгруппы: (I) преступления против чужой собственности и (II) преступления, посягающие на отдельные имущественные права, являющиеся составными частями права собственности — права владения, пользования и распоряжения.

Преступления, затрагивающие чужую собственность, в свою очередь, подразделяются на (1) повреждение имущества и (2) приобретение имущества, то есть обращение его в свою пользу. Приобретение имущества также делится на виды: (2.1) присвоение имущества, которое совершается без нарушения владения вещью; (2.2) похищение имущества; (2.3) прикосновенность к приобретению имущества. При этом похищение имущества подраз-

¹ См.: Колоколов Г.Е. Указ. соч. С.189-190.

² См.: Фойницкий И.Я. Курс уголовного права: Особенная часть. Посягатательства личные и имущественные. С.166 и др.

деляется на (2.2.1) ненасильственное (кража и грабеж) и (2.2.2) насильственное (насильственный грабеж и разбой).

Что касается второй классификационной группы посягательств на имущество вообще (В), то она распадается на две подгруппы: (I) причинение имущественного ущерба и (II) приобретение имущества. При этом причинение имущественного ущерба делится на три вида: (I.1) злоупотребление доверием; (I.2) неисполнение договора; (I.3) запрещенная сделка. Приобретение имущества подразделяется также на три разновидности: (II.1) мошенничество, способом которого является обман; (II.2) вымогательство, способом которого является принуждение; (II.3) ростовщичество, совершаемое путем эксплуатации другого лица¹.

Исходя из приведенных классификационных вариаций, имущественные посягательства на отношения по принадлежности имуществу собственникам и иным владельцам следует рассматривать как одну из групп преступных деяний в имущественной сфере. Главное ее отличие от иных разновидностей имущественных преступлений — в особенностях объекта, в том числе предмета посягательства. Совершение указанной группы имущественных преступлений ограничено областью отношений, связанных с владением, пользованием и распоряжением вещами собственниками и иными владельцами, иными словами, имущественных отношений, получающих правовую регламентацию посредством права собственности.

Итак, классификация имущественных преступлений имеет немаловажное значение для теории уголовного права, законотворчества и правоприменения. Теоретическое значение этой классификации состоит в выявлении отличительных особенностей отдельных видов имущественных посягательств, в уяснении их характера и степени общественной опасности, в установлении связей между ними. Для законотворчества значение классификации заключается в юридически совершенном («беспробельном», «безизбыточном», «непротиворечивом») построении в Особенной части УК системы уголовно-правовых запретов причинения имущественного вреда. Наконец, значение классификации для правоприменения состоит в том, что она способствует правильной уголовно-правовой оценке рассматриваемых преступлений, то есть облегчает процесс их квалификации.

¹ См.: Жижиленко А.А. Указ. соч. С.6-7.

Глава IV

Проблемы совершенствования норм об отдельных видах имущественных преступлений и практики их применения

1. Имущественные преступления, выражающиеся в изъятии чужого имущества: проблемы совершенствования законодательной и судебной практики

Имущественные преступления, выражающиеся в изъятии чужого имущества, в уголовном праве России досоветского периода охватывались общим понятием «похищение». Последнее в доктрине того времени определялось как совершенное с целью присвоения противоправное взятие (или захват) чужого движимого имущества из владения потерпевшего и перенесение его во владение виновного¹. В уголовном законодательстве того периода похищение подразделялось на виды. Так, согласно ст.1626 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных в редакции 1866 г. «похищение чужого имущества, смотря по видам сего преступления и сопровождавшем оное обстоятельствам, признается разбоем, грабежом, кражей, или мошенничеством»².

В советском уголовном праве наряду с понятием «похищение» была введена в научный оборот и законодательную практику категория «хищение». Исходя из УК РСФСР 1960 г., под хищением понимались преступления против «социалистической» собственности, совершенные путем кражи, грабежа, присвоения, растраты, злоупотребления служебным положением и мошенничества. Доктрина и судебная практика относили к хищению также разбой с целью завладения государственным или общественным имуществом. Что же касается понятия «похищение», то посредством этой категории в УК 1960 г. определялась объективная сторона кражи и грабежа как преступлений против «социалистической» и личной собственности граждан. В советской доктрине под похищением понималось корыстное (в целях при-

¹ См.: Фойницкий И.Я. Курс уголовного права: Часть Особенная: Посягательства личные и имущественные. С.166, 180.

² По вопросу о мошенничестве как разновидности похищения в доктрине было высказано мнение, что данное преступление необходимо выделять из общего понятия похищения как посягательства, имеющего своим предметом исключительно чужую вещь (см.: Жижиленко А.А. Указ. соч. С.60-61).

своения) противоправное безвозмездное изъятие имущества из чужого владения, сопряженное с причинением реального имущественного ущерба и совершенное путем кражи, грабежа или разбоя¹.

В УК 1996 г. категория «похищение чужого имущества» не используется в его главе 21 «Преступления против собственности». Между тем, термин «похищение» сохранен и применяется при описании преступных посягательств на другие объекты уголовно-правовой охраны (ст.ст.126, 183, 276, 325 УК). Действующий УК одним из видов имущественных преступлений, предусмотренных в его главе 21, называет «хищение чужого имущества». Содержание этого понятия имеет законодательное определение. Впервые хищение было определено Федеральным законом от 1 июля 1994 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР»². Этим законом понятие хищения было закреплено в примечании 1 к ст.144 УК 1960 г.

В УК РФ дается аналогичное прежнему определению хищения, правда, с некоторыми терминологическими уточнениями: «под хищением в статьях настоящего Кодекса понимаются совершенные с корыстной целью противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу имущества». При этом законодатель относит к хищению такие имущественные преступления, как кража, мошенничество, присвоение, растрата и грабеж. Современная доктрина и судебная практика признают самостоятельной формой хищения также разбой. С оговоркой эту позицию следует поддерживать, так как разбой, согласно ст.162 УК, совершается «в целях хищения».

В законодательном определении хищения с исчерпывающей полнотой перечисляются объективные и субъективные признаки этого общественно опасного деяния, позволяющие отграничить его от смежных форм поведения как противоправного, так и правомерного характера. Наиболее характерные черты хищения и будут положены в основу анализа имущественных преступлений, выражающихся в изъятии чужого имущества.

Один из важных признаков хищения выражает содержание основного объекта этого преступления. Хищение чужого имущества, и в этом его суть, есть нарушение права собственности (в субъективном смысле), соединенное с лишением собственника (иного владельца) владения, пользования и распоряжения принадлежащей ему вещью. По этому признаку хищение как имущественное преступление отличается от таких смежных преступлений против общественной безопасности и здоровья населения, как хищение либо вымогательство ядерных материалов или радиоактивных веществ (ст.221), хищение либо вымогательство оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств (ст.226), хищение либо вымогательство нар-

¹ См.: Владимиров В.А. Указ. соч. С.30-43.

² Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. №10. Ст.1109.

Проблемы совершенствования норм об отдельных видах имущественных преступлений и практики их применения

котических средств или психотропных веществ (ст.229). При разграничении рассматриваемых преступлений важно учитывать межотраслевые связи норм о хищениях, не относимых УК к имущественным преступлениям. Так, решая вопрос о наличии в действиях лица признаков хищения оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств, необходимо устанавливать, относятся ли изъятые у него предметы к огнестрельному оружию, комплектующим деталям к нему, боеприпасам, взрывчатым веществам или взрывным устройствам. При этом, как разъяснено Пленумом Верховного Суда РФ в п.1 постановления от 12 марта 2002 г. «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств»¹, необходимо исходить из законодательного акта, устанавливающего основные правила регулирования отношений, возникающих в процессе оборота оружия и боеприпасов к нему, права и обязанности участников этих отношений. В настоящее время указанные отношения регулируются Федеральным законом от 13 декабря 1996 г. «Об оружии»². Положениями названного закона следует руководствоваться при квалификации хищения и незаконного оборота оружия. На этом основании Военная коллегия Верховного Суда РФ по делу Пархоменко и др. определила, что хищение осветительных, имитационных патронов и взрывпакетов, которые не являются, согласно Федеральному закону «Об оружии», боеприпасами или взрывными устройствами, необходимо квалифицировать по статьям закона, предусматривающим ответственность за имущественные посягательства³.

Кроме того, по объекту преступления необходимо различать хищение чужого имущества и похищение человека (ст.126), похищение документов в целях собирания сведений, составляющих коммерческую или банковскую тайну (ст.183), шпионаж в виде похищения сведений, составляющих государственную тайну (ст.ст.275 и 276), похищение документов, штампов, печатей, марок акцизного сбора, специальных марок или знаков соответствия (ст.325).

Другой существенный признак хищения — предмет. При описании его в УК законодатель использует категорию «имущество». Как было замечено

¹ См.: Рос. газета. 2002. 19 марта.

² См.: Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. №51. Ст.5681; 1998. №30. Ст.3613; №51. Ст.6269; 1999. №47. Ст.5612; 2000. №16. Ст.1640; 2001. №31. Ст.3171; №33. Ст.3435; №49. Ст.4558. Как разъяснено Пленумом Верховного Суда РФ в п.1 вышеназванного постановления, следует иметь в виду, что данный Закон регулирует только правоотношения, возникающие при обороте гражданского, служебного, а также боевого ручного стрелкового и холодного оружия, в то время как уголовный закон предусматривает ответственность за противоправные действия как с указанными видами оружия, так и с иными видами боевого огнестрельного оружия, находящегося на вооружении в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и федеральных органах исполнительной власти, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба, и на которые действие Федерального закона «Об оружии» не распространяется.

³ См.: Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2001. №4. С.17.

ранее, посредством категории «имущество» в гражданском законодательстве определяется один из объектов гражданских прав. Понятие имущества как одного из объектов гражданских прав необходимо сопоставить с понятием предмета хищения. Это сравнение позволяет сделать следующий вывод: *понятие предмета хищения значительно уже по объему гражданско-правовой категории имущества как в широком, так и в узком смысле этого слова.*

Предметом хищения является имущество, которое обладает тремя признаками (свойствами): физическим, экономическим и юридическим. На это обстоятельство было обращено внимание еще юристами досоветской России, разработавшими концепцию трех признаков предмета хищения¹. Положения этой концепции были восприняты при разработке Уголовного Уложения 1903 г.² В советском и современном уголовном праве указанная концепция, к сожалению, не получила всеобщего признания. Ее сторонниками являются Г.Н. Борзенков³, В.Н. Литовченко⁴, Э.С. Тенчов⁵ и некоторые другие криминалисты. Особой точки зрения по данному вопросу придерживался А.А. Пинаев. По его мнению, имуществу в качестве предмета хищения присущи следующие признаки: физический, экономический, социальный и юридический⁶. На критике концепции четырех признаков предмета хищения мы остановимся позднее.

В процессе квалификации хищения представляется необходимым установление всех трех признаков предмета этого преступления. Отсутствие хотя бы одного признака у предмета, по поводу которого совершается корыстное имущественное посягательство, исключает уголовную ответственность за хищение.

Определение *физического* признака предмета хищения основано на узком понимании имущества в гражданском праве. Исходя из указанного обстоятельства, *предметом хищения может быть только вещь или совокупность вещей, включая деньги и ценные бумаги.* Как писал И.Я. Фойницкий, «со стороны физической, имущество как объект похищения должно быть вещественным, телесным предметом внешнего мира, занимающим какое-нибудь место в пространстве и доступным нашим внешним чувствам»⁷. Такое по-

¹ См., в частности: Есилов В.В. Указ. соч. С.139; Фойницкий И.Я. Курс уголовного права: Особенная часть. Посягательства личные и имущественные. С.169-173.

² См.: Уголовное Уложение 22 марта 1903 г. С мотивами, извлеченными из объяснительной записки редакционной комиссии, представления Мин. Юстиции в Гос. Совет и журналов — особого совещания, особого присутствия департаментов и общего собрания Гос. Совета. Изд. Н.С. Таганцева. С.816, 853-855.

³ См.: Уголовное право Российской Федерации: Особенная часть: Учебник / Под ред. Г.Н. Борзенкова и В.С. Комиссарова. С.179-181.

⁴ См.: Литовченко В.Н. Указ. соч. С.11.

⁵ Уголовный кодекс Российской Федерации: Научно-практический комментарий / Под ред. Л.Л. Круликова и Э.С. Тенчова. Ярославль: Влад, 1994. С.241-244; Уголовное право России: Часть Особенная: Учебник / Отв. ред. Л.Л. Круликов. С.192-193.

⁶ См.: Пинаев А.А. Уголовно-правовая борьба с хищениями. С.35-57; Он же. Проблемы дальнейшего совершенствования советского уголовного законодательства об ответственности за хищения. С.11-13.

⁷ Фойницкий И.Я. Курс уголовного права: Часть Особенная. Посягательства личные и имущественные. С.170.

Проблемы совершенствования норм об отдельных видах имущественных преступлений и практики их применения

ложение имеет своим основанием тесную взаимосвязь между предметом и объектом хищения: содержание предмета преступления предопределено свойствами объекта преступного посягательства. Как известно, хищение является преступлением, нарушающим право собственности, которому неизменно присущ такой материальный субстрат, как вещь.

Из признания предметом хищения исключительно имущества, обладающего физическими свойствами, вытекает ряд выводов, имеющих уголовно-правовое значение.

(1) Предметом хищения как имущественного преступления не может быть человек. Согласно действующему УК похищение человека рассматривается как преступление против личности (ст.126).

(2) Предмет хищения не могут составлять органы и ткани человека. В соответствии с современным уголовным законом, принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации является преступлением против личности (ст.120). Незаконное изъятие органов у человека признается умышленным причинением тяжкого вреда здоровью и при наличии к тому оснований может квалифицироваться по п.«ж» ч.2 ст.111. В случае умышленного причинения смерти в целях использования органов или тканей потерпевшего ответственность наступает по п.«м» ч.2 ст.105.

По мнению С.И.Никулина, если органы и ткани изъяты незаконно у живого человека либо у трупа, они не являются предметом хищения; если последние изъяты в соответствии с установленной законом процедурой и являются донорским материалом, то они могут рассматриваться в качестве предмета имущественных посягательств¹. Как нам представляется, вопрос о квалификации незаконных действий, совершаемых по поводу изъятых органов и (или) тканей человека, необходимо решать с учетом взаимодействия норм уголовного и иных отраслей законодательства. Отношения, связанные с изъятием органов и (или) тканей у человека и совершением иных действий по поводу указанных предметов, регулируются Законом РФ от 22 декабря 1992 г. «О трансплантации органов и (или) тканей человека»². Согласно ст.1 его органы и (или) ткани человека не могут быть предметом купли-продажи. Купля-продажа органов и (или) тканей человека, а также реклама этих действий влекут уголовную ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации. Аналогичное положение содержится и в ст.47 Основ законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан от 22 июля 1993 г.³: органы и (или) ткани человека не мо-

¹ См.: Российское уголовное право: Особенная часть: Учебник / Под ред. М.П.Журавлева и С.И.Никулина. С.134.

² Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1993. №2. Ст.62; Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. №26. Ст.2738.

³ Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1993. №33. Ст.1318; Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. №10. Ст.1143; 1999. №51. Ст.6289; 2000. №49. Ст.4740.

гут быть предметом купли, продажи и коммерческих сделок. Лица, участвующие в указанных коммерческих сделках, купле и продаже органов и (или) тканей человека, несут уголовную ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Как видно, указанные предметы, будучи правомерно или незаконно изъятыми у человека, исключены действующим законодательством из гражданского оборота. Это обстоятельство также препятствует признанию последних возможным предметом хищения или иного имущественного преступления. Дело в том, что вещи, изъятые из гражданского оборота, не имеют стоимости, что затрудняет определение размера причиненного ущерба, который имеет важное значение при квалификации имущественных правонарушений.

В данном случае, скорее, имеет место пробел в действующем уголовном законодательстве, которое не обеспечило надлежащей охраны отношениям, урегулированным нормативными положениями другой отраслевой природы о трансплантации органов и (или) тканей человека. Указанный пробел требует устранения. Как представляется, в УК РФ должна быть предусмотрена ответственность за незаконные приобретение, передачу, хранение или сбыт трансплантированных органов и (или) тканей у человека либо у трупа человека. С технической стороны это может быть осуществлено либо путем дополнения УК новой статьёй, размещенной вслед за его статьёй 120 «Принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации», либо путем внесения дополнений и изменений в статью 120 УК.

(3) Не могут признаваться предметом хищения такие объекты гражданских прав (ст.128 ГК РФ), как «иное имущество, в том числе имущественные права»; работы и услуги; информация; результаты интеллектуальной деятельности, в том числе исключительные права на них (интеллектуальная собственность); нематериальные блага. У всех указанных видов объектов гражданских прав отсутствуют вещественные признаки. Это обстоятельство не допускает возможности установления у названных выше объектов физической стороны предмета хищения. Остановимся подробнее на некоторых видах объектов гражданских прав, не подпадающих под признаки предмета хищения.

Так, «иное имущество, включая имущественные права», представляет собой всевозможные имущественные блага и ценности, лишенные признаков вещи. Незаконное получение последних рассматривается как неправомерное приобретение лишенных вещественного содержания выгод имущественного характера при отсутствии признаков хищения. На этом основании нельзя согласиться с теми исследователями, которые признают имущественное право предметом хищения¹ и даже предлагают внести соответству-

¹ А. Успенский пишет, что в ст.159 УК РФ «существует противопоставление «хищения чужого имущества» и «приобретения права на чужое имущество», из чего можно сделать неправильный вывод о том, что приобретение права на чужое имущество не есть хищение». По его мнению, приобретение права на чужое имущество следует отождествлять с таким признаком хищения как обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц (см.: Успенский А. Указ. соч. С.34).

Проблемы совершенствования норм об отдельных видах имущественных преступлений и практики их применения

ющие дополнения в законодательное определение понятия этого преступления¹. Такое широкое понимание предмета хищения не только не согласуется с действующим УК, но и находится в противоречии с положениями доктрины о «вещной» природе хищения. Хищение имеет своим предметом исключительно вещь, которую преступник изымает из чужого владения помимо или вопреки воле потерпевшего. Никаких имущественных прав в результате совершения хищения виновный не приобретает и приобрести не может, так как механизм причинения вреда в данном случае не выражается в передаче (уступке) имущественного права.

Такого подхода придерживается и судебная практика. Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ признала обоснованным оправдательный приговор в отношении Кириченко. Она обвинялась в мошенническом хищении общественного имущества путем злоупотребления доверием, совершенном при следующих обстоятельствах. При составлении приложения к учредительному договору ТОО «Пиколето» Кириченко произвольно внесла в список учредителей 17 человек, включая себя, и без согласия коллектива ателье единолично распределила вклад каждого учредителя, в результате чего доля Кириченко в уставном фонде составила 55 600 рублей, а доля остальных учредителей — 1600 рублей, и Кириченко стала фактическим владельцем имущества ателье².

Нельзя признать хищением чужого имущества и содеянное Б. и С., разбившиеся в неправомерном исклучении из ООО четырех других участников Общества без их согласия и в противоправном «присвоении» их долей в уставном капитале Общества.

С учетом вышеизложенного не образуют состава хищения: а) учредительские «захваты»; б) корыстные злоупотребления при выплате дивидендов акционерного общества; в) корыстные злоупотребления при распределении прибыли между участниками общества с ограниченной ответственностью; г) корыстные злоупотребления при начислении и выплате процентов на банковский вклад, при проведении операций по банковскому счету и другие подобные действия. Если в указанных случаях предметом посягательства и выступают денежные средства, то в виде так называемых «безналичных» денег. Последние лишены физических свойств вещи и, как справедливо утверждается многими учеными-юристами, являются имущественными правами обязательственного характера³. Незаконные действия корыстного характера с «безналичными» деньгами могут квалифицироваться по действующему УК в зависимости от конкретных обстоятельств дела как злоупотребление полномочиями (ст.201), злоупотребление должностными

¹ См.: Ветюшкина М.М. Ценные бумаги как предмет хищения: Автореф. дис... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2001. С.12-14.

² См.: Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1999. №2. С.22.

³ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Ростов н/Д: Феникс, 1996. С.354; Тархов В.А., Рыбаков В.А. Собственность и право собственности: Монография. Уфа: Уфимский юридический институт МВД России. С.28, Яни П.С. Указ. соч. С.93.

полномочиями (ст.285), мошенничество по признаку приобретения права на чужое имущество, правда, требующему в данном случае расширительного толкования (ст.159), либо как неоконченное мошенничество по признаку хищения при намерении виновного завладеть указанными средствами путем их обналачивания.

Равным образом не образуют хищения и корыстное противоправное приобретение иных имущественных выгод путем неисполнения имущественных обязательств, избавления от материальных затрат, неправомерного безвозмездного пользования чужим имуществом и услугами (работами), получения льготных кредитов, ссуд и пр. При наличии к тому оснований указанные и подобные им случаи могут быть квалифицированы, например, по ст.ст.163, 165, 176, 201, 285 УК.

Что касается такого объекта гражданских прав, как информация, последняя также не может признаваться предметом хищения. Согласно ст.2 Федерального закона от 20 февраля 1995 г. «Об информации, информатизации и защите информации»¹, под информацией понимаются сведения о лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях и процессах независимо от формы их представления. В современном мире информация давно уже приобрела товарный вид и часто выступает в качестве особого объекта договорных отношений. Это обстоятельство закреплено в действующем законодательстве. Так, в Федеральном законе «Об информации, информатизации и защите информации» прямо установлено, что информационные ресурсы, то есть отдельные документы и отдельные массивы документов, документы и массивы документов в информационных системах могут быть товаром (п.6 ст.6), что владельцы информационных ресурсов обеспечивают пользователей (потребителей) информацией из информационных ресурсов, в том числе и путем заключения договоров на услуги по информационному обеспечению (п.2 ст.12), что информационные услуги могут предоставляться бесплатно или за плату (п.4 ст.13).

Одним из технических средств, обеспечивающих процессы сбора, обработки, накопления, хранения, поиска и распространения информации, являются средства связи. Исходя из положений Федерального закона от 16 февраля 1995 г. «О связи»², связь есть передача и прием информации по проводной, радио, оптической и другим электромагнитным системам (электрическая связь), а также прием, обработка, перевозка и доставка почтовых отправок, перевод денежных средств (почтовая связь).

Как известно, не законное бесплатное получение информации, обладающей стоимостью, неправомерное безвозмездное пользование информационными услугами и услугами связи получили широкое распространение в современном обществе и нередко причиняют существенный имущественный ущерб собственникам и владельцам информационных ресурсов, ин-

¹Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. №8. Ст.609

²Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. №8. Ст.599.

Проблемы совершенствования норм об отдельных видах имущественных преступлений и практики их применения

формационных систем, технологий и средств их обеспечения¹, а также предприятиям, учреждениям, организациям и законным пользователям связи².

В действующем уголовном законодательстве России нет специальной нормы об ответственности за указанные посяательства. В следственной и судебной практике содеянное в таких случаях нередко квалифицируется по норме УК о причинении имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (ст.165). Однако применение этой нормы далеко не бесспорно.

Во-первых, действующее административное законодательство содержит состав правонарушения о самовольном (без получения специального разрешения) подключении оконечного оборудования к сетям электросвязи³ (ст.136.1 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях). Аналогичная норма содержится в новом Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (ст.13.2). При этом в КоАП ничего не говорится о размере причиненного имущественного ущерба как конструктивным признаке такого рода деяний. В этой связи вышестоящие судебные инстанции не без основания усматривают в указанных и подобных им действиях признаки административного правонарушения независимо от размера причиненного имущественного ущерба в виде упущенной выгоды. Так, Президиум Самарского областного суда отменил приговор районного суда в отношении Л., осужденного по ч.1 ст.165 УК «за самовольное подключение телевизионного кабеля от личного телевизора к распределительной коробке сети кабельного телевидения АО «АвтоВАЗ», и делопроизводство прекратил за отсутствием состава преступления⁴.

Во-вторых, самовольное подключение к сетям электросвязи обыкновенно не совершается путем обмана или злоупотребления доверием, что также препятствует квалификации указанных действий по ст.165 УК.

С учетом сказанного представляется криминологически обоснованным предложение о дополнении УК РФ нормой об ответственности за *незаконное безвозмездное пользование электрической связью, если это деяние совершено в значительном размере*. Указанное посятельство следует рассматривать как разновидность имущественных преступлений, выражающихся в проти-

¹ Именно так именуются в ст.2 Федерального закона «Об информации, информатизации и защите информации» субъекты, в полном объеме реализующие полномочия владения, пользования, распоряжения указанными объектами, или осуществляющие владение и пользование указанными объектами и реализующие полномочия распоряжения в пределах, установленных законом.

² См.: Вы на счетчике! У телефонного вора // Росс. газета. 1998. 11 сентября; Телефонное пиратство // Экономика и жизнь. 1999. №23. С.31.

³ Согласно ст.2 Федерального закона «О связи», под сетями электросвязи понимаются технологические системы, обеспечивающие один или несколько видов передач: телефонную, телеграфную, факсимильную, передачу данных и других видов документальных сообщений, включая обмен информацией между ЭВМ, телевизионное, звуковое, и иные виды радио- и проводного вещания.

⁴ См.: постановление Президиума Самарского областного суда №07-03/605 от 29 ноября 2001 г. по делу Л.

воправном уклонении виновного от уплаты должного, и отнести его к категории преступлений небольшой тяжести.

Специальные нормы об имущественных посягательствах, связанных с незаконным использованием связи, известны уголовному законодательству некоторых зарубежных стран. Так, в ст.285 УК Республики Польша уголовно наказуемыми признаются действия того, «кто, подключаясь к устройству телефонной связи, совершает телефонные переговоры за чужой счет»¹. В соответствии со ст.256 УК Испании, привлекается к уголовной ответственности тот, кто использует терминальное оборудование телекоммуникаций без согласия их собственника, причиняя ему ущерб на сумму свыше пятидесяти тысяч песет².

Похищение или другие подобные действия, совершаемые по поводу информации, изъятой из оборота (то есть конфиденциальной информации, доступ к которой ограничивается в соответствии с законодательством Российской Федерации), не может быть квалифицировано как имущественное преступление. Такого рода деяния при наличии к тому оснований образуют составы преступлений иных родов и видов. Так, незаконное собирание сведений о частной жизни лица, составляющих его личную или семейную тайну, квалифицируется по ст.137 УК как нарушение неприкосновенности частной жизни. Собирание сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну, путем похищения документов получает уголовно-правовую оценку в соответствии со ст.183 УК РФ как незаконные получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну. Копирование охраняемой законом компьютерной информации рассматривается согласно ст.ст.272 и 273 УК как преступление в сфере компьютерной информации. Похищение в целях передачи иностранному государству, иностранной организации или их представителям сведений, составляющих государственную тайну, квалифицируется по ст.275 УК либо ст.276 УК как государственная измена или шпионаж.

Наконец, не могут рассматриваться в качестве предмета хищений результаты интеллектуальной деятельности, в том числе исключительные права на них (интеллектуальная собственность). Под интеллектуальной собственностью понимается совокупность имущественных и личных неимущественных правовых отношений по поводу владения, распоряжения и использования продуктов интеллектуальной деятельности, исключительные права на результаты творческой деятельности и средства индивидуализации³. В данном случае объектом гражданских прав является нематериальный результат труда авторов (изготовителей, исполнителей), выраженный в опре-

¹ См.: Уголовный кодекс Республики Польша / Под общ. ред. Н.Ф.Кузнецовой. Минск, Тесей, 1998.

² См.: Уголовный кодекс Испании / Под ред. Н.Ф.Кузнецовой и Ф.М.Решетникова. М.: ЗЕРЦАЛО, 1998.

³ См.: Барихин А.Б. Большой юридический энциклопедический словарь. М.: Книжный мир, 2000. С.215.

Проблемы совершенствования норм об отдельных видах имущественных преступлений и практики их применения

деленной допускаемой законом форме. К объектам интеллектуальной собственности относятся: произведения науки, литературы и искусства, фонограммы, исполнения, постановки, передачи организаций эфирного или кабельного вещания; объекты промышленной собственности — изобретения, полезные модели, промышленные образцы и рационализаторские предложения; средства индивидуализации продукции, выполняемых работ или услуг — фирменное наименование, товарный знак, знак обслуживания, наименование мест происхождения товаров и др. В специальной литературе к объектам интеллектуальной собственности также относят «ноу-хау» (англ. know how — букв.: знаю как) — совокупность незапатентованных научных, технических, коммерческих и других знаний, оформленных в виде технической документации, навыков, производственного и управленческого опыта, необходимых для организации производства¹. Субъекты интеллектуальной собственности обладают определенным статусом, основным компонентом которого выступают исключительные права на результаты своей деятельности. Интеллектуальная собственность охраняется на основе Гражданского кодекса РФ, Патентного закона РФ от 23 сентября 1992 г.², Закона РФ от 9 июля 1993 г. «Об авторском праве и смежных правах»³ и других законодательных актов РФ.

Плагиат (лат. *plagiatus* — похищенный) как непосредственное заимствование чужих идей, технических решений, изобретений, произведений науки, литературы, искусства и др. без указания источника, присвоение авторства и принуждение к соавторству влечет гражданско-правовую ответственность. Нарушение авторских, смежных, изобретательских и патентных прав рассматривается в действующем уголовном законодательстве как преступление против конституционных прав и свобод человека и гражданина и влечет ответственность по ст.ст.146 и 147 УК. Тогда как в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях 2001 г. нарушение авторских и смежных прав, изобретательских и патентных прав (ст.7.12) отнесено к административным правонарушениям в области охраны собственности.

Что касается материального носителя созданного объекта творчества, то таковой по существу представляет собой вещь, которая может быть вовлечена в гражданский оборот и иметь рыночную или иную цену. По данному вопросу А.А.Жижиленко писал, что творческая деятельность человека по необходимости воплощается в известных внешних предметах, которые могут оцениваться на деньги и вследствие этого могут становиться предметом имущественных отношений, подобно имуществу они могут передавать-

¹ См.: Гражданское право: Учебник. Часть I. / Под ред. А.П.Сергеева, Ю.К.Толстого. С.214.

² Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. №42. Ст.2319.

³ Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1993. №32. Ст.1242.

ся или уступаться другим лицам, притом не только физическим, но и юридическим¹.

Указанное обстоятельство получило следующую правовую регламентацию в п.5 ст.6 Закона РФ «Об авторском праве и смежных правах»: авторское право на произведение не связано с правом собственности на материальный объект, в котором произведение выражено. Передача права собственности на материальный объект или права владения материальным объектом сама по себе не влечет перехода каких-либо авторских прав на произведение, выраженное в этом объекте.

Очевидно, что действие приведенного положения о разграничении исключительных прав и права собственности на материальный носитель, воплощающий результаты интеллектуальной деятельности, не ограничивается областью авторского права и может быть распространено на сферу интеллектуальной собственности в целом. В этой связи неправомерное изъятие и обращение в свою пользу материального объекта, выражающего результаты интеллектуальной деятельности, должно, при наличии к тому оснований, расцениваться как хищение чужого имущества. Если умысел виновного был направлен одновременно на изъятие чужого имущества в виде материального носителя интеллектуальной собственности и присвоение авторства, содеянное квалифицируется по совокупности преступлений как корыстное имущественное преступление, выраженное в изъятии чужого имущества, и нарушение авторских или иных исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности.

Другой вопрос о противоправном нарушении только авторских, смежных, изобретательских и патентных прав авторов (изготовителей, исполнителей). Последние подразделяются на личные неимущественные и имущественные права (ст.ст.15, 16, 37, 38 Закона РФ «Об авторском праве и смежных правах»; ст.10 Патентного закона РФ). При этом, как установлено в п.3 ст.15 Закона РФ «Об авторском праве и смежных правах», личные неимущественные права принадлежат автору независимо от его имущественных прав и сохраняются за ним в случае уступки исключительных прав на использование произведения. А.А.Жижиленко по поводу соотношения неимущественных и имущественных прав на объекты интеллектуальной собственности заметил, что «оба эти элемента — личный и имущественный — так тесно связаны друг с другом в благах этого рода, что отделить их друг от друга часто не представляется возможным; но это вместе с тем и отличает данную категорию правовых благ от благ имущественных в тесном смысле; впрочем, вполне можно представить себе, напр., посягательство на авторское право, чуждое имущественного момента, — таково издание под чужим именем приобретенного у автора произведения»².

¹ См.: Жижиленко А.А. Указ. соч. С.172.

² Там же.

Отсюда следует, что противоправное деяние, одновременно нарушающее личные неимущественные и имущественные права авторов, посягает на два различных объекта — личные неимущественные и связанные с ними имущественные отношения. Поэтому *в случае приобретения путем обмана или принуждения наряду с личными неимущественными правами авторов права имущественного характера, содеянное, как представляется, требует дополнительной квалификации по нормам УК о мошенничестве или вымогательстве.*

(4) Наконец, не может признаваться предметом хищения энергия. В теории вопрос об энергии как возможном предмете имущественных преступлений относится к числу дискуссионных. По указанному вопросу высказано две противоположные точки зрения. Так, А.В.Хабаров предлагает «сориентировать правоприменительную практику на признание возможности хищения энергии»¹. По мнению же большинства исследователей, электрическая и тепловая энергия не может быть предметом хищения ввиду отсутствия вещного признака. В этой связи неправомерное самовольное пользование в корыстных целях энергией предлагается квалифицировать, при наличии к тому оснований, как имущественное преступление, предусмотренное ст.165 УК. При этом необходимо принимать во внимание положение КоАП РСФСР об административной ответственности за самовольное использование в корыстных целях электрической либо тепловой энергии или газа, а равно нарушение правил пользования электрической либо тепловой энергией или газом в быту, не причинившее существенного вреда (ст.95.1).

В истории уголовного законодательства России вопрос об уголовной ответственности за противоправное использование энергоресурсов решался неоднозначно. Например, УК 1926 г. предусматривал ответственность за кражу электрической энергии (ст.163). УК 1960 г. содержал норму о самовольном использовании в корыстных целях электрической либо тепловой энергии или газа, а равно нарушение правил пользования электрической либо тепловой энергией или газом в быту, совершенные после наложения административного взыскания за такие же нарушения либо причинившие существенный вред (ст.942 «Нарушение правил пользования энергией или газом в быту», введенная Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 28 мая 1986 г.). В современном же уголовном законодательстве России нет специальной нормы о незаконном пользовании различными видами энергии.

Полагаю, что в основу решения данного вопроса необходимо положить научное понимание феномена энергии. Энергия (от греч.energeia — дейст-

¹ Хабаров А.В. Преступления против собственности: влияние гражданско-правового регулирования: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 1999. С.12.

² См.: Тишкевич И.С. Указ. соч. С.20; Уголовное право Российской Федерации: Особенная часть: Учебник / Под ред. Г.Н.Борзенкова и В.С.Комиссарова. С.180; Уголовное право: Особенная часть: Учебник / Под ред. Н.И.Ветрова и Ю.И.Ляпунова. С.204.

вие, деятельность) — это общая количественная мера разных форм движения материи. Другими словами, энергия есть способность совершать работу. В физике различают механическую, тепловую, электромагнитную, гравитационную, ядерную и другие виды энергии. Согласно ст.1 Федерального закона «Об энергосбережении» от 3 апреля 1996 г.¹ возобновляемыми источниками энергии являются энергия солнца, ветра, тепла земли, естественного движения водных потоков, а также энергия существующих в природе градиентов температур. К энергетическим ресурсам как носителям энергии этот закон относит различные виды топлива, в том числе и газ.

Понятие энергии связано с существованием такого известного современной науке вида материи, как физическое поле. Физическое поле — это материальное образование, связывающее между собой тела и передающее действие от одного тела к другому. Отсюда, отнесение энергии к миру вещей не согласуется с философским пониманием естественнонаучной картины мира. Указанный феномен материального мира не обладает физическими признаками вещи и на этом основании не может выступать в качестве предмета хищения. Другое дело, если энергия определенным образом сконцентрирована и занимает известное место в пространстве посредством материальных предметов, поддающихся перемещению (например, аккумуляторная батарея). В этом случае она может признаваться предметом хищения. На этом же основании возможным предметом хищения могут быть и энергетические ресурсы (в частности, газ, заключенный в баллон).

Вопрос об уголовной ответственности за противоправное корыстное потребление энергетических ресурсов необходимо решать, принимая во внимание положения административного законодательства о нарушении правил пользования энергией или газом в быту, гражданского законодательства об энергоснабжении (§6 главы 30 ГК РФ), Федерального закона «Об энергосбережении», Федерального закона «О газоснабжении в Российской Федерации» от 31 марта 1999 г.², а также иных нормативных актов, регулирующих отношения в области энергоснабжения³.

В соответствии с действующим законодательством потребление гражданами и организациями энергетических ресурсов осуществляется на основании договоров между поставщиками и потребителями. Согласно п.1 ст.539 ГК РФ по договору энергоснабжения энергоснабжающая организация обязуется подавать абоненту (потребителю) через присоединенную сеть энергию, а абонент обязуется оплачивать принятую энергию, а также соблюдать предусмотренный договором режим ее потребления, обеспечивать безопасность эксплуатации находящихся в его ведении энергетических сетей и исправность используемых им приборов и оборудования, связанных с потреб-

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. №15. Ст.1551.

² Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. №14. Ст.1667.

³ Так, согласно Ст.11 Федерального закона «Об энергосбережении», правила пользования электрической и тепловой энергией, природным и сжиженным газом, продуктами нефтепереработки устанавливаются в порядке, определяемом Правительством Российской Федерации.

Проблемы совершенствования норм об отдельных видах имущественных преступлений и практики их применения

лением энергии. При этом в п.2 ст.548 ГК РФ закреплено положение, согласно которому правила о договоре энергоснабжения применяются и к отношениям, связанным со снабжением через присоединенную сеть газом, нефтью и нефтепродуктами, водой и другими товарами, если иное не установлено законом, иными правовыми актами или не вытекает из существа обязательства.

Согласно Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях 2001 г. самовольное подключение к энергетическим сетям, нефтепроводам, нефтепродуктопроводам и газопроводам, а равно самовольное (безучетное) использование электрической, тепловой энергии, нефти, газа или нефтепродуктов (ст.7.19) относится к административным правонарушениям в области охраны собственности. Новый КоАП предусматривает также ответственность за такое правонарушение в области охраны собственности, как самовольное подключение к централизованным системам питьевого водоснабжения и (или) системам водоотведения городских и сельских поселений (ст.7.20).

Исходя из вышеизложенного, представляется обоснованным в необходимых случаях обеспечивать уголовно-правовую охрану отношений, складывающихся в сфере энергоснабжения, в том числе и от корыстных нарушений абонентами условий договоров энергоснабжения. В современных условиях такого рода деликты широко распространены и причиняют существенный имущественный вред (в виде упущенной выгоды) энергоснабжающим организациям. Нормы об ответственности за незаконное пользование электроэнергией содержатся в УК ряда стран Западной Европы. Так, согласно ст.142 УК Швейцарии подлежит уголовному наказанию тот, кто незаконно использует энергию из установки, которая служит для использования природных ресурсов, а именно из установки, вырабатывающей электроэнергию¹. Статья 10 Главы 8 УК Швеции угрожает наказанием лицу, которое незаконно пользуется энергией². В соответствии с §248с УК ФРГ, наказывается тот, кто использует электроэнергию чужой электрической установки или сооружения посредством использования проводника, который не предназначен для отвода электроэнергии, если деяние совершается с целью незаконно присвоить электроэнергию или обратить ее в пользу третьего лица³. Более широкую область отношений по энергоснабжению, а также некоторые отношения, складывающиеся в области связи, берет под охрану испанское уголовное законодательство. Согласно ст.255 УК Испании наказывается тот, кто совершит незаконный захват стоимостью свыше пятидесяти тысяч песет, используя электроэнергию, газ, воду, телекоммуникации и другие чужие элементы, энергию или газ путем использования механизма, установленного для осуществления обмана либо злоумышленного искаже-

¹ См.: Уголовный кодекс Швейцарии. М.: Издательство «Зерцало», 2000.

² См.: Уголовный кодекс Швеции. М., 2000.

³ См.: Уголовный кодекс ФРГ. М.: Изд-во «Юридический колледж МГУ», 1996.

ния показателей или счетных приборов либо использования других нелегальных способов.

В этой связи целесообразно предусмотреть в УК РФ норму об ответственности за *незаконное безвозмездное использование подаваемой через присоединенную сеть электрической или тепловой энергии либо газа, совершенное в значительном размере*. Эта норма должна охватывать и случаи неправильного использования приборов для учета расхода энергетических ресурсов с целью введения в заблуждение относительно количества потребляемой энергии. Преступное посягательство, указанное в предлагаемой уголовно-правовой норме, следует рассматривать как разновидность имущественных преступлений, выражающихся в противоправном уклонении виновного от уплаты должного, и отнести к категории преступлений небольшой тяжести. Принимая во внимание одинаковый характер и степень общественной опасности незаконного безвозмездного пользования связью и указанными выше видами энергии, а также газом, представляется целесообразным разместить эти составы преступлений в одной статье УК, которую назвать: «Незаконное пользование энергией или связью».

Что касается самовольного подключения к нефтепроводам или нефтепродуктопроводам с целью противоправного завладения нефтью или нефтепродуктами, а равно незаконное обращение в свою пользу указанных энергоресурсов, то такие деяния при наличии к тому оснований образуют состав хищения чужого имущества. Такого подхода придерживается и судебная практика. Так, в 2000 г. судами Самарской области было рассмотрено 21 дело о хищениях нефтепродуктов. За указанный период по этим делам осуждено 46 лиц. Обобщение показало, что преступления о хищениях нефтепродуктов совершались, как правило, в группах (15 из 21 рассмотренного судами дела, или 71,4%). 6 хищений было совершено непосредственно из нефтепроводов, 13 — с нефтеперерабатывающих заводов, 2 — с нефтебаз. Из числа осужденных в 2000 г. 2 лица было осуждено по ч.3 ст.30 и ч.1 ст.158 УК, 2 — по ч.1 ст.30 и ч.2 ст.158 УК, 15 — по ч.3 ст.30 и ч.2 ст.158 УК, 9 — по ч.2 ст.158 УК, 3 — по ч.3 ст.30 и ч.3 ст.158 УК, 12 — по ч.3 ст.158 УК, 1 — по ч.3 ст.30 и ч.2 ст.159 УК, 2 — по ч.2 ст.159 УК.

Показательным в этом отношении является дело В., Ц. и Ж., осужденных за покушение на кражу в крупном размере, совершенную группой лиц по предварительному сговору с незаконным проникновением в иное хранилище. Указанные лица прибыли на двух автомашинах-бензовозах к заранее изготовленной несанкционированной врезке в нефтепровод и закачали в цистерны автомашины дизельное топливо в количестве 10 тонн 235 кг и 4 тонны 857 кг, но распорядиться похищенным не смогли, так как были задержаны сотрудниками УБОП¹.

В свете вышеизложенного следует критически оценить то положение Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях

¹ См.: Архив Самарского областного суда за 2001 г. Уголовное дело №02-46/01.

Проблемы совершенствования норм об отдельных видах имущественных преступлений и практики их применения

2001 г., которое предусматривает ответственность за самовольное подключение к нефтепроводам, нефтепродуктопроводам, а равно за самовольное (безучетное) использование нефти или нефтепродуктов (ст.7.19). Соответствующая норма административного права изложена столь некорректно, что будет вызывать серьезные сложности при разграничении административных и уголовных правонарушений в имущественной сфере. В этой связи необходимо в ст.7.19 нового КоАП указать на отсутствие признаков хищения при самовольном подключении к нефтепроводам, нефтепродуктопроводам, а равно при самовольном (безучетном) использовании нефти или нефтепродуктов.

Очевидно, что не всякая вещь может быть предметом хищения. Ведь хищение — это преступление в сфере экономики. Поэтому предметом хищения являются только такие вещи, которые суть объекты экономических отношений, то есть обладающие определенными экономическими свойствами. Содержание экономического признака предмета хищения состоит в следующем: *вещь, чтобы быть предметом хищения, должна иметь стоимость.*

Что понимается под стоимостью? Выявление этого вопроса имеет важное значение, так как указанная категория используется в уголовном законодательстве. Стоимость в уголовном праве характеризует содержание таких основных и квалифицирующих признаков ряда имущественных преступлений, как значительный ущерб, крупный размер, крупный ущерб. Стоимость делает возможным определение ущерба и его размеров в части незаконно полученного (в том числе похищенного), уничтоженного или поврежденного имущества. Поэтому стоимость необходимо устанавливать по делам о хищениях и других имущественных преступлениях для того, чтобы определить, действительно ли причинен имущественный ущерб, и установить размер (величину) последнего. Как указал Президиум Верховного Суда РФ по делу Рыбакова, установление действительной стоимости имущества, ставшего предметом преступного посягательства, имеет существенное значение. По делу М. Судебная коллегия Верховного Суда РФ обвинительный приговор отменила, направив дело на новое судебное рассмотрение, ввиду того, что суд не принял мер для установления стоимости похищенного имущества на момент совершения кражи².

Стоимость — это не юридическое, а экономическое понятие. В экономической науке отсутствует единое понимание стоимости. Это обстоятельство объяснимо: в рамках экономической теории сосуществуют разные учения о стоимости. Последние можно подразделить на две большие группы: монистические и плюралистические учения о стоимости. Различие их состоит в следующем: первые указывают на единый стоимостеобразующий фактор, вторые признают множественность факторов, участвующих в образовании стоимости.

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1999. №3. С.19.

² См.: Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2001. №9. С.13.

Одной из основных монистических учений о стоимости является трудовая теория стоимости. Согласно этой теории в основе стоимости вещи лежит такой производственный фактор, как труд человека, точнее, определенное качество и количество трудовых затрат. Отсюда, стоимость определяется как овеществленный в товаре труд производителя.

Исходя из положений плюралистических теорий стоимости, в основе образования последней лежит множество экономических факторов: природные ресурсы, труд, капитал, предпринимательские способности, оценка потребителей и пр. Как видно из указанных учений, определить стоимость вещи исходя из одного экономического фактора не представляется возможным. Равным образом стоимость вещи не может определяться исключительно трудом. Только все многообразие экономических факторов влияет на процессы образования стоимости. Учет же всех стоимостьобразующих факторов возможен исключительно в рамках обмена. Отсюда, стоимость (меновая стоимость) определяется как способность вещи обмениваться на другие полезные вещи в определенных пропорциях, как способность вещи участвовать в товарно-денежном обращении.

Таким образом, образование стоимости может быть связано с единым стоимостьобразующим фактором или их множеством. Доминирование одного или нескольких из них в образовании стоимости зависит от типа экономической системы. В плановой экономике, где отрицается частная собственность и частнопредпринимательская деятельность, единым и основным стоимостьобразующим фактором выступает труд. Рынок — это обмен, складывающийся по законам товарного производства и обращения. Поэтому в условиях рыночной экономики действует множество стоимостьобразующих факторов, и вещь приобретает стоимость при обмене.

Зададимся вопросом: имеют ли экономические процессы образования стоимости правовое значение? Безусловно. Исходя из единого стоимостьобразующего фактора — труда, вещи в праве делятся на (1) природные богатства, образовавшиеся без всякого приложения человеческого труда, и (2) продукты труда. Советское и современное уголовное право также учитывает указанную классификацию вещей и на основании этого признает предметом хищения только те вещи, которые созданы трудом человека или в которые вложен его труд. Считается, что именно в хищническом обогащении за счёт труда других лиц, в противоправной эксплуатации чужого труда выражается сущность хищения. Отсюда же следует другой не менее важный вывод: природные ресурсы, лишенные экономического признака — стоимости как овеществленного труда, по общему правилу, не могут быть предметом хищения. Исключение составляют случаи, когда природные богатства подвергаются воздействию труда: извлечены из своего естественного состояния и присвоены человеком либо являются результатом искусственного разведения, выращивания и обособлены от природной среды.

Проблемы совершенствования норм об отдельных видах имущественных преступлений и практики их применения

По этому вопросу Пленум Верховного Суда РФ в п.п.11 и 18 постановления №14 от 5 ноября 1998 г. «О практике применения судами законодательства об ответственности за экологические правонарушения»¹ разъяснил, что завладение деревьями, которые срублены и приготовлены к складированию, сбыту или вывозу другими лицами, а равно незаконный вылов рыбы, добыча водных животных, выращиваемых различными предприятиями и организациями в специально устроенных или приспособленных водоемах, либо завладение рыбой, водными животными, отловленными этими организациями, или находящимися в питомниках, в вольерах дикими животными, птицей, следует квалифицировать как хищение чужого имущества. Таким образом, именно на основании экономического признака предмета преступного посягательства, заключающегося в стоимости как овеществленном в товаре (вещи) труда производителя, хищение отграничивается от экологических преступлений.

Меновая стоимость (в основе образования которой лежит множество факторов) выступает экономическим обоснованием такого критерия классификации вещей, как их оборотоспособность, то есть способность вещей быть объектом гражданского оборота. Под последним понимается совокупность сделок и иных юридических фактов, порождающих гражданско-правовые отношения, в силу которых осуществляется переход имущества от одного лица к другому. Исходя из оборотоспособности и с учетом положений ст.129 ГК РФ вещи подразделяются на (1) не ограниченные в обороте (свободно отчуждаемые и приобретаемые), (2) ограниченные в обороте (например, оружие и боевые припасы, наркотические средства и психотропные вещества) и (3) изъятые из оборота (в частности, имущество, составляющее исключительную собственность государства, паспорт и другие важные личные документы, печати, штампы, поддельные денежные знаки). При решении вопроса о возможности конкретных вещей быть объектом гражданского оборота необходимо руководствоваться законодательством, регулирующим имущественные отношения. Если последнее признает определенные категории вещей объектами исключительно государственной собственности, а равно запрещает сделки с ними, то, по общему правилу, такие вещи исключены из оборота. Если действующее законодательство признает определенные вещи объектом различных форм собственности и допускает возможность совершения с ними сделок, то оборот последних считается свободным.

Например, согласно ч.1 ст.12 Закона РФ от 21 февраля 1992 г. «О недрах»², недра в границах территории Российской Федерации, включая подземное пространство и содержащиеся в недрах полезные ископаемые, энер-

¹ См.: Сборник постановлений Пленумов Верховного Суда Российской Федерации (СССР, РСФСР) по уголовным делам. С.274-281.

² См.: Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. №16. Ст.834; Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. №10. Ст.823; 1999. №7. Ст.879; 2000. №2. Ст.141.

гетические и иные ресурсы, являюся государственной собственностью. Участки недр не могут быть предметом купли, продажи, дарения, наследования, вклада, залога или отчуждаться в иной форме. Такой подход законодателя свидетельствует о том, что указанные объекты исключены из гражданского оборота. Между тем в ч.2 этой же статьи названного Закона устанавливается, что добытые из недр полезные ископаемые и иные ресурсы по условиям лицензии могут находиться в федеральной государственной собственности, собственности субъектов Российской Федерации, муниципальной, частной и в иных формах собственности. В таком случае указанные объекты относятся к числу свободно отчуждаемых и приобретаемых.

Должна ли приниматься во внимание оборотоспособность вещей в уголовном праве при квалификации хищений? Иными словами, допустимо ли признавать предметом хищения вещи, ограниченные в обороте и изъятые из оборота? В отечественной науке уголовного права этот вопрос не получил однозначного решения. Так, в досоветской теории считалось, что с экономической стороны имущество, составляющее предмет хищения, должно быть возможным объектом гражданского оборота¹. В советском уголовном праве такой подход абсолютным большинством ученых-юристов отрицался².

В современной теории уголовного права этот вопрос решается по-разному. По мнению одних авторов, предметом хищения являются вещи независимо от своей оборотоспособности. Ю.И.Ляпунов пишет: «Предметом хищения может быть имущество, как находящееся в свободном гражданском обороте, так и частично или полностью изъятое из него на основании предписаний закона»³. Г.Н.Борзенков считает, что «предметом хищения может быть и имущество, изъятое из гражданского оборота»⁴. По мнению дру-

¹ См.: Фойницкий И.Я. Курс уголовного права: Часть Особенная. Посягательства личные и имущественные. С.171.

² А.А.Пионтковский писал, что ряд буржуазных криминалистов считают необходимым, чтобы предмет хищения обладал рыночной ценностью. С этой точки зрения не могут быть предметом хищения вещи, изъятые из гражданского оборота. По его мнению, этот признак предмета хищения выделяется буржуазными юристами потому, что в буржуазном обществе все экономические блага могут быть объектом гражданского оборота и, следовательно, имеют рыночную стоимость. В условиях советского строя, как писал этот ученый-юрист, ряд хозяйственных благ находятся в руках государства и поэтому ни фактически, ни юридически не могут быть объектом гражданского оборота. Поэтому и требование, чтобы предмет хищения имел определенную рыночную ценность, является излишним для советского права (см.: Пионтковский А.А. Советское уголовное право: Особенная часть. Т.2. С.102). Аналогичного подхода по данному вопросу придерживался и Г.А.Кригер. Он писал, «В советской юридической литературе высказывались предложения, согласно которым похищенное имущество должно иметь не просто денежную оценку, а товарный характер, находиться в обращении, быть способным переходить от одного собственника к другому, т.е. быть личной собственностью. Нельзя согласиться с такой постановкой вопроса. Признаки предметом хищения социалистической собственности лишь такого имущества, которое может быть личной собственностью, может повести к необоснованному сужению понятия имущества как предмета хищения» (см.: Кригер Г.А. Указ. соч. С.56-57).

³ Уголовное право: Особенная часть: Учебник / Под ред. Н.И.Ветрова и Ю.И.Ляпунова. С.217.

⁴ Уголовное право Российской Федерации: Особенная часть: Учебник / Под ред. Г.Н.Борзенкова и В.С.Комиссарова. С.181.

Проблемы совершенствования норм об отдельных видах имущественных преступлений и практики их применения

гих исследователей, предметом хищения и иных имущественных преступлений является вещь, включенная в товарно-денежный оборот или способная быть объектом оборота. Например, А.Н. Игнатов замечает: «Предметом преступлений против собственности может быть только имущество, находящееся в обороте, владение которым не требует специального разрешения»¹. В.П.Ревин полагает, что предметом имущественных посягательств является «любое имущество, не исключенное из общегражданского оборота»².

Какой из указанных подходов возобладает в будущем, покажет время. Вместе с тем, в связи с переходом России к рыночной экономике есть основание ставить вопрос об уточнении содержания экономического признака предмета хищения. Как уже говорилось выше, при рынке трудозатраты не являются единственным фактором образования стоимости вещи. Здесь и природные ресурсы могут получать стоимостное выражение, будучи объектами различных форм собственности. Следовательно, в условиях рынка деление вещей на природные богатства и продукты труда в ряде случаев утрачивает свое прежнее значение. Отсюда, и затраты труда перестают выступать в роли основного критерия разграничения имущественных и экологических правонарушений. В условиях действия множества стоимостиобразующих факторов этот критерий более не имеет той первостепенной важности, какое ему придавалось в советском уголовном праве. Он становится дополнительным критерием, а основным выступает оборотоспособность вещей.

Изъятые из оборота или ограниченные в обороте вещи, по общему правилу, не могут являться предметом хищения как имущественного преступления. Почему? В условиях рыночной экономики стоимость вещи, как правило, связана с оборотоспособностью. Это означает, что предметом хищения может быть вещь, которая является объектом гражданского оборота. Вещи, не являющиеся объектом гражданского оборота и не способные участвовать в товарно-денежном обращении, лишены стоимостного выражения. В таком случае вещей невозможно или очень сложно установить стоимость похищенной вещи. Это означает, что нельзя с достаточной точностью определить размер ущерба, причиненного собственнику или иному владельцу, а следовательно, и правильно квалифицировать содеянное.

Похитить можно практически лишь те вещи, которыми имущественный порядок позволяет владеть, пользоваться и распоряжаться своей властью и в своем интересе: продавать, дарить, обменивать, закладывать, уступать или отчуждать в иной форме. Другими словами, вещи, в том числе и природные объекты, могут быть предметом хищения в той мере, в какой их гражданский оборот допускается действующим законодательством.

¹ Уголовное право России: Учебник: В 2-х т. Т.2: Особенная часть / Под ред. А.Н.Игнатова и Ю.А.Красикова. С.181.

² Миньковский Г.М., Магомедов А.А., Ревин В.П. Уголовное право России: Учебник: Общая и Особенная части. С.234.

Как замечает В.Мальцев, передача из общегосударственного достояния участков земли в частную собственность влечет за собой включение таких объектов в товарно-денежный оборот, предполагающий их финансовую оценку вне зависимости от степени освоения. Исходя из этого, предметами хищения, по мнению этого автора, надо считать вещи, которые образуют инфраструктуру земельного участка: поверхностный (почвенный) слой, лес, растения, а также полезные ископаемые на частных земельных участках и на месторождениях, которые приобретены¹. Аналогичную точку зрения высказывает и Б.В.Волженкин. Он пишет: «Право собственности на земельный участок распространяется на находящиеся в границах этого участка поверхностный (почвенный) слой и замкнутые водоемы, находящиеся на нем лес и растения. Представляется поэтому, что незаконные с корыстной целью для обращения в пользу виновного или других лиц выкапывание или порубка находящихся на таком участке кустарников и деревьев являются преступлениями против собственности»².

Если природные ресурсы в их естественном состоянии включены в оборот, становятся объектом различных форм собственности и по поводу них можно заключать различного рода сделки, они могут признаваться предметом хищения. Исключение составляют те природные богатства (земельные участки, участки недр, обособленные водные объекты), которые, согласно гражданскому законодательству, отнесены к недвижимому имуществу (ст.130 ГК РФ). Как замечено ранее, недвижимость не является предметом хищения. Природные ресурсы, оборот которых запрещен и которые являются исключительно объектом государственной собственности, не могут признаваться предметом имущественных преступлений. Содеянное по поводу таких предметов может квалифицироваться, например, как экологическое преступление (ст.ст.253, 256, 258, 260 УК) или как преступление в сфере экономической деятельности (ст.171, 192 УК).

Если физический признак предмета хищения — это видимое свойство вещи, то экономический признак — это внутреннее свойство вещи, непосредственно невидимое. Вопрос об определении стоимости вещи необходимо решать исходя из ее внешнего выражения. В экономической теории внешним выражением стоимости товара признается *цена*. Отсюда, предметом хищения является такая вещь, стоимость которой внешне выражена в цене или поддается оценке. Как писал И.Я.Фойницкий, «только те вещи, которые имеют цену, могут быть похищаемы»³. Этого положения придерживается и современная доктрина. Так, Ю.И.Ляпунов утверждает: «Объекты материального мира, лишенные указанных социально-экономических свойств (стоимости, цены) ни при каких условиях не могут быть предметом

¹ См.: Мальцев В. Понятие хищения // Росс. юстиция. 1995. №4. С.35-36.

² Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Ростов н/Д. С.353.

³ Фойницкий И.Я. Курс уголовного права: Часть Особенная. Посягательства личные и имущественные. С.171.

Проблемы совершенствования норм об отдельных видах имущественных преступлений и практики их применения

хищения чужого имущества»¹. Установление денежной стоимости имущества, ставшего предметом хищения, является важным условием правильной квалификации содеянного. Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ направила на дополнительное расследование дело Скромнова в связи с необходимостью установления стоимости предмета кражи (икона «Святая Елена») и рекомендовала надлежащим образом выяснить размер похищенного в рублях².

Следовательно, не являются предметом хищения ничтожные вещи, то есть вещи, не имеющие цены и не поддающиеся оценке. Обычно это такие вещи, которые не представляют объективной ценности.

От ничтожных вещей следует все же отличать отходы производства и потребления. Согласно ст.1 Федерального закона от 24 июня 1998 г. «Об отходах производства и потребления»³ под таковыми понимаются остатки сырья, материалов, полуфабрикатов, иных изделий или продуктов, которые образовались в процессе производства или потребления, а также товары (продукция), утратившие свои потребительские свойства. Очевидно, что некоторые из указанных предметов не имеют цены и на этом основании не могут признаваться предметом хищения. Между тем право собственности на отходы принадлежит собственнику сырья, материалов, полуфабрикатов, иных изделий или продуктов, а также товаров (продукции), в результате использования которых эти отходы образовались. Это особо оговаривается в п.1 ст.4 указанного Закона. При этом, как установлено в п.2 ст.4 ФЗ «Об отходах производства и потребления», право собственности на отходы может быть приобретено другим лицом на основании договора купли-продажи, мены, дарения или иной сделки об отчуждении отходов. С учетом положений названного Закона необходимо признать, что отходы могут быть предметом хищения при условии, если они имеют или могут получить денежную оценку.

Хищение — противоправное деяние, которое не только совершается в сфере экономических отношений, но и посягает на право собственности. Поэтому предмет хищения наряду с двумя вышеназванными признаками (физическим и экономическим) должен обладать юридическим признаком. Содержание юридического признака предмета хищения заключается в том, что предметом хищения признается *чужое* имущество. Это подчеркивается в статьях 158-162 УК. Юридический признак предмета хищения отражает сложившиеся отношения между людьми по поводу вещей. В зависимости от принадлежности участникам имущественных отношений вещи подразделяются на ничьи, свои и чужие.

В юридико-техническом смысле понятие «чужое» имущество указывает на два правовых свойства, характеризующих такое имущество. Во-пер-

¹ Уголовное право: Особенная часть: Учебник / Под ред. Н.И.Ветрова и Ю.И.Ляпунова. С.213. См.: Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1999. №5. С.15-16.

² Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. №26. Ст.3009.

вых, это понятие указывает на *факт владения* имуществом каким-либо лицом. В этой связи чужой является вещь, которой кто-либо владеет, которая включена в сферу социальных отношений и не является ничьей. В соответствии с действующим УК вещь как возможный предмет хищения может являться объектом чужого по отношению к преступнику владения (принадлежать другому лицу) либо быть в законном владении виновного (выступать в качестве вверенного имущества при совершении присвоения или растраты). Во-вторых, понятие «чужое» имущество указывает на то обстоятельство, что вещь не находится в собственности виновного. В этом смысле чужой признается вещь, которая не является своей для преступника, не принадлежит ему на праве собственности.

Эти свойства предмета хищения в своей совокупности и характеризуют содержание юридического признака предмета данного посяательства.

Как уже было указано, понятие чужого имущества раскрывается в п.1 постановления №5 Пленума Верховного Суда РФ от 25 апреля 1995 г. «О некоторых вопросах применения судами законодательства об ответственности за преступления против собственности». Под чужим Пленум понимает имущество, не находящееся в собственности или законном владении виновного. Однако такую трактовку этого понятия нельзя признать совершенной. Так, при определении чужого имущества Пленум не принимает во внимание существование ничьих вещей. Кроме того, рассматриваемое определение в известной части не согласуется с положениями УК о присвоении и растрате, которые предполагают случаи нахождения чужого имущества в законном владении виновного лица, не являющегося его собственником. В этой связи представляется, что вверенное имущество все же является чужим для лица, в правомерном владении которого оно находится.

При трактовке понятия чужого имущества необходимо учитывать указанные правовые свойства в их совокупности: и владение имуществом другим лицом или самим виновным (коль скоро законодатель относит присвоение и растрату к формам хищения), и отсутствие права собственности на это имущество у субъекта имущественного преступления.

Подытоживая вышеизложенное можно следующим образом определить понятие чужого имущества: под чужим *следует понимать имущество, которое является объектом чужого владения и на которое виновный не имеет права собственности*. Чужим следует признавать также вверенное лицу имущество, а также имущество, к которому это лицо имеет доступ в связи с порученной работой, выполнением служебных обязанностей или в силу иных оснований.

Важным по делам о хищениях представляется установление факта владения имуществом, ставшим предметом посяательства. Предметом хищения является имущество, которое в момент совершения этого преступления имеет владельца. В этом смысле юридический признак предмета хищения отражает устойчивую связь имущества с конкретным лицом — его владель-

Проблемы совершенствования норм об отдельных видах имущественных преступлений и практики их применения

цем. Отсюда, не признаются предметом хищения вещи, которые не составляют владения какого-либо лица. В данном случае речь идет о вещах, которые в момент завладения ими не поступили в чье-либо владение либо уже выбыли из него. Прав А.А. Пинаев, когда утверждает, что обращение в свою пользу имущества, уже выбывшего из фондов собственника (владельца) либо еще не поступившего в них, не образует хищения¹.

В свете вышеизложенного *не являются предметом хищения ничьи вещи*, то есть вещи, не имеющие собственника и не поступившие в чье-либо владение.

На этом же основании нельзя признавать предметом хищения вещи, которые выбыли из владения. На последней категории вещей следует остановиться подробнее.

Так, *не может составлять предмета хищения брошенная вещь*. Согласно п.1 ст.226 ГК РФ под брошенными вещами понимаются движимые вещи, брошенные собственником или иным образом оставленные им с целью отказа от права собственности на них. В соответствии с п.1 ст.235 ГК РФ, право собственности прекращается при отказе собственника от права собственности на свое имущество.

Брошенную вещь необходимо отличать от вещи *оставленной*. Под последней понимается вещь, которую собственник (владелец) преднамеренно, как правило, временно оставил в известном ему месте: собранный и оставленный в поле урожай; снопы на поле; припаркованный автомобиль; вещи, оставленные без присмотра в специальных местах (в помещении, жилище, хранилище, на вокзале, в аэропорту и пр.). Вещи, оставленные без присмотра, считаются находящимися во владении лиц, которым они принадлежат, и на этом основании признаются предметом хищения. Как писал Г.Е. Колоколов: «Здесь воля, желающая господства, не изменилась, фактическое же отношение лица к вещи лишь отдалено, но не прекращено. Большая или меньшая отдаленность вещи от ее владельца не погашает распорядительной власти хозяина вещи»².

В последние десятилетия получили широкое распространение случаи противоправного присвоения предметов и вещей, используемых при погребении³. Если незаконное изъятие имущества, находящегося на умершем человеке, оценивается современным уголовным правом как хищение чужого имущества⁴, то случаи изъятия вещей, используемых при захоронении умер-

¹ См.: Пинаев А.А. Уголовно-правовая борьба с хищениями. С.51

² Колоколов Г.Е. Указ. соч. С.201.

³ См., например: В Новосибирске разграбили могилу Татьяны Слежиной // Комсомольская правда. 1998. 15 сентября.

⁴ Так, в соответствии с п. 3 постановления Пленума Верховного Суда СССР «О рассмотрении судами дел, связанных с преступлениями, совершенными в условиях стихийного или иного общественного бедствия» от 23 декабря 1988 г., посягательства на имущество, имевшееся при раненых либо погибших гражданах, следует квалифицировать в зависимости от умысла и обстоятельств преступления как кражу, грабеж или разбой (см.: Сборник постановлений Пленумов Верховного Суда Российской Федерации (СССР, РСФСР) по уголовным делам. С.71-72).

ших, некоторыми исследователями предлагается квалифицировать как преступление против общественной нравственности. Б.В.Яцеленко пишет, что до момента захоронения умершего собственник имущества, находящегося на умершем либо при нем, определяется в соответствии с правом наследования, и потому это имущество может являться предметом преступлений против собственности. Однако после захоронения, когда родственники или иные наследники добровольно исключили оставленные при ушедшем вещи из состава своего имущества, посягательство на собственность невозможно, и похищение находящихся в могиле предметов необходимо квалифицировать по ст.244 УК как надругательство над телами умерших и местами их захоронения¹. С такой постановкой вопроса трудно согласиться.

Отношения, связанные с погребением умерших, регулируются Федеральным законом от 12 января 1996 г. «О погребении и похоронном деле»². В этом Законе ничего не говорится о прекращении права собственности на имущество, используемое при захоронении умершего. Между тем вещи и предметы, используемые при погребении (венки, гробы, урны, памятники, надгробия, оградки и др.), имеют не только субъективную значимость для родственников погребенного; они обладают нередко значительной стоимостью, что и делает их возможным предметом имущественного посягательства. Далее, нет никаких оснований признавать такие вещи брошенными; наоборот, предметы, связанные с погребением, скорее являются вещами оставленными и предназначенными для увековечивания памяти об умерших, улагодворения скорбных чувств родственников умерших при их посещении мест захоронения. Кроме того, УК 1996 г., в отличие от прежнего (ст.229 УК 1960 г.), не предусматривает уголовную ответственность за похищение находящихся в могиле или на могиле предметов. Это обстоятельство является еще одним аргументом в пользу признания хищением случаев незаконного изъятия в корыстных целях вещей, находящихся в местах погребения умерших. Отсутствие в уголовном законе специальной нормы предполагает квалификацию содеянного по общей норме УК. Наконец, уголовно-правовая оценка рассматриваемых случаев как надругательства над телами умерших и местами их захоронения (ст.244 УК) представляется неверной и по следующему основанию. Надругательство есть активная форма поведения, выражающаяся в кощунстве, осквернении, поругании, оскорблении и тому подобных действиях, совершаемых, как правило, по мотивам ненависти, мести, из хулиганских побуждений.

Предметом хищения не могут быть потерянные вещи. Под последними понимаются вещи, которые утрачены собственником (владельцем) помимо его воли (по вине или в силу случайных обстоятельств) и неизвестно для него где находящиеся. Согласно гражданскому праву потеря (утрата) вещи

¹ См.: Уголовное право России: Особенная часть: Учебник / Под ред. Рагова. С.113. См., также: Российское уголовное право: Особенная часть / Под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. С.142. Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. №3. Ст.146.

Проблемы совершенствования норм об отдельных видах имущественных преступлений и практики их применения

не является прекращением права собственности, но рассматривается как прекращение владения. Владение прекращается, когда теряется господство над вещью. Присвоение потерянной вещи по современному уголовному праву не признается хищением или иным имущественным преступлением.

Потерянную вещь необходимо отличать от вещи *забытой*. Забытой считается вещь, которую собственник (владелец) непреднамеренно (случайно) оставил в определенном месте, ему известном. Забытая вещь находится в месте, известном собственнику (владельцу), и он имеет возможность за ней вернуться или иным способом ее возвратить. На этом основании забытые вещи могут признаваться предметом хищения, если виновный сознавал, что собственник (владелец) вернется за этой вещью¹. Об этом могут свидетельствовать конкретные обстоятельства дела (место, где вещь забыта, истечение времени с момента оставления вещи, состояние вещи и др.). Указанного подхода придерживается и судебная практика. Так, незаконное присвоение машинистом электропоезда Ивлюшевым и его помощником Егоровым дамской сумочки и находящихся в ней денег и вещей, забытых потерпевшего в вагоне электропоезда, были квалифицированы судом как кража чужого имущества².

Клад не является предметом хищения. Согласно ст.233 ГК РФ под кладом понимаются зарытые в землю или сокрытые иным способом деньги или ценные предметы, собственник которых не может быть установлен либо в силу закона утратил на них право. По общему правилу, присвоение лицом найденного клада не образует состава хищения или иного имущественного преступления³. Это правило не применяется к лицам, в круг трудовых или служебных обязанностей которых входит проведение раскопок и поиска, направленных на обнаружение клада. Равным образом, незаконное присвоение найденного другим лицом клада должно квалифицироваться как хищение или иное имущественное преступление.

Немаловажным является выяснение в необходимых случаях обстоятельств, свидетельствующих об отсутствии права собственности у виновного на имущество, ставшее предметом преступного посягательства.

Имущественные отношения динамичны. Они возникают, изменяются и прекращаются. Циркуляция вещей в гражданском обороте, которая в условиях рыночной экономики резко возрастает, означает и смену их владельцев. А это влечет прекращение права собственности у одних лиц и возникновение этого права у других лиц. В этой связи при уголовно-правовой оценке содеянного необходимо исходить из норм гражданского права об ос-

¹ См.: Российское уголовное право: Особенная часть / Под ред. В.Н.Кудрявцева, А.В.Паумова. С.141-142.

² См.: Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1984. №10. С.3-4.

³ По этому вопросу высказано и иное мнение. Так, З.А. Незнамова полагает, что присвоение клада, содержащего вещи, относящиеся к памятникам истории и культуры, следует считать хищением государственного имущества и квалифицировать по ст.164 УК (см.: Уголовное право: Особенная часть: Учебник / Отв. ред. И.Я.Козаченко, З.А.Незнамова, Г.П.Новоселов. С.199).

нованиях возникновения и прекращения права собственности (главы 14 и 15 ГК РФ). Содеянное может признаваться хищением, когда в момент его совершения виновному *еще* не принадлежит право собственности на имущество, ставшее предметом посягательства (то есть у виновного отсутствуют основания возникновения права собственности на изъятое имущество), либо виновный *уже* не является собственником этого имущества (то есть имеют место основания прекращения права собственности).

Как известно, собственное имущество может находиться на законных или незаконных основаниях в чужом владении. Следует ли признавать хищением изъятие своего имущества из чужого владения? Исходя из ст.209 ГК РФ передача другому лицу права владения, пользования или распоряжения имуществом, передача своего имущества в доверительное управление другому лицу, передача имущества в залог и обременение его другими способами не влечет за собой перехода права собственности на переданное имущество. Такое имущество остается собственностью лица, его передавшего, если, конечно же, не имело места отчуждение имущества. Изъятие или истребование собственником своего имущества из чужого владения не образует состава хищения или иного имущественного преступления по действующему УК.

Квалификация случаев незаконного распоряжения имуществом хозяйственного общества его учредителями (участниками) зависит от характера имущественных отношений между соответствующей организацией и ее членами. Согласно п.3 ст.213 ГК РФ коммерческие и некоммерческие организации (кроме государственных и муниципальных предприятий), а также учреждений, финансируемых собственником) являются собственниками имущества, переданного им в качестве вкладов (взносов) их учредителями (участниками, членами), а также имущества, приобретенного этими юридическими лицами по иным основаниям. Как видно, учредители (участники) организации утрачивают право собственности на имущество, переданное ими в собственность этой организации. Никакой общей собственности учредителей (участников) на имущество юридического лица в этом случае не возникает. Поэтому незаконное изъятие и обращение виновным в свою пользу имущества организации, акционером, участником, пайщиком или учредителем которой он состоит, рассматривается как хищение при наличии всех других признаков этого преступления¹.

С другой стороны, в соответствии с п.2 ст.209 ГК РФ, собственник вправе не только отчуждать свое имущество в собственность другим лицам, но и передавать им, оставаясь собственником, права владения, пользования и распоряжения имуществом. Такое имущество принадлежит на праве собственности лицу, его передавшему. Поэтому распоряжение указанным имуществом лицом, его передавшим, не может признаваться хищением.

¹ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Ростов н/Д, 1996. С.355-356.

Проблемы совершенствования норм об отдельных видах имущественных преступлений и практики их применения

В судебной практике не всегда принимается во внимание особый характер имущественных отношений, складывающихся между участниками коммерческих и иных организаций. Так, насильственное изъятие руководителем фирмы Унжаковым автомобиля у Краснова, который внес указанное транспортное средство в качестве пая в имущество фирмы, были квалифицированы Центральным районным судом г. Калининграда как разбой. Президиумом Калининградского областного суда приговор в части осуждения Унжакова за разбой отменен. При этом было указано, что с выводом районного суда об отсутствии у Унжакова законных или предполагаемых прав на автомобиль согласиться нельзя. Унжаков имел право забрать автомобиль со стоянки, поскольку машина являлась общим имуществом фирмы, которой он руководил. Наличие такого права также подтверждается имеющимися у Унжакова документами, в частности, доверенностью на право управления автомобилем¹.

Таким образом, *свое, собственное имущество не может быть предметом хищения*. В таких случаях не нарушается право собственности.

Хищение — умышленное преступление. Поэтому виновный должен осознавать каждый объективный признак состава этого посягательства. Лицо может добросовестно заблуждаться по поводу принадлежности изымаемого имущества, считая его своим. Отсюда, *оспариваемое (спорное) имущество не может быть предметом хищения*. Однако вышеуказанные действия могут содержать состав иного правонарушения, например, самоуправства (ст.330). Кроме того, современное уголовное право предусматривает ответственность за незаконные действия с собственным имуществом в тех случаях, когда право собственности на это имущество ограничено по закону или иным основаниям: неправомерные действия при банкротстве (ст.195), незаконные действия в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту либо подлежащего конфискации (ст.312).

В отечественной науке уголовного права высказана точка зрения, что предмет хищения наряду с физическим, экономическим и юридическим признаками обладает еще и признаком социальным. Так, по мнению А.А.Пинаева, предметом хищения являются только те объекты материального мира, которые обладают социальным признаком, то есть в производство или в извлечение из естественного (природного) состояния которых вложен труд человека, включающий эти предметы в процесс производства и придающий им значение товарных ценностей². Полагаю, что специальное указание на социальный признак предмета хищения, понимаемый как вложение в вещь труда человека, является излишним. По существу такое содержание социального признака предмета хищения полностью охватывает-

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2001. №2. С.19-20.

² См.: Пинаев А.А. Уголовно-правовая борьба с хищениями. С.49; Он же. Проблемы дальнейшего совершенствования советского уголовного законодательства об ответственности за хищения. С.12-13.

ся содержанием его экономического признака — наличия стоимости у вещи. А.А.Пинаев определял экономический признак предмета хищения как «определенную экономическую значимость»¹. Между тем «экономическая значимость» есть стоимость, внешне выраженная в цене вещи, и характеризует содержание экономического, а не какого-либо иного признака предмета хищения.

Как было сказано ранее, недвижимость не может признаваться предметом хищения. Вот что по этому поводу писал Л.Белогриц-Котляревский: «Тайное хищение недвижимой вещи бессмыслица в самом своем внутреннем содержании»². Предмет хищения — это всегда движимое имущество. Указание на этот признак предмета хищения в уголовном законе, как это предлагает сделать В.В.Векленко³, представляется излишним. Полагаю, что достаточно доктринального указания на такой признак предмета хищения. На практике категории «движимое имущество» и «недвижимость» не всегда поддаются четкому разграничению. Определяемые гражданским правом предметы как недвижимое имущество в ряде случаев могут быть «подвижны» и перемещены без несоразмерного ущерба их назначению. Гражданское право не испытывает потребности в том, чтобы деление вещей на движимые и недвижимые непременно совпадало с физической неподвижностью или подвижностью имущества. И вещи, движимые по своей природе, могут быть отнесены гражданским законодательством (и, как известно, нередко относятся им) к недвижимости. На это обстоятельство было обращено внимание еще в досоветской доктрине. Д.Тальберг писал: «Понятие движимого имущества в уголовном праве значительно шире того, какое существует в гражданском праве, и определяется исключительно физической способностью вещи к переносу с места на место»⁴. Следовательно, признание предметом хищения только движимых вещей в строго правовом смысле слова может привести к необоснованному сужению понятия хищения.

Согласно примечанию 1 к ст.158 УК объективная сторона хищения характеризуется противоправными безвозмездным изъятием и (или) обращением чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинивших ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества. Как видно, объективная сторона указанного преступления относится к числу сложноструктурированных. Особое внимание обращает на себя содержание деяния

¹ См.: Пинаев А.А. Уголовно-правовая борьба с хищениями. С.40; Он же. Проблемы дальнейшего совершенствования советского уголовного законодательства об ответственности за хищения. С.11.

² Белогриц-Котляревский Л. О воровстве-краже по русскому уголовному праву. С.23.

³ См.: Векленко В.В. Указ. соч. С.249.

⁴ Тальберг Д. Указ. соч. С.196. Также по мнению Л.Белогриц-Котляревского, «движимой вещью в уголовном праве называется вещь, или движимая по самой своей природе, или сделавшаяся таковой ради целей похищения. Отсюда следует, что понятие гражданского права о движимом имуществе не совпадает с тем же понятием права уголовного» (Белогриц-Котляревский Л. О воровстве-краже по русскому уголовному праву. С.281).

при хищении. Последнее состоит из двух элементов: безвозмездного изъятия и обращения чужого имущества в пользу виновного или других лиц.

Безвозмездность — обязательный признак объективной стороны хищения, который характеризует изъятие чужого имущества и означает, что виновный завладевает чужим имуществом бесплатно, задаром. Следует различать три варианта безвозмездного получения чужого имущества, выделение которых основано на расширительном толковании соответствующего признака: (1) без возмещения его стоимостного эквивалента (в частности, без предоставления взамен определенной суммы денег или иного имущества, без выполнения работ или оказания услуг); (2) с символическим возмещением (например, замена ценного имущества на ничтожную вещь); (3) с частичным (неадекватным) возмещением при отсутствии у виновного намерения осуществить такое возмещение в полном объеме в будущем (незаконное получение имущества «по заниженным ценам»).

Об отсутствии признака безвозмездности можно говорить лишь при наличии двух взаимосвязанных условий: соответствующий эквивалент предоставляется одновременно с изъятием чужого имущества и является полным.

Завладение чужим имуществом с нарушением установленного порядка, но с полным возмещением его стоимости, не составляет хищения. Возмещение виновным имущественного ущерба или возвращение имущества после того, как хищение было окончено, не исключает ответственности, но может служить основанием для смягчения наказания.

В теории и практике применительно к хищениям традиционно дается расширительная трактовка признака безвозмездности. В силу этого обстоятельства вопрос о безвозмездности как обязательном признаке хищения приобрел дискуссионный характер. По мнению некоторых исследователей, противоречащее действующему законодательству расширительное толкование безвозмездности должно быть воспринято законодателем, которому предлагается в этой связи исключить признак безвозмездности из законодательного определения понятия хищения¹.

Важно подчеркнуть, что постановка и решение вопроса об исключении признака безвозмездности не может обосновываться расширительным толкованием этого признака хищения. Само по себе толкование независимо от своих видов основано на законе и не имеет задачей изменение его.

Основанием исключения признака безвозмездности из законодательного определения понятия хищения не могут быть и ссылки на возможность случаев противоправного возмездного приобретения имущества. Закон «робеет» перед случайностью в том смысле, что он не способен в силу ряда объективных причин предусмотреть множество всевозможных ситуаций, возникающих в действительности. Одна из таких причин состоит в том, что закон регулирует не случайные, а типичные отношения и преду-

¹ См.: Склиаров С.В. Указ. соч. С.66-67; Милюков С.Ф. Указ. соч. С.231-232.

преждает общественно опасное поведение, которое получило известную распространенность в обществе¹.

Давно установлено, что решение вопроса о безвозмездности связано с проблемой корыстной цели и относится к одному из наиболее дискуссионных в общем учении о хищении. Как свидетельствует история немецкого уголовного права, во второй половине XIX века в германском законодательстве положение о корыстном намерении при хищении было заменено требованием установления цели противоправного присвоения. Именно в связи с указанными новеллами в уголовном праве возник вопрос: является ли воровство преступлением с целью обогащения (то есть безвозмездным противоправным деянием), или же оно должно рассматриваться исключительно как нарушение собственности? По мнению Ф. Листа, воровство не является преступлением, направленным на обогащение. Поэтому тот факт, что виновный оставил вместо похищенной вещи стоимость ее, не исключает понятия воровства. Согласно взглядам других немецких ученых понятие воровства должно быть ограничено случаями, когда последнее направлено на увеличение имущества виновного². В досоветском уголовном праве России господствующим было следующее мнение: «Похищение предполагает получение виновным безвозмездной прибыли из имущества потерпевшего; этот признак, равным образом, должен найти себе выражение в цели, руководившей деятельностью виновного»³. Это обстоятельство обосновывалось тем, что в случае предоставления потерпевшему одновременно с противоправным приобретением имущества его полного стоимостного эквивалента

¹ Например, С. Ф. Милоков пишет: «В условиях обостряющегося дефицита продовольствия, горюче-смазочных материалов, предметов первой необходимости (особенно в ситуациях стихийного бедствия, техногенных аварий, крупномасштабных террористических акций и военных действий) вполне возможны случаи изъятия названных ресурсов даже с полным возмещением стоимости изъятых, но не в натуральном, а в денежном выражении» (Милоков С. Ф. Указ. соч. С. 232). Споры нет, не каждому факту можно легко дать юридическую оценку, не всякий общественно опасный случай можно свободно подвести под действие той или иной нормы уголовного закона. Время, место, обстановка, иные условия нередко влияют на характер деяния. Также представляется очевидным, что те или иные признаки преступления в действительности несколько меняют свое содержание. Равно и признак безвозмездности может получать различное проявление в неодинаковых условиях. Как быть в таких случаях? Видится несколько вариантов. Один из них — расширительное толкование соответствующего признака хищения, другой — квалификация содеянного, при наличии к тому оснований, но смежным с хищением составом преступлений, третий — признание содеянного проступком, наконец — констатация отсутствия состава правонарушения. Например, в условиях чрезвычайного положения или в период военного положения суд, как представляется, может усмотреть безвозмездность в случае неправомерного и изъятия имущества в натуральной форме с его полным возмещением в денежной форме. Такое решение возможно, если на соответствующей территории введены временные ограничения на осуществление экономической и финансовой деятельности, оборот имущества, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, установлен порядок нормированного снабжения населения продовольственными и непродовольственными товарами, в результате чего деньги утратили свою функцию меры стоимости.

² См.: фон-Лист Ф. Указ. соч. С. 143.

³ См.: Фойницкий И. Я. Курс уголовного права: Часть Особенная. Посягательства личные и имущественные. С. 185.

Проблемы совершенствования норм об отдельных видах имущественных преступлений и практики их применения

исключается уменьшение экономической сферы потерпевшего, а само деяние выглядит в виде самовольного обмена. В отечественной науке уголовного права советского периода подробное исследование вопроса о безвозмездности было проведено А.А.Жижиленко. Согласно взглядам последнего предоставление эквивалента в процессе хищения не меняет характера данного преступления как посягательства на чужое имущество, и безвозмездность приобретения вещи не является, таким образом, необходимым признаком указанных преступлений. Обосновывая свою точку зрения, А.А.Жижиленко писал: «Существенным элементом рассматриваемых преступлений является уменьшение сферы имущественного обладания именно, как юридической, а не экономической сферы, и то обстоятельство, что потерпевший в экономическом смысле ничего не потерял от данного посягательства на имущество, не отнимает у него характера преступного посягательства; ... раз данная вещь приобретена виновным противозаконным путем, преступление будет налично, независимо от того, обогатился ли он при этом или нет». Обратим внимание и на следующее замечание А.А.Жижиленко: если закон в определении состава хищения вводит указание на корыстную цель, исключается возможность говорить о преступности возмездного приобретения имущества¹.

Исследуемый вопрос о безвозмездности напрямую связан не только с признанием или отрицанием корыстной цели у хищения, но и с определением содержания предмета имущественных преступлений. Как известно, в качестве последнего выступает то или иное экономическое благо, имеющее стоимостное выражение. В современной науке уголовного права высказывается мысль о необходимости признания предметом хищений и иных имущественных посягательств вещей независимо от их экономической ценности². Такой подход представляется не вполне обоснованным. Во-первых, личные, общественные и государственные интересы в отношении предметов, не имеющих экономической ценности, защищены в действующем УК посредством самых разных норм, в том числе и о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина. Во-вторых, такое решение нарушает системную логику права. Согласно гражданскому законодательству регулируемые им имущественные отношения носят стоимостной характер (ст.ст.213, 220, 240-242, 306 ГК РФ). Современное гражданское право знает случаи и безвозмездного проявления последних, но только в виде исключения (например, конфискация имущества, договор дарения). Это общее положение, нашедшее отражение в гражданском праве, не может игнорироваться уголовным правом, когда речь идет о хищениях и других имущественных преступлениях. Кроме того, следует еще раз указать, что посредством именно стоимостных критериев законодатель обозначает

¹ См.: Жижиленко А.А. Указ. соч. С.39-40.

² См.: Клепицкий И.А. Имущественные преступления (сравнительно-правовой аспект) // Законодательство. 2000. №1-2.

границы между преступным и непроступным поведением в имущественной сфере, формулирует отдельные квалифицированные и особо квалифицированные составы имущественных преступлений. При этом анализ судебной практики не без оснований позволяет утверждать, что у последней не вызывает каких-либо возражений «стоимостной» подход в уголовном законе, более того, судебная практика «тяготеет к максимальной определенности в вопросах, касающихся стоимостной оценки деяний»¹.

К числу спорных также относится вопрос об определении величины имущественного ущерба в связи с частичным возмещением противоправно полученной имущественной выгоды. Пленумом Верховного Суда СССР применительно к некоторым формам хищения этот вопрос решался так: изъятие имущества, вверенного виновному, путем замены его на менее ценное, совершенное с целью присвоения или обращения в пользу других лиц, должно квалифицироваться как хищение в размере стоимости изъятого имущества (п.2 постановления №4 Пленума Верховного Суда СССР от 11 июля 1972 г. «О судебной практике по делам о хищениях государственного и общественного имущества»).

В науке применительно к хищениям высказано мнение, что безвозмездность распространяется только на невозмещенную часть². Иными словами, размер хищения определяется той частью имущества, стоимость которой не была возмещена виновным лицом. Эта правильная точка зрения должна приниматься во внимание при квалификации хищения.

Под изъятием с юридической точки зрения понимается действие, заключающееся в завладении чужим имуществом, в результате совершения которого виновный получает реальную возможность владеть принадлежащей другому лицу вещью как своей собственной. Изъятие может заключаться в совершении одного акта — простое изъятие, а может быть сложным, слагающимся из нескольких актов по завладению чужим имуществом.

Сложное изъятие образует продолжаемое хищение. Последнее складывается из ряда тождественных действий, направленных на один и тот же объект уголовно-правовой охраны, имеющих общую цель незаконного завладения чужим имуществом, охватываемых единым умыслом виновного и составляющих в своей совокупности одно преступление. Указанного правила придерживается и судебная практика. Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР по делу Пасько определила, что вынос похищенного за два приема не может рассматриваться как повторное (неоднократное) хищение³. По другому уголовному делу судом было установлено, что хищения совершались Б. с апреля по 17 июля 1990 г., то есть в относительно небольшой период времени, с территории одного предприятия-

¹ См.: Мурзаков С.И. Стоимостные критерии преступности и наказуемости деяний, совершаемых в сфере экономики: Автореф. дис... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 1997. С.4, 19 и др.

² См.: Гаухман Л.Д., Максимов С.В. Указ. соч. С.35.

³ См.: Судебная практика к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. В.М.Лебедева. С.688-689.

Проблемы совершенствования норм об отдельных видах имущественных преступлений и практики их применения

тия, одним способом — вывоз материальных ценностей, с одной целью — строительство дачи. Исходя из указанных обстоятельств дела, Верховным Судом РСФСР было определено: если неоднократное безвозмездное изъятие чужого имущества складывается из ряда гождественных преступных действий, имеющих общую цель незаконного завладения этим имуществом, и охватывается единством умыслом, они составляют в своей совокупности одно продолжаемое хищение¹. Хищение чужого имущества, совершенное из одного источника и одним и тем же способом, не может квалифицироваться как продолжаемое преступление при отсутствии данных об едином умысле на изъятие конкретного имущества. Такое деяние в целом должно рассматриваться как хищение, совершенное неоднократно. Так, по делу Родинова было установлено, что подсудимый не имел цели хищения определенного количества чужого имущества (банок лососевой икры). После первой кражи из икорного цеха рыбокомбината несколько дней хищения не совершал, так как боялся, что кража будет обнаружена, затем через несколько дней стал вновь совершать кражи. При таких обстоятельствах содеянное не может расцениваться как продолжаемое хищение, а образует состав кражи, совершенной неоднократно².

В литературе высказано суждение, что изъятие — «это не всегда конкретные физические действия, связанные с воздействием на предмет хищения самим виновным. Оно может быть опосредовано поведением других лиц — соучастников либо тех, кто добросовестно заблуждался относительно правомерности передачи тех или иных предметов, вещей, ценностей. Такой «пассивный способ» совершения хищения может иметь место и при совершении кражи, вымогательства и др.»³. Как представляется, с такой постановкой вопроса согласиться нельзя. Изъятие есть исключительно активная форма поведения. С точки зрения русского языка, слово «изъятие» употребляется как действие, будучи производным от глагола «изъять», который в общепринятом понимании означает, с одной стороны, исключить из чего-нибудь, удалить из состава чего-нибудь, устранить, вынуть, с другой стороны, конфисковать, захватить, отнять, отобрать, взять насильно, против желания⁴.

Второй элемент деяния, выражающего объективную сторону хищения, — это обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц. Сам термин «обращение» в русском языке имеет несколько значений. Согласно одному из них, под обращением понимается какой-либо процесс об-

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1992. №4. С.4-5.

² См.: Судебная практика к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. В.М.Лебедева. С.718-719.

³ Векленко В.В. Указ. соч. С.83-84.

⁴ См.: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. С.238; Словарь синонимов русского языка / Под ред. Л.А.Чешко. Изд. 4-е. М.: Русский язык, 1975. С.181; Мальцев В. Указ. соч. С.36; Пинаев А.А. Уголовно-правовая борьба с хищениями. С.86.

мена, оборота, участие в употреблении или пользования чем-либо¹. В уголовном праве обращение применительно к хищениям есть такое действие (бездействие), в результате совершения которого у виновного или других лиц появляется реальная возможность пользоваться и распоряжаться чужой вещью как своей, причиняется ущерб собственнику или иному владельцу имущества, хищение получает свое логическое завершение.

Неразрывная связь права собственности с конкретной вещью дает основание утверждать, что противоправные безвозмездное изъятие чужого имущества и последующее распоряжение им (отчуждение, уничтожение, повреждение и др.) не образуют совокупности имущественных преступлений. К сожалению, это правило не всегда учитывается в судебной практике. Так, Левобережным районным судом г. Липецка действия Ларина и Стурова, выразившиеся в перепродаже потерпевшим похищенного у них же имущества за меньшую стоимость, были квалифицированы как мошенничество². Давлекановский районный суд Республики Башкортостан квалифицировал как разбой и мошенничество содеянное Ермолаевым и Барковым, совершенное при следующих обстоятельствах. Осужденные путем разбойного нападения завладели имуществом в крупном размере, в том числе автомашиной. Похищенную автомашину преступники затем сбывли по явно заниженной цене. Вывод о наличии в действиях Ермолаева и Баркова состава мошенничества суд мотивировал тем, что они заранее знали, что покупатель, заплатив деньги, собственником автомашины не станет³. Вышестоящие судебные инстанции обоснованно не усмотрели в содеянном составе мошенничества, отменив судебные решения в этой части.

И указанных случаях незаконным сделкам с имуществом, приобретенным преступным путем, предшествовало хищение. Последнее есть нарушение права собственности. Совершение виновным последующего действия в отношении имущества, приобретенного путем хищения, не представляется возможным рассматривать как другое самостоятельное посягательство на право собственности или иное имущественное право. Кроме того, хищение включает в себя не только противоправное изъятие, но и последующее фактическое пользование и распоряжение похищенным имуществом как своим. Поэтому действия, связанные с владением, использованием и распоряжением похищенным имуществом, охватываются хищением и дополнительной квалификации по другим статьям главы 21 УК не требуют⁴.

¹ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. С.428; Словарь синонимов русского языка. С.299.

² См.: Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2001. №4. С.15-16.

³ См.: Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2001. №7. С.16.

⁴ Указанное положение касается не только имущественных преступлений, но и в некоторых случаях смежных с ними преступных деяний. Так, Военной коллегией Верховного Суда РФ по делу Терехова было определено, что лицо, признанное виновным в хищении оружия, не несет дополнительной ответственности за утрату, уничтожение или повреждение этого оружия (см.: Судебная практика к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. В.М.Лебедева. С.759-760). Однако хищение огнестрельного оружия, его основных частей, боеприпасов, взрывчатых ве-

Проблемы совершенствования норм об отдельных видах имущественных преступлений и практики их применения

Исходя из буквального толкования уголовного закона, объективная сторона хищения может заключаться во взаимосвязанном и последовательном совершении двух указанных форм поведения — изъятии чужого имущества и обращении его в пользу виновного или других лиц. Об этом свидетельствует соединительный союз «и», который применяется законодателем при описании объективной стороны хищения.

Между тем УК допускает совершение хищения чужого имущества и без его изъятия, только путем обращения в пользу виновного или других лиц. На это указывает заключенный в скобки разделительный союз «или», используемый в законодательном определении объективной стороны хищения. Некоторые имущественные преступления, отнесенные действующим УК к формам хищения, могут совершаться без непосредственного изъятия чужого имущества. Во-первых, это присвоение и растрата (ст.160). Последние могут быть совершены без изъятия чужой вещи, так как характеризуются особым предметом — вверенным имуществом, находящимся на законных основаниях во владении виновного лица¹. Также и мошенничество, которое законодателем отнесено к одной из форм хищения, с объективной стороны не выражается в изъятии чужого имущества виновным. В судебной практике мошенничество толкуется как незаконное безвозмездное обращение с корыстной целью чужого имущества в свою пользу или пользу других лиц². Существенным признаком мошенничества является собственноручная передача имущества потерпевшим, введенным в заблуждение.

Однако не все исследователи согласны, что из УК вытекает возможность совершения хищения чужого имущества без его изъятия. Ю.И.Ляпунов, например, считает, что «изъятие» есть законодательный обобщенный термин, который не только наиболее точно отражает сам внешний процесс противоправного воздействия на имущество как предмет преступления, но и в определенной мере указывает на механизм причинения вреда объекту уголовно-правовой охраны. Этот автор рассматривает изъятие как обобщенный способ хищений, типичный для кражи, мошенничества, грабежа, разбоя и отличающийся особым проявлением при присвоении и растрате³.

Признание изъятия чужого имущества обязательным признаком хищения означает, что это преступление с объективной стороны характеризуется исключительно активной формой поведения, то есть может быть совершено только путем действия. Такой подход в принципе представляется правильным. Как пишет В.Н.Литовченко, «хищение может быть совершено

шесть или взрывных устройств и их последующие ношение, хранение или сбыт образуют реально совокупность преступлений, предусмотренных ст.ст.226 и 222 УК (п.17 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 12 марта 2002 г. «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств»).

¹ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Ростов н/Д, 1996. С.356.

² См.: Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2001. №7. С.16.

³ См.: Уголовное право: Особенная часть: Учебник / Под ред. Н.И.Ветрова и Ю.И.Ляпунова. С.218, 248.

только путем действия. Бездействием нельзя совершать этого вида преступления¹. Однако полная реализация указанного подхода требует внесения изменений в уголовное законодательство об ответственности за хищение чужого имущества.

Объективная сторона рассматриваемого преступления должна быть выражена в уголовном законе так, чтобы исключалась всякая возможность понимания хищения как пассивного преступного поведения. Расширительная трактовка хищения находится в противоречии с внутренней логикой права и дается без учета межотраслевого взаимодействия правовых норм. Гражданское право требует отличать нарушение права собственности, *соединенное с лишением владения*, от таких правонарушений, которые не связаны с лишением собственника владения вещью (ст.ст.301 и 304 ГК РФ). Уголовно-правовые нормы о хищениях суть запреты, то есть обязанности именно пассивного типа и по своей природе означающие юридическую недопустимость совершения действий, посягающих на *«неприкосновенность собственности»* — одного из основных начал гражданского права (п.1 ст.1 ГК РФ).

Объективную сторону хищения наиболее точно выражает такое понятие, как «изъятие чужого имущества»². Указание в уголовном законе на такую форму поведения, как «обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц», характеризующую объективную сторону хищения, представляется излишним. Если с помощью использования указанной конструкции законодатель уточняет момент окончания хищения, то такой прием явно дублирует положение уголовного закона о причинении хищением ущерба собственнику или иному владельцу. Что же касается имущественных преступлений, выражающихся в обращении чужого имущества в пользу виновного или других лиц при отсутствии признаков изъятия, то они, на наш взгляд, не могут рассматриваться в качестве хищений чужого имущества.

На этом основании присвоение и растрата должны пониматься как самостоятельные виды имущественных преступлений, не содержащих признаков хищения. В этой связи не лишним будет указать, что из уголовных кодексов России XX в. только два последних (УК 1960 г. и УК 1996 г.) отнесли присвоение и растрату к формам хищения³. Между тем, присвоение и

¹ Литовченко В.Н. Указ. соч. С.18.

² По данному вопросу В.А.Владимиров писал: «Определяющий признак похищения составляет изъятие похитителем имущества из чужого владения, где под изъятием разумеется противоправный захват имущества, выведение его из обладания владельца, осуществленное против и помимо его воли. Таким образом, всякое похищение предполагает перемещение или, точнее, перевод вещи из владения потерпевшего в незаконное обладание похитителя путем ее противоправного изъятия и захвата. Поэтому не может быть и речи о похищении там, где нет противоправного нарушения чужого владения вещью», то есть изъятия (см.: Владимирова В.А. Указ. соч. С.30-31).

³ Тем самым еще раз получая известное подтверждение тезису о том, что история повторяется. Как известно, присвоение и растрата вверенного имущества охватывались понятием воровства в средневековом уголовном праве. Получается, что аналогичный подход получил признание и в современном уголовном законодательстве России.

Проблемы совершенствования норм об отдельных видах имущественных преступлений и практики их применения

растрата отличаются от хищения по большинству элементов состава преступления. Укажем на наиболее отличительные особенности по объекту и объективной стороне. Если основным объектом хищения являются имущественные отношения по принадлежности вещей конкретным собственникам или иным владельцам, то основным объектом присвоения и растраты выступают имущественные отношения, складывающиеся между собственниками и законными владельцами по поводу применения или иного использования (хранения, обработки, продажи, отпуска, перевозки и пр.) вещей, вверенных владельцам без передачи права собственности на них. Следует подчеркнуть, что имущественные отношения, на которые посягают присвоения и растрата, получают различные юридические формы выражения, не сводящиеся к праву собственности. Эти отношения возникают на основании договора, в силу служебного положения, занимаемой должности или на ином основании. Они регулируются трудовым законодательством, если непосредственно связаны с трудовыми отношениями — отношениями, складывающимися между работниками и работодателями, либо гражданским законодательством, если основаны на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности их участников.

Если предметом хищения является чужая вещь (к которой виновный обыкновенно не имеет никакого отношения), то предмет присвоения и растраты — вещь, вверенная виновному на законных основаниях. В этой связи представляется необходимым определить содержание такого понятия, как «вверенное имущество». В данном случае речь идет об общеправовой категории, которая используется не только в действующем УК, но и в других отраслях права. Категория вверенного имущества упоминается в гражданском и трудовом законодательстве (ст.785 ГК РФ, ст.ст.239 и 244 Трудового кодекса РФ). Кроме того, ряд норм гражданского и трудового права содержит указание на такое имущество, которое, без всяких сомнений, подпадает под категорию вверенного: «имущество, предоставленное во временное владение и пользование» (ст.606 ГК РФ); «вещь, переданная в безвозмездное временное пользование» (ст.689 ГК РФ); «переданная на хранение вещь» (ст.891 ГК РФ); «вещь, сданная в гардероб» (ст.924 ГК РФ); «имущество, переданное в доверительное управление» (ст.1012 ГК РФ); «ценности, вверенные на основании специального письменного договора или полученные по разовому документу» (п.2 ст.243 Трудового кодекса РФ) и др. Между тем, понятие вверенного имущества не имеет законодательного определения, что вызывает сложности при применении норм уголовного закона о присвоении и растрате. Определение этой общеправовой категории следовало бы изложить в статье «Понятия, используемые в настоящей главе» главы УК об имущественных преступлениях, например, так: *«вверенным имуществом в статье... (о присвоении или растрате) настоящего Кодекса признается имущество, которое передано по закону, договору или иным правовым основаниям, не влекущим перехода права собственности, лицу, наделенному в от-*

пошении данного имущества правомочиями по владению, пользованию или распоряжению».

От вверенного имущества следует отличать такое имущество, к которому лицо имеет доступ по службе, работе или в силу иных оснований, но не обладает указанными выше правомочиями. Такое имущество не является предметом присвоения и растраты.

Как представляется, присвоение и растрата не ограничиваются по предмету вверенным имуществом. Нередко противоправное обращение чужого имущества в свою пользу или пользу других лиц совершается государственными и муниципальными служащими, должностными лицами, а также иными лицами, выполняющими административно-хозяйственные функции в коммерческих и иных организациях. Присвоение и растрата могут иметь место и в случаях, когда имущество не было непосредственно вверено указанным выше категориям лиц, а находилось только в их ведении. В таких случаях содеянное образует состав присвоения (растраты) с использованием служебного положения. «Правда, — как пишет Б.В. Волженкин, — для принятия такого решения следует расширить толкование понятия «вверенное имущество», признавая таковым имущество, которое находится не только во владении, но и в оперативном управлении лица (директора, управляющего, заведующего магазином начальника цеха и т.д.)»¹. На наш взгляд, целесообразнее дополнить статью УК о присвоении или растрате, указав, что эти имущественные посягательства совершаются по поводу чужого имущества, не только вверенного виновному, но и *находящегося в его ведении*. Определение этой категории следовало бы изложить в статье «Понятия, используемые в настоящей главе» главы УК об имущественных преступлениях так: *«под находящимся в ведении имуществом в статье... (о присвоении или растрате) настоящего Кодекса признается находящееся на балансе и банковских счетах организации имущество, включая денежные средства, в отношении которого лицо наделено административно-хозяйственными функциями».*

Если объективная сторона хищения — это противоправное безвозмездное изъятие чужого имущества, причинившее ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества, то присвоение и растрата с объективной стороны заключаются в причинении имущественного ущерба путем противоправного уклонения виновного от исполнения возложенных на него обязанностей по передаче вверенного имущества или добросовестному управлению имуществом, находящимся в его ведении. При этом представляется, что присвоение может быть совершено в виде «чистого» бездействия (удержания), растрата — в виде «смешанного бездействия», когда имущественные обязанности не выполняются путем неправомерного распоряжения (потребления или отчуждения) вверенным или находящимся в ведении имуществом. Под присвоением понимаются совершенные с корыстной це-

¹ Волженкин Б.В. Мошенничество. Спб., 1998. С.33.

Проблемы совершенствования норм об отдельных видах имущественных преступлений и практики их применения

или противоправное безвозмездное удержание и обращение вверенного или находящегося в ведении имущества в пользу виновного или других лиц. Растрата есть совершенное с корыстной целью противоправное безвозмездное обращение виновным лицом вверенного или находящегося в ведении имущества в свою пользу или пользу других лиц, заключающееся в израсходовании (потреблении или отчуждении) указанного имущества.

Если момент окончания хищения зависит от получения виновным реальной возможности пользоваться и распоряжаться противоправно изъятым имуществом, то момент окончания присвоения и растраты во многом зависит от правовой природы соглашения о передаче имущества. К примеру, если имущество было вверено лицу по договору на определенный срок, то присвоение можно считать оконченным с момента фактического невозвращения имущества в срок, установленный соглашением сторон. При этом необходимо принимать во внимание положение гражданского законодательства о просрочке должника (ст.405 ГК РФ).

Сравнительный анализ рассматриваемых видов имущественных преступлений позволяет без труда обнаружить и ряд других разграничительных признаков. Но и сказанного, думается, достаточно, чтобы прийти к выводу о неодинаковой природе этих преступлений, что важно отразить в УК и учитывать в правоприменении. Уголовно-правовые нормы о хищении традиционно сориентированы на охрану имущественных отношений, отражающих статику товарного хозяйства, и по своей сути не способны обеспечить адекватную защиту тем имущественным отношениям, которые выражают динамику рыночного хозяйства. Действие норм о присвоении и растрате не может быть ограничено сферой отношений по принадлежности имущества субъектам права собственности, что крайне негативно сказывается на охране имущественного оборота (в частности, дезориентирует практических работников, нередко побуждая их занимать позицию невмешательства). Указанные нормы должны найти эффективное применение в сфере противодействия посягательствам на имущественные отношения по переходу имущества от собственников к законным владельцам и использованию (управлению) последними им вверенного или находящегося в их ведении имущества.

Исходя из вышеизложенного представляется целесообразным дальнейшее совершенствование законодательного определения понятия хищения чужого имущества и ограничение его применения пределами главы УК об имущественных преступлениях. Понятие хищения в статье «Понятия, используемые в настоящей главе» главы УК об имущественных преступлениях можно изложить так: *под хищением в статьях настоящей главы понимается совершенное с корыстной целью противоправное безвозмездное изъятие чужого имущества, причинившее ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества.* В условиях рыночной экономики необходимо более строгое в юридическом смысле понимание хищения, которое бы охватывало собой

три вида имущественных преступлений — кражу, грабеж, разбой. Речь должна идти о такой трактовке хищения, какую досоветская и советская наука уголовного права придавали понятию «похищение чужого имущества».

Кроме того, полагаю возможным дать следующее законодательное определение присвоения и растраты в главе УК об имущественных преступлениях: *«Присвоение или растрата, то есть умышленное противоправное безвозмездное обращение в свою пользу или пользу других лиц чужого имущества, вверенного виновному или находящегося в его ведении, если это деяние совершено в значительном размере».*

Одним из критериев дифференциации ответственности за хищения в уголовном праве является размер стоимости похищенного имущества. Действующий УК определяет повышенную ответственность за совершение хищения чужого имущества в крупном размере и, соответственно, предусматривает это отягчающее обстоятельство в качестве квалифицирующих признаков указанных имущественных преступлений в частях третьих ст.ст.158-162. Следует напомнить, что УК 1960 г. обеспечивал более строгую дифференциацию ответственности за хищения в зависимости от величины стоимости похищенного, устанавливая суровое наказание за хищение государственного или общественного имущества в особо крупных размерах, независимо от способа хищения (ст.93¹). В современной науке уголовного права предлагается «восстановить состав хищения в особо крупных размерах с учетом ранее имевшейся законодательной практики и определить его как в две тысячи раз превышающий минимальный размер оплаты труда, установленный законодательством»¹. В рамках обозначенного подхода высказывается и такое мнение: ст.ст.158-163 УК РФ дополнить частями четвертыми, устанавливающими повышенную ответственность при особо крупном размере похищенного (вымогавшегося) имущества; при этом особо крупным размером признать стоимость имущества, в пять тысяч раз превышающую минимальный размер оплаты труда, установленный законодательством РФ на момент совершения преступления².

На наш взгляд, следует поддержать высказанное в современной уголовно-правовой науке предложение об усилении ответственности за хищения в особо крупном размере. В зависимости от указанной величины стоимости имущества, ставшего предметом посягательства, целесообразно обеспечить более строгую дифференциацию ответственности не только за хищения и, как предлагает С.Ф.Милюков, за вымогательство, но и за некоторые другие имущественные преступления (например, уничтожение и повреждение чужого имущества). При этом более обоснованным представляется рассмотрение «особо крупного размера» в качестве особо квалифицирующего признака данных имущественных посягательств и указание на него, соот-

¹ Векленко В.В. Квалификация хищений чужого имущества: Автореф. дис... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2001. С.10.

² См.: Милюков С.Ф. Указ. соч. С.235-236.

ветственно, в частях третьих или четвертых статей главы «Имущественные преступления». В статью «Понятия, используемые в настоящей главе» главы УК об имущественных преступлениях необходимо включить положение следующего содержания: *«Особо крупным размером в статьях настоящей главы признается стоимость имущества или иных выгод имущественного характера, в пять тысяч раз превышающая минимальный размер оплаты труда, установленный законодательством Российской Федерации на момент совершения преступления».*

2. Проблемы ответственности за уничтожение и повреждение чужого имущества

Среди имущественных правонарушений выделяется группа посягательств, которые по природе своей выражаются в причинении имущественного ущерба потерпевшему без извлечения имущественной выгоды. Эти преступные деяния отличаются от одних имущественных преступлений (например, вымогательства) тем, что имеют своим предметом исключительно вещи, а не имущество вообще, от других (в частности, хищения чужого имущества) — что их обязательным признаком не является обогащение виновного или других лиц. К указанной группе посягательств следует отнести преступления, предусмотренные ст.ст.167 и 168 УК: умышленное уничтожение чужого имущества, умышленное повреждение чужого имущества, уничтожение чужого имущества по неосторожности и повреждение чужого имущества по неосторожности. Действующий УК в главе 21 не предусматривает ответственности за иные виды некорыстного причинения имущественного вреда чужому имуществу в смысле вещи.

Уничтожение или повреждение имущества посягают на имущественные отношения, которые связаны с принадлежностью вещей конкретным собственникам или иным владельцам и отражают статику товарного хозяйства. По признаку *объекта* рассматриваемые виды имущественных посягательств следует отличать от смежных преступлений против здоровья населения и общественной нравственности, экологических преступлений, преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспорта, порядка управления и военной службы: уничтожения или повреждения памятников истории и культуры (ст.243), уничтожения критических местообитаний для организмов, занесенных в Красную книгу Российской Федерации (ст.259), уничтожения или повреждения лесов (ст.261), приведения в негодность транспортных средств или путей сообщения (ст.267), похищения или повреждения документов, штампов, печатей либо похищение марок акцизного сбора, специальных марок или знаков соответствия (ст.325), подделки или уничтожения идентификационного номера транспортного средства

(ст.326), умышленного уничтожения или повреждения военного имущества (ст.346), уничтожения или повреждения военного имущества по неосторожности (ст.347). Исходя из вышеизложенного, нельзя согласиться с квалификацией органами следствия действий М., Д., Ш., К. и Б., выразившихся в умышленном уничтожении документов А., по ч.1 ст.167 УК. Содеянное указанной группой лиц образует признаки состава преступления, предусмотренного ч.1 ст.325 УК.

Уничтожение или повреждение мест захоронения, надмогильных сооружений или кладбищенских зданий, предназначенных для церемоний в связи с погребением умерших или их поминовением, признается действующим УК преступлением против общественной нравственности и наказуемо по ст.244 «Надругательство над телами умерших и местами их захоронения».

По смыслу закона квалифицированные виды уничтожения и повреждения имущества (ч.2 ст.167 и ч.2 ст.168) являются многообъектными преступлениями. При совершении указанных посягательств наряду с имущественными отношениями могут страдать жизнь и здоровье другого человека (например, в случае умышленного уничтожения чужого имущества, повлекшего по неосторожности смерть человека), общественная безопасность (если уничтожение и повреждение имущества совершены общеопасным способом, а равно путем неосторожного обращения с огнем или иными источниками повышенной опасности) и другие охраняемые законом интересы (уничтожение и повреждение чужого имущества, повлекшие иные тяжкие последствия).

Предмет рассматриваемых преступлений имеет черты сходства с предметом хищения. Поэтому положения концепции трех признаков предмета хищения в целом сохраняют свое значение и при решении вопроса о предмете уничтожения и повреждения имущества. С физической стороны предметом указанных преступлений является имущество в смысле *вещи*. Отсюда, умышленное уничтожение информации не образует составов преступлений, предусмотренных ст.167, а влечет ответственность при наличии к тому оснований по ст.272 (неправомерный доступ к компьютерной информации) или ст.273 (создание, использование и распространение вредоносных программ для ЭВМ).

С экономической стороны предметом уничтожения и повреждения могут быть только то имущество (включая деньги и ценные бумаги), которое имеет *стоимость* (объективную экономическую ценность). На этом основании предметом рассматриваемых преступлений не могут быть Государственный герб Российской Федерации и Государственный флаг Российской Федерации. Надругательство над указанными символами, олицетворяющими независимость, суверенность и авторитет государства, в том числе их умышленное уничтожение или повреждение, посягает на порядок управления и при наличии к тому оснований квалифицируется по ст.329 УК. Равным образом уничтожение пограничных знаков в целях противоправного

Проблемы совершенствования норм об отдельных видах имущественных преступлений и практики их применения

изменения Государственной границы Российской Федерации не образует составов рассматриваемых преступлений, а наказуемо по ст.323 УК. Уничтожение или повреждение предметов или документов, имеющих историческую или культурную ценность, влечет уголовную ответственность по ст.243 УК.

Содержание юридического признака предмета рассматриваемых преступлений заключается в том, что предметом уничтожения и повреждения признается *чужое* имущество. Это подчеркивается в статьях 167 и 168 УК. В соответствии с законом уничтожение или повреждение собственного имущества какими бы то ни было способами само по себе не образует составов указанных преступлений. Согласно материалам дела, Кечин, разыскивая в доме жену, неоднократно зажигал спички. В результате неосторожного обращения Кечина с огнем загорелся и затем сгорел его дом с надворными постройками. Судебная коллегия Верховного Суда РСФСР отметила, что уголовная ответственность наступает в том случае, если по неосторожности уничтожено или повреждено имущество других лиц, а не самого виновного. В данном случае имуществу других лиц в результате неосторожного обращения Кечина с огнем ущерба не причинено. Поэтому в действиях осужденного отсутствует состав преступления¹.

Вместе с тем, если в результате умышленного уничтожения или повреждения общеопасным способом собственного имущества причинен вред государственному, муниципальному имуществу или имуществу других лиц (граждан либо организаций), действия виновного, желавшего или допускаявшего наступление указанных последствий, следует квалифицировать как умышленные уничтожение или повреждение чужого имущества, совершенные общеопасным способом (ч.2 ст.167). При неосторожном отношении виновного к указанным последствиям, содеянное, в случае уничтожения или повреждения чужого имущества в крупном размере, квалифицируется по ст.168 УК. Кроме того, уничтожение (повреждение) собственного имущества может быть способом совершения других преступлений: неправомерных действий при банкротстве (ст.195), приготовления к «страховому» мошенничеству при отягчающих обстоятельствах (ч.1 ст.30 и ч.2 или ч.3 ст.159).

По смыслу закона уголовная ответственность наступает независимо от того, в чьем владении находилось уничтоженное или поврежденное имущество: во владении потерпевшего, виновного или других лиц. Уничтожение или повреждение вверенного имущества при наличии всех других признаков состава преступления квалифицируется по ст.167 или ст.168.

Практика не исключает из круга возможных предметов рассматриваемых преступлений животных. Так, умышленный наезд на снегоходе на двух породистых собак (принадлежащих гр. Н), повлекший гибель животных,

¹ См.: Судебная практика к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. В.М.Левбедева. С.777-778.

квалифицирован по ч.1 ст.167 УК. Такую же правовую оценку получили действия А., который с использованием металлического штыря нанес увечье корове, принадлежавшей гр. С. Умышленное уничтожение пчел, принадлежащих гр. К., также квалифицировано органами дознания по ч.1 ст.167 УК. Умышленное причинение смерти или увечья чужому животному в результате жестокого обращения с ним следует квалифицировать при наличии к тому оснований по совокупности преступлений, предусмотренных ст.ст.167 и 245 УК. Нарушение ветеринарных правил, повлекшее по неосторожности распространение эпизоотий или иные тяжкие последствия, влечет уголовную ответственность по ст.249 УК.

Предмет уничтожения и повреждения чужого имущества отличается от предмета хищения тем, что охватывает своим содержанием, как уже говорилось ранее, движимое и недвижимое имущество. Как свидетельствуют материалы практики, обычно подвергается уничтожению или повреждению недвижимость в виде жилых домов, квартир, дач, гаражей, сараев, мини-магазинов, реже — иных зданий и сооружений. Согласно материалам уголовного дела, возбужденного по ч.1 ст.167 УК, по указанию руководителя коммерческой организации был осуществлен выброс в почву производственных отходов — кислот, повлекшее «уничтожение почвы». В данном случае имело место не имущественное, а экологическое правонарушение. Такого рода противоправные деяния при наличии к тому оснований могут быть квалифицированы по ст.51 КоАП РСФСР как порча сельскохозяйственных и других земель (ст.8.6. «Порча земель» нового КоАП РФ) либо по ст.254 УК как порча земли.

Рассматриваемые преступления с объективной стороны заключаются в совершении противоправного деяния (действий или бездействия) и наступлении общественно опасных последствий. Между совершенным деянием и наступившими последствиями должна быть установлена причинная связь — обязательный признак составов преступлений, предусмотренных ст.ст.167 и 168. По действующему УК и противоправное деяние, и наступившие в результате совершения этого деяния общественно опасные последствия выражаются в уничтожении или повреждении чужого имущества. Виновный может уничтожить или повредить чужое имущество непосредственно собственными силами (например, Л., находясь в состоянии алкогольного опьянения, топором прорубил отверстие в днище лодки, принадлежавшей гр. А.; С., бросив кирпич, умышленно разбил витрину магазина; Н. с применением финского ножа порезал дубленку, куртку и иные кожаные изделия, принадлежащие индивидуальному предпринимателю гр. Ц.) либо посредством использования других лиц. Чужое имущество может быть уничтожено или повреждено виновным в результате воздействия на него механических, химических или иных факторов (например, виновный сжигает чужую вещь, разрушает с помощью специальных механизмов жилое или нежилое строение, обливает чужое имущество серной кислотой, подмешивает деготь в

Проблемы совершенствования норм об отдельных видах имущественных преступлений и практики их применения

бочку с медом, замазывает краской картину, отравляет чужой скот, затопляет книгохранилище). Как было замечено ранее, рассматриваемые преступления могут быть совершены и путем бездействия (например, оставление без присмотра включенных электрических приборов, повлекшее уничтожение и повреждение чужого имущества в крупном размере).

По смыслу закона следует различать «уничтожение имущества» и «повреждение имущества». Под *уничтожением* имущества обычно понимается его истребление, повлекшее гибель вещи или ее приведение в негодное состояние, исключающее всякую возможность использования этой вещи по назначению. Спорную точку зрения по данному вопросу высказывает С.В.Максимов. По его мнению, под «уничтожением чужого имущества» понимается последнее в виде утраты последним своих потребительских свойств, отвечающих основному назначению данного имущества, при которой восстановление данных свойств невозможно или требует затрат, равных или превышающих стоимость имущества¹. На наш взгляд, уничтожение имущества исключается, если существует реальная возможность восстановления вещи. В этом случае имеет место повреждение имущества.

Самовольное потребление чужих вещей в соответствии с их хозяйственным назначением (например, потребление продуктов питания) не является уничтожением чужого имущества. Указанное деяние при наличии к тому оснований может образовывать состав хищения чужого имущества (в этом смысле хищение и уничтожение чужого имущества взаимно исключают друг друга), злоупотребления полномочиями либо получить иную правовую оценку.

Как представляется, уничтожением чужого имущества следует признавать и такие деяния, которые исключают вещь из имущественного оборота без воздействия на ее физическую субстанцию (без изменения физической сущности вещи): выбрасывание чужого ценного имущества в море, выпуск газа из баллона, высвобождение птиц из клетки, слив в землю вина из бочки и пр. В дореволюционной доктрине указанные случаи подводил под понятие «уничтожение имущества» И.Я.Фойницкий², в советской науке уголовного права — А.А.Жижиленко³, П.С.Матышевский⁴.

Под *повреждением* имущества понимается приведение вещи в такое негодное состояние, когда пользование вещью по назначению невозможно или затруднено без предварительного ремонта, то есть когда не исключается реальная возможность восстановления прежних качеств и свойств поврежденной вещи. Всякое повреждение вещи есть нарушение ее физической целостности и(или) уменьшение ее экономической ценности. Особое мнение по данному вопросу высказано С.В.Максимовым, который считает,

¹ Гаухман Л.Д., Максимов С.В. Указ. соч. С.152-153.

² См.: Фойницкий И.Я. Курс уголовного права: Часть Особенная: Посвяительства личные и имущественные. С.332.

³ См.: Жижиленко А.А. Указ. соч. С.20.

⁴ См.: Матышевский П.С. Указ. соч. С.172.

что под «повреждением чужого имущества понимаются последствия в виде частичной утраты им своих потребительских свойств, которые могут быть восстановлены в результате затрат, меньших стоимости самого имущества»¹.

От повреждения чужого имущества следует отличать осквернение зданий или иных сооружений, порчу имущества на общественном транспорте или в иных общественных местах, то есть вандализм (ст. 214). При этом под осквернением зданий или иных сооружений понимается нанесение на фасады зданий, заборы и иные сооружения надписей непристойного (нецензурного) характера или циничных по форме изображений (рисунков, символов), а равно загрязнение стен домов и других сооружений краской, нечистотами и пр.

Спорным представляется мнение тех авторов, которые под порчей имущества понимают его полное или частичное уничтожение². Как представляется, порча имущества на общественном транспорте или в иных общественных местах есть такое повреждение указанного имущества, которое не влечет за собой причинение значительного ущерба государственной или муниципальной собственности и не исключает возможности использования испорченной вещи по назначению. При этом критерий отграничения порчи имущества от его уничтожения (повреждения) — возможность использования вещи в соответствии с ее хозяйственным назначением, допускает мелкий ремонт испорченной вещи, починку отдельных составных частей имущества, чистку испачканной вещи и пр. Порча имущества может выражаться в приведении внешнего вида имущества в неприглядное состояние, в существенном умалении эстетических форм вещи либо в ее частичном повреждении (например, умышленные поломка сидений, ручек, окон или дверей в транспортном средстве, загрязнение краской салонов трамваев, автобусов или троллейбусов, срывание или обламывание облицовочных покрытий внутри вагонов электропоездов или другого общественного транспорта, порча оборудования лифта и пр.).

Повреждение телефонов-автоматов влечет наложение административного штрафа в размере от пяти до десяти минимальных размеров оплаты труда в соответствии со ст. 13.24 нового КоАП РФ.

Уголовная ответственность наступает за *противоправные* уничтожение или повреждение чужого имущества. Уничтожение или повреждение чужого имущества с согласия собственника этого имущества не влечет уголовной ответственности, так как наличие согласия хозяина вещи исключает возможность нарушения права собственности.

Уничтожение и повреждение чужого имущества имеют то общее, что связывает их с *причинением имущественного ущерба* собственнику или иному владельцу имущества. Уголовная ответственность за умышленные унич-

¹ Гаухман Л.Д., Максимов С.В. Указ. соч. С.153.

² См.: Уголовное право: Особенная часть: Учебник / Под ред. Н.И. Ветрова и Ю.И. Ляпунова. С.413.

Проблемы совершенствования норм об отдельных видах имущественных преступлений и практики их применения

тожение или повреждение чужого имущества согласно закону наступает в случае, если указанные деяния повлекли причинение значительного ущерба (ч.1 ст.167). По смыслу закона причинение значительного ущерба является обязательным условием привлечения к уголовной ответственности и за квалифицированные виды указанных имущественных преступлений (ч.2 ст.167). На этом основании трудно согласиться с судебным толкованием по конкретному делу, согласно которому размер ущерба не влияет на оценку содеянного при общепасном способе умышленного уничтожения чужого имущества¹.

Умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества, не повлекшее причинение значительного ущерба, наказываются согласно ст.7.17 нового КоАП РФ административным штрафом в размере от трех до пяти минимальных размеров оплаты труда.

Если причиненный ущерб не является значительным, уголовная ответственность не исключается в случае, если умысел виновного при уничтожении или повреждении чужого имущества был направлен на причинение значительного ущерба, но не был осуществлен до конца по независящим от виновного обстоятельствам. В этом случае содеянное надлежит квалифицировать как покушение на умышленное уничтожение или повреждение имущества. Обобщение материалов 1010 уголовных дел об умышленных уничтожении или повреждении имущества, возбужденных правоохранительными органами Самарской области в 2001 г., показало, что действия виновных квалифицируются как покушение на уничтожение или повреждение имущества, если они совершены, как правило, путем поджога, взрыва или иным общепасным способом (ч.3 ст.30 и ч.2 ст.167). В этой связи следует принимать во внимание следующие разъяснения Пленума Верховного Суда СССР, данные им в п.1 постановления №3 от 2 марта 1989 г. «О практике применения судами законодательства по делам, связанным с пожарами»²: если в результате поджога или иных действий, направленных на его совершение, имущество не было повреждено по причинам, не зависящим от воли виновного, содеянное должно рассматриваться, в зависимости от направленности его умысла, как покушение на уничтожение или повреждение имущества путем поджога.

Вопрос об отграничении преступного от непроступного в сфере имущественных отношений относится к числу исходных проблем, требующих своего разрешения в процессе совершенствования норм об ответственности за умышленное уничтожение или повреждение имущества. Принято считать, что установление границ между преступлением и проступком обеспечивается при формулировании признаков составов преступных посягательств в

¹ См.: Судебная практика к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. В.М.Лебедева. С.775-776.

² См.: Сборник постановлений Пленумов Верховного Суда Российской Федерации (СССР, РСФСР) по уголовным делам. С.238-243.

Особенной части УК. Вместе с тем уголовный закон содержит достаточно много конструктивных признаков преступлений, которые при более широком или более узком их толковании соответственно расширяют или сужают круг нарушений, признаваемых преступлениями. К числу таких признаков относится и «значительный ущерб», предусмотренный ч.1 ст.167 УК. Напомним, вопрос о том, является ли ущерб значительным или нет, должен разрешаться судом в каждом отдельном случае с учетом всех конкретных обстоятельств дела.

Определяющее значение при разграничении имущественных преступлений и проступков должно придаваться последствиям содеянного, содержание которых непосредственно обусловлено характером правоохраняемого объекта. В связи с этим важно соблюдение максимально возможной конкретности и определенности при формулировании в уголовном законе последствий имущественных посягательств. Отсутствие в уголовном законе достаточно точных критериев отнесения умышленных уничтожения или повреждения имущества к преступлению или иному правонарушению негативно сказывается на его авторитете. Размытость составов умышленных уничтожения и повреждения имущества, неконкретное законодательное формулирование последствий указанных деяний осложняет разграничение преступного и непроступного в имущественной сфере. В силу этого правоприменительные органы теряют нормативные ориентиры в правовой действительности, допуская в своей деятельности ошибки.

Обобщение местной практики показало, что в деятельности правоохранительных органов встречаются случаи необоснованного привлечения к уголовной ответственности лиц, действия которых в силу малозначительности не представляли общественной опасности. Так, уголовные дела возбуждались по ч.1 ст.167 УК, в том числе и по следующим фактам: умышленного повреждения чужого имущества, причинившего ущерб в сумме 130 руб.; умышленного повреждения замка двери гаража; умышленного прокола колеса автомобиля; умышленной поломки антенны на автомобиле и повреждения на этом же транспортном средстве лобового стекла; умышленного разбития стекла и повреждения рамы окна квартиры жилого дома.

Судебной практике известны и случаи необоснованного оправдания лиц, виновных в преступном уничтожении или повреждении чужого имущества. При похищении телефонного кабеля Л. повредил телефонные кабельные сети, на восстановление которых ОАО «Электросвязь» затратило 13 916 руб., а Волгоградский узел связи и радионавигации — 53 375 руб. Оправдывая Л. по ч.1 ст.167 УК в связи с отсутствием в его действиях состава преступления, суд первой инстанции указал, что ущерб, причиненный указанным организациям, не может быть признан значительным, поскольку доходы названных организаций составили, соответственно, свыше 3 млн. и 72 млн. руб. Верховный Суд РФ отменил приговор в части оправдания Л. по ч.1 ст.167 УК. При этом он указал, что расходы Волгоградского узла свя-

Проблемы совершенствования норм об отдельных видах имущественных преступлений и практики их применения

зи и радионавигации превысили 3 млн. руб. и прибыль равнялась 286 тыс. руб.; что касается ОАО «Электросвязь», то оно являлось убыточным предприятием. Нельзя не учитывать и значимость поврежденного имущества для деятельности организаций, которые понесли убытки. Кроме того, как разъяснил Верховный Суд РФ, при оценке имущественного ущерба не может не учитываться мнение потерпевшей стороны¹.

В свете сказанного представляется целесообразным при описании в уголовном законе последствий основных составов преступлений, ответственность за которые предусмотрена ст.167 УК, использовать такой формально-определенный термин, как «значительный размер». Отсюда, понятие названных преступлений следует определить в УК так: «умышленные уничтожение или повреждение чужого имущества в значительном размере».

Поскольку степень общественной опасности преступления зависит от размера вреда или тяжести наступивших последствий, необходимо дифференцировать уголовную ответственность за умышленные уничтожение или повреждение имущества в значительном, крупном и особо крупном размерах, а также за уничтожение или повреждение имущества в крупном и особо крупном размере по неосторожности. На основании изложенного предлагается дополнить статью УК об умышленных уничтожении и повреждении имущества частями третьей и четвертой, а статью УК об ответственности за уничтожение или повреждение имущества по неосторожности — частью третьей. В указанных частях соответствующих статей установить повышенную ответственность за уничтожение или повреждение имущества в крупном и особо крупном размерах.

Мотивы и цели не являются обязательными признаками субъективной стороны умышленных уничтожения или повреждения имущества. Они могут быть самыми различными — зависть, ненависть, месть, личные неприязненные отношения, стремление скрыть другое преступление или облегчить его совершение и г.д. По делу П. установлено, что виновный на почве неприязненных семейных отношений топором порубил вещи, принадлежавшие его жене. Через две недели после совершения указанного деяния проник в комнату супруги, с которой ранее прекратил совместную жизнь, разрезал подушку, затем на кухне порезал другие ее вещи².

Хищение чужого имущества, сопряженное с умышленным уничтожением (повреждением) другого имущества, если оба посягательства содержат признаки уголовно наказуемого деяния, должно квалифицироваться по совокупности преступлений как хищение чужого имущества и умышленное уничтожение (повреждение) чужого имущества. Совокупность преступлений исключается в случае умышленного уничтожения или повреждения ранее похищенного имущества, поскольку составы хищения чужого имущест-

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2001. №1. С.11.

² См.: Судебная практика к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. В.М.Лебедева. С.771-772.

ва охватывают любые действия, связанные с последующим распоряжением виновным похищенным имуществом. Так, в определении Военной коллегии Верховного Суда РФ по делу Гаязова указано, что виновный совершил разбойное нападение с целью завладения автомобилем. Преступный замысел им был осуществлен, и он получил полную возможность пользоваться этим автомобилем. Последующее после хищения распоряжение имуществом, в том числе и уничтожение путем поджога, дополнительной юридической оценки не требует. Поэтому умышленное уничтожение путем поджога автомобиля, которым виновный завладел в результате разбойного нападения, не образует состава преступления, предусмотренного ч.2 ст.167 УК¹.

Преступник может уничтожить или повредить чужое имущество также по корыстным мотивам (например, за вознаграждение).

Выяснение мотивов и целей уничтожения или повреждения имущества имеет важное значение для правовой оценки содеянного. Указанные субъективные признаки (наряду с объективными признаками) преступлений, предусмотренных ст.167 УК, позволяют правильно отграничить умышленное уничтожение или повреждение имущества от смежных преступных посягательств. На основании изложенного как диверсию (ст.281) следует рассматривать случаи разрушения или повреждения предприятий, сооружений, путей и средств сообщения, средств связи, объектов жизнеобеспечения населения *в целях подрыва экономической безопасности и обороноспособности Российской Федерации*. Умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества, совершенные общеопасным способом *в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения либо оказания воздействия на принятие решений органами власти*, подлежат квалификации по ст.205 (терроризм). По смыслу закона лицо, совершившее умышленное уничтожение (повреждение) чужого имущества из *хулиганских побуждений*, подлежит уголовной ответственности за хулиганство (ст.213) при наличии в содеянном всех других признаков указанного состава преступления. Согласно п.16 постановления №5 Пленума Верховного Суда РФ от 24 декабря 1991 г. «О судебной практике по делам о хулиганстве»², умышленное уничтожение или повреждение имущества при отягчающих обстоятельствах, совершенные из хулиганских побуждений, следует квалифицировать по совокупности с хулиганством.

Одним из квалифицирующих признаков умышленных уничтожения или повреждения имущества является совершение указанных деяний общеопасным способом. Под последним следует понимать такой способ умышленного уничтожения (повреждения) имущества, который заведомо для виновного представляет опасность для жизни или здоровья других лиц и уг-

¹ См.: Судебная практика по уголовным делам: В 2-х ч. Ч.2. С.536-537

² См.: Сборник постановлений Пленумов Верховного Суда Российской Федерации (СССР, РСФСР) по уголовным делам. С.252-258.

Проблемы совершенствования норм об отдельных видах имущественных преступлений и практики их применения

розу причинения ущерба другому имуществу (уничтожение или повреждение имущества путем поджога, взрыва, затопления, обвала, совершения аварий, разрушения строений в местах, где находятся люди и пр.). Как видно, при таком способе преступного посягательства возникает угроза одновременного поражения нескольких объектов уголовно-правовой охраны и, соответственно, имеет место реальная опасность возрастания объема вреда.

Умышленное уничтожение (повреждение) имущества квалифицируется как совершенное общеопасным способом независимо от того, был ли причинен вред другим объектам уголовно-правовой охраны. Виновный должен осознавать, что избранный им способ уничтожения или повреждения чужого имущества угрожает причинением вреда личности или другому имуществу.

По смыслу закона в тех случаях, когда в результате умышленного уничтожения (повреждения) имущества общеопасным способом причинен вред в виде смерти или тяжкого вреда здоровью другому человеку, который виновный предвидел и желал либо сознательно допускал (относился безразлично), содеянное должно квалифицироваться по совокупности преступлений, предусмотренных ч.2 ст.167 и п.«е» ч.2 ст.105 УК¹ или ч.2 ст.167 и п.«в» ч.2 ст.111 УК.

Умышленное уничтожение (повреждение) имущества общеопасным способом, повлекшее по неосторожности смерть человека или иные тяжкие последствия, согласно закону охватывается ч.2 ст.167 и не требует дополнительной квалификации по другим статьям УК. При этом под иными тяжкими последствиями следует понимать причинение смерти по неосторожности двум или более лицам, а также, как разъяснено в п.8 постановления №3 Пленума Верховного Суда СССР от 2 марта 1989 г. «О практике применения судами законодательства по делам, связанным с пожарами», причинение тяжкого вреда здоровью хотя бы одному человеку или средней тяжести вреда здоровью двум или более лицам; оставление людей без жилья или средств к существованию; длительная приостановка или дезорганизация работы организации и т.п. Неосторожное уничтожение или повреждение имущества путем неосторожного обращения с огнем или иными источниками повышенной опасности, повлекшие тяжкие последствия, подлежат квалификации только по ч.2 ст.168 УК. Как свидетельствуют материалы практики по данной категории дел, неосторожное причинение смерти другому человеку и иные наступившие по неосторожности тяжкие последствия являются обычно результатом уничтожения или повреждения имущества, совершенных общеопасным способом либо путем неосторожного обращения с огнем или иными источниками повышенной опасности. Получается, что и способ совершения преступления, и последствия преступления, совершенного этим способом, указаны в качестве квалифицирующих признаков в од-

¹ См.: п.9 постановления №1 Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. «О судебной практике по делам об убийстве (Ст.105 УК РФ)».

ной части статьи УК (ч.2 ст.167 и ч.2 ст.168). Такой прием законодательной техники не обеспечивает строгой дифференциации ответственности в зависимости от наступления тяжких последствий в результате совершения некорыстных имущественных посягательств, угрожающих причинением вреда нескольким объектам уголовно-правовой охраны. Содеянное и при причинении по неосторожности тяжких последствий, и при избежании таковых квалифицируется по ч.2 ст.167 или ч.2 ст.168 УК. В этой связи считаю целесообразным исключить из указанных частей статей УК об уничтожении и повреждении имущества такой квалифицирующий признак, как «тяжкие последствия», и предусмотреть ответственность за эти преступления в случае причинения ими по неосторожности тяжких последствий в частях третьих соответствующих статей УК. При этом умышленные уничтожение или повреждение имущества, повлекшие тяжкие последствия, следует отнести к категории тяжких преступлений.

Обобщение практики свидетельствует, что умышленные уничтожение или повреждение имущества нередко совершаются группой лиц по предварительному сговору. Принимая во внимание это криминологическое обстоятельство, необходимо, на наш взгляд, часть 2 статьи УК об умышленных уничтожении или повреждении имущества дополнить таким квалифицирующим признаком, как совершение указанных преступлений группой лиц по предварительному сговору.

Как было замечено ранее, основные составы уничтожения или повреждения имущества относятся действующим УК к категории преступлений небольшой тяжести. Тогда как основные составы корыстных имущественных посягательств являются, согласно закону, преступлениями средней тяжести и тяжкими преступлениями. Уголовное законодательство рассматривает корыстную мотивацию в качестве обстоятельства, значительно повышающего уровень опасности посягательств в имущественной сфере и, соответственно, отягчающего наказание за совершение этих деяний. Повышенная общественная опасность корыстных имущественных преступлений имеет криминологическое основание: указанные посягательства количественно преобладают в общей массе преступности.

Вместе с тем подход законодателя к корысти как к усиливающему ответственность обстоятельству нельзя в целом признать последовательным. С одной стороны, действующий УК содержит значительное число составов преступлений, предусматривающих корысть в качестве своего конструктивного или квалифицирующего признака (п.«з» ч.2 ст.105, п.«з» ч.2 ст.126, ст.ст.137, 153, 155, 158-162, 164, 170, 181, 182, ч.3 ст.183, 245, 285, 292 и др.). С другой — корыстные побуждения в УК 1996 г. не включены в перечень обстоятельств, отягчающих наказание (ст.63).

Новая экономическая парадигма, отражающая связь собственности с ограниченностью ресурсов социума, не дает достаточных оснований для оценки корыстных и некорыстных имущественных посягательств как пре-

Проблемы совершенствования норм об отдельных видах имущественных преступлений и практики их применения

ступных деяний, существенно различающихся по уровню общественной опасности. Для экономической системы, основными целями функционирования которой являются предупреждение истощения необходимых для жизнедеятельности людей ограниченных ресурсов путем наиболее эффективного их распределения, обмена и потребления, а также развитие материально-технической базы общества, представляют одинаковую опасность как корыстные преступления, так и посягательства, не связанные с обогащением виновного или других лиц. Равным образом, для участников экономических процессов в целом не имеет принципиального значения, корыстный или некорыстный характер носят преступные посягательства на их имущественные интересы.

Понимание объекта исследуемых преступлений как имущественных отношений по обеспечению оптимального удовлетворения потребностей людей при рациональном использовании экономических благ (ограниченных ресурсов) также непосредственно не определяет более высокий уровень опасности корыстных посягательств в имущественной сфере по сравнению с имущественными преступлениями, не связанными с получением имущественных выгод.

Кроме того, в отличие от противоправно разрушенного имущества, приобретенные преступным путем вещи не утрачивают своих потребительских свойств (то есть способности удовлетворять материальные или нематериальные потребности членов общества), сохраняют меновую стоимость и, соответственно, продолжают оставаться экономической ценностью в объективном и субъективном смыслах. Корыстные имущественные посягательства не исключают истребования собственником своего имущества из чужого незаконного владения, тогда как в результате уничтожения чужих вещей не может быть и речи о возможности возврата потерпевшему незаконно изъятого у него имущества. Корыстные имущественные преступления не являются основанием прекращения права собственности. Право собственности на уничтоженное имущество прекращается (п.1 ст.235 ГК РФ), поскольку при этом исчезает сам объект этого права.

С учетом вышеизложенного и в целях дальнейшей гуманизации уголовного законодательства об ответственности за имущественные преступления представляется возможным отнести основные составы отдельных видов этих посягательств (кражи, мошенничества, присвоения, растраты) к категории преступлений небольшой тяжести, а их квалифицированные виды, предусмотренные в частях вторых статей 158-160 УК, признать преступлениями средней тяжести. На наш взгляд, именно таким способом необходимо обеспечить относительно равную ответственность за уничтожение (повреждение) имущества и корыстные посягательства в сфере имущественных отношений.

3. Имущественные преступления, совершаемые путем обмана и с использованием доверия: вопросы теории и законодательной практики

По мнению древнеримских юристов, всякое преступление совершается или путем насилия (*iniuria*), или путем обмана (*dolus*). Обман, насилие проявляются в различных сферах общественной жизни, включая и имущественную, и остаются двумя самыми распространенными способами и формами преступного поведения. Давно замечено, что ни одна классификация преступлений не может обойтись без указанных криминообразующих оснований¹.

Между тем в современном уголовном праве обман имеет более строгий смысл и потерял значение универсального способа ненасильственных преступлений. Это обстоятельство обусловлено криминогенными переменами. Основные из них связаны с появлением и распространением в обществе наряду с обманом таких форм и способов преступного поведения, как заведомо ложные сообщения и обещания, подлог, подделка, фальсификация, подмена, использование доверия и служебного (должностного) положения. Многие из перечисленных криминогенных проявлений являются смежными с обманом или представляют собой его специальные виды. Тенденция расширительного толкования понятия уголовно наказуемого обмана со временем вступила в противоречие как с обыденным правосознанием, так и с внутренней логикой уголовно-правовой доктрины², что и предопределило появление в уголовном законодательстве смежных с обманом юридических категорий, конкретизирующих последний или отображающих близкие ему формы и сходные с ним способы преступного поведения. Исторически выдлившись из последнего, они приобретают собственное правовое содержание и получают самостоятельное юридическое значение.

Криминологической реальностью стало такое социально негативное проявление как ложь. В качестве особой уголовно-правовой категории ложь охватывает ставшие традиционными обманные способы поведения, а также сходные с ними формы преступной активности. Ее отражение в уголовном законе говорит о расширении оснований ответственности за умышленные посягательства, связанные с дезинформацией и введением другого лица в заблуждение.

Понятия лжи и обмана используются законодателем при конструировании составов преступлений, прежде всего, совершаемых в сфере экономики. Так, в действующем УК обман и ложь являются обязательными признаками 2 составов имущественных преступлений (ст.ст.159 и 165) и 15 со-

¹ См.: Фойницкий И.Я. Курс уголовного права: Часть Особенная: Посягательства личные и имущественные. С.3.

² В этой связи за пределами обычного понимания уже находится такой вид уголовно наказуемого обмана как «пассивный» обман.

Проблемы совершенствования норм об отдельных видах имущественных преступлений и практики их применения

ставов преступлений в сфере экономической деятельности (ст.ст.170, 173, 176, 181, 182, 185-188, 195-200). При этом в законе посредством этих понятий описаны различные виды экономических преступлений: с одной стороны, лжепредпринимательство (ст.173), заведомо ложная реклама (ст.182), фиктивное банкротство (ст.197), с другой — мошенничество (ст.159), причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (ст.165), обман потребителей (ст.200) и т.д.

В действующем законодательстве не раскрывается содержание указанных категорий.

Обратимся вначале к грамматическому толкованию этих смежных терминов и попытаемся выявить их общеупотребительное значение. По толковому словарю В.Даля, обман есть всякое ложное действие или слово, введение какого-либо в заблуждение, уверение в небыли¹. В словаре С.И.Ожегова и Н.Ю.Шведовой обман — то же, что ложь; ложное представление о чем-нибудь (пойти на обман, решиться солгать)². Как видно, в русском языке обман и ложь — близкие по смыслу понятия, означающие неправду, измышления, выдаваемые за истину, намеренное возбуждение в другом лице неверного представления. С точки зрения русского языка эти слова являются синонимами, то есть выражают одно и то же понятие и считаются тождественными или близкими по своему значению. Такое сходство рассматриваемых понятий в лингвистике не случайно. Ведь ложь и обман — разновидности психического воздействия на сознание человека.

Психическое воздействие есть активное влияние на сознание и волю другого лица, совершенное либо в целях склонения этого лица к определенному поведению либо в иных целях или по другим мотивам. Психическое воздействие подразделяется на виды: сообщение, уговоры, обещания, просьбы, дача советов, требования, подкуп, соблазнение, принуждение, возбуждение чувства мести, зависти или низменных побуждений, угрозы, наконец, ложь и обман.

Как представляется, категория «ложь» рассматривается законодателем как более широкое понятие, чем обман. С юридической точки зрения понятие лжи, в отличие от других видов психического воздействия, содержит три обязательных признака. Один из признаков лжи — это *искажение истины* (дезинформация) как результат поведения лжеца. Второй признак рассматриваемого понятия — это *заведомое, преднамеренное* искажение истины (неправда, выдаваемая за истину)³. Лживые действия (в том числе слова)

¹ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1-4: Т. 2. С.1537-1538.

² Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. С.422.

³ Иное мнение по данному вопросу высказано А.А.Закатовым. Последний различает преднамеренную ложь и ложь непреднамеренную (заблуждение). При этом преднамеренная ложь, как замечает А.А.Закатов, имеет место, во-первых, когда делается высказывание для других и, во-вторых, когда делающий такое высказывание осознает, что делает ложное высказывание. Заблуждающийся же искренне принимает ложное за истинное (см.: Закатов А.А. Ложь и борьба с нею. Волгоград, 1984. С.39-40).

есть разновидность рационального поведения. Лжец осознанно дезинформирует других лиц, преследуя какие-либо цели. Отсюда ошибочное искажение истины не является ложью, а следовательно, и обманом. Как заметил И.Я.Фойницкий: «Ошибочно считающий свое свидетельство истинным находится в состоянии заблуждения. Сознательно удостоверяющий неверный факт совершает ложь или обман»¹. Наконец, третий признак, образующий понятие лжи и характеризующий, как и второй признак, ее субъективную сторону, — это *введение другого лица в заблуждение*. Путем лжи виновный стремится вызвать у потерпевшего ошибочные представления об окружающей действительности. Ложь направлена на введение другого лица в заблуждение.

Не образует лжи акт поведения, который не связан с воздействием на сознание, психику другого человека. Поэтому, например, те или иные противоправные манипуляции при купле-продаже товаров с использованием автоматов (ст.498 ГК РФ) не могут расцениваться как правонарушения, совершаемые путем введения другого лица в заблуждение². Равным образом, различного рода незаконные уловки (в том числе и корыстного характера) с использованием ЭВМ, системы ЭВМ или их сети не всегда могут рассматриваться как неправомерные деяния, содержащие ложь (обман) в качестве своего обязательного элемента. Как пишет И.А.Клепичский, нет обмана при неправомерном злоупотреблении с автоматизированными системами обработки данных; воздействие на компьютер не является обманом компьютера, поскольку технические устройства лишены психики³. Нередко общественно опасные деяния, внешне напоминаящие собой мошеннические и тому подобные действия, не выражаются, с одной стороны, в прямом воздействии на сознание потерпевшего, с другой — не требуют личного участия потерпевшего в передаче имущественного блага виновному или другому лицу. Принимая во внимание данное обстоятельство, законодатель некоторых зарубежных стран предусматривает наряду с нормами о мошенничестве уголовно-правовые запреты причинения имущественного вреда путем воздействия на автоматизированные информационные системы. Так, §263а УК ФРГ устанавливает ответственность за компьютерное мошенничество, угрожая наказанием тем, кто, действуя с намерением получить для себя или третьего лица имущественную выгоду, причиняет вред имуществу другого лица, воздействуя на результат обработки данных путем неправильного создания программ, использования неправильных или неполных данных, путем неправомерного использования данных или иного неправомерного воздействия на результат обработки данных. Комментируя соответствующее положение УК ФРГ, Б.В.Волженкин справедливо замечает: «Поскольку ответст-

¹ Фойницкий И.Я. Курс уголовного права: Часть Особенная. Посягательства личные и имущественные. С.253.

² См.: Сабитов П.А. Обман как средство совершения преступления. Омск, 1980. С.8;

³ См.: Клепичский И. Мошенничество и правонарушения гражданско-правового характера // Законность. 1995. №7. С.42. Он же. Собственность и имущество в уголовном праве. С.76.

Проблемы совершенствования норм об отдельных видах имущественных преступлений и практики их применения

венность за компьютерное мошенничество предусмотрена точно такая же, что и за обычное мошенничество по §263 УК, законодатель, вероятно, выделил компьютерное мошенничество в самостоятельный состав преступления, имея в виду необычность способа совершения преступления с использованием компьютерной техники, когда в «заблуждение» вводится электронно-вычислительная машина»¹.

УК Швейцарии содержит специальную норму о мошенническом злоупотреблении с установкой для обработки данных (ст.147). Согласно последней наказывается тот, кто с целью незаконно обогатиться самому или обогатить другого путем неправильного, неполного или неправомерного использования данных или подобным образом воздействует на процесс обработки или передачи данных и тем самым обеспечивает отсрочку для наступления имущественного вреда другому или непосредственно скрывает срок наступления имущественного вреда.

Норма о хищении, совершенном путем использования компьютерной техники, содержится в ст.243 Модельного УК для государств — участников СНГ². В целом разделяя необходимость установления уголовной ответственности за корыстное обогащение путем использования ЭВМ, системы ЭВМ или их сети, заметим, что такие общественно опасные деяния не могут рассматриваться исключительно как хищение в виду отсутствия в ряде случаев их совершения признаков этого посягательства (в частности, предмета хищения — чужой вещи, противоправного действия, характеризующего хищение, — изъятия чужого имущества).

Исходя из вышеизложенного, можно дать следующее общее понятие лжи. *Ложь — это преднамеренное искажение истины с целью ввести другое лицо (или других лиц) в заблуждение.*

Ложь может совершаться безотносительно к будущему поведению потерпевшего — жертвы лжи. Она может использоваться без намерения склонить другое лицо к совершению какого-либо действия или воздержанию от его совершения. Обязательное наличие такого намерения превращает ложь в обман. Поэтому не всякая ложь является обманом, но любой обман есть ложь и необходимо включает в себя все признаки лжи. Для того, чтобы ложь «переросла» в обман, необходимо наличие еще одного признака. Содержание последнего выражается во введении конкретного лица в такое заблуждение, которое *побуждает его совершить действие (бездействие) в интересах обманщика*. Отсюда обман — это такая ложь, которая обязательно направлена на склонение другого лица к совершению действия (бездействия), выгодного (значимого) для обманщика; это ложь, которая имеет своей целью возбудить у другого лица желание (решимость) действовать определенным образом. Как писал Г.Е.Колоколов, обманом «может быть при-

¹ Волженкин Б.В. Мошенничество. С.10.

² См.: Гражданский кодекс. Ч.3. Модель. Модельный Уголовный кодекс: Приложение к «Информационному бюллетеню». 1996. №10.

знаваемо лишь такое искажение истины, в силу которого другое лицо вопреки своей действительной воле побуждается к определенному виновным действию. Необходимой составной частью обмана является посредствующая деятельность потерпевшего, но для того, чтобы такое последствие было отнесено к деятельности виновного, нужно, чтобы виновный создал или укрепил в уме потерпевшего ошибку, определившую его деятельность»¹. Аналогичное суждение по данному вопросу высказано и Р.А.Сабитовым. По его мнению, обман всегда рассчитан на ответное поведение, т.е. обманывают, главным образом, не столько для того, чтобы ввести в заблуждение, сколько для того, чтобы склонить обманываемого к определенному поведению².

Воздействие обманщика на волю потерпевшего осуществляется опосредованно — через сознание потерпевшего. При обмане воля потерпевшего не нарушается, тем более не подавляется, так как обманутого заставляют верить, что с ним поступают в соответствии с правом, согласно закону³. Поэтому совершение какого-либо действия (бездействия) со стороны потерпевшего в интересах обманщика внешне носит как бы добровольный характер, связано с наличием внешне выраженной, казалось бы безупречной внутренней воли.

Обман есть по сути своей противоправное посягательство и на волю. Он способствует искаженному формированию воли. В этой связи необходимо различать волеизъявление как видимое выражение воли, и действительную (внутреннюю) волю. Лицо, находящееся под влиянием обмана, совершает действие (бездействие) вопреки своей действительной воле, так как его волеизъявление сформировалось под воздействием обстоятельств, искажающих истинную волю лица. Другими словами, его волеизъявление не соответствует его внутренней воле. Поэтому «добровольность» совершения какого-либо действия со стороны обманутого является только кажущейся, ибо обманутый действует на основе воли, подверженной воздействию обмана, то есть не действительной, а мнимой воли. Действие в интересах обманщика совершается с пороком воли обманутого, с неправильным формированием его внутренней воли. На это обстоятельство обращается внимание и в литературе. В.П.Верин пишет: «В результате обмана потерпевший сам передает преступнику имущество. Добровольность передачи имущества при этом мнимая, так как обусловлена обманом»⁴.

¹ Колоколов Г.Е. Указ. соч. С.234.

² См.: Сабитов П.А. Указ. соч. С.8.

³ Верно подмечено Гегелем, что при обмане виновный преднамеренно представляет другому видимость как свое право, то есть неправо выдает за свое право; желая неправы, обманщик прибегает к видимости права (см.: Гегель Г.В.Ф. Указ. соч. С.138-140).

⁴ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. В.М.Лебедь. М.: Юрайт-М, 2001. С.345. См., также: Уголовное право Российской Федерации: Особенная часть: Учебник / Под ред. Г.Н.Борзенкова и В.С.Комиссарова. С.208-209.

Проблемы совершенствования норм об отдельных видах имущественных преступлений и практики их применения

Исходя из указанного положения, заслуживает критики следующее разъяснение Пленума Верховного Суда СССР, данное им в п.12 постановления от 5 сентября 1986 г. «О судебной практике по делам о преступлениях против личной собственности»: «признаком мошенничества является добровольная передача потерпевшим имущества или права на имущество виновному под влиянием обмана или злоупотребления доверием». Действие обмана не позволяет считать передачу (уступку) потерпевшим имущественного блага виновному или другим лицам совершенной на основе доброй воли. Будучи введенным в заблуждение, лицо действует из ложных оснований, не осознаваемых им.

Из этого положения вытекает и правовой принцип: обман уничтожает юридические последствия. Еще в римском праве считалось несовместимым с принципом справедливости, чтобы кто-нибудь путем обмана извлекал какую-либо выгоду. Противоположность обману составляет добрая совесть. В частности, распоряжение имуществом имеет юридическое значение, когда оно совершается свободно. Такая свобода отсутствует не только при насилии и иных видах принуждения, но и в тех случаях, когда основания распоряжения имуществом существуют лишь в представлении собственника, а не в действительности. Следовательно, действие обманутого не влечет правовых последствий, за исключением тех, которые связаны с его недействительностью, и признается недействительным с момента его совершения. Сделки, совершенные под влиянием обмана, согласно действующему законодательству, могут быть признаны недействительными по иску потерпевшего (ст.179 ГК РФ). Такой гражданский иск должен быть разрешен судом по каждому делу об имущественных преступлениях, совершенных путем обмана.

Обман нередко сопровождает ничтожные сделки, совершенные с целью, заведомо противной основам правопорядка. В случае, если один участник такой сделки под влиянием обмана совершит умышленные действия, направленные на достижение мнимого преступного результата, он подлежит уголовной ответственности за неоконченное преступление, совершить которое намеревался, будучи введенным в заблуждение. Другой участник указанной сделки — за соучастие в неоконченном преступлении и (или) обман, если последний образует состав самостоятельного преступления. Такого подхода придерживается и судебная практика. Согласно п.5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 мая 1998 г. «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами»¹, действия лица, сбывающего под видом наркотических, психотропных, сильнодействующих или ядовитых какие-либо иные средства или вещества с целью завладения деньгами или имуществом граждан, следует квалифицировать как мо-

¹ См.: Сборник постановлений Пленумов Верховного Суда Российской Федерации (СССР, РСФСР) по уголовным делам. С.266-274.

шенничество. Покупатели в этих случаях при наличии предусмотренных законом оснований могут нести ответственность за покушение на незаконное приобретение наркотических средств, психотропных, сильнодействующих или ядовитых веществ. В соответствии с п.20 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2000 г. «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе», получение должностным лицом либо лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, денег, ценных бумаг и других материальных ценностей якобы за совершение действия (бездействия), которое оно не может осуществить из-за отсутствия служебных полномочий или невозможности использовать свое служебное положение, следует квалифицировать при наличии умысла на приобретение указанных ценностей как мошенничество. Владелец ценностей в таких случаях несет ответственность за покушение на дачу взятки или коммерческий подкуп, если передача ценностей преследовала цель совершения желаемого для него действия (бездействия) указанными лицами. Наконец, согласно п.21 указанного выше постановления, если лицо получает от кого-либо деньги или иные ценности якобы для передачи должностному лицу или лицу, выполняющему управленческие функции в коммерческой или иной организации, в качестве взятки либо предмета коммерческого подкупа и, не намереваясь этого сделать, присваивает их, содеянное им следует квалифицировать как мошенничество. Действие владельца ценностей в таких случаях подлежат квалификации как покушение на дачу взятки или коммерческий подкуп.

Итак, обман предполагает совершение обманутым лицом действий (бездействия) в интересах обманщика или указанных им лиц.

Склонение другого лица к определенному поведению становится возможным в силу того, что обман создает или укрепляет в сознании потерпевшего ошибку о наличии оснований для этого. Посредством обмана потерпевший соглашается совершить действие ошибочно полагая, что на нем лежит обязанность или что совершение указанного обманщиком действия является выгодным для него. Для того, чтобы сформировать в сознании другого лица ложные представления об основаниях возникновения, изменения или прекращения отношений, обманщики манипулируют «фактами». Это один из обязательных признаков обмана.

Под *фактом* понимаются сведения о ком или чем-либо: лице, предмете, действии или событии. Факт — это жизненное обстоятельство прошлого или настоящего; событие, уже состоявшееся или происходящее; явление действительности, существовавшее или существующее. О значении фактов в жизни людей замечено следующее: «Факты в тысячу раз важнее слов. Если вы понимаете факты, вы понимаете все»¹. Именно это обстоятельство используется обманщиком с тем, чтобы ссылаясь на мнимые «факты» скло-

¹ Павлов И.П. Полн. собр. соч.: В 6-ти т. Изд. 2-е и доп. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, Т.5. Лекции по физиологии, 1952. С.37.

нить другое лицо к определенному поведению. Обман есть ложь, которая основывается на несуществующих фактах.

Содержание обмана состоит в искажении фактов (например, в утверждении о фактах, отсутствующих в действительности, или отрицании фактов, имеющих место в действительности) или умолчании о каких-либо жизненных обстоятельствах, знание о которых удержало бы потерпевшего от совершения акта поведения, значимого для обманщика.

На этом основании различаются следующие виды обмана. 1. *Обман в отношении личности* (обман в лице), под которым понимается сообщение обманщиком ложных сведений о самом себе, своем соучастнике либо иных лицах. Так, оформление пенсии за выслугу лет путем представления в органы социальной защиты населения подложных документов, содержащих несоответствующие действительности сведения о трудовом стаже по выполнению определенной профессиональной деятельности, и получение необоснованно назначенной пенсии содержит признаки мошенничества, совершенного путем обмана в отношении личности¹. Равным образом, мошеннический обман в лице заключало в себе содеянное Рачковым, который, имея на руках чистые бланки доверенности и накладных, подписанных руководством кооператива «Созвездие», где он раньше работал, обманным путем получил в ассоциации «Архангельскмолиром» 3840 кг сливочного масла, которое реализовал, а деньги присвоил².

2. *Обман в отношении предмета* (обман в предмете), который можно определить как заведомое искажение сведений о существовании, тождестве, количестве или качестве предмета, о цене предмета и пр. Так, передача «денежной куклы» (вместо денег закамуфлированных бумажных свертков) в счет заранее обусловленной доплаты за автомашину сверх комиссионной стоимости следует считать мошенническим обманом в предмете³.

3. *Обман относительно иных обстоятельств действительности* (действий, событий и др.), который заключается в заведомом искажении истины относительно совершения или несовершения тех или иных действий, наступления или ненаступления определенных событий и пр. Например, такую разновидность обмана можно усмотреть в содеянном Шадриним, который, работая фельдшером в наркологическом кабинете поликлиники, создавал видимость у пациентов и их родственников, что за медикаменты и лечение необходимо внести особую плату, а полученные путем мошенничества деньги обрашал в свою пользу⁴.

Нередко при мошенничестве указанные виды обманов совершаются в различном сочетании друг с другом. Так, Л., выдавая себя за посредника

¹ См.: Судебная практика к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. В.М.Лебедева. С.719-720.

² См.: Судебная практика по уголовным делам. В 2-х ч. Ч.2. С.508.

³ См.: Там же. С.553-554.

⁴ См.: Судебная практика к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. В.М.Лебедева. С.709-710.

сдачи жилья в поднаем, а С. — за хозяйку жилья (обман в лице), под видом заключения договора найма жилого помещения склонили Ф. передать денежные средства в качества платы за предоставленное во владение и пользование жилое помещение, в действительности принадлежащее другому лицу (обман в предмете). В течение следующей недели после «подписания» договора Ф. с мужем и детьми сделали в квартире ремонт, а потом въехали в жилое помещение. Через 10 дней пришел хозяин этого жилого помещения и предъявил требование о выселении¹.

От искажения фактов следует отличать ложные предположения, оценки. Ложная оценка — это заведомо неверное суждение, мнение о факте. Последняя не может признаваться обманом, поскольку не заключает в себе сообщения о каких-либо обстоятельствах, а имеет своим основанием субъективное суждение о тех или иных фактах. При ложной оценке никакие факты не утверждаются и не отрицаются; каким-либо жизненным обстоятельствам лишь преднамеренно дается неверное толкование. Отсюда следует юридическая формула: пред фактами преклоняются, личным мнениям верят свободно². Содеянное образует обман лишь в случае, когда ложная оценка исходит от лица, обязанного давать оценку (например, определение рыночной стоимости имущества аудитором, проведение оценки недвижимого вклада участника хозяйственного общества независимым оценщиком, установление качества предмета экспертом). Такая ложная оценка, исходящая от лица, профессиональным долгом которого является осуществление оценочной деятельности, равносильна искажению фактов, и на этом основании ее следует признавать обманом³.

Иное мнение по вопросу о соотношении обмана и заведомо ложных оценок было высказано Б.С.Никифоровым. Этот автор писал, что теория «ненаказуемости живых мнений» имеет классовую, политическую направленность и лежит в основании охраны «свободы буржуазной торговли». Цель теории «различения утверждений и предположений (мнений)» — возможно более узко определить границы наказуемого имущественного обмана и предоставить торговцам право плутовать и наживаться на плутовстве, не входя в конфликт с уголовным законом. Между тем, утверждал Б.С.Никифоров, «различие между заявлением (утверждением или отрицанием) и мнением — чисто количественное, а не качественное, и строить на этом различии общее и принципиальное решение вопроса об ответственности за мошенничество не представляется возможным⁴. Даже не замечая политизированного характера рассуждений Б.С.Никифорова, все равно невозмож-

¹ См.: Архив Федерального суда Автозаводского района г.Тольятти Самарской области за 2001 г. Уголовное дело №1-3577/01.

² См.: Фойницкий И.Я. Курс уголовного права: Часть Особенная. Преступления личные и имущественные. С.255.

³ См.: Пионковский А.А. Советское уголовное право: Особенная часть. Т.2. С.139.

⁴ См.: Никифоров Б.С. Борьба с мошенническими посягательствами на социалистическую и личную собственность по советскому уголовному праву. С.108-111.

Проблемы совершенствования норм об отдельных видах имущественных преступлений и практики их применения

но удержаться от критики выдвигаемых им положений, по существу отождествляющих «фактическое состояние» с его оценкой. Как известно, жизнь состоит из фактов и их оценок. Факты — это находящаяся перед субъектом действительность, то, что признается объективно существующим. Понятие «факт» предполагает объект, который в его данности противостоит субъекту, дающему оценку известному «положению вещей», «состоянию дел». И закон, и судебная практика не отождествляют указанные категории. Так, Пленум Верховного Суда РСФСР на основании различения факта и оценки дал следующие разъяснения по вопросу отграничения клеветы от оскорбления: «обязательным элементом клеветы является распространение заведомо ложных, позорящих другое лицо измышлений о конкретных фактах, касающихся потерпевшего. Оскорбление представляет собой выраженную в неприличной форме отрицательную оценку личности потерпевшего, имеющую обобщенный характер и унижающую его честь и достоинство» (п.п.«б» п.14 постановления Пленума Верховного Суда РСФСР от 25 сентября 1979 г. «О практике рассмотрения судами жалоб и дел о преступлениях, предусмотренных ст.112, ч.1 ст.130 и ст.131 УК РСФСР»¹).

Особый вопрос — соотношение обмана и заведомо ложных обещаний. Заведомо ложные обещания (живые намерения) есть не соответствующие действительности сообщения об обстоятельствах, относящихся к будущему. В досоветской теории уголовного права заведомо ложные обещания не относились к разновидности обмана. Это обстоятельство обосновывалось тем, что обман есть искажение (сокрытие) фактов как событий прошлого или настоящего. Будущих фактов не существует. От фактов необходимо отличать ожидаемые события в будущем, еще не состоявшиеся и в силу этого принадлежащие не к области действительности, а к области возможного, предполагаемого. Обстоятельства, относящиеся к будущему, не могут быть установлены в настоящем. Поэтому обещание что-либо выполнить в будущем остается субъективным определением воли лица, которое, пока будущее не стало настоящим, может быть изменено. Отсюда, обман считается состоявшимся в момент искажения (сокрытия) истины. Момент окончания заведомо ложных обещаний отдален в будущее и связан с наступлением срока выполнения обещанного.

По вопросу о соотношении обмана и заведомо ложных обещаний И.Я.Фойницкий писал, что обманом не обнимаются живые обещания (например, получение денег в долг с обещанием своевременной уплаты при осознании неисполнения такого обещания) или вовлечение в невыгодную сделку обещанием выгод, если только для доказательства возможности последних не искажены факты, разграничивающие заведомо ложные обещания и обман². Также и по мнению Г.Е.Колоколова, «обольщение будущим,

¹ См.: Сборник постановлений Пленумов Верховного Суда Российской Федерации (СССР, РСФСР) по уголовным делам. С.137-143.

² См.: Фойницкий И.Я. Курс уголовного права: Часть Особенная. Преступления личные и имущественные. С.255.

каковы ложные обещания, не составляет обмана в уголовно-правовом смысле. Но если они возбуждены посредством искажения истины, то последнее может составить обман (обманное вовлечение в предприятие больших выгод, если само предполагаемое предприятие не существует)¹. Таким образом, в дореволюционной теории дача заведомо ложных обещаний в противоправных целях признавалась обманом при условии, если заведомо ложные обещания сопряжены с искажением фактов. Напротив, создание у другого лица ложного представления об обогатительных, должностяющих наступить в будущем, без одновременного искажения каких-либо фактов, не охватывалось понятием обмана.

В советской и современной науке уголовного права по вопросу о соотношении обмана и заведомо ложных обещаний сложились две концепции. Сторонники одной считают, что заведомо ложные обещания являются разновидностью обмана и именуется обманом в намерениях, обманом относительно условий наступления фактов. Так, Б.С. Никифоров указывал на неприемлемость для советского уголовного права теории разграничения мошеннического обмана и живых обещаний (обещаний будущих выгод). По его мнению, «предметом мошеннического обмана могут быть любые обогатительства, относящиеся как к настоящему и прошедшему, так и к будущему»². Б.В. Волженкин утверждает, что обман в намерениях имеет место, когда виновный обманывает пострадавшего относительно своих действительных намерений. «Такой обман, — пишет Б.В. Волженкин, — имеется, например, в случаях, когда виновный получает от потерпевшего деньги, обещая оказать определенную услугу, выполнить работу, берет имущество в прокат, обещая его вернуть, в долг при получении кредита и т.п., хотя фактически не имеет намерения ни выполнять работу или услугу, не возвращать вещь, взятую в прокат, ни погашать долг»³. Указанного подхода придерживается и Г.Н. Борзенков. По его мнению, ложные обещания часто составляют содержание мошеннического обмана. При этом ложное обещание — это не просто искажение «фактов будущего», но и одновременно ложное сообщение о своих подлинных намерениях в настоящем⁴.

Суть другой концепции соотношения обмана и заведомо ложных обещаний состоит в том, что обманом признается искажение и сокрытие фактов прошлого или настоящего, а дача ложных обещаний рассматривается в качестве злоупотребления доверием (как конструктивного признака мошенничества). По данному вопросу А.А. Жижиленко указывал: «Не будут составлять обмана живые обещания или уверения, так как они не заключают в себе утверждение фактов, а касаются лишь чего-то возможного в бу-

¹ Колоколов Г.Е. Указ. соч. С.230.

² См.: Никифоров Б.С. Борьба с мошенническими посяательствами на социалистическую и личную собственность по советскому уголовному праву. С.112-117.

³ Комментарий Уголовному кодексу Российской Федерации. Ростов н/Д. С.369.

⁴ См.: Уголовное право Российской Федерации: Особенная часть. Учебник / Под ред. Г.Н. Борзенкова и В.С. Комиссарова. С.209.

Проблемы совершенствования норм об отдельных видах имущественных преступлений и практики их применения

дущем. Так, если одно лицо обещает другому, вступающему с ним в сделку, уплатить такого то числа деньги, которые он будто бы должен получить, то это не составляет обмана; точно также не будет обманом при вовлечении в невыгодную сделку обещание в будущем выгоды, не оправдавшихся на деле, так как здесь речь идет о таких обстоятельствах, относительно которых ни сам обещающий, ни получающий обещание не могут знать, что они верно наступят»¹. В этой связи А.А.Жижиленко считал, что ложные уверения, то есть заявления, имеющие в виду что-нибудь долженствующее произойти в будущем, охватываются понятием злоупотребления доверием как способом мошенничества². Также и А.И.Санталов применительно к мошенничеству замечал: «Обман относится к искажению фактов настоящего и прошедшего и он поддается проверке; злоупотребление доверием касается будущего, обещаний и заверений виновного истинность которых проверить невозможно, и лицу либо доверяют, либо отказывают в доверии. При наличии доверия виновный использует его во зло»³. К конкретному проявлению злоупотребления доверием относит преднамеренное невыполнение принятых на себя обязательств и А.И.Рапог⁴. З.А.Незнамовой предлагается, что обман относительно будущих намерений есть злоупотребление доверием⁵. Развернутая аргументация соответствующего подхода содержится в работах Э.С.Тенчова. Характеризуя состав мошенничества, этот автор лживые обещания связывает со злоупотреблением доверием, которое, по его мнению, означает принятие на себя субъектом обязательств имущественного свойства без намерения их выполнить. Фактически не намереваясь выполнять достигнутую договоренность, виновный использует во зло оказанное ему собственником или владельцем доверие без искажения событий прошлого или настоящего с целью незаконного приобретения имущественных выгод. При этом Э.С.Тенчов указывает, что при злоупотреблении доверием субъект до наступления обусловленных сроков способен изменить первоначальные намерения и выполнить ранее взятые обязательства, тем самым отказываясь от доведения преступления до конца⁶. Следовательно, момент окончания корыстного имущественного деяния, совершаемого путем заведомо ложных обещаний, не может быть связан, как при обмане, с моментом получения виновным реальной возможности распоряжаться чужим имущественным благом. Ведь лицу до наступления сроков исполнения взятого на себя обязательства способно изменить первоначальную позицию и приступить к его

¹ Жижиленко А.А. Указ. соч. С.138-139.

² См.: там же. С.145.

³ Курс советского уголовного права: В 5-ти т. Т.3. С.435.

⁴ См.: Уголовное право России: Особенная часть: Учебник / Отв. ред. Б.В.Здравомыслов. С.150.

⁵ См.: Уголовное право: Особенная часть: Учебник / Отв. ред. И.Я.Козаченко, З.А.Незнамова, Г.П.Новоселов. С.215.

⁶ См.: Уголовный кодекс Российской Федерации: Научно-практический комментарий / Под ред. Л.Л.Кругликова и Э.С.Тенчова. С.274-275; Уголовное право России: Часть Особенная: Учебник / Отв. ред. Л.Л.Кругликов. С.210-211.

выполнению. Поэтому моментом окончания имущественного преступления, соединенного с заведомо ложными обещаниями, следует признавать момент неисполнения мнимого обязательства в обозначенный соглашением и наступивший срок.

На наш взгляд, более предпочтительным в практическом отношении представляется тот концептуальный подход, который относит заведомо ложные обещания к разновидности обмана.

Впервые законодательное определение понятия обмана было дано в примечании к ст.187 УК 1922 г. о мошенничестве, в котором указывалось: «обманом считается как сообщение ложных сведений, так и заведомое сокрытие обстоятельств, сообщение о которых было обязательно». Понятие обмана раскрывается также правовой наукой и правоприменительной практикой. В цивилистике обман определяется как намеренное (умышленное) введение другого лица в заблуждение путем сообщения (передачи) ложных сведений (противоправное действие) либо путем умолчания об обстоятельствах, которые препятствуют сделке (противоправное бездействие)¹. В науке уголовного права под обманом понимается сознательное искажение истины (активный обман) и умолчание об известных обманщику обстоятельствах (пассивный обман)². Посредством казуального толкования Президиум Куибышевского (ныне Самарского) областного суда в постановлении по делу Ч. сформулировал следующее определение обмана, правда, применительно к мошенничеству: «Обман — это умышленное искажение или сокрытие истины с целью ввести в заблуждение лицо, в ведении которого находится имущество, и таким образом добиться от него добровольной передачи имущества, а также сообщение с этой целью заведомо ложных сведений»³.

На вопросе о пассивном обмане следует остановиться подробнее. Обычно обман выражается в действиях, преднамеренно направленных на возникновение или поддержание уже возникших ошибочных представлений у другого лица. По общему правилу не может признаваться обманом одно лишь пользование чужой ошибкой, возникшей не по вине, без умысла соответствующего лица⁴. Вместе с тем, от простого использования чужой ошибки необходимо отличать пассивный обман. Под последним понимает-

¹ См.: Гражданское право: Учебник. Часть I / Под ред. А.П.Сергеева, Ю.К.Толстого. С.238; Гражданское право: Учебник. Часть I / Под общ. ред. Т.И.Илларионовой, Б.М.Гонгало и В.А.Плетнева. С.224.

² См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. В.М.Лебедев. С.345; Словарь по уголовному праву / Отв. ред. А.В.Наумов. М.: БЕК, 1997. С.208.

³ См.: Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1982. №2. С.14.

⁴ Иное мнение по данному вопросу было высказано А.А.Пионтковским: «Признание мошенническим обманом пользование чужим заблуждением дает государственной и общественной торговле и промышленности дополнительное средство защиты против хищнических appetitов частного капитала (мотивационное действие этой уголовно-правовой нормы) и приучает частный капитал к максимальной добросовестности в его отношениях с государственными и общественными предприятиями (воспитательное действие этой уголовно-правовой нормы)». (см.: Пионтковский А.А. Советское уголовное право: Особенная часть. Т.2. С.140).

Проблемы совершенствования норм об отдельных видах имущественных преступлений и практики их применения

ся умышленное бездействие, пассивное поведение лица, выражающееся в преднамеренном сокрытии таких обстоятельств, сообщение о которых является обязательным. По мнению Э.С.Тенчова, пассивный обман заключается в невыполнении обязанности сообщить о действительных обстоятельствах¹. Б.В.Волженкин определяет пассивный обман применительно к мошенничеству как умолчание об истине, когда виновный сознательно пользуется заблуждением пострадавшего о наличии оснований для передачи имущества (права на имущество), возникшим независимо от виновного². Как и любое бездействие, пассивный обман заключается в несовершении таких действий, которые виновный должен был и мог совершить. Только при этих общих условиях пассивный обман приобретает уголовно-правовое значение.

Итак, пассивный обман имеет место при наличии, во-первых, правовой обязанности сообщить об обстоятельствах, исключающих выполнение другим лицом какого-либо действия (бездействия), во-вторых, реальной возможности действовать в соответствии с возложенной правовой обязанностью. При этом правовая обязанность сообщения другому лицу об определенных обстоятельствах может вытекать из различных оснований: закона, иного нормативного акта (регулирующего, например, служебную и профессиональную деятельность), договора и пр.³

Исходя из вышесказанного, под обманом в уголовном праве следует понимать сообщение ложных сведений или сокрытие фактов, направленное на введение другого лица в заблуждение и склонение последнего к совершению действия (бездействия) в интересах обманщика.

Заслуживает внимания обман как способ совершения имущественных преступлений. Под ним понимается заведомое искажение или сокрытие истины с целью склонить другое лицо совершить действие (бездействие) имущественного характера в интересах обманщика. От такого обмана следует отличать обманы, совершаемые с целью скрыть имущественное преступление или облегчить его совершение. Последние не являются необходимым способом совершения преступления, а выступают исключительно в виде приемов, используемых преступником для обеспечения доступа к чужому имуществу с целью его обращения в свою пользу либо удержания уже изъятых чужих имуществ (например, кража, присвоение или растрата, сопряженные с обманными действиями). Так, трое лиц, выдавая себя за сотрудников милиции, обманным путем незаконно проникли в квартиру,

Уголовный кодекс Российской Федерации: Научно-практический комментарий / Под ред. Д.Л.Кругликова и Э.С.Тенчова. С.273.

² См.: Волженкин Б.В. Мошенничество. С.23.

³ Признавая пользование чужой ошибкой в целях личного обогащения уголовно наказуемым обманом, А.А.Пионтковский считал целесообразным для искоренения недобросовестных навыков в торговле расширительно толковать наличие в данном конкретном случае обязанности сообщать об обстоятельствах, знание которых потерпевшим помешало бы совершению сделки (см.: Пионтковский А.А. Советское уголовное право: Особенная часть. Т.2 С.140).

принадлежащую Ш., где под видом обыска совершили действия в целях отыскания ценного имущества, обнаружили и тайно изъяли денежные средства и магнитофу. При таких обстоятельствах дела суд обоснованно усмотрел в содеянном признаки кражи, совершенной группой лиц по предварительному сговору с незаконным проникновением в жилище¹.

По действующему УК обман является обязательным признаком двух имущественных преступлений, предусмотренных ст.ст.159 (мошенничество) и 165 (причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием). По смыслу закона мошеннический обман заключается в заведомом искажении или сокрытии истины, направленном на введение другого лица в заблуждение и склонении последнего к передаче (уступке) имущества либо права на имущество. Как видно, понятие мошенничества в УК РФ ограничено по предмету чужим имуществом и правом на чужое имущество. Следовательно, не образуют мошенничества обманы, направленные на извлечение выгод неимущественного характера (например, регистрация брака, трудоустройство, занятие должности, получение информации путем обмана). Равным образом, действующий УК не позволяет расценивать как мошенничество обманы, способствующие извлечению имущественных выгод, не связанных с приобретением имущества или права на него. На этом основании освобождение от имущественных обязанностей путем обмана не составляет по действующему УК состава мошенничества.

Если мошенничество выражается в умалении наличного имущественного состояния потерпевшего и причинении убытков в виде реального ущерба, то другой вид имущественного преступления, соединенного с обманом, влечет последствия, которые заключаются не в прямых убытках, а в упущенной выгоде (неполученных доходах). В последнем случае виновный обманным путем препятствует поступлению имущества в фонды собственника или незаконно безвозмездно пользуется чужим имуществом, нередко присваивая полученные доходы.

С развитием рыночных отношений различного рода обманные уловки все чаще используются для совершения посягательств на имущественные отношения, основанные на договоре и связанные с переходом имущества от одних лиц к другим. В судебной практике вопрос об уголовной ответственности за обманные действия в сфере договорных и иных обязательств решается на основании разъяснения Пленума Верховного Суда СССР, данного им в п.12 постановления от 5 сентября 1986 г. «О судебной практике по делам о преступлениях против личной собственности». Суть последнего в следующем: получение имущества под условием выполнения какого-либо обязательства может быть квалифицировано как мошенничество лишь в том случае, когда виновный еще в момент завладения этим имуществом имел цель его присвоения и не намеревался выполнять принятое обязательство.

¹ См.: Архив Кировского районного суда г. Самары за 2001 г. Уголовное дело №1-1023/01.

и причинение имущественного ущерба потерпевшему, обманом путем вовлеченного в сделку. Чтобы сделать достоверный вывод о наличии такого намерения, необходимо исходить из совокупности всех обстоятельств содеянного. В первую очередь подлежат выяснению обстоятельства дела, предшествовавшие завладению чужим имуществом: имущественное состояние лица, занятие предпринимательской или иной деятельностью, получаемые им доходы и другие обстоятельства, свидетельствующие о реальной возможности исполнить взятые на себя обязательства. Так, по делу Т., осужденной Сызранским городским судом за мошенничество под видом заключения договоров на предоставление партнерского кредита от имени ТОО «Адад» (директором которого Т. работала), приговор был отменен Самарским областным судом на том основании, что суд первой инстанции не исследовал в полном объеме какими денежными средствами и в каком банковском учреждении владело ТОО «Адад», имелось ли какое-либо имущество на балансе этой организации, с помощью которого Т. намеревалась расплатиться с долгами¹.

Необходимо также исследовать обстоятельства, связанные с заключением договора, на предмет того, использовались ли подложные документы (например, подложные банковские гарантии), поддельные штампы, бланки, печати, имел ли место обман в связи с обеспечением обязательства (в частности, передача в залог заведомо чужого имущества), сообщались ли заведомо ложные сведения, недостоверные факты и др.

Нуждаются в установлении обстоятельства дела, которые имели место после передачи потерпевшим имущества: совершение действий, направленных на уклонение возврата долга (например, ликвидация организации, от имени которой заключен договор, смена работы или места жительства виновного), или, напротив, на обеспечение его возврата; целевое или нецелевое использование предоставленных денежных средств; расточительное или бережное, разумное расходование полученного кредита и пр.

Каждое из указанных и иных обстоятельств, имеющих значение для дела, должно оцениваться в совокупности со всеми другими обстоятельствами, так как только в этом случае можно правильно решить вопрос о действительных намерениях лица. В судебной практике обоснованно не рассматривается в качестве обстоятельства, исключающего мошенничество, факт возвращения отдельным вкладчикам предоставленных ими денежных средств. В случае погашения некоторых долговых обязательств подлежит установлению, с какой целью должник частично погасил долг: для привлечения дополнительных денежных средств с намерением их незаконного обращения в свою пользу либо для надлежащего исполнения своих обязательств перед кредиторами.

Президиум Верховного Суда РФ по делу Буренкова не согласился с решением Судебной коллегии Верховного Суда РФ, отменившей обвинитель-

¹ См.: Архив городского суда г.Сызрани Самарской области за 2001 г. Уголовное дело №1-919.

Логика приведенного судебного разъяснения очевидна и не вызывает возражений. Если обман — способ совершения мошенничества, между обманом потерпевшего и передачей последним имущества виновному должна существовать причинная связь. В таком случае умысел виновного на получение имущества возникает до заключения договора, а обман должен иметь место до передачи потерпевшим материальных ценностей виновному, предшествовать приобретению имущества последним.

В правоприменении установление признаков мошенничества, совершенного под видом заключения договора, вызывает трудности. Квалификация содеянного в этих случаях прямо зависит от установления в действиях виновного прямого умысла, волевой элемент которого включает желание обратить чужое имущество в свою пользу и тем самым причинить имущественный ущерб другой стороне мнимого обязательства. Между тем, мошенническое завладение чужим имуществом, совершаемое «под прикрытием» сделки, внешне напоминает собой правомерные действия, которые будто бы направлены на установление гражданских прав и обязанностей и при этом явно не свидетельствуют о том, что одна из сторон, «вступаая» в такую сделку, не намерена выполнять принятые на себя обязательства.

Установление лишь факта причинения ущерба, от возмещения которого причинитель вреда не отказывается, является предметом гражданско-правового спора¹. Нарушение обязательств по причине неумелого и неудачного ведения коммерческих дел, неправомερных действий третьих лиц, наступления непредвиденных событий, препятствующих исполнению обязательства, не признается мошенничеством. Заключение договора на законных основаниях и отсутствие доказательств, подтверждающих наличие в действиях обвиняемого обмана с целью безвозмездного завладения чужим имуществом или свидетельствующих о его нежелании возвращать полученные по обязательству денежные средства, исключают оценку содеянного как мошенничества. Такого подхода последовательно придерживается Верховный Суд РФ. Так, по делу Шукина Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ указала, что владелец частных предприятий обоснованно оправдан судом ввиду отсутствия у него умысла на хищение полученных кредитов². По делу Головина, Головиной и Асеева Верховным Судом РФ было определено: действия лиц, не возвративших полученные в кредит денежные средства при отсутствии умысла на их присвоение, не содержат состава преступления — мошенничества³.

Как уже было замечено, получение имущества под условием выполнения какого-либо обязательства может быть квалифицировано как мошенничество только в том случае, если будет установлен прямой умысел у виновного на безвозмездное обращение указанного имущества в свою пользу

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2001. №9. С.14.

² См.: Судебная практика по уголовным делам: В 2-х ч. Ч.2. С.526-527.

³ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2001. №8. С.11-12.

деньги и ценные бумаги, так и другого имущества, лишенного вещественного содержания. При этом представляется, что все указанные виды обязательств могут быть поражены обманом. Осуществление обмана вполне мыслимо и в процессе исполнения обязательства (например, после заключения договора), равно как и может быть связано с прекращением обязательства, либо иметь место при перемене лиц в обязательстве (например, перевод должником своего долга путем обмана на другое лицо). В указанных случаях не требуется, чтобы умысел на обман предшествовал заключению договора.

Изменения в экономике обуславливают появление новых общественно опасных видов поведения с использованием обманов. Социально нетерпимые формы дезинформации, явственно обозначившиеся в последние годы, проникают в сферы и области отношения, ранее им недоступные. С развитием рыночной экономики обманные действия модифицируются применительно к новым условиям. Обман все глубже поражает имущественные отношения, в том числе возникшие в связи с переходом общества к предпринимательской экономике. Между тем, некоторые формы общественно опасного поведения, связанного с обманом, пока еще не получили надлежащей правовой оценки. К их числу относятся, в частности, обманные уловки, совершаемые с целью приобретения обязательственных прав, не связанных с передачей имущества, полного или частичного освобождения виновного от выполнения имущественных обязательств, склонения потерпевшего к отсрочке или рассрочке платежей, к безвозмездному выполнению работ или оказанию услуг в интересах обманщика, к отказу от доли в общем имуществе, к совершению иной невыгодной сделки.

Важное практическое значение в свете сказанного приобретает и вопрос о строгом различении обмана и злоупотребления доверием. Понятие «злоупотребление доверием», обозначающее в действующем УК способ совершения некоторых имущественных преступлений, можно определить как использование в противоправных целях доверия, сложившегося между виновной и пострадавшей сторонами на основании юридических (гражданско-правовых, трудовых или служебных) и фактических отношений (родственных, дружеских, иных близких связей). Между тем, как заметил А.А. Жижиленко, анализируя нормы об имущественных преступлениях по УК 1926 г., «злоупотребление доверием, как способ совершения мошенничества, должно быть отличаемо от злоупотребления доверием, конструируемого в качестве особого преступления»¹. Злоупотребление доверием относится к тем категориям уголовного права, «смысл» которых «утрачен в веках». Сегодня уже нельзя утверждать, вслед за И.И. Аносовым, что «история злоупотребления доверием в российском уголовном праве не представляет значительного уклонения от истории других стран»². Трудно также говорить о том,

¹ Жижиленко А.А. Указ. соч. С.144.

² Аносов И.И. Злоупотребление доверием. М., 1915. С.296.

Проблемы совершенствования норм об отдельных видах имущественных преступлений и практики их применения

ный приговор в части осуждения последнего за мошенничество. Согласно материалам дела, Буренков лично и через посредников заключал устные и письменные договоры с физическими и юридическим лицами на поставку сахарного песка и гречневой крупы. При этом осужденный нигде не работал, реальной возможности поставить сахарный песок и крупу не имел. Заключая один из договоров, Буренков выдавал себя за лицо, работающее в фирме, которой не существовало. При заключении другого договора использовал ложные данные о несуществующем кооперативе, изготовил подложную печать этого «кооператива». Полученные деньги Буренков тратил на свои нужды, покупал много дорогостоящих вещей, вел праздный образ жизни. «Под сильным нажимом» отдельных потерпевших часть денег возвращал за счет денежных средств, полученных аналогичным способом¹. При таких обстоятельствах дела есть основания полагать, что Буренков имел умысел на обманное завладение денежными средствами, полученными от граждан по договорам на покупку для них товаров.

Приведем в качестве примера еще одно дело из материалов судебной практики. Судебная коллегия Верховного Суда СССР по делу Новицкого не согласилась с доводами о том, что последний, получая деньги от целого ряда лиц, вступал с ними в договорные отношения, и поэтому в его действиях нет состава преступления, а имеется лишь невыполнение принятых на себя обязательств по договору. Согласно материалам дела, Новицкий нигде не работал, систематически пьянствовал, получая от граждан деньги, обещал им построить гаражи для автомашин, не имея ни листового железа, ни другого строительного материала, никаких действий во исполнение взятых обязательств не совершил и не имел намерения совершать, а полученные от потерпевших денежные средства пропивал. Исходя из указанных обстоятельств, Судебная коллегия Верховного Суда СССР обоснованно указала: обманное получение средств путем заключения сделок на производство каких-либо работ без намерения их выполнить должно рассматриваться как мошенничество².

Применение обозначенного подхода к правовой оценке необоснованного приобретения имущественной выгоды под условием выполнения обязательства ограничено теми случаями афер и махинаций, которые выражаются в получении имущества (в виде вещи, в том числе денежных средств) и совершаются под видом заключения договоров о передаче имущества в собственность или во временное владение и пользование.

Вместе с тем, исходя из ст.307 ГК РФ, обязательства могут быть связаны не только с передачей имущества, но и с выполнением работ, оказанием услуг и пр. Посредством указанных правовых форм осуществляется перемещение от одного лица к другому как имущества в виде вещей, включая

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1997. №2. С.7-8.

² См.: Судебная практика к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. В.М.Лебедева. С.704-705.

Проблемы совершенствования норм об отдельных видах имущественных преступлений и практики их применения

что современное понимание злоупотребления доверием состоит в какой-то исторической связи и преемственности с прежним уголовным правом и законодательством России. Однако все по порядку.

Как и любая правовая категория, понятие злоупотребления доверием является продуктом исторического развития права. Это понятие было разработано для обозначения в уголовном праве самостоятельной группы имущественных преступлений. По утверждению Ф. фон-Листа, злоупотребление доверием в XVII-XVIII вв. нередко рассматривалось как квалифицированный вид мошенничества. Оно получает самостоятельное значение постепенно в XIX веке под влиянием *Code penal*¹.

Появление и развитие уголовно-правовой категории «злоупотребление доверием» имеют под собой как социально-экономические, так и правовые основания. Ее формирование с экономической точки зрения связано с изменившимися условиями хозяйственной жизни: отделением процессов управления от собственности, результатом которого является перераспределение экономической власти в пользу управляющих и появление «благоприятных» условий для злоупотреблений полномочиями представителями чужих имущественных интересов. Вверенные имущественные интересы оказываются уязвимыми с точки зрения возможностей для имущественных посягательств, совершаемых лицами, обязанными действовать в чужом интересе. Ставший своего рода удобной мишенью для акционерных и иных злоупотреблений управляющих, вверенный имущественный интерес нуждается в уголовно-правовой охране наряду с собственностью и иными имущественными правами. Будучи реально не защищенным уголовным законом, имущественный интерес представляемых, доверителей, учредителей управления, акционеров, пайщиков и других членов хозяйственных обществ, безнаказанно нарушается недобросовестными и корыстными уполномоченными, поверенными, представителями органов управления хозяйственных обществ. Экономические и социальные последствия распространения в обществе злоупотреблений доверием носят сугубо негативный характер. В первую очередь страдают интересы экономического оборота, снижаются инвестиции, растет неэффективность управления в сфере экономики, подрываются правовые основы предпринимательства, наконец, существенно нарушаются права и законные интересы граждан — рядовых участников хозяйственной деятельности.

С юридической стороны для построения состава злоупотребления доверием, по мнению И.И.Аносова, необходимо, «чтобы дифференцировались и вполне определились понятия кражи, мошенничества и присвоение вверенного»². Злоупотребление доверием — плод правового сознания, различающего собственность и владение, разграничивающего право собственности и иные имущественные права, воспринимающего экономико-право-

¹ См.: фон-Лист Ф. Указ. соч. С.172.

² Аносов И.И. Указ. соч. С.296.

вую ценность как вещей, так и иных имущественных благ и интересов в их многообразии. Очевидно, что уголовно-правовые нормы о тайном и открытом хищении чужого имущества, мошенничестве, присвоении вверенного имущества бессильны, когда речь идет об акционерных «кражах» и «обманах», иных корыстных злоупотреблениях управляющих. На это обстоятельство неоднократно обращалось внимание в доктрине. Так, И. И. Аносов писал: «Нуждается ли представитель в обмане или насилии? Нет, они ему вовсе не требуются. Деятельность его носит формально легальный характер; неправовой элемент ее заключается в материальном моменте, отклонении от ... цели, с которой ему была вручена власть над чужим имуществом». Поэтому, по мнению этого автора, никак нельзя обойтись без особого состава преступления, заключающегося в злоупотреблении предоставленной законом или договором властью распоряжаться чужим имуществом¹.

Свидетельством тому служит и недавняя практика применения норм о «преступлениях против собственности» УК 1960 г. в условиях рыночных отношений. Как известно, указанный закон не содержал нормы о злоупотреблении доверием в сфере имущественных отношений, что на практике вело к прекращению уголовных дел о злоупотреблениях управляющих коммерческих и иных организаций за отсутствием в их действиях состава преступления. Так, Октябрьским районным судом г. Уфы Китаев был осужден за мошенничество. Работая начальником службы в Уфимских городских электрических сетях (УГЭС) АО «Башкирэнерго», он дал указание направлять потребителей УГЭС для оформления платежных документов в бухгалтерию посторонней общественной организации «Совет милосердия». За период с ноября 1993 г. по сентябрь 1994 г. потребителями УГЭС было перечислено и внесено наличными на расчетный счет «Совета милосердия» 196 236 175 руб., Китаеву и группе инженеров УГЭС в «Совете милосердия» незаконно выплачено 12 676 711 руб., из них лично Китаеву — 4 196 367 руб. Президиум Верховного Суда Республики Башкортостан судебное решение отменил и дело производством прекратил ввиду отсутствия в действиях Китаева уголовно наказуемого деяния, указав, что от хищения следует отличать такое злоупотребление служебным положением, которое хотя и причинило материальный ущерб государству или общественной организации, однако не связано с безвозмездным обращением чужого имущества в свою пользу или пользу других лиц, что содеянное Китаевым могло бы рассматриваться как злоупотребление служебным положением, если бы он был признан должностным лицом².

Историческое развитие юридического понятия злоупотребления доверием тесно связано с преднамеренным нарушением договоров, прежде всего, заключаемых по поводу действий или деятельности в чужом имущественном интересе. В этой связи следует назвать фидуциарные (от лат. *fides*,

¹ См.: там же. С. 14.

² См.: Судебная практика по уголовным делам: В 2-х ч. Ч. 2. С. 564-565.

Проблемы совершенствования норм об отдельных видах имущественных преступлений и практики их применения

fiducia — вера, доверие, доверенность) сделки, которые носят доверительный характер и обыкновенно основываются на личных отношениях сторон (договоры поручения, комиссии, доверительного управления имуществом и др.). Нарушение таких и подобных им сделок рассматривалось как нарушение одной стороной особой обязанности верности, вытекающей из особого доверия другой стороны. В силу указанной специфики договорных отношений интересы доверителя не всегда могли быть надежным образом защищены исключительно гражданско-правовыми средствами. Нередко надлежащее исполнение обязанности верности обеспечивалось в уголовно-правовом порядке, например, путем применения по аналогии норм о мошенничестве и присвоении вверенного имущества. Распространение указанных договорных отношений, получивших со временем высокое экономическое значение, потребовало создания и применения специальных уголовно-правовых норм, более надежно под страхом уголовного наказания обеспечивающих добросовестное и разумное использование представителями предоставленных им полномочий.

В современной литературе высказано мнение о тесной связи понятия злоупотребления доверием с такой гражданско-правовой категорией, как злоупотребление правом. Так, разновидностью злоупотребления правом признаются преступления управленческого персонала коммерческих и иных организаций (многие из которых по сути своей есть злоупотребления доверием, совершаемые в сфере частной службы)¹. С такой постановкой вопроса согласиться трудно. Злоупотребление правом (англ. abuse of law) – особое гражданское правонарушение. Оно представляет собой использование управомоченным лицом субъективного права в противоправных целях, недозволенными средствами и способами, что влечет за собой нарушение прав и законных интересов граждан, охраняемых законом интересов общества и государства. Основная специфика злоупотребления правом состоит в том, что действия нарушителя формально совершаются на основании принадлежащего ему права, однако при этом приобретают такой характер и форму, которые вступают в противоречие с назначением права (шикана, изъятие товаров из обращения с целью создания дефицита на рынке и др.).

Правовая природа злоупотребления доверием иная. Во-первых, злоупотребление доверием может иметь такой общественно опасный характер, который позволяет отнести его к разряду уголовных правонарушений. Во-вторых, оно представляет собой использование *полномочий* вопреки тем интересам, о которых виновное лицо по договору, долгу службы или по иным основаниям обязано добросовестно и разумно заботиться. Наконец, злоупотребление доверием есть посягательство на саму сущность права. Оно заключается в грубом нарушении особых обязанностей по обеспечению реализации чужих интересов. Тогда как злоупотребление правом выражается в

¹ См.: Гордейчик С.А. Преступления управленческого персонала коммерческих и иных организаций. Волгоград: Перемена, 2000. С. 3, 11-13.

осуществлении субъективного права вопреки его назначению, в использовании таких форм реализации субъективного права, которые выходят за установленные законом пределы его осуществления. Таким образом, злоупотребление правом имеет весьма отдаленное сходство со злоупотреблением доверием.

Уголовно-правовая доктрина в прошлом ограничивала применение нормы о злоупотреблении доверием имущественной сферой. По этому поводу Ф. фон-Лист писал: «Злоупотребление доверием направлено против права других лиц на ограждение их имущественных интересов. Лишь эти последние, а не другие интересы ... являются объектами этого посягательства. Именно поэтому злоупотребление доверием есть имущественное преступление. Для выполнения требуется нанесение ущерба имуществу»¹. Таким образом, основным объектом злоупотребления доверием выступали имущественные отношения, складывающиеся в связи с действиями в чужом имущественном интересе по поручению. Указанные имущественные отношения могли вытекать из представительства, опеки, попечительства или возникать на основании поручения, доверительного управления имуществом, комиссии, агентирования и др.

В досоветской доктрине было высказано мнение, что злоупотребление доверием, совершенное должностным лицом, необходимо выделить в самостоятельный состав служебного преступления². Очевидно, что в этом случае содержание объекта рассматриваемого посягательства изменяется. Должностное злоупотребление доверием (полномочиями) как самостоятельный вид служебного преступления имеет своим объектом установленный порядок функционирования органов публичной власти и управления. Власть и управление осуществляются в разных сферах жизнедеятельности общества по поводу самых различных материальных и нематериальных благ и ценностей. Интересы, которые призваны обеспечить органы власти и управления, весьма многообразны и не ограничиваются исключительно имущественным характером и содержанием. Поэтому включение в уголовный закон нормы о должностном злоупотреблении доверием (полномочиями) по существу означает создание самостоятельного состава преступления, частично «пересекающегося» со злоупотреблением доверием как имущественным преступлением, но отличающегося от последнего по признакам объекта, субъекта преступления и характеру общественно опасных последствий.

Ограничение в уголовном законе применения нормы о должностном злоупотреблении доверием (полномочиями) исключительно имущественной сферой сделало бы ее специальной по отношению к общей норме о злоупотреблении доверием как имущественном преступлении. Тогда нет необходимости выделять должностное злоупотребление доверием (полномочиями) в самостоятельный состав служебного преступления. Достаточно преду-

¹ фон-Лист Ф. Указ. соч. С. 173.

² См. об этом: Аносов И. И. Указ. соч. С. 15.

смотреть в статье УК об имущественном злоупотреблении доверием квалифицированный вид его, выражающийся в совершении указанного преступления с использованием должностного (служебного) положения.

Вопрос о предмете злоупотребления доверием как самостоятельном виде имущественного преступления относился в досоветской науке к числу дискуссионных. По мнению ряда исследователей, в качестве предмета этого преступления выступает имущество в широком смысле слова. Так, И.И.Аносов полагал, что предметом злоупотребления доверием «может быть любая часть имущества потерпевшего; преступление это направляется и против права собственности — причем объектом воздействия могут быть и движимые, и недвижимые вещи, и против обязательственных прав»¹. Аналогичное мнение по данному вопросу высказывал и А.А.Жижиденко. Предметом злоупотребления доверием, указывал этот автор, является «чужое подлежащее охране и попечению виновного имущество, понимаемое или в смысле всего имущества, охватывающего как материальные вещи, так и права по имуществу и имущественные выгоды, или в смысле отдельных предметов имущественного обладания, или отдельных имущественных прав»². При этом в науке того периода обращалось внимание, что имущество, являющееся предметом злоупотребления доверием, должно быть чужим для виновного. Кроме того, указывалось и на то обстоятельство, что не всякое чужое имущественное благо может быть предметом злоупотребления доверием, а только то, которое находится в управлении и распоряжении виновного, является «вверенным» ему.

Другие ученые-юристы предметом злоупотребления доверием признавали охраняемый законом имущественный интерес представляемого, подлежащий попечению виновного лица. По данному вопросу И.Я.Фойницкий писал: «Предметом злоупотребления доверием является не чужое имущество *in corpore*, как физическая вещь, а вообще имущественный интерес; хотя, конечно, в результате злоупотребления доверием, направляющегося против имущественного интереса потерпевшего, на стороне его оказывается имущественный вред, который, в конце концов, может выражаться в сокращении сферы его обладания определенными имуществами, движимыми или недвижимыми, наличными или долговыми»³.

Компромиссную позицию по вопросу о предмете злоупотребления доверием занимал С.В.Познышев. По его мнению, предметом рассматриваемого преступления является чужое имущество или имущественный интерес, попечение о котором лежало на виновном⁴.

¹ Там же. С.72.

² Жижиденко А.А. Указ. соч. С.118.

³ Фойницкий И.Я. Курс уголовного права. Часть Особенная. Преступления личные и имущественные. С.377.

⁴ См.: Познышев С.В. Особенная часть русского уголовного права. Сравнительный очерк важнейших отделов Особенной части старого и нового Уложений. С.318.

Признание досюветской наукой уголовного права *правоохраняемого имущественного интереса* возможным признаком состава рассматриваемого преступления продолжает иметь немаловажное научное и практическое значение. Категория «интерес» широко используется в современном праве. Так, о действиях в чужом интересе указывается в ГК РФ (ст.ст.182, 183, 980-989, 1012 и др.). Понятие интереса известно и современному уголовному праву, которое использует указанную категорию, в частности, при построении норм о злоупотреблении полномочиями в сфере служебных отношений (ст.ст.201, 285 и др.).

В современной науке уголовного права высказывается сомнение в целесообразности признания имущественного интереса объектом преступления. Г.Н.Борзенков пишет, что реализация такого подхода на практике приводит в тупик, поскольку не позволяет считать имущественным преступлением ситуацию, когда имущественный интерес либо вообще не страдает, либо не подлежит правовой защите¹.

Интересы могут быть законными и незаконными, правоохраняемыми и не подлежащими правовой защите. Интересу, противоречащему закону, не может быть обеспечена правовая охрана. Право, в том числе и уголовное, защищает только такие интересы, которые соответствуют закону и не противоречат ему. Н.А.Шайкенов усматривает сущность законного интереса в общественном отношении, которое опосредует оптимальное, выгодное удовлетворение потребности, охватываемое сферой правового регулирования, но не получившее характера конкретной юридической связи². В этом смысле законный интерес следует отличать от субъективного права, которое обеспечивается возложением на другое лицо юридической обязанности.

Одновременно субъективное право и законный интерес являются близкими и нередко совпадающими правовыми категориями. Субъект осуществляет свое право, исходя из собственных интересов или интересов других лиц. В основе субъективного права лежит тот или иной интерес, для удовлетворения которого субъективное право и предоставляется управомоченному лицу. Это обстоятельство дало основание Г.Ф.Шершеневичу утверждать: «Под именем права в смысле субъективном понимается обособленная объективным правом возможность осуществления интереса... Так как субъективное право представляет юридическую возможность осуществления интереса, то оно не может возникнуть без действительного интереса, имущественного или нравственного. Если такой интерес существует в момент установления отношения, но впоследствии отпал, то вместе с ним прекращается и субъективное право³». Современные цивилисты также считают, что при отсутствии интереса субъективное право утрачивает свое предназначение

¹ См.: Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: Учебник / Под ред. Г.Н.Борзенкова и В.С.Комиссарова. С.176.

² См.: Шайкенов Н.А. Правовое обеспечение интересов личности. Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1990. С.172.

³ Шершеневич Г.Ф. Указ. соч. С.58.

Проблемы совершенствования норм об отдельных видах имущественных преступлений и практики их применения

ние¹. Между тем, по вопросу о взаимосвязи интереса и субъективного права иногда утверждается, что первый нельзя рассматривать в качестве необходимого элемента второго, в противном случае «для осуществления и защиты своего права субъекту нужно было бы доказывать не только наличие права, но и наличие интереса...»². Нередко и законные интересы опосредуются конкретными субъективными правами, защитой которых обеспечивается и защита охраняемого законом интереса³. Законные интересы выражают юридические отношения, складывающиеся в обществе, и реализуются при помощи правовых средств.

Однако реализация не всех интересов, опосредуемых правовой формой, обеспечивается конкретными субъективными правами. По мнению А.П.Сергеева, охраняемые законом интересы могут выступать в качестве самостоятельных предметов гражданско-правовой защиты в случаях признания сделок недействительными, требования о защите чести и достоинства, защиты охраняемого законом интереса бывшего собственника в восстановлении своего имущественного положения (например, в случаях незаконного уничтожения, переработки, потребления имущества этого собственника) и др.⁴

Интересы учитываются и в сфере имущественных отношений, например, когда право на одну и ту же вещь принадлежит сособственникам (п.4 ст.252 ГК РФ) или существует у других лиц (ст.ст.621, 684 ГК РФ). Укажем также и на то обстоятельство, что в учении о праве собственности категория «интерес» нередко используется для выражения сущности этого экономико-правового феномена в виде основного его признака. Напомним, что А.В.Венедиктов определял право собственности как «право индивида или коллектива использовать средства и продукты производства *своей властью и в своем интересе* на основе существующей в данном обществе системы классовых отношений и в соответствии с нею»⁵. Вместе с тем он указывал, что не только собственники, но и другие участники вещных и обязательственных правоотношений действуют в своем интересе⁶.

В свете сказанного охраняемый законом имущественный интерес представляется в виде меры юридически дозволенной заинтересованности в удовлетворении значимых для субъекта материальных потребностей. С содержательной стороны имущественный интерес определяет значение для заинтересованного лица тех или иных предметов, действий и событий как необходимых для удовлетворения его материальных потребностей и потому желаемых, выгодных ему. В этом аспекте охраняемый законом имущественный интерес означает *осознанную и значимую для лица реальную возможность*

¹ См.: Тархов В.А., Рыбаков В.А. Указ. соч. С.49.

² Там же. С.50.

³ См.: Гражданское право: Учебник. Часть 1 / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. С.268.

⁴ См.: Там же. С. 268, 444-445.

Венедиктов А.В. Государственная социалистическая собственность. С.34.

⁶ См.: там же. С.37-38.

получения имущественной выгоды на правовом основании. Имущественный интерес может быть реализован путем передачи или получения имущества, выполнения работ, оказания услуг или совершения иных действий имущественного характера как заинтересованным лицом, так и другими лицами, а равно путем воздержания от совершения определенных имущественных действий. Нарушение охраняемых законом имущественных интересов способно причинить существенный вред имущественному положению лица — носителю соответствующего интереса. В связи с этим представляются важными постановка и решение вопроса об имущественном интересе как возможном элементе (признаке) объекта преступлений, совершаемых в сфере имущественных отношений.

В досоветской теории указывалось, что с объективной стороны злоупотребление доверием характеризуется как активной, так и пассивной формой общественно опасного поведения. По этому вопросу И.Я.Фойницкий писал, что злоупотребление доверием может выражаться в форме «не только положительной, но и отрицательной деятельности — бездействия». При этом этот ученый-юрист подчеркивал: «Для злоупотребления доверием недостаточно упущение, одно лишь неисполнение лежащей на виновном обязанности, а необходимо содеяние, противное такой обязанности, составляющее измену долгу»¹. О том, что злоупотребление доверием может принимать форму бездействия, утверждали и авторы объяснительной записки к Уголовному Уложению 1903 г., указывая в качестве примера на «умышленный пропуск срока на принесение жалобы»². Примером злоупотребления доверием, совершенного путем бездействия, может служить, по мнению И.И.Аносова, и случай, когда «поверенный допускает требованию доверителя утратить силу за давностью»³.

Некоторые исследователи ограничивали уголовную наказуемость злоупотребления доверием исключительно активной формой поведения. Например, по мнению С.В.Познышева, рассматриваемое преступление предполагает известную причиняющую вред положительную деятельность; действие состоит в использовании своего полномочия заведомо во вред вверенному имущественному интересу⁴.

Согласно досоветской доктрине объективная сторона злоупотребления доверием выражается, во-первых, в использовании полномочий, предоставленных виновному в целях обеспечения чужих имущественных интересов. Второй обязательный признак объективной стороны злоупотребления дове-

¹ Фойницкий И.Я. Курс уголовного права: Часть Особенная. Преступления личные и имущественные. С.378.

² См.: Уголовное Уложение 22 марта 1903 г. С мотивами, извлеченными из объяснительной записки редакционной комиссии, представления Мин. Юстиции в Гос. Совет и журналов — особого совещания, особого присутствия департаментов и общего собрания Гос. Совета. Изд. Н.С.Таганцева. С.833.

³ Аносов И.И. Указ. соч. С.40.

⁴ См.: Познышев С.В. Особенная часть русского уголовного права. Сравнительный очерк важнейших отделов Особенной части старого и нового Уложений. С.318.

рием — использование полномочий вопреки законным интересам представляемого. Деяние заключается в превышении полномочий или неисполнении (ненадлежащем исполнении) обязанностей действовать в законных интересах другого лица добросовестно и разумно, которые принял на себя виновный и которые возложены на него в установленном порядке. В этой связи приведем следующие высказывания И.И.Аносова: «Сущность злоупотребления доверием сводится к «употреблению во зло», т.е. заведомо несоответственно цели, с которой полномочие было вручено виновному — этого полномочия, во вред верящему имуществу. Вторым условием является наличие известной обязанности, налагаемой той же целью, — обязанности употреблять свое полномочие в интересах доверителя, охраняя его имущество от ущерба и заботясь об его процветании и выгоде»¹.

В литературе высказывалось мнение, что с внешней стороны злоупотребление доверием предполагает совершение лицом таких действий, которые входят в круг его полномочий². С такой точкой зрения можно согласиться лишь отчасти, трактуя сказанное в том смысле, что действия виновного выразились в ненадлежащем осуществлении предоставленных ему prerogativ. Правильное решение данного вопроса тесно связано с уяснением смысла правовой категории «полномочие».

По нашему мнению, под полномочиями следует понимать особые права, переданные лицу (представителю), для обязательного совершения юридически значимых действий в интересах другого лица (представляемого) и от его имени, тем самым создавая, изменяя или прекращая права и обязанности представляемого, а также для совершения действий хотя и в чужих интересах, но от собственного имени.

В свою очередь, должностные полномочия есть ограниченные законом права, предоставленные должностному лицу во исполнение возложенных на него служебных обязанностей.

Полномочия могут быть основаны на доверенности, договоре, законе или предоставляться в силу иных правовых оснований. Такое понимание полномочий предполагает, что действия (бездействие), не выходящие за пределы полномочий и не выражающиеся в неисполнении (ненадлежащем исполнении) возложенных обязанностей, не наказуемы.

К обязательным признакам объективной стороны злоупотребления доверием в досоветской доктрине относились причинение имущественного вреда потерпевшему и причинная связь между использованием полномочий и нанесенным ущербом. Под последним понимались убытки, состоящие как в реальном ущербе, так и в упущенной выгоде.

С субъективной стороны злоупотребление доверием характеризовалось как прямым, так и косвенным умыслом. Неосторожность по общему пра-

¹ Аносов И.И. Указ. соч. С.41.

² См.: Жижиленко А.А. Указ. соч. С.119; Фойницкий И.Я. Курс уголовного права: Часть Особенная. Преступления личные и имущественные. С.378.

вину признавалась ненаказуемой. Мотивы и цели не относились к числу обязательных признаков этого преступления. В дореволюционной доктрине по данному вопросу считалось, что злоупотребление доверием не всегда корыстно, и не всегда надувательство¹, что оно, с одной стороны, связано с корыстными имущественными преступлениями, с другой — с повреждением чужого имущества².

Субъект рассматриваемого преступления обладал специальными признаками. Им признавалось такое лицо, которому предоставлены полномочиями во исполнение обязанности по реализации и защите вверенных имущественных интересов (представитель, поверенный, управляющий, опекун, попечитель, должностное лицо и др.).

В досоветской науке предлагались различные варианты определения общего понятия злоупотребления доверием. С.В.Познышев указанное посягательство определяет как «умышленное противозаконное причинение вреда чужим имущественным интересам, охрана которых лежала на обязанности виновного»³. По мнению А.А.Жижиленко, злоупотребление доверием есть «причинение вреда чужому имуществу, охрана которого лежала на обязанности виновного, посредством ненадлежащего пользования им правами, вытекавшими для него из этой обязанности»⁴. И.И.Аносов видел в рассматриваемом преступлении «причинение вреда чужому имуществу лицом, уполномоченным в силу закона, договора или правительственного распоряжения распоряжаться этим имуществом в интересах собственника, посредством злоупотребления этим полномочием»⁵.

Отдельными видами злоупотребления доверием в доктрине признавались «стачка с противной стороной», выход за пределы доверенности, злоупотребление бланком (бланковой подписью), подрыв кредита, акционерные злоупотребления и др.

В истории уголовного законодательства России ответственность за отдельные виды злоупотребления доверием предусматривалась Уложением о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (в ред. 1866 и 1885 гг.), нормы о которых были рассредоточены по различным структурным частям названного законодательного акта.

Уложение признавало наказуемой «неверность» приказчиков по торговле (ст.ст.1187 и 1188 Уложения). Согласно ст.1187 кунеческий приказчик или сиделец подвергался наказанию по жалобе хозяина, если «умышленно какими-либо действиями по торговле, или открытием какой-либо тайны, или же вредным на счет хозяина разглашением, сделает явный кредиту его подрыв».

¹ См.: Аносов И.И. Указ. соч. С.323.

² См.: Фойницкий И.Я. Курс уголовного права: Часть Особенная. Преступления личные и имущественные. С.379.

³ Познышев С.В. Особенная часть русского уголовного права. Сравнительный очерк важнейших отделов Особенной части старого и нового Уложений. С.317-318.

⁴ Жижиленко А.А. Указ. соч. С.118.

⁵ Аносов И.И. Указ. соч. С.39.

Проблемы совершенствования норм об отдельных видах имущественных преступлений и практики их применения

Уложение угрожало наказанием также за злоупотребление полномочиями представителями коммерческих и иных частных организаций. В соответствии с его ст.1198, члены основанных с дозволения правительства обществ, товариществ или компаний, которые с умыслом употребят ко вреду общества, товарищества или компании данное им от них уполномочие или доверие, подвергаются наказанию, определенному за мошенничество.

Отдельно в Уложении регламентировались вопросы ответственности за «неверность» поверенных, состоящую в злоупотреблении данными им по договору или закону полномочиями во вред вверенным имущественным интересам (ст.ст.1709, 1710). Так, подвергался наказанию по ст.1709 поверенный, который злонамеренно преступит за пределы данного ему уполномочия, или же войдет в сношения или сделки с прогивниками своего доверителя во вред ему.

По отдельным статьям Уложения наказывались злоупотребления со стороны чиновников (должностных лиц), которым вверены государственное или частное имущество и имущественные интересы. В частности, согласно ст.353 Уложения, «если должностное лицо, коему вверено по распоряжению правительства хранение или управление какого-либо принадлежащего казне или частным лицам имущества, с намерением истребить оное или подвергнет порче или иным образом, но также с намерением уменьшить его цену, то за сие злоупотребление виновный приговаривается к высшей мере наказаний, положенных за умышленное истребление или повреждение чужого имущества».

На достаточно высоком уровне определялись вопросы основания и дифференциации ответственности за злоупотребление доверием в Уголовном Уложении 1903 г. В данной законодательной модели нормы о злоупотреблении доверием были помещены в главу 31 «О необъявлении о находке, присвоении вверенного имущества и злоупотреблении доверием». Общий состав злоупотребления доверием был расположен в ст.577 Уложения: «обязанный по доверенности или иному законному полномочию иметь попечение о чужих имуществе или имущественном интересе, виновный в употреблении своего полномочия заведомо во вред вверенным ему имуществу или имущественному интересу, если от сего злоупотребления вред последовал».

Уголовное Уложение предусматривало ответственность и за отдельные виды злоупотребления доверием. Так, его ст.578 угрожала наказанием за злоупотребление доверием с использованием служебного положения: «служащий или состоящий на службе в основанных с разрешения правительства благотворительном или кредитном установлении, обществе взаимного страхования, товариществе на паях или акционерном обществе, виновный в употреблении своего служебного положения заведомо во вред вверенным по службе попечению его имуществу или имущественному интересу, если от сего злоупотребления доверием вред последовал». По ст.579 Уложения

заведующий или распоряжающийся делами в основанных с разрешения правительства кредитном установлении, обществе взаимного страхования, товариществе на паях или акционерном обществе несли ответственность за следующие специальные виды злоупотребления доверием: (1) «обращение имущества таких установления, товарищества или общества на операции, не дозволенные уставом оных»; (2) «обращение капиталов, полученных от правительства на нужды предприятия, несогласно с назначением оных». Субъектами преступления, указанного в ст.580 Уголовного Уложения, наряду с заведующим и распоряжающимся делами в основанных с разрешения правительства кредитном установлении, обществе взаимного страхования, товариществе на паях или акционерном обществе признавались учредители акционерного общества. Все названные лица считались возможными субъектами таких специальных видов злоупотребления доверием и тесно примыкающих к ним преступных деяний, как (1) «сообщение правительству при испрошении разрешения на открытие акционерного общества заведомо ложных сведений об учреждаемом предприятии, если такое сообщение могло причинить вред акционерам»; (2) «помещение заведомо ложных сведений о состоянии дел или счетов установления, товарищества или общества в публикации, отчете, балансе или торговой книге»; (3) «представление заведомо неверного расчета по исчислению и по выдаче дивиденда»; (4) «выпуск облигаций или закладных листов, не обеспеченных согласно уставу или предписанным для сего правилам, или вкладных билетов без принятия соответствующего вклада»; (5) «выпуск облигаций или иных ценных бумаг в сумме, превышающей данное разрешение».

Советское уголовное законодательство не предусматривало среди имущественных преступлений злоупотребления доверием. Между тем сам термин «злоупотребление доверием» ему был известен. Посредством этой категории в советском уголовном праве обозначался один из способов совершения мошенничества (ст.187 УК 1922 г., ст.169 УК 1926 г., ст.ст.93 и 147 УК 1960 г.) и причинения имущественного ущерба при отсутствии признаков хищения (ст.94 УК 1960 г.). По мнению А.А.Жижиденко, к злоупотреблению доверием относились такие преступления, известные советскому уголовному праву, как бесхозяйственность (ст.ст.127 и 128 УК 1922 г.; ст.128 УК 1926 г.), расточение арендатором предоставленного ему государственно-го или общественного имущества (ст.129 УК 1922 г.; ст.130 УК 1926 г.) и заключение невыгодных сделок, сопряженное с расхищением государственного или общественного имущества (ст.129 УК 1926 г.)¹.

Кроме того, следует упомянуть, что в советском праве устанавливалась ответственность за такой вид злоупотребления доверием, как злоупотребление властью (ст.105 УК 1922 г.; ст.109 УК 1926 г.; ст.170 УК 1960 г.). Это преступление предполагало в качестве субъекта должностное лицо, относи-

¹ См.: Жижиденко А.А. Указ. соч. С.119.

лось к группе должностных преступлений и признавалось одним из общих видов последних.

Как уже замечалось ранее, современное уголовное право России не признает злоупотребление доверием самостоятельным имущественным преступлением. В УК РФ «злоупотребление доверием» продолжает рассматриваться в виде способа отдельных имущественных преступлений (ст.ст.159 и 165). Действующий уголовный закон предусматривает ответственность за злоупотребление должностными полномочиями (ст.285), которое можно было бы рассматривать специальным видом злоупотребления доверием, если только не принимать во внимание различный характер и содержание последствий, причиняемых указанным служебным преступлением. Наконец, новеллой УК 1996 г. является признание злоупотребления полномочиями (ст.201) самостоятельным видом преступлений против интересов службы в коммерческих и иных организациях, которые, в свою очередь, отнесены законодателем к роду посягательств в сфере экономики. Субъектом злоупотребления полномочиями по действующему УК признается лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации, не являющейся государственным органом, органом местного самоуправления, государственным или муниципальным учреждением. Как видно, законодатель предпочел защите чужого вверенного имущественного интереса охрану интересов службы в коммерческих и иных организациях¹. Тем самым нарушение частного вверенного интереса имущественного характера признается уголовно наказуемым, если оно совершено в сфере служебных отношений лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, путем использования своих полномочий вопреки законным интересам этой организации, если это деяние повлекло причинение существенного вреда правам и законным интересам граждан и организаций либо охраняемым законом интересам общества или государства.

Нетрадиционный характер такого законодательного подхода очевиден. Последний не только не согласуется с опытом уголовного законодательства царской России, но и не соответствует законодательной практике ряда западноевропейских стран, склонной признавать злоупотребление доверием самостоятельным видом имущественного преступления.

Так, в УК ФРГ общее понятие злоупотребления доверием содержится в §266 «Преступное злоупотребление доверием», расположенном в разделе 22 «Мошенничество и преступное злоупотребление доверием». Соответствующая норма угрожает наказанием тому, «кто злоупотребляет предоставленными ему по закону, властному предписанию или по сделке правами по распоряжению чужим имуществом или возлагает на другое лицо обязанности совершить такие действия, или кто нарушает обязанности по соблюдению чужих имущественных интересов, возложенных на него законом, властным предписанием, по сделке или в силу доверительных отношений, и

¹ См.: Уголовное право России: Особенная часть: Учебник / Отв. ред. Б.В.Здравомыслов. С 235.

тем самым причиняет ущерб лицу, чьи имущественные интересы он должен защищать».

В ст.158 УК Швейцарии предусматривается ответственность за неверное ведение дел. Эта норма расположена во Втором разделе «Преступные деяния против имущества» Второй книги «Особые определения». По ст.158 этого УК ответственность несут те, «кому на основании закона, общественного поручения или правовой сделки поручено управлять имуществом другого или осуществлять надзор за таким управлением имуществом, и при этом он действует, нарушая свои обязанности, или допускает, чтобы другие наносили ущерб этому имуществу». По ч.2 ст.158 УК Швейцарии наказываться гот, «кто с целью незаконно обогатиться самому или обогатить другого злоупотребляет выданными ему на основании закона, общественного поручения или правовой сделки полномочиями и тем самым наносит ущерб имуществу представляемого лица».

УК Швеции различает злоупотребление доверием и злоупотребление полномочиями. Ответственность за первое из указанных преступлений предусматривается ст.5 главы 10 «О присвоении чужого имущества и иных случаях злоупотребления доверием». Согласно указанной статье за злоупотребление доверием, совершенным доверенным лицом, наказывається «лицо, которое по причине оказываемого ему доверия получило задание управлять финансовыми делами другого лица или независимо осуществляло передачу имущества, требующую квалифицированных технических знаний, либо осуществляло руководство такими действиями, злоупотребляет своим доверительным положением и таким образом причиняет вред своему доверителю». Что касается ответственности за злоупотребление полномочиями, она наступает по ст.6 главы 10 УК Швеции, и ее несет «лицо, которое в случае, не указанном ранее в настоящей Главе, путем злоупотребления своим правом совершать юридические действия от имени другого лица наносит ущерб этому лицу или путем злоупотребления своим правом оформляет долговое обязательство или подобный документ, предъявляет права на что-либо, принадлежащее другому».

Сегодня в условиях развития в стране рыночных отношений представляется крайне важным восстановить юридическую конструкцию «злоупотребление доверием» как самостоятельного имущественного преступления, разумеется, с учетом новых экономико-правовых оснований. Уголовно-правовые нормы о злоупотреблении доверием призваны обеспечить охрану, прежде всего, частному капиталу от различного рода злоупотреблений управляющих и других лиц, действующих в чужом имущественном интересе по поручению. Посредством указанных норм может быть обеспечена охрана институту представительства, имеющему широкую сферу применения в гражданском обороте, а также смежным с ним правоотношениям, возникающим по поводу управления и распоряжения чужим имуществом, совершения иных действий в чужом имущественном интересе. Уголовно-правовые нормы о

Проблемы совершенствования норм об отдельных видах имущественных преступлений и практики их применения

злоупотреблении доверием призваны охранять и такие имущественные отношения, которые возникают на основании договоров о передаче имущества без передачи права собственности на него (например, доверительного управления имуществом), от различного рода нарушений условий сделок путем использования предоставленных полномочий в целях извлечения имущественных выгод без изъятия чужого имущества или причинения имущественного вреда без уничтожения или повреждения вверенных вещей.

Нормы о злоупотреблении доверием тесно примыкают к нормам о присвоении и растрате вверенного имущества, но не сливаются с ними. Содержащиеся в указанных нормах составы преступлений разграничиваются по всем объективным и субъективным элементам. Так, присвоение и растрата совершается в сфере договорных (служебных) отношений по поводу вверенных имущественных благ и ценностей вещественного содержания. Предметом присвоения и растраты является вверенное имущество в смысле вещи; предмет злоупотребления доверием по своему содержанию намного шире (вверенное имущество и имущественные интересы). Объективная сторона присвоения и растраты выражается в противоправном обращении вверенной вещи в свою пользу или пользу других лиц, что не является характерным для злоупотребления доверием. Последствия присвоения и растраты заключаются в причинении реального ущерба, тогда как злоупотребление доверием чаще причиняет имущественный вред в виде упущенной выгоды, хотя не исключает в качестве своих последствий и реальный ущерб. Короткая цель как необходимый признак присвоения и растраты при злоупотреблении доверием принимает факультативное значение. Наконец, круг возможных субъектов присвоения и растраты значительно уже, чем при злоупотреблении доверием, субъектом которого могут быть лица, которым вверены чужое имущество и имущественные интересы.

Заметим, что современная судебная практика ограничивает присвоение от злоупотребления полномочиями (одного из видов «злоупотребления доверием», предусмотренного ст.201 УК). Так, Борисоглебский городской суд Воронежской области признал ошибочной квалификацию органами следствия действий Вахрушевой как присвоение вверенного имущества. Согласно материалам дела, Вахрушева, работая директором коммерческого предприятия, для получения незаконных доходов для себя сдавала в аренду помещение магазина, входящего в состав предприятия, и прилегающую к нему землю без надлежащего оформления договоров, полученные же от арендаторов денежные средства в кассу не сдавала, а присваивала¹. Как видно, предметом совершенного Вахрушевой преступления выступали полученные ею от арендаторов денежные средства, которые не являлись вверенным имуществом; последствия содеянного осужденной выражались в причинении ущерба коммерческому предприятию (директором которого она работала) в виде упущенной выгоды. Суд обоснованно усмотрел в действи-

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2000. №2. С.12-13.

ря руководителя коммерческой организации, не законно присвоившего неприхороваанные средства, полученные за сдачу в аренду имущества организации, состав злоупотребления полномочиями.

Таким образом, злоупотребление доверием представляет собой использование полномочий, предоставленных виновному в силу закона, договора или других оснований, вопреки вверенным имущественным интересам, повлекшее причинение имущественного ущерба гражданину, организации, обществу или государству. Суть злоупотребления доверием в превышении полномочий или неисполнении (ненадлежащем исполнении) обязанностей лицом, действующим в чужом имущественном интересе на основании доверенности, договора, акта уполномоченного на то государственного органа или органа местного самоуправления, закона или заранее обещанного согласия, с целью получения выгоды для себя или других лиц либо нанесения вреда интересам представляемого. Глава УК РФ об имущественных преступлениях должна быть дополнена новой статьей, предусматривающей ответственность за указанное имущественное посягательство. Злоупотребление доверием может быть определено в УК следующим образом: *использование лицом своих полномочий по управлению и распоряжению чужим имуществом, заключению сделок или совершению иных юридически значимых действий вопреки законным интересам доверителя, если это деяние совершено в значительном размере*. Одним из специальных видов такого имущественного посягательства следует признать *злоупотребление доверием, совершенное лицом с использованием своего служебного положения*.

Как было замечено ранее, в действующем УК злоупотребление полномочиями отнесено к разновидностям преступлений против интересов службы в коммерческих и иных организациях. Такое законодательное решение представляется спорным по ряду оснований.

Уголовное законодательство досоветского периода не объединяло нормы о преступлениях против интересов частной службы в отдельную группу уголовно-правовых запретов, тем более не выделяло их в самостоятельную главу. Нормы об указанных преступлениях в советском уголовном законодательстве закономерно отсутствовали.

Далее, новый объект уголовно-правовой охраны — «интересы службы в коммерческих и иных организациях» — малоисследованный в науке феномен, который до сих пор не получил определенного и однозначного содержания, глубокого и строгого научного обоснования. Лишь одно несомненно, «интересы службы» должны быть законными, поскольку уголовное право не может защищать интересы частной службы прогивоправного характера. Однако указанный признак сам по себе не может в полной мере определить сущность правоохраняемого блага. Между тем известно, что «правовое благо, охраняемое с помощью угроз уголовно-правового характера, должно быть определено в своем содержании и ясно распознаваемо. В

Проблемы совершенствования норм об отдельных видах имущественных преступлений и практики их применения

противном случае представляется невозможной выработка состава деяния с твердыми и определенными признаками¹.

Следует указать также на нечеткость описания основного объекта соответствующих посягательств в уголовном законе. Исходя из буквального толкования нормативных положений, содержащихся в главе 23 УК, «интересы службы в коммерческих и иных организациях» могут иметь как имущественный, так и неимущественный характер, реализовываться по поводу как материальных, так и нематериальных благ. Систематическое толкование УК позволяет сделать и иной вывод о содержании интересов службы в коммерческих и иных организациях: уголовный закон обеспечивает охрану не всем возможным интересам частной службы, а только той части их, которая имеет экономический характер. Такой вывод следует, с одной стороны, из названия раздела VIII «Преступления в сфере экономики», в котором размещена гл. 23 «Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях», с другой стороны, из наименования и содержания двух других глав, расположенных в разделе VIII УК: гл. 21 «Преступления против собственности» и гл. 22 «Преступления в сфере экономической деятельности». Очевидно, что возникшая дилемма должна быть разрешена в правоприменительной практике, которая может ограничительно или, напротив, расширительно толковать содержание нового объекта уголовно-правовой охраны.

Обращает на себя внимание и некоторая рассогласованность законодательного наименования главы 23 УК с положениями статей этой главы. Так, в статьях главы 23 законодатель не упоминает об «интересах службы», а говорит о «законных интересах организации» — еще об одном новом понятии в категориальном аппарате современного уголовного права. В названии же главы отражается более узкий круг общественных отношений, охраняемых уголовным законом от преступных посягательств, нежели это следует из диспозиций статей указанной главы. Исходя из буквального толкования УК, нормы его главы 23 обеспечивают охрану широкому кругу отношений, куда наряду с интересами службы включаются интересы самой организации, интересы граждан (как участвующих, так не участвующих в соответствующей организации), интересы других организаций, интересы общества, наконец, интересы государства. Вопрос о соотношении названных интересов — проблематика будущих научных изысканий.

В свете сказанного представляется обоснованным высказанное в литературе сомнение в целесообразности существования в УК главы «Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях». Описанные в этой главе составы преступления, по мнению Б.В.Волженкина, вполне могут найти свое место в других главах и разделах УК². Злоупо-

¹ Ширяев В.И. Взятничество и лиходеительство в связи с общим учением о должностных преступлениях. Уголовно-юридическое исследование. Ярославль, 1916 С.175-176.

² См., Волженкин Б.В. Служебные преступления С.285-286.

требления полномочиями лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческой или иной организации, следует скорее отнести к группе имущественных преступлений и рассматривать как один из квалифицированных видов предлагаемого нами состава преступления — злоупотребление доверием.

Принимая во внимание особую правовую природу злоупотребления доверием, целесообразно уточнить законодательное определение понятия мошенничества. Единственным способом совершения этого имущественного преступления следует считать обман. «Мошенничество подразумевает обман»⁴. Именно обман является составной частью мошенничества. Одним из главных моментов в любом жульничестве, обмане и мошенничестве является доверие потерпевших⁵. Без использования чужого доверия, злоупотребления им мошенничество является трудноосуществимым. Между тем мошенничество предполагает доверие лишь как внешний элемент, на который не всегда опирается обман. Склонность потерпевшего оказывать доверие другим лицам, а возможно, и быть легковерным, выступает тем внешним условием, которое существенно облегчает совершение мошенничества. Однако использование таких особенностей характера потерпевшего в противоправных целях, корыстное злоупотребление «святой простотой» вовсе не является необходимым и обязательным признаком мошенничества. Во вполне допустимы случаи совершения указанного посягательства и в отношении недоверчивых (подозрительных) лиц, если принимать во внимание такие моменты, как сила и искусность обмана.

Далее, представляется оправданным объединение в общее понятие мошенничества всего множества видов имущественных преступлений, совершаемых путем обмана, и на основании этой правовой категории (общей нормы) выделение в необходимых случаях отдельных видов мошенничества (специальных норм) по предмету посягательства или содержанию преступного действия. В этой связи норму, столь абстрактно изложенную в ст.165 УК («причинение имущественного ущерба»), ограниченную действием сферой вещных отношений («собственнику или иному владельцу») и имеющую весьма неопределенное содержание, включающее в себя элемент отрицания («при отсутствии признаков хищения»), целесообразно исключить из УК.

На наш взгляд, понятие мошенничества следует определить в уголовном законе так: *склонение путем обмана к передаче имущества, уступке имущественного права или к совершению иного действия (бездействия) имущественного характера, если это деяние совершено в значительном размере*. Другой вариант законодательного определения понятия мошенничества — *получение имущественной выгоды в значительном размере путем обмана*.

⁴ Альбрехт С., Вентц Дж., Уильямс Т. Мошенничество. Луч света на темные стороны бизнеса. СПб: Питер, 1995. С.16.

⁵ См.: Там же. С.17.

Сформулированным понятием мошенничества охватываются такие корыстные общественно опасные деяния, которые совершаются путем обмана по поводу чужих вещей, заключаются в приобретении путем обмана имущественного права (как вещного, так и обязательственного характера) и выражаются в получении путем обмана иных имущественных выгод. Предметом мошенничества в этом случае выступает любая выгода имущественного характера (как и при вымогательстве).

Мошенничество в форме склонения другого лица путем обмана к передаче имущества состоит в обращении виновным в свою пользу или пользу других лиц переданного обманщику чужого имущества (в виде вещи) в значительном размере. Мошенничество в форме склонения путем обмана к уступке имущественного права, как и завладение чужими вещами путем обмана, связано с причинением потерпевшему имущественного вреда. Однако, в отличие от последнего, оно состоит не в лишении собственника или иного владельца их вещей, а в передаче потерпевшим имущественных прав обманщику. Мошенничество в форме склонения путем обмана к совершению иных имущественных действий заключается в получении виновным путем обмана имущественных выгод, не связанных с передачей имущества или имущественного права. Это общественно опасное деяние выражается в уклонении мошенника от исполнения имущественных обязательств, избавлении от материальных затрат, сбережении собственного имущества за счет другого лица и, соответственно, в причинении имущественного ущерба в виде упущенной выгоды. К таким правонарушениям, в частности, следует отнести: неправомерное безвозмездное пользование чужим имуществом путем обмана; незаконное безвозмездное получение результата работ путем обмана; противоправное безвозмездное пользование услугами (медицинскими, аудиторскими, консультационными, информационными и иными) путем обмана; перевод долга путем обмана; склонение потерпевшего путем обмана к отсрочке или рассрочке платежей либо скидке с долгов.

Представляется целесообразным также предусмотреть в УК норму ответственности за следующее общественно опасное деяние: *склонение к уступке права на недвижимое имущество или незаконная передача права на чужое недвижимое имущество путем обмана или с использованием доверия.*

Наконец, в уголовном законодательстве целесообразно установить ответственность за так называемое «компьютерное мошенничество», то есть *«незаконное безвозмездное получение имущественной выгоды в значительном размере путем использования ЭВМ, системы ЭВМ или их сети».*

4. Совершенствование законодательного определения вымогательства

Вымогательство занимает особое место в системе имущественных преступлений. С одной стороны, оно примыкает к насильственным хищениям, когда выражается в угрозе применения насилия или совершении насильственных действий с целью получения чужого имущества в виде вещи. С другой стороны, имея своим предметом как движимое, так и недвижимое имущество, как вещь, так и имущественное право, вымогательство является сходным с мошенничеством; эти преступления сближает также такой свойственный им признак, как получение виновным имущественного блага «из рук» потерпевшего, совершающего с пороком воли передачу имущества.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что вымогательство остается самостоятельным имущественным преступлением, которое по своей природе принципиально отличается и от хищения чужого имущества, и от мошенничества, и от других имущественных преступлений.

Поиск единого критерия, позволяющего теоретически разграничить вымогательство и хищение, оказался несостоятельным. Вымогательство отличается от хищения рядом признаков. Во-первых, вымогательство отграничивается от хищения по объекту преступления. Основной непосредственный объект вымогательства значительно шире основного непосредственного объекта хищения. Если основным объектом хищения являются отношения по поводу принадлежности вещей конкретным субъектам права собственности и иным владельцам, то основной объект вымогательства — имущественные отношения по поводу вещей, имущественных прав или иных выгод имущественного характера.

Кроме того, по общему правилу, хищению свойственен один основной объект (кроме разбоя и насильственного грабежа), вымогательство, как правило, — двухобъектное преступление. Имея своим основным непосредственным объектом конкретное имущественное отношение, вымогательство характеризуется и дополнительным непосредственным объектом, в качестве которого выступают такие правовые блага личности, как честь, достоинство, репутация, свобода, право на физическую (телесную) неприкосновенность, здоровье. Исключение составляет вымогательство, соединенное с угрозой уничтожения или повреждения чужого имущества, которое посягает только на имущественные отношения.

Предмет вымогательства значительно шире предмета хищения. Если хищение имеет своим предметом чужую вещь и ни при каких условиях не может совершаться по поводу имущественного права или иной имущественной выгоды невещественного характера, то предметом вымогательства является имущество вообще, безотносительно к его вещественному содержанию. Такая широкая трактовка предмета вымогательства придает этому

Проблемы совершенствования норм об отдельных видах имущественных преступлений и практики их применения

посягательству своеобразный характер, отличающий его по действующему УК от всех других имущественных преступлений.

В научной литературе высказано мнение о необходимости различения в уголовном законе видов вымогательства в зависимости от особенностей предмета посягательства. В этой связи В.Н.Сафоновым предлагается установить ответственность за требование передачи права на имущество или совершения действий имущественного характера в отдельной статье главы 21 УК¹. В своей последующей работе этот автор замечает: «Требование совершения действий имущественного характера есть отдельное преступление, именовать которое в целях научной идентификации следовало бы понуждением. Норму, предусматривающую такое деяние, следует поместить в главу 21 введя за хищениями и причинением ущерба путем обмана и злоупотребления доверием»².

Конечно, есть определенный смысл в разграничении вымогательских форм по предмету преступления. Предлагаемый вариант, в известной степени, ассоциируется с законодательным подходом к установлению ответственности за имущественные преступления, совершаемые путем обмана (ст.ст.159 и 165 УК). Он позволяет выделить в законе такую вымогательскую форму, которая весьма напоминает собой хищение, — «вымогательство чужого имущества». И, вполне возможно, что в рамках такого подхода указанная форма вымогательства может быть признана одной из форм хищения. В этой связи логичным выглядит установление ответственности еще за два состава вымогательства по видам имущества: «вымогательство имущественного права» и «вымогательство иных выгод имущественного характера».

Однако рассматриваемый вариант не учитывает экономическое свойство предмета имущественных преступлений. Согласно последнему, предмет указанных посягательств имеет стоимостное выражение независимо от наличия или отсутствия вещественного содержания. Даже выгоды в виде так называемых действий имущественного характера есть ни что иное как «деятельность, создающая стоимость»³. Требуемые вымогателем вещи, услуги, работы и иные имущественные выгоды получают денежную оценку на основании действительной стоимости, цен, расценок или тарифов, сложившихся в данной местности или действовавших на момент совершения преступления, а при их отсутствии — на основании заключения экспертов. В этом смысле уголовный закон, обеспечивая охрану имущественным отношениям, должен принимать во внимание, в первую очередь, стоимость имущественного блага, а не его вещные и иные индивидуально-определенные свойства⁴. Поэтому одним из основных критериев дифференциации ответ-

¹ См.: Сафонов В.Н. Организованное вымогательство: уголовно-правовые и криминологические аспекты. Дис... канд. юрид. наук. СПб., 1997. С.101-102.

² Сафонов В.Н. Организованное вымогательство: уголовно-правовой и криминологический анализ. С.79.

³ См.: Ляпунов Ю. Ответственность за вымогательство // Законность. 1997. №4. С.6.

⁴ См.: Минская В., Калодина Р. Преступления против собственности. Проблемы и перспективы законодательного регулирования // Рос. юстиция. 1996. №3. С.13

ственности за вымогательство выступает размер стоимости вымогаемого имущественного блага. В зависимости от величины стоимости имущества вымогательство подразделяется на виды. Так, действующий УК различает простой вид вымогательства и квалифицированный вид вымогательства, совершенного в целях получения имущества в крупном размере.

Анализируемый вариант не согласуется также с правовой природой вымогательства как посягательства по поводу имущества в широком смысле слова. Именно такое традиционное понимание вымогательства сложилось в отечественном уголовном праве. Небезынтересно напомнить, что Уголовное Уложение 1903 г. содержало узкое понятие вымогательства (ст.590), которым не охватывалось принуждение к передаче «конкретно-определенной движимости» — чужих вещей. Однако и Уложение трактовало вымогательство именно как принудительное приобретение всякой чужой имущественной выгоды, выражающейся или в недвижимом имуществе, или в доходах и выгодах из имущества, или же в одностороннем или двухстороннем имущественном обязательстве.

УК РФ вымогательство чужого имущества (в смысле вещи) не относит к формам хищения. «Превращению» вымогательства чужой вещи в форму хищения препятствует ряд нижеуказанных обстоятельств.

В отличие от хищения предметом вымогательства может быть не только имущество, находящееся в момент совершения преступления в собственности или владении потерпевшего (наличное имущество), но и имущество, которое заведомо для виновного вообще отсутствует у потерпевшего (неполученные доходы, будущие имущественные блага). Как справедливо в этой связи считали С.В.Познышев и А.А.Жижиленко, вымогательство возможно и в отношении таких вещей, которые еще не принадлежат потерпевшему и не могут быть предоставлены им виновному немедленно, но могут оказаться в его распоряжении в ближайшем будущем¹. То, что требуемое имущество в момент совершения вымогательства может отсутствовать у потерпевшего, признает и современная наука уголовного права².

В судебной практике допускаются ошибки при разграничении насильственных хищений и вымогательства по признаку «наличности» имущества. Так, Зеленоградским районным судом Ростовской области Петелько Ю. был признан виновным в разбое, совершенном при следующих обстоятельствах. Петелько Ю. пришел в дом родителей и стал требовать у отца денежные средства в сумме 1200 руб. Когда потерпевший отказал, осужденный подожг шторы, избил отца, нанося удары руками и ногами, и, приставляя к груди нож, продолжал требовать деньги. Избиение прекратилось, когда потерпевший пообещал занять у соседей 500 руб. Тут же осужденный

¹ См.: Жижиленко А.А. Указ. соч. С.155; Познышев С.В. Особенная часть русского уголовного права. Сравнительный очерк важнейших отделов Особенной части старого и нового Уложений. С.268.

² См.: Сафонов В.Н. Организованное вымогательство: уголовно-правовой и криминологический анализ. С.48.

Проблемы совершенствования норм об отдельных видах имущественных преступлений и практики их применения

сказал, что завтра за деньгами придут, и отчим должен будет передать их. В судебном заседании осужденный пояснил, что ему было известно об отсутствии у отчима денег. Исходя из обстоятельств данного дела и характера действий осужденного, Президиум Верховного Суда РСФСР не согласился с квалификацией содеянного Петелько Ю. как разбоя и обоснованно расценил действия осужденного как вымогательство¹.

Также по приговору Жовтневого районного суда г. Одессы были осуждены за разбой Алиев А.И., Алиев А.А. и Долбня А.Ф. Согласно материалам дела, Алиев А.А. пожаловался отцу, что Кушнир беспричинно приставал к нему, а также забрал у матери его знакомого Пустовит 4500 рублей на ремонт автомашины. По предложению Алиева А.И. с целью «разобраться» с Кушниром он, Алиев А.А. и Долбня разыскали его, заставили сесть в их автомашину. В пути следования осужденные, применяя насилие и угрожая удушением веревкой, потребовали у Кушнира 9500 рублей. При этом Долбня, уточняя, сказал, что из этих денег Кушнир должен вернуть гр-ке Пустовит 4500 рублей, а 5000 рублей отдать им. Согласившись выполнить предъявленные ему требования, Кушнир повел Алиева А.И. к своему брату, но у того наличных денег не оказалось. Тогда Алиев А.И. назначил Кушнiru место, куда на следующий день он должен был привезти деньги. Пленум Верховного Суда СССР не согласился с квалификацией содеянного как разбоя, указав, что угроза насилием, направленная на получение имущества в будущем, а не в момент применения угрозы, характерна для вымогательства, а не для разбоя².

В.С.Минская утверждает, что «имущество, которого нет при потерпевшем, может быть предметом вымогательства, но не предметом грабежа и разбоя»³. По общему правилу, это действительно так. Исходя из этого положения следует признать обоснованной квалификацию действий Дикалова и Черных, под угрозой насилия требовавших от потерпевших принести и передать им деньги, как вымогательство⁴. Суд не без оснований усмотрел признаки вымогательства в действиях К., заставившего потерпевшую, угрожая ножом, поехать к ее матери на работу, чтобы узнать у последней код кредитной карточки с целью снять требуемую сумму денег и отдать виновному⁵.

Конечно же, и хищения иногда могут совершаться по поводу имущества, которого заведомо для виновного нет при потерпевшем в момент совершения преступления. Например, разбойное нападение, соединенное с на-

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1991. №11. С.4.

² См.: Судебная практика к Уголовному Кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. В.М. Лебедева. С.765-766.

³ Минская В.С. Вопросы квалификации вымогательства // Гос. и право. 1995. №1. С.103.

⁴ См.: Судебная практика к Уголовному Кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. В.М. Лебедева. С.763-764.

⁵ См.: Архив Автозаводского районного суда г. Тольятти Самарской области за 2001 г. Уголовное дело №1-4031.

сильственным изъятием у потерпевшего ключей от помещения с целью последующего проникновения в него и завладения чужим имуществом. Кроме того, практика знает случаи, когда виновный, совершая хищение, ошибочно полагает о наличии у потерпевшего имущества. Однако указанные исключения скорее не опровергают, а подтверждают общее правило: предметом хищения является наличное имущество, предметом вымогательства – имущество, как находящееся, так и не находящееся при потерпевшем, как «настоящее», так и «будущее» имущественное благо.

По нашему мнению, вымогательство может также совершаться относительно вещей, в момент совершения преступления находящихся в фактическом владении виновного, в том числе и вверенных последнему. В этом случае вымогатель путем угроз уклоняется от возврата чужого имущества, необоснованно требуя от собственника или иного владельца уступить переданное имущество, отказаться от имущественных притязаний.

Вымогательство отличается от хищения по ряду признаков объективной стороны. Изъятие чужого имущества не свойственно вымогательству. Как уже было замечено, получение вымогателем имущественной выгоды – результат поведения самого потерпевшего, действующего под принуждением. Вымогатель не стремится завладеть чужим имуществом путем его изъятия, захвата, насильственного отторжения. Его целью является получение выгоды «из рук» принуждаемого путем передачи последним требуемого имущественного блага. Если имущество под угрозой причинения вреда изымается (отбирается) самим виновным, деяние образует при наличии к тому оснований состав грабежа или разбоя. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР в определении по делу Ковалкина и Лукина подчеркнула: вымогательство предполагает передачу потерпевшим своего имущества виновному, разбой же – непосредственное изъятие виновным у потерпевшего имущества с помощью насилия, опасного для жизни и здоровья потерпевшего, либо с угрозой применения такого насилия¹. Примечательно, что аналогичное воззрение превалировало и в досоветском уголовном праве. Так, редакционная комиссия по разработке Уголовного Уложения 1903 г. в объяснительной записке указывала: «Что касается приведения в бессознательное состояние, то оно, будучи возможным способом посягательства при разбое, невозможно при вымогательстве, необходимо предполагающем посредствующую сознательную деятельность потерпевшего».

Обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц находится за рамками состава вымогательства. Исходя из законодательной

¹ См.: Судебная практика к Уголовному Кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. В.М. Лебедева. С.766-767.

² См.: Уголовное Уложение 22 марта 1903 г. С мотивами, и влеченными из объяснительной записки редакционной комиссии, представления Мин. Юстиции в Гос. Совет и журналов - особого совещания, особого присутствия департаментов и общего собрания Гос. Совета. Изд. Н.С.Татанцева. С.877.

Проблемы совершенствования норм об отдельных видах имущественных преступлений и практики их применения

конструкции вымогательства по действующему УК, оно признается оконченным с момента предъявления необоснованного требования, сопровождающегося угрозой, независимо от достижения виновным корыстной цели.

Угроза не является необходимой составляющей хищения и может быть свойственна в качестве альтернативного признака лишь двум его формам — насильственному грабежу и разбою. В состав вымогательства угроза включена согласно закону в качестве обязательного признака объективной стороны этого преступления. Если угроза при насильственных формах хищения выражается в запугивании потерпевшего применением физического насилия, то требования вымогателя могут сопровождаться угрозой как насильственного, так и ненасильственного характера.

Кроме того, психическое насилие при грабеже и разбое совершается непосредственно для отобрания имущества у жертвы. Оно должно свидетельствовать о желании виновного применить физическое насилие безотлагательно, немедленно, тотчас же. Насильственное хищение создает такую опасность, которая непосредственно угрожает жизни, здоровью или физической (телесной) неприкосновенности собственника, владельца или других лиц. Угроза возможного насилия в будущем ни при каких условиях не образует признака объективной стороны насильственного хищения.

Если угроза применения насилия сопровождает вымогательское требование, то ее реализация предполагается, как правило, в более или менее отдаленном будущем. По делу Хитрова Верховный Суд РФ указал, что при насильственном грабеже и разбое виновный угрожает немедленным применением насилия, при вымогательстве угроза насилем подлежит реализации не немедленно, а в более или менее отдаленном будущем при условии, если потерпевший не выполнит предъявленного к нему требования виновного¹. При вымогательской угрозе применения насилия в будущем потерпевший осознает, что «действует некое обязательное условие и отсутствует опасность немедленного осуществления угрозы. Поэтому он имеет возможность выбора вариантов поведения»².

Вымогательство отграничивается от хищения и по некоторым признакам субъективной стороны. Вымогательство и хищение — умышленные общественно опасные деяния. При этом именно прямой умысел является характерным для них. Представляется очевидным, что и хищению, и вымогательству присуща корыстная цель. Однако если конечной целью совершаемого хищения является обращение чужой вещи в свою пользу или пользу других лиц, то корыстная цель, которую может поставить перед собой вымогатель, имеет более широкое содержание: это и обращение чужого имущества в свою пользу или пользу других лиц, и приобретение путем уступки требования или иным образом принадлежащего другому лицу имущественного права, и получение иных выгод имущественного характера.

¹ См.: Судебная практика по уголовным делам: В 2-х ч. Ч.1. С.500-501.

² Минская В.С. Указ. соч. С.104.

Поэтому представляется спорным высказанное в литературе предложение считать вымогательство одной из форм хищения и законодательно закрепить соответствующее положение¹. Несомненно, отдельные формы вымогательства тесно примыкают к указанному корыстному имущественному преступлению. Однако если принимать во внимание все многообразие форм вымогательства, следует сделать вывод: вымогательство не может охватываться понятием хищения чужого имущества. Такой вывод прямо вытекает из самого текста УК, предусматривающего в ряде своих статей (ст.ст.158-163) положение следующего содержания: «хищение либо вымогательство» Он получил достаточно глубокое и всестороннее научное обоснование в работах ряда исследователей².

Что касается отграничения вымогательства от мошенничества, укажем на различный характер воздействия на потерпевшего. Если мошенничеству свойственен обман, то вымогательство предполагает *принуждение*. Так, С.В.Познышев писал: «вымогательство представляет собой принуждение посредством физического насилия или наказуемых угроз передать какое-либо имущественное право, вступить в какую-либо невыгодную по имуществу сделку или предоставить в более или менее близком будущем известную вещь»³. По мнению А.А.Жижиленко, вымогательство — это приобретение имущества вообще (то есть имущества, обнимающего собой и права на имущество, и материальные вещи, а также имущественные выгоды) посредством принуждения потерпевшего к учинению невыгодного для него распоряжения имуществом⁴.

В свете сказанного полагаю необходимым более подробно остановиться на понятии принуждения.

Принуждение в самом общем виде представляет собой воздействие одного человека на другого. Равно как и другие виды воздействия (просьба, уговоры, подкуп, соблазнение, обман, насилие и пр.), принуждение имеет место, когда одно лицо влияет на другое лицо, а последнее не оказывает влияния на первое.

Воздействию могут подвергаться организм (тело) человека, его сознание (психика), воля (поведение). В этом смысле принуждение есть не всякое воздействие, а такое, которое состоит в склонении другого лица к совершению конкретного действия или отказу от его совершения.

В отличие от обмана и других видов воздействия, направленных на склонение лица к определенному поведению, принуждение состоит в *непосредственном воздействии на волю другого человека, которое лишает или ограничивает свободное волеизъявление последнего*.

¹ См.: Векленко В.В. Квалификация хищений. С.107, 251-252.

² См., например: Кочои С.М. Указ. соч. С.240-241; Лянунов Ю. Ответственность за вымогательство. С.4-5.

³ Познышев С.В. Особенная часть русского уголовного права. Сравнительный очерк важнейших отделов Особенной части старого и нового Уложений. С.268.

⁴ См.: Жижиленко А.А. Указ. соч. С.153.

В современной научной литературе можно встретить утверждения, что принуждение заключается в побуждении другого лица к совершению какого-либо действия (бездействия), что оно фактически фальсифицирует действительную волю другого человека. Это не совсем так. Побуждение есть возбуждение желания, намерения действовать известным образом. Побуждение — «мягкая» форма склонения другого лица к какому-нибудь действию (бездействию) путем формирования у него мотивов личной заинтересованности в совершении такого поведения. Фальсифицировать (от лат. falsificare — подделывать) волю лица значит исказить ее действительные (истинные) внутренние начала, выдать за подлинное (настоящее) ее искаженное внешнее выражение либо подменить ее другой волей, чуждой ей по сути.

На этом же основании трудно согласиться с утверждением, что обещания, предложения подарков, обман являются формами принуждения¹. Такая широкая трактовка понятия принуждения в уголовном праве не позволяет отграничивать его от смежных с ним видов психического воздействия, имеющих самостоятельное правовое значение: обмана, подкупа, соблазнения и других. Например, в отличие от принуждения *подкуп* есть такой вид психического воздействия, который заключается в предоставлении (передаче) или в обещании предоставления выгод имущественного характера с целью склонения другого лица к совершению значимых для подкупающего действий (бездействия). *Соблазнение* предполагает предоставление материальных или нематериальных выгод либо обещание их предоставить в целях склонения другого лица к совершению сексуальных действий. Как видно, лицо, на которое подобным образом воздействуют, склоняется к действию (бездействию) исходя из собственных корыстных побуждений или иной личной заинтересованности. В этом случае свобода воли человека не нарушается, и лицо руководит своими действиями в соответствии с собственным желанием, возникшим под влиянием другого лица.

Принуждение состоит не в том, чтобы побудить другое лицо к определенному поведению либо путем фальсификации исказить действительное содержание воли другого человека. Сущность принуждения выражается в *подавлении чуждой воли и проведении собственной воли даже вопреки сопротивлению потерпевшего*. Принуждение состоит в том, чтобы сломить, парализовать, подчинить волю другого человека, сделав его послушным орудием воли принуждающего. Цель принуждения — заставить, вынудить лицо действовать известным образом вопреки его желанию. Как писал Гегель, человека можно как живое существо принудить, то есть подчинить власти других его физическую и вообще внешнюю сторону; воля может быть подвергнута принуждению — вынуждена согласиться на жертву или какое-либо действие². Это сущностное свойство принуждения подчеркивается и в науке уголовного права. С.В.Полищев указывал, что в широком смысле

¹ См.: Российское уголовное право: Особенная часть / Под ред. В.Н.Кудрявцева, А.В.Наумова. С.75.

² См.: Гегель Г.В.Ф. Указ. соч. С.141.

слова принуждением можно считать всякое воздействие на другое лицо, прогивное воле последнего и направленное к тому, чтобы заставить его что-нибудь совершить или, наоборот, чего-нибудь не совершать¹. Л.Л.Кругликов определяет принуждение как неправомерное воздействие на лицо, приневоливание его к чему-нибудь, с созданием опасности неблагоприятных последствий для потерпевшего в случае отказа от требуемого варианта поведения².

Из приведенных доктринальных определений вытекает и такое немало-важное свойство принуждения, которое характеризует механизм принудительного воздействия. Воля человека есть активное жизнеутверждающее начало, «высшая способность желания» (Гегель) и «как таковая свобода» (Шопенгауэр). Из этого следует, что подавление воли другого человека невозможно без применения извне силовых усилий, превосходящих силу воли принуждаемого. Принуждение может быть реализовано, если одно лицо (принуждающий) применяет такие силовые средства воздействия на чужую волю, которые создают реальную опасность умаления или поражения благ, значимых для другого лица (принуждаемого). Последнее оказывается в ситуации выбора между обладанием ценными для него благами и риском их потери, если его поведение не будет соответствовать воле принуждающего.

Принуждение осуществляется путем применения физического насилия либо путем угроз лишения или ограничения благ, значимых для принуждаемого. Насилие и угрозы являются обычными составляющими механизма принуждения. Нетрудно видеть, что в отличие от лжи, обмана и подкупа, принуждение есть разновидность как физического, так и психического воздействия. В первом случае принуждение совершается путем применения физического насилия, во-втором — в качестве способа принуждения выступают угрозы. Равным образом и вымогательство может выражаться как в форме психического принуждения, сопровождаемого конкретными видами угроз (ч.1 ст.163), так и в форме физического принуждения, совершенного с применением насилия (п.«в» ч.2 ст.163) или с причинением тяжкого вреда здоровью (п.«в» ч.3 ст.163).

Следует подчеркнуть, что механизм принуждения не исчерпывается применением физического насилия или высказыванием угроз в адрес принуждаемого. Он может заключаться и в таких способах приневоливания, как гипноз и другие смежные с ним виды психического воздействия³, огра-

¹ См.: Познышев С.В. Особенная часть русского уголовного права. Сравнительный очерк важнейших отделов Особенной части старого и нового Уложений. С.138.

² См.: Уголовное право России: Часть Особенная: Учебник / Отв. ред. Л.Л. Кругликов. С.83.

³ По мнению ряда современных исследователей гипноз следует относить к одному из видов психического воздействия, не выражающемуся в физическом насилии или угрозе (см.: Уголовное право. Словарь-справочник. Автор-составитель Т.А.Лесниевски-Костарева. М.: НОРМА-ИН-ФРА. М., 2000. С.304; Уголовное право России: Часть Особенная: Учебник / Отв. ред. Л.Л.Кругликов. С.696). Иная точка зрения, с которой нельзя согласиться, высказана О.В.Дмитриевым. По его мнению, гипноз или иные средства психического воздействия на человека (например, экстрасенсорика) необходимо относить к психическому насилию (см.: Дмитриев О.В. Указ. соч. С.8).

Проблемы совершенствования норм об отдельных видах имущественных преступлений и практики их применения

ничение свободы (например, заперение в помещении), незаконное помещение в психиатрический стационар, незаконное понижение в должности, необоснованное наложение дисциплинарных взысканий, совершение иных противоправных действий. Механизм принуждения может выражаться в использовании материальной или иной зависимости принуждаемого. Наконец, вполне мыслимы такие способы принуждения, которые состоят в бездействии, в пассивном поведении принуждающего: причинение физических и психических страданий в результате непредоставления человеку пищи, воды, оставление в холодном помещении, неоказание помощи и пр.¹

Исходя из вышеизложенного, принуждение в самом общем виде представляет собой противоправное физическое или психическое воздействие на другого человека с целью заставить (вынудить) его действовать против (вопреки) своей воли. В сфере уголовного права *под принуждением следует понимать склонение другого лица к совершению действия или отказу от его совершения путем применения насилия, угроз или иных способов приневоливания (подавления воли).*

С вопросом о сущности принуждения тесно связан вопрос о соотношении понятия принуждения с такими категориями уголовного права, как «насилие» и «угроза». Все указанные категории нередко совместно используются при конструировании тех или иных составов преступлений. В этих случаях категория «принуждение» характеризует само общественно опасное деяние, насилие и угрозы — альтернативные способы его совершения (ст.ст.120, 179, 302, 309)². Вместе с тем, в принуждении заключается или может состоять сущность более многочисленной группы уголовно наказуемых деяний (ст.ст.131, 132, 163, ч.3 ст.178, ч.1 ст.183, п.«в» ч.3 ст.188 и др.). Однако при описании ряда преступлений, явно выражающихся в принуждении, законодатель не использует соответствующую «триаду», а лишь указывает на конкретные способы воздействия на волю потерпевшего («с применением насилия», «путем угроз»). С другой стороны, не все насильственные преступления и уголовно наказуемые угрозы заключаются в принуждении (ст.ст.116, 117, 119 и др.). Из этого следует, что принуждение, насилие, угрозы — самостоятельные правовые категории.

В современной правовой доктрине под *насилием* понимается физическое или психическое воздействие на другое лицо, нарушающее право потерпевшего на личную неприкосновенность (в физическом и духовном смыс-

¹ В свете сказанного следует обратить внимание на понятие принуждения, данное законодателем в ст. ст. 120, 133 и 302 УК. В соответствии с буквой и смыслом уголовного закона, механизм принудительного воздействия заключается не только в применении насилия и угроз, но может также выражаться в использовании материальной и иной зависимости потерпевшего, в издевательствах, применении пыток, в совершении иных незаконных действий со стороны принуждающего.

² В статье 133 УК законодатель предусматривает ответственность за понуждение к действиям сексуального характера. Представляется, что понуждение есть разновидность принуждения, его насильственная форма.

ле). В уголовном законе понятие «насилие» трактуется в узком смысле — только как «физическое» насилие. Такое понимание этой категории вытекает из буквального толкования и действующего УК, в котором вместо понятия «психическое насилие» всякий раз используется особая терминология — «угроза применения насилия».

Насилие (в строгом смысле слова) — это умышленное противоправное воздействие на физическую неприкосновенность другого человека, сопряженное с причинением ему физической боли, мучений, страданий, вреда здоровью или смерти. Насилие — активная форма поведения, которая выражается в совершении различных действий: нанесение ударов, побоев, ранений, толкание, заламывание и выкручивание рук, сдавливание частей тела, защемление кожи, душение жертвы, истязания, пытки, связывание как способ временного лишения свободы передвижения, насильственное запираение в помещении, насильственное похищение человека, лишение жизни и др.

Содержание насильственного воздействия заключается в противоправном применении силы. При этом понятие силы требует расширительного толкования. Применение насилия может выражаться в использовании мускульной (физической) силы человека, силы наркотических, психотропных, ядовитых, сильнодействующих и иных средств и веществ, силы тока (звука, света), силы животного, других природных сил.

Насилие, будучи разновидностью физического воздействия, может выполнять функцию и психического воздействия. Например, применение пыток в присутствии потерпевшего с целью его устрашения. В этом случае мы имеем идеальную совокупность противоправных действий: применение физического насилия к одному лицу и угрозу применения физического насилия к другому.

В отличие от насилия (в строгом смысле слова) *угроза* есть один из видов психического воздействия как на сознание, так и волю другого человека. Как и насилие, угроза — активная форма поведения. Отличительная особенность ее в том, что она выражается в запугивании, устрашении другого человека. Угроза — это целенаправленное действие. Угроза высказывается не ради самой угрозы. Она направлена на конкретный объект — неприкосновенность личности, с целью произвести в нем вредные изменения: вызвать у другого человека состояние боязни, испуга, опасения, страха. По утверждению Л.Л.Кругликова, «угроза — способ психического воздействия, направленного на запугивание потерпевшего, на то, чтобы вызвать у последнего чувство тревоги, беспокойства за свою безопасность, дискомфортное состояние»¹. Угроза — это не простое озвучивание преступных намерений. В сущности своей человек опасается не самой высказанной или иным способом выраженной угрозы, а возможности ее исполнения. Чем такая возможность будет более вероятнее, реальнее, тем большим будет страх,

¹ См.: Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю. Юридическая энциклопедия. С.256.

² Кругликов Л.Л. Преступления против личности: Текст лекций. Ярославль, 1998. С.64.

Проблемы совершенствования норм об отдельных видах имущественных преступлений и практики их применения

опасение. Именно на такое восприятие угрозы потерпевшим и рассчитывают виновный. Поэтому негативные изменения (последствия угрозы), которые хотя и находятся за рамками понятия этого психического воздействия и даже в материальном и уголовно-процессуальном аспектах не требуют своего установления и закрепления, в действительности часто наступают. Они могут выражаться в ухудшении психического или физического самочувствия потерпевшего, нарушении здоровья и пр.

Исходя из вышесказанного, под угрозой следует понимать *запугивание потерпевшего нарушением его прав и охраняемых законом интересов, причинением вреда значимым для него благам, наступлением неблагоприятных для него последствий.*

Целесообразно различать содержание и форму угрозы. Законодатель определяет содержание угрозы путем указания на конкретное действие, совершением которого угрожающий запугивает потерпевшего. По общему правилу, угроза заключается в запугивании совершением противоправных действий. Это означает, что последняя содержит в себе опасность нарушения прав и охраняемых законом интересов другого лица, в том числе совершения действий, которые могут причинить вред объектам, охраняемым уголовным законом. Исключение составляет шантаж (ст.ст.133, 240, 302 УК). Под последним в самом общем виде понимается угроза разоблачений, разглашения позорящих, компрометирующих, а также иных сведений (действительных или ложных), которые потерпевший стремится сохранить в тайне, с целью добиться какой-либо выгоды или создать выгодную для себя обстановку, или в иных целях. Шантаж в части запугивания преданием огласке действительных сведений, распространение которых не нарушает законных интересов другого лица, не имеет своим содержанием противоправное действие.

Угроза как действие может проявляться вовне в устной, письменной форме либо путем конклюдентных действий. Она может состоять либо в высказывании тех или иных преступных намерений, либо в совершении каких-либо устрашающих телодвижений, либо, наконец, может характеризоваться соответствующими высказываниями, сопровождающимися угрожающими жестами. Угроза может быть передана лично или через посредников (третьих лиц), по телефону или иным образом. Угроза может следовать из обстановки. Наконец, могут иметь место явные и скрытые по форме, завуалированные угрозы. Существует мнение, что будто бы из УК РФ следует ненаказуемость скрытой угрозы, допускающей различные ее толкования, в том числе и некриминального характера¹. С такой постановкой вопроса согласиться нельзя. Форма угрозы может быть любой и не оказывает влияние на уголовно-правовую оценку содеянного. Другое дело, что скрытые угрозы физической расправы или иного причинения вреда потерпевшему, членам его семьи или другим лицам затрудняют установление и процессуаль-

¹ См.: Скобликов П.А. Взыскание доягов и криминал. М.: Юрист, 1999. С.98.

ное закрепление соответствующего обстоятельства, на что и рассчитывает виновный, высказывая угрозы в завуалированной форме с целью избежания уголовной ответственности. Кроме того необходимо принимать во внимание, что завуалированные формы угроз особенно присущи вымогательству как виду криминального «бизнеса», контролируемого организованной преступностью.

Угрозе свойственны и другие признаки. Так, она должна иметь реальный характер. Реальность угрозы означает, что имеются основания опасаться приведения ее в исполнение. Достаточными следует признавать такие основания, которые свидетельствуют о реальной возможности осуществления угрозы, когда и угрожающий, и потерпевший придают ей серьезное значение. Высказан взгляд, что реальность угрозы связывается прежде всего с наличием объективных оснований опасаться приведения ее в исполнение; субъективное же восприятие угрозы потерпевшим играет подчиненную роль. Более резонным представляется следующее положение: переносить реальность угрозы неликом в плоскость объективного основания опасности реализации угрозы, или, напротив, субъективного восприятия угрозы потерпевшим, едва ли правомерно; при установлении реальности угрозы необходимо учитывать в равной степени все обстоятельства дела.

Уточняя содержание указанного признака угрозы, следует заметить, что угроза должна быть наличной, то есть каким-либо образом выражена во вне. Она должна быть доведена до сведения лица, которому она адресована самим угрожающим или иными лицами. Действия (жесты) или высказывания виновного должны выражать серьезное намерение реализовать угрозу, которая в этом смысле должна иметь действительный, а не мнимый, «притворный» характер. Угроза должна свидетельствовать о реальной возможности причинения вреда. Угроза должна восприниматься потерпевшим в качестве осуществимой. Именно на такое восприятие угрозы потерпевшим должен рассчитывать и виновный.

Вопрос о конкретности уголовно наказуемой угрозы в науке уголовного права относится к числу спорных. По мнению одних исследователей, конкретная форма угрозы характеризует такое свойство угрозы как ее реальность. По мнению других — конкретность угрозы означает, что в ней содержится указание на определенное благо, которому угрожают причинить вред (будь это жизнь, здоровье, телесная неприкосновенность, честь и достоинство, собственность и пр.), и на конкретные действия, совершением которых лицо намеревается исполнить угрозу. В последнем случае под конкретностью понимается ясность того, каким образом виновный намерен исполнить угрозу.

Конкретность угрозы предполагает и определенность ее, но не всегда. Угроза может быть облеченной в неопределенную форму. Это имеет место тогда, когда характер действия, совершением которого угрожают, предполагает возможность причинения одного из нескольких неблагоприятных по-

Проблемы совершенствования норм об отдельных видах имущественных преступлений и практики их применения

следствий (например, угроза применения насилия, выражающаяся в словах «не сделаешь — хуже будет», «плохо будет», «сам увидишь, что будет» и т.п.). В таких случаях, как указано в п.12 постановления №31 Пленума Верховного Суда РСФСР от 22 марта 1966 г. «О судебной практике по делам о грабеже и разбое», необходимо исходить из учета всех обстоятельств дела: места и времени совершения преступления, числа преступников, характера предметов, которыми они угрожали потерпевшему, субъективного восприятия потерпевшим характера угрозы и др.

В правовом аспекте не имеет значения намеревался ли виновный исполнить угрозу.

Наконец, угроза может быть обращена в будущее, а может быть чревата опасностью в настоящем. В первом случае угроза заключается в запугивании предстоящими неблагоприятными последствиями, причинением вреда грядущего. Во втором — представляет собой действие или высказывания, которые выражают намерение немедленного нарушения прав и интересов потерпевшего, его близких или других лиц.

Угрозы подразделяются на виды в зависимости от характера действия, совершением которого угрожает виновный. В УК РФ названы следующие виды угроз: (1) угроза применения насилия (в том числе угроза убийством и причинением тяжкого вреда здоровью), (2) угроза уничтожения или повреждения имущества, (3) угроза изъятия имущества, (4) угроза распространения сведений, порочащих потерпевшего или его близких (шантаж), (5) угроза распространения иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких (шантаж), (6) угроза террористического действия.

Законодатель при описании некоторых составов преступлений, соединенных с угрозой, не выделяет ее виды (ст.ст.110, 183, 302 УК). Упоминание в уголовном законе об угрозе без конкретизации видов последней дает основание полагать, что содержание угрозы в данном случае не ограничивается вышеперечисленными действиями. В этой связи вполне мыслимы и такие ее виды как угрозы похищения человека, жестокого обращения с животными, привлечения заведомо невиновного к уголовной ответственности и т.д.

Определившись с содержанием понятий насилия и угроз попытаемся соотнести их с категорией принуждения. Для этого необходимо представить преступление в виде акта социального взаимодействия¹. Любое социальное взаимодействие предполагает, что поведение одного лица так или иначе ориентировано на поведение другого. Очевидно, что и преступление может быть ориентировано на прошлое (совершенное), настоящее (совершаемое) или ожидаемое в будущем (предполагаемое) поведение других лиц. Оно может быть мстью за прошлую деятельность потерпевшего, иметь своей це-

¹ См.: Пермяков Ю.Е. Введение в основы уголовной политики. Самара: Изд-во «Самарский университет», 1993. С.18.

люлю прекращение чьих-либо действий в настоящем или быть направленным на воспрепятствование нежелательной для виновного деятельности другого лица в будущем.

Насилие или угрозы, сориентированные на настоящее или будущее поведение жертвы, выполняют принудительную функцию и признаются способами принуждения. Если насилие является способом принуждения, то оно, по словам А.Э.Жалинского, представляет собой воздействие на поведение личности, ограничивающее возможность выбора его желательного варианта поведения путем причинения страданий физического или психического характера¹. Об угрозе-принуждении можно сказать по Гегелю: «Она исходит из понимания человека как несвободного и хочет принудить его к определенному поведению посредством представления о грозящем ему зле»².

Насилие и угрозы, связанные с совершенным в прошлом поведением жертвы, не являются способом принуждения, а признаются самостоятельными способами преступления, совершаемого из мести за «прошлые обиды» либо с какой-либо иной целью. Как утверждает А.Э. Жалинский, насилие может выступать как способ совершения преступления, а может как его цель, достигаемая способом и исчерпываемая им³.

С учетом вышесказанного вымогательство следует рассматривать как психическое принуждение в сфере имущественных отношений, а его квалифицированные виды, предусмотренные п.«в» ч.2 и п.«в» ч.3 ст.163, — как физическое принуждение в указанной сфере.

Вымогательство по своей законодательной конструкции относится к числу сложных преступлений. Во-первых, согласно закону оно складывается из двух действий, неразрывно связанных между собой: требования и угрозы. Одно вымогательское действие сопровождается другим. Обычно угроза сопровождается требованием и по времени высказывается в момент предъявления требования либо после него. По смыслу закона вымогательство не исключается и в том случае, если угроза предшествовала предъявлению требования. Главное — не допустить в процессе доказывания разрыва связи между указанными признаками объективной стороны вымогательства: при совершении этого преступления умыслом виновного охватывается как факт предъявления необоснованного имущественного требования, так и действия в виде угроз, вынуждающих потерпевшего к исполнению предъявленного ему требования. Отсутствие какого-либо из указанных действий, а равно связи между ними, исключает ответственность за вымогательство по действующему УК. В связи со сказанным представляется неверным утверждение, что в отдельных случаях имущественное требование при вымогательстве «может и не быть соединенным с угрозой, а предъявляться в расчете

¹ См.: Жалинский А.Э. Насильственная преступность и уголовная политика // Сов. гос. и право. 1991. №3. С.104.

² Гегель Г.В.Ф. Указ. соч. С.147.

³ См.: Жалинский А.Э. Указ. соч. С.112.

Проблемы совершенствования норм об отдельных видах имущественных преступлений и практики их применения

на использование объективно существующей опасности, нависшей над потерпевшим, его близкими»¹.

Во-вторых, одно из вымогательских действий — угроза, в свою очередь, описана в уголовном законе путем альтернативного перечисления конкретных актов поведения — 4-х видов угроз. Это угроза применения насилия; угроза уничтожения или повреждения чужого имущества; угроза распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких; угроза распространения иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких. Альтернативный способ перечисления в законе вымогательских угроз означает, что для признания вымогательства состоявшимся достаточно самого факта предъявления требования, сопровождающегося хотя бы одним из перечисленных в УК видов угроз. Вымогательские угрозы могут быть выражены как альтернативно, так и в том или ином сочетании.

Согласно закону, обязательным компонентом вымогательства является *необоснованное требование имущественного характера*. Указанный набор признаков требует юридического анализа.

С объективной стороны вымогательство заключается прежде всего в предъявлении вымогателем определенного *требования* к потерпевшему. При вымогательстве требование, сопровождающееся угрозой, и есть способ незаконного получения имущественной выгоды. Требование вымогателя представляет собой неправомерное настояние, повеление, категорическое указание потерпевшему совершить имущественное действие. В требовании вымогателя следует различать содержание и форму.

Содержание требования самым тесным образом связано с содержанием предмета этого преступления и определено в уголовном законе как «требование передачи чужого имущества или права на имущество или совершения других действий имущественного характера». Как видно, содержание требования вымогателя носит *имущественный* характер. Стремление вымогателя к незаконному получению имущественной выгоды осуществляется путем принуждения другого лица совершить имущественное действие. Имущественное требование может выражаться, в частности, в том, что чужое имущество может быть затребовано в безвозвратное владение или во временное пользование. Требование может ограничиваться однократной передачей имущества либо заключаться в предоставлении виновному систематических денежных выплат. Так, судом по делу Недоросткова было установлено требование от потерпевшего ежемесячной передачи преступной группе денег в сумме 1500 руб.² Вымогательское требование не ограничивается притязаниями на чужое имущество (в смысле вещи). Оно, согласно закону, может также заключаться в повелении безвозмездно оказать услуги, выполнить работы или совершить иные действия имущественного характера.

¹ Куп В.Н. Указ. соч. С.4.

² См.: Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2000. №7. С.14.

Вымогательское требование состоит в склонении потерпевшего к *активной* форме имущественного поведения, направленного на обогащение вымогателя или других лиц. Уголовный закон, к сожалению, не дает оснований для признания вымогательским требования воздержаться от совершения определенных имущественных действий, как-то: беспрепятственно уступить свое имущество, устранившись от владения, пользования или распоряжения конкретной вещью, отказаться от осуществления имущественного права, освободить другое лицо от имущественных обязанностей, воздержаться от требования возврата долга и пр.

Отсутствие в статье 163 УК упоминания о требовании имущественного бездействия следует считать пробелом в действующем уголовном законодательстве. В этой связи более точным представляется законодательное определение такого смежного с вымогательством преступления как принуждение к совершению сделки или к отказу от ее совершения. В статье 179 УК, предусматривающей ответственность за указанное преступление, наказуемым обоснованно признается как принуждение к совершению действия, направленного на установление, изменение или прекращения гражданских прав и обязанностей (сделки), так и принуждение к отказу от совершения этого действия.

Представляется неудачным используемый в УК прием конкретизации содержания вымогательского требования. Указание законодателем в этой связи на «требование передачи чужого имущества» порождает возможность смещения вымогательства с хищением чужого имущества. Такая формулировка, в известной степени, дезориентирует практических работников, побуждая их оценивать указанную вымогательскую форму по правилам квалификации хищений: если требование заключается в передаче *чужой* вещи, налицо вымогательство, если же требование касается возврата *собственного* имущества, содеянное не образует состава вымогательства, но может при наличии к тому оснований рассматриваться как самоуправство. В. В. Векленко пишет, что суды дают уголовно-правовую оценку вымогательству чужого имущества с точки зрения наличия в нем признаков хищения. С такой тенденцией, сложившейся в правоприменении, этот автор в целом соглашается и указывает на нее в подтверждение своего тезиса о вымогательстве как форме хищения¹. Нам же представляется, что при уголовно-правовой оценке вымогательства недопустимо руководствоваться подходами, установленными для квалификации хищения чужого имущества. Хищение посягает на право собственности, вымогательство нарушает вещные и иные имущественные права, а также охраняемые законом интересы имущественного характера; хищение выражается в изъятии чужой вещи, вымогательство — в принуждении в целях получения имущественной выгоды.

По смыслу закона, требование при вымогательстве носит *необоснованный* характер. У виновного отсутствуют правовые и фактические основания

¹ См.: Векленко В. В. Квалификация хищений. С. 110-111

Проблемы совершенствования норм об отдельных видах имущественных преступлений и практики их применения

для предъявления имущественного требования. Поэтому следует различать с юридической точки зрения требования необоснованные и требования обоснованные. Необоснованное требование не опирается на закон или договор и не основывается на юридических фактах. Необоснованное требование может быть мотивированным или немотивированным. Мотивированное необоснованное требование есть признак завуалированных вымогательских форм, соединенных, например, с навязыванием каких-либо услуг, работ или иных действий, якобы в интересах потерпевшего и требующих оплаты. Так, по делу Назарова требование передачи денег было мотивировано тем, что будет обеспечиваться безопасность коммерческой организации и ее охрана от нападения со стороны других преступных групп¹. Мотивированным необоснованным требованием следует считать также повеление компенсировать моральный вред за нарушение имущественного права в той преобладающей части случаев, когда это не предусмотрено законом.

Если требование обоснованно, то есть имеются правовые и фактические основания для его предъявления, ответственность за вымогательство исключается. В таком случае при наличии других условий содеянное может образовать состав самоуправства. При разграничении самоуправства и вымогательства недопустимо предрешать вопрос о правовой оценке содеянного, исходя лишь из наличия или отсутствия имущественных отношений (договорных отношений, отношений, возникших из обязательств вследствие причинения вреда и пр.) между двумя сторонами конфликта. Необходимо всесторонне, полно и объективно проверить обоснованность предъявляемого требования с правовой точки зрения. В этой связи подлежит выяснению юридический характер взаимоотношений сторон. Если будет установлено, что стороны конфликта являются участниками имущественного правоотношения, в целях правильной квалификации содеянного необходимо выяснить какими правовыми нормами оно регулируется, то есть вид этого правоотношения и его юридическое содержание (субъективные права и обязанности участников указанного правоотношения). Далее подлежит выяснению, допускает ли законодательство возможность предъявления соответствующих требований по данному виду правоотношения и, если такая возможность имеет место, какие основания, условия и порядок установлены для истребования имущества. Следует иметь в виду, что совершение вымогательства вполне мыслимо «под прикрытием» договора в целях скрыть или облегчить противоправное имущественное принуждение.

Вопросы отграничения вымогательства от самоуправства относятся к числу наиболее злободневных проблем в современном правоприменении. Приговоры судов нередко подлежат пересмотру в связи с несогласием вышестоящих судебных инстанций с правовой оценкой содеянного. При этом в судебной практике наметилась тенденция переквалификации действий осужденных со статьи УК о вымогательстве на статью УК о самоуправстве,

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 1991. №8. С 12.

а также прекращения дел за отсутствием в содеянном состава вымогательства.

Действительно ли нижестоящие суды так часто допускают ошибки при разрешении дел данных категорий? Скорее, речь идет о настолько спорных проблемах применения законодательства, которые требуют выработки и последовательного осуществления в следственно-судебной практике единообразного подхода к их решению. В этой связи необходимо вновь подчеркнуть, что подход к уголовно-правовой оценке вымогательства не может строиться по аналогии с апробированными в судебной практике правилами квалификации хищений. Он должен опираться на общеправовое основание, учитывая действие межотраслевых правовых связей и нормативных положений гражданского законодательства, регулирующих имущественные отношения, ставшие объектом вымогательства. Обратимся в этой связи к опубликованной судебной практике.

Президиум Владимирского областного суда согласился с доводами прогеста Заместителя Председателя Верховного Суда РФ о переквалификации с вымогательства на самоуправство содеянное Любенцом, совершенное при следующих обстоятельствах. В январе 1996 г. Любенец передал Качалову во временное пользование магнитофон «Осака». В процессе использования магнитофон пришел в негодность, за что Любенец потребовал от Качалова 100 тыс. рублей. Качалов согласился, но в установленный срок деньги не отдал. В конце февраля Любенец потребовал от Качалова новый магнитофон или 250 тыс. рублей. В начале апреля имущественное требование возросло на сумму 500 тыс. рублей, а с 12 апреля того же года — на сумму 1500 тыс. рублей. При этом Любенец и не установленные следствием лица применили к Качалову насилие, повлекшее за собой кратковременное расстройство здоровья потерпевшего. В обоснование своего решения по данному делу Президиум областного суда указал, что Любенец не преследовал цели завладения чужим имуществом, принадлежавшим лично потерпевшему Качалову, а лишь требовал у Качалова денег за сломанный магнитофон. Вымогательство же предполагает истребование чужого имущества. Поэтому действия Любенца должны быть квалифицированы как самоуправство¹.

Не оспаривая уголовно-правовую оценку действий этого осужденного, нельзя согласиться с мотивировкой Президиумом областного суда квалификации содеянного. По логике мотивировки получается, что имущественное требование собственника является правомерным независимо от его размера и иных условий, если оно адресовано лицу вследствие повреждения или гибели имущества, переданного ему во временное пользование. Однако так ли это на самом деле? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо определить юридическое содержание договорных отношений, возникших между сторонами конфликта, действительную стоимость предмета договора, обстоятельства, при которых переданная вещь была повреждена и пр. Так, если меж-

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1998. №11. С.8-9.

Проблемы совершенствования норм об отдельных видах имущественных преступлений и практики их применения

ду Любенцом и Качаловым состоялась договоренность о безвозмездном временном пользовании магнитофоном, имущественное требование первого к последнему будет считаться правомерным даже при случайной гибели вещи, но лишь в случаях, прямо указанных в законе (ст.696 ГК РФ). Если же между Любенцом и Качаловым был заключен договор возмездного временного пользования магнитофоном, то предъявление имущественных требований Любенцом о возмещении вреда может считаться обоснованным только при наличии вины Качалова.

Требование о возмещении имущественного вреда по закону не может быть беспредельным. По общему правилу, оно удовлетворяется в пределах полного возмещения причиненных убытков (ст.ст.15 и 1064 ГК РФ). Убытки определяются исходя из реального ущерба (в нашем случае, действительной стоимости магнитофона) и упущенной выгоды. При определении размера упущенной выгоды должны учитываться исключительно точные данные, которые бесспорно подтверждают реальную возможность получения денежных сумм или иных ценностей, если бы имущественное право потерпевшего не было нарушено. При этом в гражданском праве подчеркивается, что не должны приниматься во внимание ни чем не подтвержденные расчеты кредитора о предполагаемых доходах¹.

Следовательно, если требования Любенца о возмещении указанной им суммы ущерба соответствовали размеру причиненных ему убытков (действительной стоимости пришедшего в негодность магнитофона и упущенной выгоды, если таковая имела место), содеянное Любенцом образует состав самоуправства. Однако, если размер убытков, причиненных последнему, был явно меньше суммы требования, предъявленного им Качалову, содеянное должно квалифицироваться как вымогательство в части незаконного требования. Квалификация действий виновного в последнем случае как самоуправства не согласуется с правовой природой содеянного, которое явно направлено на незаконное обогащение в части необоснованного требования и, соответственно, на причинение имущественного ущерба потерпевшему.

По делу Пасхина Э. надзорная инстанция не согласилась с квалификацией действий осужденного как вымогательства и прекратила дело за отсутствием в содеянном состава преступления. Как было установлено, 19 февраля 1995 г. сын Пасхина Э. — Пасхин А. потребовал от Метелева и Аникина по 1 млн. рублей с каждого как возмещение за причиненные ему побои, пообещав «отказаться от привлечения их к уголовной ответственности», о чем сообщил своему отцу. Метелеев передал Пасхину Э. деньги в сумме 100 долларов США и 50 тыс. рублей. Получив неполную сумму, Пасхин Э. потребовал от Метелеева написать расписку об обязательстве передать 500 тыс. рублей, а от Аникина — 1 млн. рублей, угрожая в случае отказа потребовать возбуждения уголовного дела и сообщить об их неправо-

¹ См.: Гражданское право: Учебник. Ч.1. Изд. 2-е, перераб. и доп. / Под ред. А.П.Сергеева, Ю.К.Толстого. С.528.

мерных действиях руководству полка, где они служили. Аникин отдал Пасхину Э. 640 тыс. рублей. В дальнейшем Метелеев и Аникин отказались выплачивать Пасхину Э. какие-либо суммы и обратились в органы милиции, сообщив о неправомерных действиях последнего.

Обосновывая свое решение, надзорная инстанция указала, что установленный факт избиения Метелеевым и Аникиным Пасхина А. сам по себе давал основание последнему на возмещение морального вреда, из чего следует, что в действиях Пасхина Э., связанных с предложением выплатить определенную денежную сумму за причиненный его сыну моральный вред, отсутствует состав вымогательства¹.

Основание и размер компенсации гражданину морального вреда определяются правилами, предусмотренными главой 59 и статьей 151 ГК РФ. Согласно закону, если гражданину причинен моральный вред (физические или нравственные страдания) действиями, посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага, суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации указанного вреда. Как видно из приведенного примера, надзорная инстанция правильно установила наличие основания у Пасхина А. для предъявления требования о компенсации причиненного ему морального вреда. Однако за рамками судебного рассмотрения остался вопрос об обоснованности размера суммы требования, предъявленного Пасхином Э. Этот размер, согласно ст. 1101 ГК РФ, не может быть произвольным и определяется в зависимости от характера причиненных потерпевшему страданий, степени вины причинителя вреда, с учетом требований разумности и справедливости². Не следует забывать, что вымогательство может быть совершено под видом требований о компенсации морального вреда, когда размер истребуемого установлен или растет произвольно, многократно превышая сумму действительного долга.

По делу Рубанова и Соколова судебной коллегией по уголовным делам Кировского областного суда приговор в отношении осужденных изменен: их действия со статьи УК о вымогательстве переквалифицированы на статью уголовного закона о самоуправстве. Согласно материалам дела, Шиляев обнаружил пропажу из своей квартиры облигаций на сумму 23 тыс. рублей, в их краже заподозрил знакомого Лобастова. Узнавшие о факте пропажи облигаций Соколов и Рубанов небезвозмездно согласились отыскать пропажу. На автомашине они подъехали к дому Лобастова, а когда он вышел из дома, приставили к его спине охотничий нож, угрожая проткнуть, на автомашине вывезли за город, потребовали от него выдачи облигаций, которые он, по их мнению, похитил у Шиляева. Вначале они оказывали на Лобастова психическое воздействие, затем угрожали «закопать» на кладби-

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1998. №5. С.15-16.

² По этому вопросу интересные рекомендации содержатся в следующих работах: Кузнецова Н.В. Проблемы компенсации морального вреда в уголовном процессе. Ижевск, 1999. С.51-85; Эрделевский А. О размере возмещения морального вреда // Рос. юстиция. 1994. №10. С.17-19.

Проблемы совершенствования норм об отдельных видах имущественных преступлений и практики их применения

ще. Поскольку на кладбище были люди, увезли его в лес, где стали истязать, требуя возврата облигаций. Они наносили Лобастову удары руками, ногами, шлангом. Соколов несколько раз надевал полиэтиленовый пакет на голову потерпевшего, закрывая ему доступ воздуха. Они раздевали Лобастова, бросали в снег, привязав к дереву, избивали. Соколов имитировал нанесение ударом ножом потерпевшему в грудь. Избиение Лобастова продолжалось около полутора часов. Ему были причинены легкие телесные повреждения, повлекшие кратковременное расстройство здоровья. Рубанов и Соколов, доводя Лобастова до бесчувственного состояния, привезли его в город, пригрозив расправиться с ним, если он сообщит о случившемся в правоохранительные органы¹.

На первый взгляд представляется, что правовая оценка подобных случаев вряд ли может быть однозначной и всякий раз зависит от установления всех обстоятельств дела. С одной стороны, собственник с помощью других лиц вроде бы реализует в установленном законом порядке свое право путем нарушения прав потерпевшего. С другой стороны, истребование своего имущества у другого лица вряд ли можно считать основанным на законе, если собственнику достоверно неизвестно, в чьем владении его пропавшее имущество находится. При решении указанной дилеммы необходимо руководствоваться положениями закона, в позитивном смысле регулирующего отношения собственности. В приведенном примере за рамками судебного рассмотрения осталась, к сожалению, вопрос о том, имели ли Шляев, а также Рубанов и Соколов, право требовать от Лобастова передачи облигаций, по их мнению, похищенных последним. В этой связи суду необходимо было ответить на существенный вопрос данного дела: является ли требование правомерным, если оно основано на догадках, домыслах, предположениях?

Согласно ст.301 ГК РФ, собственник вправе истребовать свое имущество из чужого незаконного владения. Исходя из закона, субъектом права требования является собственник. Он должен сформулировать основание своего требования путем указания на юридические факты (обстоятельства выбытия имущества из обладания собственника, условия поступления имущества к незаконному владельцу, наличие спорного имущества в натуре и пр.), в своей совокупности подтверждающие его право на оспариваемое имущество и возможность его истребования. Субъектом обязанности выполнить требование собственника является незаконный владелец, фактически обладающий вещью на момент предъявления требования. На наш взгляд, требование о передаче собственного имущества, исходящее из произвольных предположений о наличии у другого лица истребуемого имущества, не может считаться обоснованным. Обоснованным следует признавать в этой связи такое требование собственника, которое, с одной стороны, основано на законе, с другой — опирается на соответствующие юридические факты.

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1991. №6. С 8-9.

Высказано мнение, что в отличие от самоуправства, вымогательство возможно «лишь в отношении чужого имущества, на которое виновный не имеет ни действительного, ни предполагаемого права. При этом под действительным правом понимается такое право, которым лицо обладает на законном основании... Под предполагаемым понимается право, которое в действительности не принадлежит лицу, однако оно ошибочно считает, что таким правом наделено»¹. С таким мнением в целом согласиться трудно. Представляется сомнительным само деление субъективного права на действительное и предполагаемое, заимствованное из прежних положений уголовного законодательства о самоуправстве (ст.103 УК 1922 г., ст.90 УК 1926 г., ст.200 УК 1960 г.), от которого УК 1996 г. отказался (ст.330)².

Субъективное право есть признанная или предоставленная законом реальная возможность того или иного поведения. Очевидно, что субъективное право всегда действительно, «недействительных» субъективных прав в правовом поле не существует. То, что нередко называют «предполагаемым правом» есть лишь мнение или убеждение субъекта о наличии у него права. Как видно, в последнем случае речь идет не о праве как таковом, а о субъективном отношении человека к юридической действительности, к существующему правовому порядку, к действующим в объективном мире нормам. В этой связи необходимо различать право и правосознание как взгляды, оценки, представление людей о праве. Как справедливо писал М.С. Строгович: «Предположение, вероятное в самой высокой степени, не перестает быть предположением, а потому не исключена возможность того, что истинным является не то, что предположено, а совсем иное, иногда прямо противоположное»³. В самом деле, предположительное, вероятное знание является не истинным и не ложным. Знание, которое еще не подтверждено какими-либо фактическими обстоятельствами, чтобы считаться достоверным, можно назвать неопределенным, вероятным, лежащим между истиной и ложью. В данном контексте «предполагаемое право» есть вероятное суждение лица, что право на определенное имущество или требования может принадлежать ему. Вероятность здесь означает, что у лица нет достаточных оснований считать конкретное имущество своим, что лицо достоверно не знает, кому в действительности принадлежит право требования. Вследствие этого, как бы ни была высока вероятность принадлежности имущественного права этому лицу, остается и вероятность обратного, то есть того, что имущество по праву принадлежит другому. Осознавая вероятность наличия у него определенного имущественного права, лицо осознает вероятность и

¹ Скорилкина Н., Додонов С., Анненков А. Отграничение самоуправства от вымогательства // Законность. 2001. №2. С.8.

² Исходя из действующего УК, самоуправство не есть «осуществление с нарушением установленного законом порядка своего действительного или предполагаемого права», а представляет собой совершение в неустановленном законом порядке действия, правомерность которого оспаривается другим лицом.

³ Строгович М.С. Избранные труды: В 3-х т. Т.3. Теория судебных доказательств. М.: Наука, 1991. С.29.

обратного — того обстоятельства, что указанного права, возможно, у него и нет.

Как известно, данность осознается не всегда в равной мере, так что можно различать степень сознания: от беспочвенных фантазий, догадок по поводу существования того или иного обстоятельства, до возможности или даже неизбежности его наличия. При этом более высокая степень вероятности или более низкая ее степень не представляют какого-либо значения. В.Н.Кудрявцев полагает, что сознание может варьироваться в пределах следующих представлений субъекта: данный признак «не исключен» — «возможен» — «вероятен» — «неизбежен». По мнению этого автора, «для разграничения преступлений варианты *степени осознанности* признака практического значения не имеют»¹. Из сказанного выше следует, что лицо, которое причиняет или угрожает причинением имущественного ущерба на основании необоснованных предположений о наличии у него права на такие действия, осознает возможность нарушения имущественных прав и охраняемых законом интересов другого лица, то есть умышленно совершает имущественное правонарушение.

Ошибочное представление лица о юридической природе своего поведения, по общему правилу, не исключает ответственности за содеянное им как противозаконное деяние и не влияет на оценку этого деяния именно как неправомерного. Равным образом, и уголовная ответственность лица, заблуждающегося относительно юридических свойств предмета преступления, наступает в соответствии с оценкой этого деяния не субъектом преступления, а законодателем. В связи с этим, совершенное преступление по поводу реализации «предполагаемого права» необходимо квалифицировать по правилам юридической ошибки, «ошибки в праве»: «*ignorantia juris semper nocet*»; «*ignorantia juris (haud) non excusat (neminem excusat)*»². По этому вопросу Н.С.Таганцев писал: «... Одно сомнение в том, запрещено ли деяние законом, как и при ошибке фактической, не устраняет еще вменения учиненного в умысел. Даже более, ссылка на то, что данный поступок был терпим местной администрацией, был совершен как бы с ее дозволения или что обвиняемый советовался по поводу совершенного им со специалистами-юристами, сама по себе недостаточна для устранения умышленности, так как сомнение не равносильно незнанию»³.

«Уничтожать умысел», по Н.С.Таганцеву, может лишь действительное неведение или заблуждение о запрещенности деяния⁴. Оказывать влияние на юридическую оценку содеянного может только такое ошибочное представление лица о праве, которое возникло в силу фактических обстоятельств, препятствующих пониманию лицом неправомерности своего дея-

¹ Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. С.152-153.

² Незнание закона не исключает ответственности; незнание права (ни в коем случае) (никого) не извиняет (лат.).

³ Таганцев Н.С. Русское уголовное право: В 2-х т. Т.1 Тула: Автограф, 2001. С.463-464.

⁴ Там же. С.463.

ния. Извинительным является только такое заблуждение о юридической природе поведения, которое может быть признано добросовестным.

В целях разграничения вымогательства и самоуправства в сфере договорных и иных обязательств можно рекомендовать следующие правила квалификации.

1. Если имущественное требование кредитора к должнику, предъявленное в неустановленном законом порядке и сопровождаемое угрозой или насилем, не ограничивается возвратением переданного имущества (или его стоимостного эквивалента) и связано с увеличением суммы долга (мотивированным, в частности, необходимостью полного возмещения убытков, компенсации сверх возмещения вреда, уплаты неустойки, компенсации морального вреда и пр.), содеянное квалифицируется как самоуправство при наличии правовых оснований для предъявления такого требования. Если правовые основания для предъявления указанного требования отсутствуют, содеянное квалифицируется как вымогательство в части неправомерных имущественных притязаний кредитора.

2. Если кредитор под угрозой или, применяя насилие, требует от должника совершить имущественное действие, которое не обусловлено возникшим между ними обязательством и не основано на законе, содеянное следует квалифицировать как вымогательство.

3. Если лицо, предъявившее с применением угроз или насилия имущественное требование, добросовестно заблуждалось относительно наличия у него права требования, оно не может нести ответственность за вымогательство. При этом добросовестным следует считать такое заблуждение, в силу которого лицо не осознавало и по обстоятельствам дела не могло осознавать отсутствие у него права на предъявление имущественного требования. Поэтому в целях правильной квалификации содеянного надлежит выяснять, какие фактические обстоятельства дела препятствовали лицу осознавать ошибочность своих представлений о якобы имеющих место правовых основаниях для предъявления имущественного требования.

В требовании вымогателя обычно обозначается время его исполнения. Вымогательское требование включает в себя определенный момент времени или срок, в течение которого потерпевшим должно быть совершено требуемое имущественное деяние. Выполнение имущественного требования может откладываться вымогателем в более или менее отдаленное будущее.

Вместе с тем вымогатель может понуждать потерпевшего и к немедленному исполнению требования. Высказано мнение, что невозможно представить себе вымогательство, соединенное с завладением имуществом в момент предъявления требования¹. Указанное мнение, равно как и содержащееся в п.2 постановления Пленума Верховного Суда РСФСР от 4 мая 1990 г. «О

¹ См.: Сафонов В.Н. Организованное вымогательство: Уголовно-правовой и криминологический анализ. С.51.

Проблемы совершенствования норм об отдельных видах имущественных преступлений и практики их применения

судебной практике по делам о вымогательстве¹ утверждение, что при вымогательстве умысел виновного направлен на получение требуемого имущества в будущем, не всегда находит подтверждение в судебной практике. По приведенному ранее делу Назарова, вымогатель пришел в кооператив «Темп» и стал требовать у сотрудника кооператива Некрасова 5000 рублей, угрожая тем, что явится со своими знакомыми, изоьет кооператоров, уничтожит кооперативное имущество и потребует уже 25 тыс. рублей. По другому делу, согласно показаний потерпевшего Т., работающего директором МП «Прана», при получении сигарет на Елецкой табачной фабрике к нему подошли трое мужчин, один из них потребовал два короба сигарет, угрожая насилием. Восприняв угрозу как реальную, он вынужден был отдать вымогателям короб сигарет.

Более правильным представляется следующее разъяснение Пленума Верховного Суда СССР, данное в п.13 постановления от 5 сентября 1986 г. «О судебной практике по делам о преступлениях против личной собственности»: предъявленное потерпевшему требование о немедленной передаче имущества под угрозой применения в будущем насилия к нему самому или его близким, при отсутствии признаков нападения следует квалифицировать как вымогательство.

Законодатель не конкретизирует категорию потерпевших и не ограничивает круг лиц, к которым предъявляется требование. Поэтому имущественно-правовой статус адресата требования, наличие или отсутствие у него имущества или имущественного права, его способность выполнить те или иные имущественные действия для квалификации вымогательства значения не имеют.

Форма вымогательского требования может быть любой и на квалификацию также не влияет.

Указание в уголовном законе на требование как обязательный признак вымогательства представляется неоправданным. Во-первых, такой законодательный прием описания вымогательства приводит к сужению объективной стороны этого преступления, на что справедливо обращено внимание в литературе². Требование — вовсе не обязательный признак принуждения в сфере имущественных отношений. Последнее может заключаться и в других более мягких или, напротив, более жестких формах воздействия: от прошений и ходатайств до систематических домогательств, грубого давления и бесчинства. Принуждение может состоять в поставлении другого лица в такие условия, при которых он вынужден выполнить имущественное требование с целью предотвращения вредных последствий для его правоохраняемых интересов. Именно так определяется в п.15 постановления Пленума

¹ См.: Сборник постановлений Пленумов Верховного Суда Российской Федерации (СССР, РСФСР) по уголовным делам. С.202-206.

² См.: Судебная практика по уголовным делам. В 2-х ч. Часть 1. С.512-513.

³ См.: Веклепко В.В. Квалификация хищений. С.109-110; Кочои С.М. Указ. соч. С.246.

Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2000 г. «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе» одна из форм служебного (должностного) вымогательства.

Во-вторых, как свидетельствуют материалы судебной практики, вымогательское требование чаще всего сразу же сопровождается вымогательскими угрозами. При одновременном совершении этих действий они имеют такую неразрывную связь между собой, что представляют единый акт преступного поведения, логическое деление которого на две указанные в уголовном законе части носит искусственный характер.

В-третьих, указание в уголовном законе на два вымогательских действия (требование и угрозу) приводит к «усложнению» объективной стороны этого преступления, что криминологически необоснованно. В данном случае не учитывается широкое распространение завуалированных форм организованного вымогательства, которому свойственно «распределение ролей». Предъявление вымогательского требования одним лицом, а высказывание вымогательской угрозы другим соучастником осложняет процесс доказывания связи между действиями вымогателей, что препятствует привлечению виновных лиц к уголовной ответственности.

По нашему мнению, объективную сторону вымогательства уместнее выразить в уголовном законе посредством категории «принуждение», означающей как противоправное воздействие на другого человека, так и результат этого воздействия — приневоленное состояние лица, вынужденного совершить требуемый акт имущественного поведения.

Второй обязательный признак объективной стороны вымогательства — *угроза*, которая связана с имущественным требованием, сопровождает его. Вымогательская угроза является разновидностью уголовно наказуемой угрозы и поэтому должна содержать общие признаки последней.

Особенные признаки *вымогательской угрозы* состоят в следующем. Во-первых, она сопровождает требование и потому является способом психического принуждения. Во-вторых, этот способ психического принуждения заключается, согласно закону, в приневоливании другого человека к активной форме поведения — действию, носящему имущественный характер. Именно в этом проявляется функция угрозы вымогателя: заставить, принудить потерпевшего выполнить требование вымогателя.

При высказывании угрозы определяется время ее возможной реализации. Вымогатель угрожает совершить незаконные действия в будущем или настоящем при условии отказа принуждаемого выполнить предъявленное к нему требование. Как правило, вымогательская угроза — это угроза нежелательных последствий для другого лица в *будущем* (угроза зла в будущем), запугивание потерпевшего будущими противоправными действиями. В этом случае исполнение угрозы вымогателя откладывается на тот или иной срок и ее реализация через определенное время предполагается в случае, если принуждаемый не выполнит имущественных требований виновного.

Проблемы совершенствования норм об отдельных видах имущественных преступлений и практики их применения

Вымогательство может быть соединено и с угрозой совершения указанных в законе противоправных действий в *настоящее время*. Это запугивание потерпевшего немедленным посягательством на его права и интересы в случае отказа выполнить требования вымогателя.

Не имеет значения для квалификации вымогательства, кем может быть реализована угроза: самим предъявителем имущественного требования, его соучастниками или другими лицами.

Содержание угрозы при вымогательстве конкретизировано в уголовном законе и, соответственно, выделено четыре вида запугивания. Перечень разновидностей вымогательских угроз является исчерпывающим и расширительному толкованию не подлежит. Поэтому, если в качестве путей достижения преступной цели лицом, предъявляющим имущественное требование, избраны иные виды угроз, ответственность за вымогательство по действующему УК исключается.

Одним из видов вымогательских угроз является *угроза применения насилия*. Она выражается в запугивании потерпевшего причинением ему физического вреда. Характер насилия, которым угрожает вымогатель, не конкретизирован в уголовном законе. Поэтому этим видом угрозы охватывается запугивание применением любого насилия, в том числе угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью.

Как свидетельствуют материалы судебной практики, адресат угрозы применения насилия, как правило, совпадает с лицом, к которому обращено имущественное требование. Однако возможно, что требование, адресованное одному лицу, сопровождается угрозой применения насилия к другому лицу. В УК не конкретизирован и не определен круг лиц — адресатов вымогательской угрозы применения насилия. По смыслу закона этот вид угрозы может касаться как лица, к которому предъявлено требование, его близких, так и других лиц. Неточным является суждение, что вымогательская угроза насилием адресуется по закону потерпевшему или его близким¹.

Вымогательство чужого имущества, соединенное с угрозой применения насилия, тесно примыкает к таким имущественным преступлениям как грабеж и разбой, особенно когда последние выражаются в принуждении к передаче имущества под угрозой применения насилия. Решая вопрос об ограничении этих преступлений, следует учитывать соотношение моментов (времени) предполагаемого исполнения требования и угрозы. Момент предполагаемого исполнения требования — это указанное в требовании время передачи имущества потерпевшим (время незаконного получения имущественной выгоды вымогателем). Момент предполагаемого исполнения угрозы — это обозначенное время ее возможной реализации. Эти два момента связаны с настоящим и будущим временем, что дает основание говорить о четырех возможных вариантах вышеуказанного соотношения.

¹ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Ростов н/Д, 1996. С.386.

См.: Каинов М. Проблемы квалификации вымогательства // Законность. 1995. №9. С.37.

Первый: требование передачи имущества в будущем, сопровождающееся угрозой применения насилия в будущем. Второй: требование немедленной передачи имущества, сопровождающееся угрозой применения насилия в будущем. Третий: требование передачи имущества в будущем, сопровождающееся угрозой немедленного применения насилия в случае отказа потерпевшего выполнить это требование. Четвертый: требование немедленной передачи имущества, соединенное с угрозой немедленного применения насилия.

Содеянное признается вымогательством в случаях, когда при сочетании моментов предполагаемого исполнения требования и угрозы хотя бы один из них обращен в будущее (при первых вариантах). Если моменты предполагаемого исполнения требования и угрозы заключены в настоящем, содеянное образует состав хищения, соединенного с психическим насилием (четвертый вариант). Согласно материалам дела Т., последний вошел следом за незнакомой ему К. в подъезд дома, затем в лифт, остановил его между этажами и, раскрыв складной нож, потребовал у К. деньги. Она сказала, что денег у нее нет. Т. вновь потребовал деньги и, получив тот же ответ, вышел из лифта. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ обоснованно не согласилась с доводами протеста о переквалификации содеянного со статьи УК о разбое на его статью о вымогательстве, указав, что подсудимый угрожая ножом (то есть немедленным применением насилия – А.Б.), требовал передать ему деньги в момент разбойного нападения, а не в будущем¹.

Необходимо помнить о широком содержании предмета вымогательства. При сочетании указанных моментов в настоящем времени вымогательство не исключается, если оно совершается по поводу имущественных выгод неимущественного содержания. Поэтому требование немедленной уступки права на имущество или совершения действий имущественного характера (не связанных с передачей имущества) под угрозой немедленного применения насилия образует состав вымогательства.

Другим видом вымогательских угроз является *угроза уничтожения или повреждения чужого имущества*. Под последней понимается запугивание причинением имущественного ущерба, связанного с гибелью вещи, существенным умалением ее потребительских свойств или уменьшением ее стоимости. Для квалификации неважно каким способом виновный угрожает уничтожить или повредить чужое имущество.

В уголовном законе не ограничен круг лиц — адресатов такой вымогательской угрозы. По смыслу закона этот вид угрозы может распространяться на лицо, к которому предъявлено требование, или других лиц.

Сочетание моментов предполагаемой передачи имущества и реализации угрозы уничтожения или повреждения чужого имущества не влияет на квалификацию вымогательства. Вымогательство не исключается и в том

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1993. №4. С.9-10.

Проблемы совершенствования норм об отдельных видах имущественных преступлений и практики их применения

случае, если виновный требует передачи имущества под угрозой немедленного уничтожения более ценного имущества. Например, Г. требовал у собственника дачи немедленной передачи денег, угрожая в случае отказа тотчас же поджечь дачу.

Третий вид вымогательской угрозы — это *угроза распространения сведений, порочащих потерпевшего или его близких*. Последняя заключается в запугивании потерпевшего сообщением в какой бы то ни было форме несколькими или хотя бы одному лицу касающихся потерпевшего или его близких сведений, огласка которых может умалить честь и достоинство потерпевшего или его близких, подорвать их репутацию. Согласно п.3 постановления Пленума Верховного Суда РСФСР от 4 мая 1990 г. «О судебной практике по делам о вымогательстве», как вымогательство под угрозой оглашения порочащих сведений рекомендуется квалифицировать требование передачи имущества, сопровождающееся угрозой разглашения сведений о совершенном потерпевшим или его близкими правонарушении, а равно иных сведений, оглашение которых может нанести ущерб чести и достоинству потерпевшего или его близких. При этом Пленум подчеркнул, что не имеет значения, соответствуют ли действительности сведения, под угрозой разглашения которых совершается вымогательство. Позиция Пленума по данному вопросу обозначена вполне ясно: вымогательство может иметь место как при угрозе предания огласке действительных, так и не соответствующих действительности (мнимых, заведомо ложных) сведений, порочащих потерпевшего или его близких. Рассматриваемая вымогательская угроза в приведенных разъяснениях связывается с диффамацией (от лат. *diffamare* — лишать доброго имени, порочить). В отличие от клеветы при диффамации порочащие сведения могут и не носить заведомо ложного характера.

Анализ опубликованной судебной практики последних лет показывает, что Верховный Суд РФ изменил свою позицию по данному вопросу. Так, Президиум Верховного Суда РФ не признал наличия состава вымогательства в содеянном Соловьевым и Окуновым при следующих обстоятельствах. Окунев рассказал Соловьеву о совершенном им совместно с Богдановым и Рыбаковым разбойном нападении, и они решили шантажировать последних. С этой целью Соловьев позвонил Богданову и Рыбакову и, требуя 6 тыс. долларов США, стал угрожать тем, что сообщит о совершенном ими преступлении. Опасаясь разоблачения, Богданов и Рыбаков отдали требуемую сумму Соловьеву. Президиум Верховного Суда РФ, обосновывая свое решение о прекращении уголовного дела в части, касающейся осуждения Соловьева и Окунева за вымогательство, указал, что угрозу разглашения сведений о действительно совершенном преступлении нельзя признать обстоятельством, нарушающим права Богданова и Рыбакова либо причиняющим вред их законным интересам¹.

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2001. №10. С.13-14.

Оправдан ли такой подход в судебной практике, который заключается в нетрадиционно ограничительном толковании шантажа как способа совершения вымогательства? Как представляется, указанный подход трудно признать и криминологически обоснованным, и научно состоятельным. Исключение уголовной ответственности за имущественное требование под угрозой предания огласке факта нарушения другим лицом действующего законодательства или моральных принципов создает «благодатную почву» для роста такого рода принуждения в сфере имущественных отношений. Последнее же есть одна из завуалированных форм вымогательства, совершаемого в целях облегчить сокрытие факта противоправного обогащения. В теории уголовного права общепризнанным является положение, согласно которому не имеет значения характер и содержание сведений, разглашением которых угрожает вымогатель, насколько они являются позорящими, соответствуют ли действительности или являются ложными, касаются лично потерпевшего или его близких. Главное, что потерпевший опасается их огласки, на что и рассчитывает виновный, используя угрозу их оглашения для принуждения потерпевшего. В современной литературе высказано мнение о необходимости предельно широкого изложения в уголовном законе вымогательского шантажа как угрозы «оглашения сведений, которые потерпевший или его близкие желают сохранить в тайне»¹.

Нетрудно предвидеть возражение такого характера, что признание наказуемости «вымогательской диффамации» по действующему УК не вполне соответствует гражданскому законодательству, которое обеспечивает защиту чести, достоинства и деловой репутации лица от нарушения указанных личных нематериальных благ путем распространения порочащих сведений, не соответствующих действительности (ст.152 ГК РФ). Однако такой подход не противоречит общим положениям гражданского законодательства. Кроме того, следует иметь в виду, что задачами уголовного закона являются как охрана прав и свобод человека и гражданина, так и предупреждение преступлений (ст.2 УК). Признание криминообразующим признаком вымогательства диффамации не только противодействует росту указанных общественно опасных деяний, но и обеспечивает предупреждение смежных с ним вымогательских форм, а также вымогательства в целом.

В уголовном законе ограничен круг лиц — адресатов угрозы распространения позорящих сведений. По смыслу закона ее адресатом являются лицо, к которому предъявлено имущественное требование (потерпевший), и близкие этого лица. К близким потерпевшему лицам практика относит лиц, состоящих с ним в родстве, свойстве, браке, а также лиц, жизнь, здоровье и благополучие которых в силу сложившихся личных отношений (других жизненных обстоятельств) заведомо для виновного дороги потерпевшему.

Различие в сочетании моментов времени предполагаемого исполнения требования и угрозы не влияет на квалификацию. Содеянное признается вымогательством при любом соотношении указанных моментов.

¹ Кочин С. М. Указ. соч. С.245.

Проблемы совершенствования норм об отдельных видах имущественных преступлений и практики их применения

Наконец, в качестве четвертого вида вымогательских угроз уголовный закон называет *угрозу распространения иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких*. Указанная угроза заключается в запугивании потерпевшего с целью принудить его исполнить необоснованное имущественное требование разглашением не носящих позорящего характера сведений, огласке которых потерпевший не желает. Например, угроза разглашения тайны усыновления (удочерения), угроза разглашения сведений о частной жизни лица, составляющих его личную или семейную тайну, угроза разглашения коммерческой или служебной тайны, угроза разглашения врачебной тайны, угроза распространения иных сведений конфиденциального характера.

Как известно, указанная угроза — новый признак законодательного понятия вымогательства, впервые получивший закрепление в УК 1996 г. Его появление в статье уголовного закона о вымогательстве связано с учетом законодателем тенденции, сложившейся в судебной практике. Последняя пошла по пути распространительного толкования такой категории, используемой при законодательном определении вымогательства, как «позорящие сведения».

В УК конкретизирован круг лиц — адресатов этой угрозы. По смыслу закона адресатом последней могут быть лицо, к которому предъявлено имущественное требование (потерпевший), и близкие этого лица.

Различия в сочетании моментов времени предполагаемого исполнения требования и угрозы не влияют на квалификацию в данном случае. Деяние признается вымогательством при любом соотношении указанных моментов.

К числу сложных и разноречиво решаемых в современной науке уголовного права относится вопрос о целесообразности строгого разграничения в уголовном законе вымогательства как принуждения путем угроз насилия и шантажа, направленного на необоснованное получение имущественных выгод. Так, С.М.Кочои высказывается несогласие с объединением законодателем в одной норме о вымогательстве «различных по степени опасности видов угроз». По его мнению, «угроза распространения сведений по степени своей опасности уступает, например, угрозе убийством. Если первая сама по себе не влечет никакой ответственности, то вторая влечет ответственность по ст.119 УК РФ»¹.

Напротив, по мнению других исследователей, такое решение представляется нелогичным и криминологически необоснованным². Что касается первого довода, замечено: если основанием деления вымогательства брать виды угроз, логичнее было бы предусмотреть ответственность за несколько основных составов вымогательства, в том числе и соединенного с угрозой причинения имущественного ущерба. По поводу второго утверждается, что практика показала нецелесообразность выделения в особую норму вымогательства путем разглашения позорящих сведений (шантажа).

¹ Кочои С.М. Указ. соч. С.245.

² См.: Минская В., Калодина Р. Указ. соч. С 13-14, Уголовное право Российской Федерации: Особая часть: Учебник / Под ред. Г.Н.Борзенкова и В.С.Комиссарова. С.230

В пользу второй точки зрения можно привести и следующие аргументы. Выводительское требование может сопровождаться в известном сочетании или очередности несколькими видами угроз. Это обстоятельство будет вызывать всякий раз сомнения у практических работников в выборе нормы УК о соответствующем виде вымогательства. Следует заметить, что практика обычно склоняется к квалификации единого сложного деяния по совокупности преступлений. Различие между шантажом и вымогательством с угрозой насилем будет нивелироваться наличием одинаковых квалифицирующих признаков у названных преступлений. Наконец, уголовный закон не дает оснований для различия содержания угроз по степени опасности. Общественно опасной и запрещенной УК 1996 г. является только угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью как преступления против личности (ст.119). Тогда как в научном и практическом аспектах говорить о характере и степени общественной опасности одного преступления можно только в сравнении с другими преступлениями. В рассматриваемом случае какое-либо сравнение исключается. Необходимо принимать во внимание и то обстоятельство, что угрозы как фактор, создающий опасность для личности, отличаются не только своим содержанием — теми действиями, совершением которых угрожают, но и предполагаемым моментом своей реализации. В этой связи сложно сказать, какая из угроз является более опасной для конкретного лица: угроза насилем в будущем или угроза разглашения позорящих и иных конфиденциальных сведений в настоящем.

Как видно, вопрос о различении вымогательства и шантажа не имеет однозначного решения. Об этом свидетельствует и законодательная практика, которая при решении этой проблемы опирается, скорее, на традиции.

Шантаж как особое имущественное преступление — юридическая конструкция высоко развитого права. Впервые ответственность за шантаж как самостоятельное преступление, отличающееся от вымогательства в собственном смысле слова, была предусмотрена во французском уголовном праве. По закону 1863 г. под шантажом (от франц. *chantage*) понималось приобретение имущества или подписи на обязательстве по имуществу посредством письменной или устной угрозы позорящих разоблачений и обвинений¹. По содержанию угрозы шантаж отличается от вымогательства (*extorsion*) и в современном французском уголовном праве. Согласно ст.312-1 УК Франции вымогательство образуют действия, направленные на то, чтобы путем насилия, угрозы применения насилия или принуждения добиться либо подписи, обязательства или отказа от чего-либо, либо разглашения тайны, либо передачи денежных средств, ценностей или любого другого имущества. Тогда как, в соответствии со ст.312-10 УК Франции, шантаж образует действие, направленное на то, чтобы добиться в результате угрозы ог-

¹ См.: Жижиленко А.А. Указ. соч. С.156; Познышев С.В. Особенная часть русского уголовного права. Сравнительный очерк важнейших отделов Особенной части старого и нового Уложений. С.273; Фойницкий И.Я. Курс уголовного права: Часть Особенная. Посяательства личные и имущественные С.247.

Проблемы совершенствования норм об отдельных видах имущественных преступлений и практики их применения

лашения или приписывания таких фактов, которые могут унижить честь и лишить уважения, либо подписи, обязательства или отказа от чего-либо, либо разглашения тайны, либо передачи денежных средств, ценностей или любого другого имущества. Строгого разграничения вымогательства и шантажа придерживается и УК Голландии (ст.ст.317 и 318)¹.

Однако взгляд на шантаж как самостоятельное имущественное преступление не получил широкого распространения в законодательной практике зарубежных стран. Так, германское уголовное законодательство традиционно включает шантаж в общее понятие вымогательства. Согласно §253 УК ФРГ, вымогателем признается тот, кто с применением насилия или с угрозой причинения значительного вреда противоправно принуждает другое лицо к совершению какого-либо действия, претерпеванию каких-либо неудобств или к бездействию и тем самым причиняет вред имуществу потерпевшего или другого лица для незаконного обогащения себя или третьего лица. Шантаж охватывается вымогательством также по УК Швейцарии (ст.156), УК Испании (ст.243).

История российского уголовного права свидетельствует о непоследовательности законодателя при решении вопроса о разграничении шантажа и вымогательства. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. не знало понятия шантажа, и судебная практика того периода подводила последний под вымогательство или мошенничество. Уголовное Уложение 1903 г. наряду с вымогательством (ст.590) установило ответственность за «шантаж» и относило его к самостоятельной группе преступлений, описанных в главе 34 «О банкротстве, ростовщичестве и иных случаях наказуемой недобросовестности по имуществу». Указанное деяние определялось по этому Уложению как побуждение с целью доставить себе или другому имущественную выгоду к передаче имущества или к уступке права по имуществу или к вступлению в иную невыгодную сделку по имуществу посредством угрозы оглашением вымышленных или истинных сведений: 1) об обстоятельстве, позорящем честь потерпевшего или члена его семьи, хотя бы и умершего; 2) об учинении потерпевшим или членом его семьи, хотя бы и умершим, деяния, наказуемого как тяжкое преступление или преступление; 3) об обстоятельстве, подрывающем торговый кредит потерпевшего (ст.615).

УК 1922 г. строго различал вымогательство в собственном смысле слова как имущественное требование под страхом учинения насилия или изъятия имущества (ст.194) и шантаж, под которым понимал вымогательство, соединенное с угрозой огласить позорящие потерпевшего сведения или сообщить властям о противоправном его деянии (ст.195). В УК 1926 г. угроза оглашения о потерпевшем позорящих сведений относилась к числу альтернативных конструктивных признаков вымогательства (ст.174). УК 1960 г. также рассматривала угрозу оглашения позорящих сведений (наряду

¹ См.: Уголовный кодекс Голландии. Спб: Юрический центр Пресс, 2000.

с другими видами угроз) в качестве обязательного признака основного состава вымогательства (ст.ст.95 и 148). Однако Федеральным законом от 1 июля 1994 г. в ст.148 УК 1960 г. были внесены существенные изменения. Одно из них заключалось в следующем: ответственность за вымогательство, соединенное с угрозой оглашения позорящих сведений о лице или его близких, предусматривалась в части первой указанной статьи, тогда как вымогательство, соединенное с угрозами насильем, повреждением или уничтожением имущества, было выделено во вторую часть этой же статьи.

По нашему мнению, понятие вымогательства, включающее в себя шантаж, более всего согласуется с традициями уголовного права России.

Юридический анализ законодательного определения вымогательства дает основание говорить о нецелесообразности конкретизации в уголовном законе содержания вымогательской угрозы. Такой законодательный прием необоснованно сужает объективную сторону этого преступления. Анализ материалов практики свидетельствует о том, что неправомерные имущественные требования сопровождаются и такими угрозами, которые не названы в ст.163 УК. Так, по делу Б. было установлено, что обвиняемый — сотрудник уголовного розыска, в ночное время следовал на личной автомашине, нарушил правила дорожного движения, в результате чего совершил наезд на чужой автомобиль, стоящий на обочине дороги. Б. виновным себя в дорожно-транспортном происшествии не признал, стал требовать деньги от другого участника ДТП на ремонт своей поврежденной автомашины, угрожая «подбросить наркотики, оружие, привлечь к уголовной ответственности». Уголовное дело, возбужденное в отношении Б. за превышение должностных полномочий, было впоследствии прекращено за отсутствием состава преступления. Сам Б. привлечен к дисциплинарной ответственности.

З.А.Незнамова справедливо указывает, что диспозиция ст.163 УК не включает встречающиеся в практике угрозы изъятия, хищения другого более ценного имущества¹. Вполне мыслимы и другие виды угроз, которые могут сопровождать необоснованное имущественное требование: угроза похищения человека, угроза неправомерного увольнения, угроза надругательства над телами умерших и пр. Указанные виды угроз способны обеспечить склонение других лиц к определенному поведению, позволяют добиться выполнения необоснованно предъявляемых требований по имуществу. Однако в этих случаях содеянное при всей очевидности его опасности для правоохраняемых имущественных интересов не может считаться вымогательством, что позволяет говорить о пробельности уголовного закона.

Для устранения этого пробела В.Н.Куц предлагает изложить в уголовном законе содержание вымогательской угрозы следующим образом: «угроза причинения физического, морального или имущественного вреда потерпевшему или его близким»². Однако такая формулировка опять-таки не ох-

¹ См.: Уголовное право. Особенная часть: Учебник / Отв. ред. И.Я.Козаченко, З.А.Незнамова, Г.П.Новоселов. С.241.

² Куц В.Н. Указ. соч. С.11, 15.

Проблемы совершенствования норм об отдельных видах имущественных преступлений и практики их применения

ватывает всех возможных видов угроз, позволяющих необоснованно добиваться получения имущественной выгоды от других лиц.

С учетом сказанного можно предложить следующий вариант описания рассматриваемого признака объективной стороны вымогательства: *«путем угрозы нарушения прав, охраняемых законом интересов либо шантажа»*. Представляется также целесообразным определить понятие шантажа в примечании к ст.133 (в которой указанная категория впервые упоминается в Особенной части УК РФ) следующим образом: *«под шантажом в статьях настоящего Кодекса понимается угроза разглашения соответствующих или не соответствующих действительности сведений, которые лицо стремится сохранить в тайне»*.

По законодательной конструкции состав вымогательства является «усеченным». Сам факт передачи имущества либо совершения иных имущественных действий в пользу вымогателя или указанных им лиц может иметь место через известное время после совершения преступления, а может вообще не состояться. Получение в результате совершения вымогательства имущественной выгоды или, напротив, неосуществимость устремлений виновного по независящим от него обстоятельствам не оказывают влияния на уголовно-правовую оценку содеянного. Так, суд обоснованно признал оконченным вымогательство, совершенное М. при следующих обстоятельствах. На рынке М. вместе с К. подошел к продавцу мандаринов и потребовал передать ему в течение часа 200 тыс. рублей (декабрь 1994 г.), пригрозив в противном случае взорвать автобус, из которого он торговал. Подошедшие через час к автобусу М. и К. были задержаны работниками милиции¹. Как оконченное вымогательство было расценено содеянное Зарочинцевым, который неоднократно предъявлял в письменной форме требования к Губерману о передаче крупной суммы денег под угрозой убийства, однако каких-либо действий для получения требуемой суммы не предпринял².

Наличие у вымогательства «усеченного» состава делает невозможным, как правило, покушение на это преступление. Последнее мыслимо лишь в тех исключительных случаях, когда вымогательские требование и угроза не были доведены до адресата по причинам, не зависящим от воли виновного, в том числе в силу их своевременного пресечения правоохранительными органами (например, неполученное адресатом письменное требование положить в указанном месте определенную сумму денег под угрозой насилия)³.

Исходя из вышесказанного, а также принимая во внимание, что принуждение совершается не только путем применения насилия и угроз, но и иными незаконными способами, представляется возможным предложить

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1997. №3. С.10.

² См.: Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1993. №11. С.15-16.

³ См.: Кочои С.М. Указ. соч. С.242; Куц В.Н. Указ. соч. С.11.

следующее определение вымогательства: *вымогательство, есть принуждение к совершению действия имущественного характера или к отказу от его совершения путем угрозы нарушения прав, охраняемых законом интересов либо шантажа, а равно иным незаконным способом*. При этом вымогательство, совершенное с применением насилия, следует считать квалифицированным видом рассматриваемого имущественного преступления.

Целесообразно также в уголовном законе установить ответственность за специальный вид вымогательства, предметом которого является недвижимое имущество. В этой связи предлагаю предусмотреть в УК норму ответственности за *«принуждение к уступке права на недвижимое имущество, совершенное путем угрозы нарушения прав, охраняемых законом интересов либо шантажа, а равно иным незаконным способом»*. Указанную норму следует структурно выделить в Особенной части УК РФ совместно с предложенной ранее нормой о нарушении права на недвижимое имущество путем обмана или с использованием доверия. Ответственность за эти общественно опасные деяния необходимо дифференцировать по способу посягательства так, чтобы придать принуждению характер квалифицирующего обстоятельства. При этом нарушение права на недвижимое имущество путем обмана или с использованием доверия следует отнести к категории тяжких преступлений, нарушение права на недвижимое имущество путем принуждения — к категории особо тяжких преступлений.

Глава V

Взаимодействие уголовного и частного права в сфере имущественных отношений

1. Взаимодействие уголовного и гражданского права в сфере имущественных отношений

В правосознании системы права и законодательства рассматриваются в виде деления и права, и законодательства на определенные автономные части, называемые отраслями, подотраслями, институтами и пр. В современный период особое значение приобретает и более общее деление права на частное и публичное. Между тем правовой действительности свойственны не только дифференциация, размежевание, обособление, но и противоположно направленные течения взаимообусловленности, взаимодействия и взаимосвязи. Разграничение права на частное и публичное, разделение законодательства на ряд отраслей, дробление отраслей на юридические субинституты, расчленение институтов на подинституты и нормы, наконец, разложение нормы на ее структурные элементы (гипотезу, диспозицию, санкцию) представляет собой столь же естественный и необходимый процесс, как и интеграция правового мира. Даже простое наблюдение убеждает, что правовой действительности, как и всему окружающему нас миру, присуще диалектическое взаимопроникновение, взаимосвязь, синтез. «Развитая правовая система, — пишет С.С.Алексеев, — сложный, спаянный закономерными связями организм»¹. При этом, как отмечается в Концепции развития отечественного законодательства, тенденция взаимосвязи подразделений законодательства усиливается². Мы имеем возможность видеть это на примерах известного упорядочения правовой «материи»: объединения разрозненных норм в юридические институты, соединения родственных институтов в самостоятельные отрасли, консолидации отраслей в общую систему права и законодательства, формирования комплексных отраслей законодательства, проникновения частноправовых начал в публично-правовую сферу и пр.

Каждый компонент правовой действительности так или иначе воздействует на другие ее составляющие и сам испытывает на себе их ответное влияние. Более того, поскольку явления и процессы правового мира весь-

¹ Алексеев С.С. Право: Азбука — теория — философия: Опыт комплексного исследования. М.: Статут, 1999. С.252.

² Концепция развития российского законодательства: 3-е изд., перераб. и доп. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 1998. С.7.

ма разнообразны, то многообразны и их взаимоотношения. В общей теории права давно обращено внимание на «множество связей в системе права, причем не только связей, выражающих взаимодействие элементов и функционирование системы, но и связей генетического порядка»¹. Познание связей между правовыми явлениями имеет принципиальное значение: раскрывая их, юристы открывают законы правового мира, выявляют правовые закономерности.

Особое внимание обращают на себя межотраслевые связи, выражающие относительную зависимость между двумя или более отраслями права и законодательства. Они далеко не однообразны, различаются по своему характеру, видам, принимают различные формы. В этом смысле можно говорить о типологии межотраслевых связей, включающей в себя, по крайней мере, следующие их классификационные ряды: случайные и необходимые; прямые и обратные; горизонтальные (координационные) и вертикальные (субординационные); неустойчивые и устойчивые; функциональные и генетические (исторические); системные и комплексные; связи строения (структурные) и развития.

Взаимодействие уголовного права с другими отраслями права также представляет собой запутанный «клубок» юридических закономерностей и связей. Особенно очевидной является связь этой отрасли с теми смежными отраслевыми ветвями, которые составляют единый блок в борьбе с преступностью и другими антиобщественными проявлениями, — уголовно-процессуальным, уголовно-исполнительным и административным правом. Однако этим не исчерпывается богатство межотраслевого взаимодействия с участием уголовного права. Последнее тесно связано и со многими другими отраслями — конституционным, гражданским, трудовым, финансовым, экологическим правом и пр. Как известно, уголовное законодательство основывается на Конституции РФ и общепризнанных принципах и нормах международного права, соотнобразовывается с иными отраслевыми ветвями и обеспечивается уголовно-процессуальным и уголовно-исполнительным законодательством.

В свете тематики настоящего исследования особый интерес представляет вопрос об особенностях взаимодействия уголовного права с теми отраслевыми ветвями, которые входят в сферу частного права. Прежде всего, уголовное право, как определенным образом упорядоченная совокупность уголовно-правовых институтов и норм, состоит во взаимосвязи с *гражданским правом* как определенной системой гражданско-правовых норм, институтов и подотраслей, регулирующих частноправовые имущественные отношения.

Любое межотраслевое взаимодействие ограничено той областью социальных отношений, которая одновременно и совместно регулируется взаи-

¹ Алексеев С.С. Общетеоретические принципы исследования структуры права // Сов. гос. и право. 1971. №3. С.46.

Взаимодействие уголовного и частного права в сфере имущественных отношений

мозвязанными отраслями права и законодательства. Экономические (в том числе имущественные) отношения представляют собой ту область действительности, в границах которой, главным образом, складываются взаимоотношение и тесное «сотрудничество» между уголовным и гражданским правом. Прав А.Э.Жалинский, когда утверждает, что нормы указанных отраслей воздействуют «на одни и те же объекты в сфере экономики, в частности, на поведение, которое с социально-экономических позиций представляет собой единый объект регулирования»¹. При этом важно подчеркнуть, что в рамках экономических связей имущественные отношения выступают сферой социальной жизнедеятельности, которая «испытывает» на себе наибольшее влияние уголовного и гражданского права.

Понимание этого обстоятельства нашло отражение уже в досоветской теории уголовного права. Так, Н.С.Таганцеву представлялся важным вопрос о «взаимных отношениях и границах неправды гражданской и уголовной». Обращая особое внимание на проблему разграничения положений уголовного и гражданского законодательства, этот выдающийся криминалист писал: «Грань, отделяющая даже в современной юридической жизни эти два вида неправд, представляется весьма тонкой и иногда даже едва уловимой; таково, например, различие между обманом гражданским и обманом уголовно наказуемым, между самоуправством гражданским и уголовным. В тех случаях, когда одно и то же юридическое событие, кража, поджог, увечье являются производящим фактором и неправды гражданской, и неправды уголовной, каких-либо второстепенных условий, часто даже процессуальных, достаточно, чтобы придать всему событию характер неправды или исключительно гражданской, или исключительно уголовной»².

Указывая на взаимосвязь этих двух отраслевых ветвей, Л.С.Белогриц-Котляревский утверждал: гражданское право находится в ближайшем отношении к уголовному праву, так как изучает природу отношений, также охраняемых уголовным правом, стремящимся рядом с мерами гражданских взысканий обеспечить угрозой наказания неприкосновенность имущества и правильное течение имущественного оборота; эта связь двух отраслей права настолько велика особенно в области имущественных обманов и самоуправства, что проведение различия между ними представляет большое затруднение³.

Другой сторонник этой идеи — И.Я.Фойницкий — с горечью замечал, что «у нас в моде не обращать внимания на начала гражданского права при анализе уголовно-юридических вопросов, имеющих с ними самую тесную связь... Такое игнорирование начал гражданского права в высшей степени вредно отзывается на прочности уголовно-юридической деятельности госу-

¹ Жалинский А.Э. О соотношении уголовного и гражданского права в сфере экономики // Гос. и право. 1999. №12. С.47.

² Таганцев Н.С. Русское уголовное право: В 2-х т. Т.1. С.97

³ См.: Белогриц-Котляревский Л.С. Очерки курса русского уголовного права. Общая и Особенная часть. С.12.

дарства, теряя под ногами почву права и правоотношений, она может ухватиться только за соображения праведности или безправственности действия, которые в изолированном виде к добру не приведут»¹.

Подобные взгляды на исследуемое межотраслевое отношение не были чужды и советскому праву. Например, Г.А.Кригер указывал, что принципы советского гражданского права не могут игнорироваться, когда речь идет об имущественном ущербе в уголовном праве.

Соответствующее концептуальное положение принято и современной уголовно-правовой наукой. По мнению Н.И.Пикурова, на нормы гражданского права падает основная нагрузка по взаимодействию с отраслями публичного, в том числе и уголовного права. При этом, как замечает этот автор, «нормы института вещного права наиболее тесно связаны с уголовно-правовыми запретами, содержащимися в главе об имущественных преступлениях. Квалификация таких преступлений в принципе невозможна без обращения к соответствующим нормам гражданского права, поскольку подавляющая часть составов имущественных преступлений в той или иной мере включает в себя понятия этого института»². «Гражданское право, — пишет В.В.Мальцев, — связано с уголовным правом необходимостью уголовно-правовой охраны общественных отношений, составляющих предмет гражданско-правового регулирования. Это именно та материальная отрасль права, которая предназначена для уголовно-правовой охраны». И далее ученый справедливо утверждает: «При охране общественных отношений, урегулированных гражданским правом, нельзя не учитывать характера этих отношений (объекта уголовно-правовой охраны), а следовательно, и содержания гражданско-правовых норм. Потому гражданскому праву здесь принадлежит определенный приоритет над уголовным правом»³. О взаимосвязи гражданско-правового регулирования и уголовно-правовой охраны говорит и А.В.Хабаров. Он также указывает, что регулирование ряда вопросов в гражданском законодательстве «способно влиять на содержание составов преступлений против собственности»⁴. Кроме того, в современной науке констатируется, что взаимодействие уголовного и гражданского законодательства становится все более тесным и одновременно непростым в условиях развития рыночных отношений в России⁵.

Гражданское право — это особая отрасль права, которая регулирует самые фундаментальные и наиболее распространенные в обществе отношения — имущественные и связанные с ними личные неимущественные отношения. Особенности этих отношений, нашедшие отражение в положени-

¹ Фойницкий И.Я. Мошенничество по русскому праву. Часть II. С.19.

² См.: Кригер Г.А. Указ. соч. С.69.

³ См.: Пикуров Н.И. Указ. соч. С.184, 208.

⁴ Мальцев В.В. Понятие и место уголовного права в системе отраслей права // Гос. и право. 2000. №5. С.54.

⁵ Хабаров А.В. Указ. соч. С.4.

⁶ Курс уголовного права: Общая часть. Т. I / Под ред. П.Ф. Кузнецовой и И.М. Тяжковой. С.7.

ях гражданского законодательства, учитывает уголовное право в части регулирования их по поводу совершения преступных посягательств в имущественной сфере. В этом смысле система гражданского законодательства представляет собой как бы то основание, фундамент, на который опирается механизм уголовно-правового регулирования отношений, возникающих при преступном нарушении имущественных правоотношений. Закономерности имущественной сферы, закрепленные гражданским правом, обладают определенной ограничительной силой для уголовного права. Это вполне очевидно, скажем, для тех уголовно-правовых норм, которые определяют ответственность за имущественные преступления, ибо они исходят из уже действующих гражданско-правовых законов, а не выражают собой действие каких-то новых. Поэтому положения гражданского права служат в качестве «ограничителя», специфического «регулятора» при уголовно-правовой регламентации имущественных отношений. Так, регулируя отношения, возникающие в связи с преступным посягательством на имущественные отношения, уголовное право не может игнорировать положения законов о праве собственности, регламентирующих эту разновидность имущественных связей. Отличительные особенности уголовно-правового регулирования должны быть «вписаны» в гражданско-правовые свойства имущественных связей.

Здесь проявляется межотраслевой «принцип соответствия», «принцип корреляции», когда содержание нормативных положений одной отраслевой природы определяется содержанием норм другой отрасли права. Этот принцип указывает не только на прямую зависимость, которая выражает однозначное соответствие между нормами различной отраслевой принадлежности, но и зависимость изменений каких-либо признаков нормативных предписаний одной отрасли права от изменения взаимосвязанных с ними признаков норм другой отраслевой природы.

Основанный на особенностях гражданско-правового регулирования в имущественной сфере данный принцип гласит: уголовное право в части ответственности за имущественные преступления должно формулировать свои положения с учетом гражданского законодательства, регулирующего имущественные отношения. Любое положение, утверждаемое в сфере уголовного права, должно согласовываться с фундаментальными закономерностями имущественных правоотношений. Это как бы напоминает юристу, что и имущественные преступления «вписаны» в сферу отношений по имуществу, что они есть часть, пусть и негативная, той материальной действительности, которая «управляется» гражданско-правовыми закономерностями. Таким образом, это взаимодействие в части криминализации (декриминализации), правовой оценки и оснований ответственности за имущественные нарушения исходит из приоритетности гражданского права и акцессорности уголовного¹.

¹ См.: Жалинский А. Э. О соотношении уголовного и гражданского права в сфере экономики. С. 50.

Очевидно, что сущность имущественных преступлений определяется прежде всего природой тех отношений, на которые они посягают, выражается в содержании тех прав и законных интересов участвующих в имущественных правоотношениях лиц, которые они нарушают. Между тем, имущественные отношения как объект уголовно-правовой охраны урегулированы нормами гражданского права и принимают форму гражданских правоотношений, состояние которых влияет на систему и содержание имущественных посягательств. Так, гражданское право уточняет состав правоохраняемых объектов, то есть объем уголовно-правовой охраны, а следовательно, и ее допустимые пределы. В самом деле, объекты имущественных преступлений определяются обычно в границах области предмета гражданско-правового регулирования: те имущественные отношения выступают в роли объекта данной группы посягательств, которые одновременно являются предметом гражданского права. Согласно п.3 ст.2 ГК РФ, если иное не предусмотрено законодательством, гражданское законодательство не применяется к имущественным отношениям, основанным на административном или ином властном подчинении одной стороны другой, в том числе к налоговым и другим финансовым и административным отношениям. Следовательно, названные виды имущественных отношений, как правило, не могут быть и объектом имущественных преступлений. И действительно, указанные отношения обыкновенно выступают в качестве основных объектов преступлений в сфере экономической деятельности, преступлений против государственной власти и других видов и родов преступных посягательств. Далее, пределы предметной области имущественных преступлений ограничены содержанием объекта имущественных правоотношений: предметом этой группы посягательств может быть исключительно имущество в гражданско-правовом смысле. При этом иные объекты гражданских прав (ст.128 ГК РФ), как правило, не могут составлять содержание указанного признака рассматриваемых посягательств. Кроме того, содержание имущественных правоотношений, а равно их субъектный состав, также обозначают общие направления действия уголовного закона по обеспечению регуляции и охраны социальных связей, складывающихся по поводу имущества. Так, особенности объективной стороны имущественных посягательств во многом обусловлены содержательным компонентом имущественных связей: специфика субъектов указанных общественно опасных посягательств зависит от юридической характеристики лиц — участников (сторон) преступно нарушенных правоотношений.

Таким образом, уголовная противоправность имущественных нарушений определяется уголовным законом в тесной взаимосвязи с нормами гражданского права. Трансформация последних в известной мере влияет на уголовно-правовое регулирование отношений в имущественной сфере и, соответственно, может привести к сужению или, напротив, расширению сферы действия уголовно-правового запрета общественно опасных имуще-

Взаимодействие уголовного и частного права в сфере имущественных отношений

ственных действий, к изменению содержания объективных и субъективных оснований уголовной ответственности за имущественные правонарушения. Правильное понимание положений уголовного закона об имущественных преступлениях возможно лишь при сопоставлении их с нормами гражданского права, регулирующими имущественные отношения. Можно по-разному оценивать отмеченную зависимость уголовного права от права гражданского, но ясно одно, что ее надо учитывать как необходимую, устойчивую и существенную связь между двумя указанными отраслевыми ветвями.

Однако относительная зависимость между двумя отраслями права не выражается в виде какого-либо одного вида межотраслевой связи. Взаимодействие уголовного и гражданского права представляет собой запутанный «клубок» закономерных связей.

Так, рассматриваемые межотраслевые взаимоотношения могут характеризоваться наличием *системных* закономерностей. Системой (от греч. *systema* — целое, составленное из частей) называется упорядоченное множество элементов, образующих определенную целостность (единство). Опыт системного исследования свидетельствует, во-первых, что целостная система мыслима без образующих ее частей, поскольку она является результатом взаимосвязи между ними. В целом нет ничего, кроме его частей и их взаимодействия¹.

Любая система означает не только совокупность нескольких элементов, но предполагает, что эти элементы не изолированы друг от друга, а находятся между собой в процессе взаимодействия, то есть оказывают друг на друга то или иное влияние и имеют между собой ту или иную связь. Органическая связь, в которой находятся между собой элементы системного целого, — один из отличительных признаков системности. Система — это такое образование, в котором внутренние связи элементов между собой преобладают над внешними воздействиями на них. Существование системных связей обеспечивает противостояние системы своему окружению — среде и служит основанием того, что во взаимодействии со средой система всегда выступает как единое целое². Также и отрасли в системе права и (законодательства) находятся в сложной сети системных взаимосвязей и зависимостей. Те связи между отраслями как компонентами системы права и законодательства, которые носят необходимый, существенный и устойчивый характер, признаются системообразующими. Указанные связи обеспечивают стабильность права и законодательства. Без них система права (законодательства) перестала бы существовать как единое целое.

Согласно теории систем, одной из отличительных особенностей системы является ее упорядоченность, которая находит выражение в объедине-

¹ См.: Афанасьев В.Г. Научное управление обществом: Опыт системного исследования: 2-е изд., доп. М.: Политиздат, 1973. С.248.

² См.: Афанасьев В.Г. Общество: системность, познание и управление. М.: Политиздат, 1981. С.19; Блауберг И.В., Юдин Э.Г. Становление и сущность системного подхода. М.: Наука, 1973. С.61.

нии элементов в единое целое и определяет появление свойств, отсутствующих у элементов, образующих систему. Элементы, поставленные в необходимость системного взаимодействия, определенным образом приспособляются друг к другу и, соответственно, находятся между собой в отношениях подчинения (субординации) и соподчинения (координации). Отсюда следует, что нормативные предписания одной или различной отраслевой принадлежности не могут противоречить друг другу. Непротиворечивость — основное качество любой, в том числе правовой, системы. «Обеспечение непротиворечивости всей системы законодательства, — писал Р.З. Лившиц, — одна из задач законодателя»¹.

Уголовное право «опустано» сетью системообразующих связей. Наличие межотраслевых системных связей определяет необходимость реализации уголовного права в системе субординационных (вертикальных) и координационных (горизонтальных) отношений с другими отраслями. С учетом действия системных закономерностей, между уголовным и гражданским правом можно сформулировать следующие требования к определению уголовной противоправности: недопустимо наличие противоречия между соответствующими уголовно-правовыми запретами и юридическими дозволениями гражданско-правовой природы. Это означает, что уголовное законодательство должно учитывать правомерность поведения, определяемую гражданским правом, и в этом смысле не расходиться с нормативными положениями гражданско-правового характера. Другими словами, положения уголовного права не должны противоречить имущественно-правовым закономерностям и отраженным в гражданском праве объективно-субъективным характеристикам имущественных связей. Уголовные запреты не могут отрицать гражданско-правовых дозволений, равно как и наоборот, ибо посредством одних определяются границы других. Так, уголовный закон не может признавать хищением изъятие собственных вещей из чужого владения, так как, согласно ст.209 ГК РФ, собственнику принадлежат права владения, пользования и распоряжения своим имуществом. Дозволения совершать определенные имущественные действия (бездействие) исключают уголовную противоправность такого поведения и возможность привлечения к уголовной ответственности за него. Как справедливо указывал Б.С. Никифоров, «едва ли можно допустить, чтобы на основе одних и тех же действий субъект был признан виновным в мошенничестве и, в то же время, совершившим действие, правомерное с точки зрения гражданского права»².

Другая модель межотраслевого взаимоотношения исходит из наличия *функциональных* связей, складывающихся между уголовным и гражданским правом. Функция (от лат. *functio* — исполнение, совершение, соответствие) есть та роль (назначение), которую исполняет элемент в составе системы и

¹ Лившиц Р.З. Теория права: Учебник. М.: БГК, 1994. С.120.

² Никифоров Б.С. Борьба с мошенническими посягательствами на социалистическую и личную собственность по советскому уголовному праву. С.104.

которая служит целям объединения множества частей в единое целое и оптимального функционирования системы. При этом признается, что один и тот же элемент некой целостности (системы) может выполнять сразу несколько различных функций, равно как и наоборот — одна и та же функция может осуществляться разными элементами.

Также и отрасли в системе права или законодательства влияют друг на друга, обеспечивая функционирование соответствующей системы как целостного образования. Упорядоченность права и законодательства определяет функциональную зависимость между составляющими их отдельными отраслевыми ветвями. Иными словами, когда совокупность отраслей образует систему и устанавливается порядок отраслевого взаимодействия, формируются функции в обеспечении устойчивых связей между отраслями. Характеризуя основные признаки системности права, Д.А.Керимов справедливо подчеркивает, что «правовая система образует единство в результате структурной упорядоченности ее компонентов (подсистем), определяющей их функциональную зависимость и взаимодействие. В результате правовая система представляет собой единый, гармоничный «ансамбль», обеспечивающий субординацию, иерархичность и синхронность в процессе функционирования»¹. Системность как одно из свойств права и законодательства выражается в таком объединении множества отраслей, которые своим функционально упорядоченным взаимодействием обеспечивают их единство и целостность. При этом системная упорядоченность зависит от степени выраженности функциональных отношений между отраслями: чем строже и последовательнее отрасли выполняют свои роли, тем более стройной является правовая система.

Функции заданы «юридическим» разделением труда, отраслевым распределением ролей и другими процессами, за которыми в конечном счете стоят системные закономерности права и законодательства. Известно, что все части служат целому, но каждая часть по-своему. Так и отрасли в системном строении правовой действительности имеют строго определенные функциональные задачи. Функции как бы «возложены» на отрасли и выполняются в рамках присущих праву и законодательству системных свойств. Системность обуславливает определенное функциональное назначение каждой отрасли: «Одни отрасли выполняют преимущественно учредительно-легализующие функции, другие — регулирующие, третьи — охранительные»².

Уголовное право при всей своей относительной самостоятельности так же, как и другие отраслевые общности, имеет свое специфическое назначение. Считается, что в рамках межотраслевого функционального взаимодействия уголовное право призвано охранять от возможных преступных нару-

¹ Керимов Д.А. Законодательная техника: Научно-методическое и учебное пособие. М.: НОРМА-ИНФРА.М, 1998. С.77.

² Концепции развития российского законодательства. С.7

пений наиболее важные общественные отношения. В строгом соответствии с функциональным подходом уголовное право призвано защищать не все особо значимые социальные отношения, а только ту часть их, которая в позитивном смысле урегулирована другими отраслями права. В этой связи утверждается, что отдельные социальные блага и интересы только тогда должны охраняться уголовным законом, когда они являются правовой ценностью, а социальные отношения, когда они становятся правоотношениями. Так, Н.Ф. Кузнецова полагает, что «охраняемые УК интересы (объекты) — это правоотношения в тех или иных сферах жизнедеятельности личности, функционирования общества и государства»¹. Аналогичное мнение высказывает и Е.В. Ворошилин: «Специфика уголовного законодательства заключается в том, что оно охраняет от наиболее опасных посягательств те общественные отношения, которые регулируются нормами иных отраслей права»². Отсюда следует и вывод о нецелесообразности принятия «новых уголовно-правовых норм по вопросам, которые не урегулированы в позитивном плане другими отраслями права»³. Почему? Если социальные отношения законодательно не урегулированы, то это может означать, что они не обладают той особой ценностью для общества, которая требует их уголовно-правовой охраны, а значит, отсутствует необходимость в их защите. Кроме того, если отношения не урегулированы той или иной отраслью права, то сложно юридически точно определить объект, субъектный состав и содержание этих отношений, а следовательно, невозможно обеспечить их надежную уголовно-правовую охрану.

Функциональное соотношение между отраслевыми ветвями создает «общий фон» и задает пределы действия институтов и норм Особенной части уголовного закона, а значит, оказывает влияние на содержание последних. В этой связи очевидно, что функциональные связи, складывающиеся между уголовным правом и другими отраслями законодательства, значительно влияют на определение уголовной противоправности как юридического признака преступления. Действительно, если уголовное право призвано охранять отношения, уже позитивно урегулированные другими отраслями, то уголовно-правовой запрет должен логически следовать, необходимо вытекать из определенного дозволения, а следовательно, и получать содержание, совместимое с содержанием последнего. Это обосновывается тем, что запреты функционально неотделимы от дозволений и по своему юридическому существу призваны действовать «в паре» с дозволениями⁴. В условиях реализации права определенным юридическим дозволениям корреспондируют соответствующие уголовно-правовые запреты, юридически

¹ См.: Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: Учебник / Под ред. Г.Н. Борзенкова и В.С. Комиссарова. С. 16.

² См.: Уголовный кодекс РСФСР. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. М.: БЕК, 1994. С. 12. Кудрявцев В.Н. Две книги об уголовном законе // Сов. гос. и право. 1969. №10. С. 160.

³ См.: Алексеев С.С. Право. Азбука — теория — философия. С. 355-357.

обеспечивая их действительность.

В рамках функционального взаимодействия уголовное право охраняет от возможных преступных нарушений имущественные отношения, урегулированные нормами гражданского права. Функциональные связи, складывающиеся между уголовным и гражданским правом, существенно влияют на определение уголовной противоправности как юридического признака имущественного преступления. Если уголовное право призвано охранять отношения, позитивно урегулированные гражданским законодательством, то уголовно-правовой запрет должен логически следовать из определенного гражданско-правового дозволения, а следовательно, и получать необходимо вытекающее из последнего содержание. В этой связи воспринятие реализации управомочивающей нормы гражданского права влечет за собой при наличии к тому оснований вступление в действие соответствующей нормы уголовного права. Гражданско-правовые дозволения, будучи связанными с уголовно-правовыми запретами по смыслу, имплицитно (от лат. *implicatio* — сплетение, *implicio* — тесно связываю) последние. Отсюда, уголовная противоправность имущественных нарушений определяется уголовным законом с учетом действия управомочивающих норм гражданско-правовой природы, которые позитивно регулируют имущественные отношения, нарушаемые преступным деянием. При этом указанные управомочивающие нормы (дозволения) и соответствующие им уголовно-правовые запреты должны находиться в отношении имплицитации и иметь содержательную связь, то есть в различной юридической форме выражать равнозначные, эквивалентные правовые положения.

Одному и тому же виду правоотношений нередко обеспечивается комплексная правовая защита. Так, имущественные отношения защищаются всевозможными гражданско-правовыми средствами. Одновременно разные стороны, грани и аспекты имущественных отношений в необходимых случаях и пределах охраняются посредством уголовно-правовых, административно-правовых, а также дисциплинарных мер. Таким образом, на «отраслевом» уровне функции защиты и охраны свойственны не только уголовному праву. В действительности многие отрасли сами же и охраняют отношения, являющиеся предметом их правового регулирования, так сказать, собственными силами защищают регулируемые ими социальные связи. Наиболее явно охранительную роль по отношению к собственному предмету регулирования выполняет гражданское право. Оно защищает нарушенные или оспоренные права и законные интересы участников имущественных и связанных с ними личных неимущественных отношений. Согласно п.2 ст.2 ГК гражданским законодательством также защищаются неотчуждаемые права и свободы человека и другие нематериальные блага, если иное не вытекает из существа этих благ. Как утверждает цивилистами, в предмете гражданско-правового регулирования есть пласт подвижных отношений, возникающих из конфликтов. В их рамках происходит защита одного из сталкивающихся

интересов с возложением на нарушителя имущественных тягот либо без такового: нарушения пресекаются — акт поведения признается недействительным, взыскиваются убытки, возмещается моральный вред, реализуются иные меры охранительного характера¹.

Уголовное и гражданское право одновременно регулируют разные стороны и грани одних и тех же отношений в имущественной сфере. Совместное действие норм уголовного и гражданского законодательства, запрещающих определенное социально негативное поведение в области имущественных отношений, определяет возникновение *комплексных* межотраслевых связей.

Под комплексом (от лат. *complexus* — связь, сочетание) понимается совокупность компонентов, которые при одновременном и согласованном взаимодействии образуют в некотором смысле единое целое. Комплекс — это сложное объединение, которое складывается из явлений и процессов одной или разной природы, взаимосвязанных друг с другом, но при этом сохраняющих свою автономность, самостоятельность.

Принцип комплексности в уголовном праве означает, что институты и нормы Особенной части уголовного закона действуют при совместном участии нормативных положений другой отраслевой природы и одновременно с последними обеспечивают защиту одному и тому же отношению. При этом каждый из юридических запретов, входящих в комплекс правовой охраны, полностью сохраняет свою самостоятельность. В этом смысле можно утверждать, что действие уголовно-правового запрета не прекращается и в случае отсутствия запрета другой отраслевой природы. Равно как и наоборот: «отсутствие какого-либо уголовно-правового запрета не может служить препятствием для того, чтобы данное действие не могло быть запрещено другой отраслью права»². Правоохранительные нормы, поставленные в необходимость комплексного межотраслевого взаимодействия, должны быть так законодательно выражены, чтобы получить возможность действовать параллельно и совместно, тем самым обеспечивая согласованное, слаженное, синхронное применение правоохранительных средств различной отраслевой природы. Комплексная правовая охрана — одно из наиболее эффективных юридических средств противодействия преступности и иным противоправным посягательствам, обусловленное разнообразием характеристик, причин и условий этих антиобщественных проявлений.

Юридические запреты различной отраслевой природы, действующие в комплексе, не должны носить взаимоисключающий (соподчиненный) характер, противоречить друг другу или быть в отношении противоположности. С точки зрения комплексности складывается следующее соотношение уголовно-правовых требований с нормативными запретами другой отрасле-

¹ См.: Гражданское право: Учебник. Часть первая / Под ред. Т.И.Илларионовой, Б.М.Гонгалова, Б.А.Плетнева. С.16.

² Ковалев М.И. Понятие преступления в советском уголовном праве. Свердловск, 1987. С.83.

Взаимодействие уголовного и частного права в сфере имущественных отношений

вой природы: они должны определенным образом координироваться, согласовываться, соотноситься с последними. Указанное соотношение предполагает такое соответствие уголовно-правовых норм определенным запретам других отраслей, которое обеспечивает единство подходов законодателя к регламентации конкретного комплекса отношений и позволяющее взглянуть на внешне разнородные нормообразования с единой точки зрения. Действующие в комплексе запреты должны обладать таким свойством, которое обеспечивает возможность неодинаковых по характеру и различающихся по содержанию нормативных предписаний совместно взаимодействовать при регулировании одного и того же отношения. Если несколько отраслевых запретов действуют одновременно, в комплексе друг с другом, объемы их требований должны быть определенным образом совместимыми. При этом, конечно же, совместимость не должна быть полной, в смысле равнозначной: уголовно-правовой запрет не должен дублировать, копировать, повторять или подменять соответствующие положения иной отраслевой принадлежности. Необходимая совместимость достигается следующим приемом законодательной техники. Законодатель конструирует составы преступления строго исходя из требований отраслевых запретов, то есть определяет уголовную ответственность за деяния в рамках запрещенного поведения, указанных другими отраслями. В этом случае уголовно-правовой запрет находится в отношении подчинения отраслевому запрету, а понятия конкретных преступлений по объему являются подчиненными понятию правонарушения иной правовой природы.

Запрещающие нормы гражданского и уголовного права, действующие в комплексе, также не могут носить взаимоисключающего характера. Комплексный подход требует их совместимости. В этом случае уголовно-правовой запрет находится в отношении подчинения гражданско-правовому запрету, а понятия имущественных преступлений по объему являются подчиненными понятию имущественного правонарушения. Так, основания уголовной ответственности за большинство имущественных преступлений (кражу, грабеж, присвоение и др.) устанавливаются в пределах такой гражданско-правовой формы правонарушительных действий, как причинение имущественного вреда другому лицу. В данном случае «уголовный закон со своей стороны подкрепляет жесткими санкциями гражданско-правовую ответственность»¹.

Отсюда следует, что между преступлениями и гражданскими правонарушениями может складываться отношение идеальной совокупности. В этом случае одним деянием нарушается несколько разнородных норм поведения. В итоге речь идет о совмещении (сочетании) в содеянном составов двух различных правонарушений при условии, когда последние совершают-

¹ Жалинский А.Э. О соотношении уголовного и гражданского права в сфере экономики. С.49.

ся одним и тем же лицом, в одно и то же время, в одном и том же месте и одним и тем же действием (бездействием).

В связи с вышеизложенным необходимо решать и вопрос о разграничении гражданских и уголовных правонарушений в имущественной сфере. В правоприменении этот вопрос относится к числу актуальных. При этом нередко считается, что два указанных вида правонарушения являются взаимноисключающими, несовместимыми (то есть если деяние порождает гражданско-правовые последствия, то это обстоятельство исключает оценку содеянного как преступления). Однако по обозначенной проблеме имеется и иное ее видение. Н.С.Таганцев писал, что необходимо отказаться от строгого различия неправды уголовной и гражданской. По мнению этого автора, неправда одна, и то, что мы называем неправдой уголовной и гражданской, составляет только различные стороны одного и того же правонарушения. Поэтому если в неправде заключается как наказуемое посягательство на норму в ее реальном бытии, так и причинение имущественного ущерба, то мы имеем сложную неправду, заключающую в себе и уголовно наказуемую, и гражданскую неправду.

Следовательно, признание преступления и гражданского правонарушения в имущественной сфере взаимноисключающими противоречит реальной возможности одновременного привлечения за одно и то же деяние и к гражданско-правовой, и к уголовной ответственности. Так, гражданско-правовая ответственность за уничтожение или повреждение чужого имущества наступает независимо от наличия оснований уголовной ответственности. Проблема разграничения уголовных и гражданских правонарушений не обладает тем значением, какое ей нередко придает правоприменительная практика. Проблема разграничения — это проблема различения смежных правонарушений, когда один из смежных составов имеет признак, который отсутствует в другом, а другой состав обладает признаком, отсутствующим в первом. Уголовная же противоправность имущественных преступлений не исключает противоправности указанных посягательств с точки зрения гражданского законодательства¹.

Уголовные запреты и запреты гражданско-правовой природы не всегда могут быть нарушены одновременно. Так, имущественные правонарушения с усеченным и формальным составами, а также на ранних стадиях их совершения (приготовление и покушения), прямо не запрещены гражданским законодательством, а следовательно, и не признаются им противоправными. Тогда как уголовный закон может устанавливать наказуемость не только за имущественные нарушения, причинившие существенный вред, но и

¹ См.: Таганцев Н.С. Русское уголовное право Т.1. С.103-104.

² См.: Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. С.215

³ Указанное положение опирается на более общее научное положение о том, что «наличие уголовной противоправности не исключает и иной противоправности преступных деяний» (см.: Курс российского уголовного права: Общая часть / Под ред. В.Н.Кудрявцева, А.В.Наумова. М.: Спарк, 2001. С.146).

выражающиеся в поставлении в опасность причинения такого вреда либо заключающиеся в умышленном создании условий для совершения задуманного посягательства. Как заметил Н.С. Таганцев: «Покушение на умышленный поджог, хотя бы виновный был захвачен прежде, чем началось повреждение дома, наказывается почти так же, как и поджог оконченный, а между тем, с точки зрения гражданской, такое безрезультатное покушение даже вовсе не может быть основанием иска»¹.

2. Взаимодействие уголовного и семейного права в сфере имущественных отношений

Характерной чертой социальной действительности является тесное взаимодействие различных сфер общественной жизни, когда разнообразные виды социальных отношений образуют сложное «переплетение». В таких случаях одни отношения накладываются на другие, возникающие связи надстраиваются над уже существующими, социальное взаимодействие одного типа «вытекает» из взаимоотношений другой природы.

Равным образом и имущественные отношения нередко функционируют во взаимосвязи с различными видами общественных отношений (организационными, управленческими, информационными и др.) и разнообразными социальными институтами (брак, родство, опека, попечительство, служба и пр.). Особое внимание обращают на себя действующие в комплексе *семейные имущественные* отношения. Прежде всего, семья базируется на основах брака и родства, затрагивающих биосоциальную природу человека. Именно это обстоятельство делает данный вид межличностных отношений одним из наиболее устойчивых. Между тем экономический аспект играет не последнюю роль в процессе функционирования семейных отношений. Более того, есть основание считать семью участником хозяйственной деятельности. В экономической теории подчеркивается, что семья — это субъект, формирующий доходы населения, распределяющий и перераспределяющий их между своими членами, тем самым обеспечивая материальные условия воспроизводства не только в настоящем, но и для потомков. Семья определяет характер использования доходов, то есть превращение их в те или иные потребительские блага — товары, работы, услуги, накопления, что делает семью субъектом расходования средств, реализации семейных и индивидуальных доходов².

Семейные имущественные отношения регулируются (в т.ч. охраняются) различными отраслями права — конституционным, гражданским, се-

¹ Таганцев Н.С. Русское уголовное право. В 2-х т. Т.1. С.98.

² См.: Заславская Т.И., Рывкина Р.В. Социология экономической жизни: Очерки теории. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. С.362-365

мейным, уголовным и др. В результате правовой регламентации указанного комплекса отношений складываются сложные межотраслевые зависимости, в которых нормы уголовного права получает тесную «связку», прежде всего, с нормативными положениями семейного права, так или иначе влияющими на основание и пределы уголовно-правового воздействия в сфере семейных имущественных отношений. Обозначенный вопрос заслуживает того, чтобы быть подробно рассмотренным.

Современное уголовное право России не знает понятия «семейных» хищений и иных имущественных преступлений, совершаемых одним членом семьи против другого либо других. Действующий УК специально не регулирует вопросы ответственности за имущественные посяательства в сфере семейных отношений. Аналогично и в уголовно-процессуальном законодательстве РФ ничего не говорится о порядке привлечения к уголовной ответственности за преступления в области имущественных отношений членов семьи. Между тем этот вопрос заслуживает самого пристального внимания, так как имеет и научный, и практический интерес. Кражи, вымогательство, грабежи, уничтожение вещей — вот неполный перечень имущественных посятельств, нередко совершаемых в сфере семьи и направленных против материальных интересов ее членов.

Понятие имущественных преступлений в сфере семейных отношений получило разработку в дореволюционной теории уголовного права России. Доктринальное определение указанных правонарушений было связано с понятием «*семейная кража*». Именно этим термином пользовалась доктрина для обозначения особого порядка уголовного преследования за кражи и мошенничество в сфере имущественных отношений членов семьи, то есть в случае, когда пострадавшая сторона находится в родственных или супружеских отношениях с виновной. Данный порядок был закреплен в примечании к ст.ст. 1664 и 1675 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных в ред. 1866 г. Суть его такова: дела о кражах и мошенничестве «между родителями и детьми, и между супругами начинаются не иначе, как по жалобе понесшего от преступления убыток лица». По мнению дореволюционных учёных-юристов, «семейной» именуется кража, совершенная между супругами, родителями и детьми¹. Это преступление отличается от иных имущественных правонарушений, в основном, особенностями объекта и субъекта посяательства. Непосредственным объектом рассматриваемого преступления выступают имущественные отношения, складывающиеся между членами семьи. Это преступное деяние характеризуется также специальным субъектом. Им может быть муж и жена по отношению друг к другу, отец и мать по отношению к детям, дети по отношению к родителям.

Очевидно, что вопросы уголовной ответственности за корыстные имущественные правонарушения в семье не могут решаться исключительно на

¹ См.: Неклюдов Н. А. Указ. соч. С. 121; Полянский С. В. Особенная часть русского уголовного права. С. 217.

общих основаниях и в общеустановленном порядке. Это объясняется тем, что рассматриваемые нарушения совершаются лицами, состоящими в семейных (родственных или супружеских) отношениях с потерпевшими. Данные отношения носят лично-доверительный характер, отличаются особой близостью, возникающей между участвующими в них лицами, имеют сугубо интимное содержание. С этих позиций Гегель рассматривал семью как «непосредственную субстанциальность духа». В гегелевской философии права семья «имеет своим определением свое чувствующее себя единство, любовь, так что умоностроение внутри семьи состоит в обладании самосознанием своей индивидуальности в этом единстве как в себе и для себя сущей существенности, чтобы являть себя в ней не как лицо для себя, а как член этого единства»¹. С юридической точки зрения, «семья представляет собой союз лиц, связанных браком, и лиц, от них происходящих... Физический и нравственный склад семьи создается помимо права»². Поэтому и современное семейное законодательство РФ исходит из необходимости построения семейных отношений на чувствах взаимной любви и уважения, взаимопомощи и ответственности перед семьей всех ее членов (ст.1 Семейного Кодекса РФ. Далее — СК РФ).

В этой связи возникает два вопроса, имеющих правовое значение. Один из них — о *допустимости или недопустимости уголовной ответственности* за имущественные правонарушения, совершаемые в семье. Поскольку в данном случае уголовное право поставлено перед дилеммой, правовое основание выбора между двумя возможными решениями необходимо искать в положениях тех отраслей права, которые регулируют семейные имущественные отношения. Такой подход обусловлен действием принципа системности права, согласно которому уголовное право как охранительная отрасль основывается на Конституции и соответствующем регулятивном законодательстве. Имущественные отношения между членами семьи регулируются семейным законодательством, а также в необходимых случаях гражданским законодательством постольку, поскольку это не противоречит существу семейных отношений (ст.4 СК РФ). При этом законодатель различает два правовых режима имущественных отношений между членами семьи (так сказать, два мысленных способа урегулирования семейных имущественных отношений): 1) общий режим имущества и 2) раздельный режим имущества. Общий режим имущества означает, что участники общей (долевой или совместной) собственности являются сособственниками одного и того же имущества, которым владеют, пользуются и распоряжаются по взаимному согласию. Раздельный же режим имущества членов семьи предпо-

¹ Гегель Г.В.Ф. Указ. соч. С.208.

² Шершеневич Г.Ф. Указ. соч. С.406.

³ Если физический и нравственный склад семьи создается помимо права, то в области имущественных отношений членов семьи юридический элемент необходим и целесообразен (см.: Шершеневич Г.Ф. Указ. соч. С.407).

лагают, что каждый из супругов, родителей или детей вправе владеть, пользоваться и распоряжаться собственным имуществом по своему усмотрению.

Решение вопроса о допустимости или недопустимости уголовной ответственности за имущественные правонарушения в семье напрямую зависит от правового порядка регулирования семейных имущественных отношений, ставших объектом посягательства. В случае, если режимом семейного имущества является режим совместной собственности, имущественные правонарушения признаются условно ненаказуемыми. Это обстоятельство объясняется отсутствием основания уголовной ответственности, так как предметом правонарушения является совместное (то есть собственное), а не чужое имущество. Наоборот, режим раздельной собственности на семейное имущество допускает уголовную ответственность за имущественные правонарушения в семье. Имущество, принадлежащее одному из супругов или родственников, является чужим для другого.

Если уголовная ответственность за имущественные правонарушения, когда между пострадавшей и виновной сторонами существуют семейные узы, допускается, возникает другой не менее важный вопрос — об осуществлении уголовного преследования *в общем или особом порядке*. Этот вопрос, как и предыдущий, упирается в дилемму. Разрешение последней всякий раз зависит от типа режима отношений государства и семьи, закрепленного в конституционном праве. Другими словами, преимущество силы действия одного из принципов взаимоотношения семьи и государства обуславливает установление того или иного порядка уголовного преследования виновного родственника или супруга. В этой связи следует различать два режима и, соответственно, два лежащих в их основе принципа: 1) государственного вмешательства в дела семьи и 2) государственного невмешательства в дела семьи. Первая из названных идеальных конструкций обосновывает необходимость вторжения государства в сферу семьи и констатирующего волю власти обеспечить надежную охрану семейным отношениям. Вторая — нежелательность вторжения государства в сферу семейных отношений и констатирующего отказ власти от какого-либо вмешательства во внутренние дела семьи. В последнем случае семья пользуется известной автономией в сфере имущественных отношений, где закономерно находит выражение тенденция к расширению диспозитивного регулирования. Одним из проявлений усиления начал диспозитивности при регулировании имущественных отношений членов семьи выступает право потерпевшего супруга или родственника в определенных случаях влиять на возбуждение и прекращение производства по делу путем подачи жалобы или примирения, а также поддерживать обвинение в суде.

Вопрос об ответственности за имущественные преступления между членами семьи имеет самую давнюю историю. Ее начало (судя по дошедшим до нас правовым источникам) положено еще в произведениях и практической деятельности древнеримских юристов. Особое внимание римская

Взаимодействие уголовного и частного права в сфере имущественных отношений

юриспруденция классического периода (I–III вв. н.э.) уделила вопросу о «семейных» хищениях. При этом были высказаны неодинаковые взгляды на юридическую природу этих нарушений.

Так, римские юристы Нерва и Кассий считали, что жена не может вообще совершить воровства, так как общность жизни сделала ее некоторым образом собственницей имущества мужа. Другие юристы — Сабин, Прокул, Юлиан — полагали, что незаконно обращая в свою пользу имущество мужа, жена совершает воровство, но в силу установленного права нет иска, вытекающего из воровства (*actio furti*). Ту же мысль высказал и Ульпиан: жена, невестка, жена внука могут совершить воровство, первая — у мужа, вторая — у свекра, третья — у деда, но не отвечают по иску, вытекающему из воровства¹. Однако если женщина похитила вещи мужа после развода, то она отвечает за воровство (Павел)².

С течением времени римским правом было признано, что даже при браке, основанном на раздельном режиме имущества («*sine manu*»), супруги не вправе предъявлять один другому инфамирующие³ иски. Этот запрет был установлен на том основании, что такие иски угрожают брачному союзу, нарушают устойчивость семейных отношений, противоречат принципу святости семейных уз. По свидетельству Гая, для воздаяния чести браку отрицается возможность предъявления к жене позорящего иска. Кроме того, следует заметить, что в Дигестах Юстиниана (Книга 25. Титул II) упоминается об особом иске — *actio rerum amotarum*, иске «о похищенных вещах». В данном случае имелись в виду вещи, незаконно изъятые одним супругом у другого супруга. В силу того что захваты имущества супругами по римскому праву не приравнивались к воровству, указанный иск не входил в общую категорию штрафных исков (*actio furti*), а имел специальное название⁴.

В европейском праве на рубеже XIX–XX вв. сложились три самостоятельные системы, отражающие вариативность решения вопроса об особенностях уголовной ответственности за имущественные посягательства между членами семьи. Основанием такой триады выступало различное сочетание закрепленных в нормах конституционного, семейного и гражданского права европейских стран режимов, регулирующих имущественные отношения в семье и взаимоотношения между семьей и государством. В исследованиях И.Я.Фойницкого отмечалось, что одна из указанных систем исходила из начал общности имущества между супругами, близкими родственниками и нежелательности государственного вторжения в семейную жизнь. Такое содержание и сочетание режимов имущества и отношений семьи и государства предопределяло ненаказуемость родственных и супружеских хищений.

¹ См.: Памятники римского права: Законы XII таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана. М.: Зерцало, 1997. С.562.

² См.: там же. С.562.

³ *Infamia* (лат.) — бесчестие, позор, низость, дурная репутация.

⁴ См.: Памятники римского права. С.562.

По утверждению И.Я.Фойницкого, этой системы придерживалось в конце XIX — начале XX вв. французское и бельгийское законодательство. Другая система придавала значение исключительно ограничению государственного вторжения в семейную жизнь пределами крайней необходимости. Под влиянием такого подхода семейные хищения признавались уголовно наказуемыми на общих основаниях, но привлечение к уголовной ответственности за них допускалось не иначе, как по жалобе потерпевшего. Указанной системы, по данным исследования И.Я.Фойницкого, придерживалось в конце XIX — начале XX вв. австрийское, болгарское, венгерское и норвежское законодательство. Наконец, третья система имела, по выражению И.Я.Фойницкого, смешанный характер. В данной нормативной модели принимались во внимание принцип невмешательства, начало общности имущества между близкими родственниками и раздельный режим имущества между родственниками дальними. Отсюда — третья законодательная система не допускала уголовной ответственности за имущественные правонарушения между супругами и близкими родственниками. Вместе с тем названные посягательства, совершаемые между родственниками более отдаленными, эта система признавала уголовно наказуемыми, но предусматривала порядок частного обвинения. Указанная система нашла отражение в законодательстве Германии и Италии¹.

В царской России особенности ответственности за имущественные правонарушения в семье были в определенной мере сходны с положениями второй системы. По законодательству России XIX — начала XX вв. режим имущества супругов, родителей и детей являлся режим раздельной собственности². Поэтому хищения между членами семьи признавались уголовно наказуемыми на общих основаниях. Между тем принимались во внимание три юридических условия: 1) супружество (наличие брачных отношений), 2) степень родства, указывающая на близость кровных связей между родственниками, а также 3) степень общественной опасности содеянного, выраженная в форме хищения. Уголовное преследование за хищение имущества близкого родственника или супруга, совершенное путем кражи или мошенничества, осуществлялось по жалобе потерпевшего. При совершении других форм хищения (например, грабежа или разбоя) родственным и супружеским отношениям не придавалось никакого юридического значения. В доктрине и на практике ответственность соучастников таких посягательств находилась в непосредственной зависимости от ответственности исполнителя. По этому вопросу действовало следующее правило: если лицо (исполнитель) не подлежит уголовной ответственности за незаконное присвоение имущества своего супруга или своих близких родственников, то не могут быть привлечены к уголовной ответственности соучастники этого де-

¹ См.: Фойницкий И.Я. Курс уголовного права: Часть Особенная. Посягательства личные и имущественные. С.169.

² См.: Шершеневич Г.Ф. Указ. соч. С.434, 446-447.

ания. По конкретному делу Сенатом было разъяснено: если потерпевшие, не желая обнаружить семейных тайн, не сочтут возможным заявить о краже, то и посторонние потерпевшему соучастники кражи не могут быть привлечены к ответственности¹.

В советском уголовном праве исследуемый вопрос нашел свое дальнейшее развитие. Как известно, уголовное законодательство советской России дифференцировало ответственность за имущественные преступления в зависимости от формы собственности, на которую они посягают. Имущественные преступления между членами семьи признавались разновидностью преступлений «против личной собственности граждан», т.к. природа этих посягательств заключается в нарушении отношений частной («личной») собственности. Поэтому в советской правовой доктрине вопросы ответственности за имущественные преступления между членами семьи рассматривались в рамках более общей проблематики — ответственности за преступления «против личной собственности граждан».

В советском законодательстве был установлен режим совместной собственности на имущество, нажитое супругами в браке (ст.20 КоБС РСФСР). Данное обстоятельство исключало возможность привлечения к уголовной ответственности за имущественные нарушения, совершаемые одним из супругов. По этому поводу в советской уголовно-правовой доктрине утверждалось, что «изъятие супругом вещей другого супруга не является кражей, поскольку совместно нажитое имущество является их общей собственностью». Имущество, составляющее совместную собственность, в случае если один из собственников распоряжается им в ущерб интересам других собственников, действительно не может рассматриваться как предмет имущественного преступления, так как это имущество не является чужим для самовольно действующего лица². Вместе с тем, такое имущественное нарушение не исключало по советскому праву возможности привлечения виновного к гражданско-правовой ответственности. Согласно п.12 постановления №3 Пленума Верховного Суда СССР от 2 марта 1989 г. «О практике применения судами законодательства по делам, связанным с пожарами», в тех случаях, когда уничтоженное или поврежденное имущество является общей совместной собственностью виновного в пожаре и других лиц (например, совместно нажитое имущество супругов или колхозного двора), суд, определяя размер сумм, подлежащих взысканию, должен установить долю, принадлежащую в совместном имуществе виновному лицу в соответствии со ст.ст.20 и 21 КоБС РСФСР, ст.129 ГК РСФСР, и исключить ее из взыскиваемой суммы³.

¹ См.: Познышев С.В. Особенная часть русского уголовного права. С.217.

² Курс советского уголовного права: В 5-ти т. Т.3. С.757.

³ См.: Владимиров В.А. Указ соч. С.28.

⁴ Следует иметь в виду, что указанное постановление признается действующим на территории Российской Федерации.

Имущественные отношения между родителями и детьми в советском праве традиционно основывались на режиме раздельной собственности. Поэтому в уголовно-правовой теории советского периода не без оснований утверждалось: «самовольное изъятие детьми вещей, принадлежащих их родителям или лицам, на иждивении которых они состоят, при определенных условиях может составить признаки кражи»¹. Этому положению следовала и судебная практика советского периода. Так, действия Петелько Ю., выразившиеся в требовании у родителей денежных средств, сопровождавшегося применением насилия и угрозами уничтожения имущества, были обобщенно квалифицированы как вымогательство². Такой подход в судебной практике сложился не сразу. В период действия УК 1926 г. судебная практика также признавала подобные деяния уголовно-наказуемыми, однако предлагала иную правовую оценку содеянному. Например, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР 13 марта 1946 г. по делу подростка К., осужденного одним из народных судов г. Москвы за кражу у членов семьи, приговор отменила, указав, что суд дал неправильную правовую оценку действиям осужденного. Свое решение Судебная коллегия мотивировала так: суд не учел, что к квалификации ряда противоправных действий, совершенных внутри семьи, нельзя подходить с обычной оценкой, отвлекаясь от того факта, что наличие особых отношений, связывающих членов семьи, особых прав и обязанностей, вытекающих из самого факта принадлежности к семье, придают особый характер совершаемым в семье противоправным действиям. Судебная коллегия подчеркнула, что это должно быть особенно учтено при оценке таких действий, как семейные кражи. Если с внешней стороны эти действия могут показаться содержащими все признаки настоящей кражи, то при учете того, что члены семьи связаны взаимными элементарными обязанностями и совместным пользованием семейным имуществом, в этих действиях в большинстве случаев надо признать наличие самоуправства, а не кражи. Такой характер, как заключила Судебная коллегия, имеют, в частности, кражи, совершаемые детьми у родителей³.

Что касается особого порядка возложения ответственности за такие посяательства, то он не получил своего закрепления в советском законодательстве. Между тем в правоприменении эта проблема являлась актуальной. Так, Судебная коллегия Верховного Суда СССР в определении от 13 марта 1946 г. по тому же делу подростка К. указала, что кражи и тому подобные противоправные действия, совершаемые в семье, не представляют той степени общественной опасности, которая требовала бы возбуждения уголовного преследования по инициативе публичной власти, независимо от нали-

¹ Владимиров В.А. Указ. соч. С.28

² См.; Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1991. №11. С.4.

³ См.; Исаев М.М. Указы Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества и об усилении охраны личной собственности граждан». М., 1948. С.21-22.

Взаимодействие уголовного и частного права в сфере имущественных отношений

чия или отсутствия жалобы заинтересованного лица. На этом основании Судебная коллегия признала недопустимым возбуждение уголовного преследования за кражи, совершаемые детьми у родителей, если последние не обращаются с просьбой ввиду безуспешности тех мер воспитания, которые они вправе и обязаны применять¹. Об актуальности этой проблемы свидетельствуют также и другие судебные разъяснения: «Не должны применяться меры уголовного наказания к несовершеннолетним за кражи у родителей или других совместно проживающих с ними членов семьи, если сами потерпевшие не обратились в соответствующие органы с просьбой о привлечении подростков к уголовной ответственности»².

Сравнительный анализ уголовного законодательства некоторых стран Западной Европы выявляет существование трех различных подходов к уголовно-правовой оценке имущественных правонарушений в семье.

Согласно ч.1 ст.268 УК Испании освобождаются от уголовной ответственности и являются субъектами только гражданско-правовой ответственности супруги, которые не разведены по закону, фактически или в результате судебного процесса о раздельном проживании супругов, о разводе или о недействительности брака, а также и взоходящие, нисходящие родственники, родные либо приемные братья и сестры, родственники в первом колене за имущественные преступления, которые они совершат между собой, если не будет применено насилие или запугивание. Это положение не распространяется на посторонних лиц, принявших участие в совершении преступления (ч.2 ст.268).

Аналогичное решение рассматриваемого вопроса содержится и в уголовном законодательстве Франции. Так, в соответствии со ст.311-12 УК Франции, не может дать основания для уголовного преследования хищение, совершенное каким-либо лицом в ущерб своему родственнику по восходящей или по нисходящей линии, а также своему супругу, за исключением случаев, когда супруги проживают раздельно по установлению суда или имеют разрешение на раздельное проживание. Согласно ст.ст.312-9, 312-12, 313-3, 314-4 УК Франции, указанное положение применимо также к вымогательству, шантажу, мошенничеству, злоупотреблению доверием, совершенным в семье. По-видимому, такой подход в УК Испании и Франции основан на приоритетности принципа недопустимости вмешательства государства в имущественные дела семьи. Типу режима имущества супругов и

¹ См.: Исаев М.М. Указ. соч. С.22.

² Пункт 15 постановления Пленума Верховного Суда СССР «О практике применения судами законодательства по делам о преступлениях несовершеннолетних и о вовлечении их в преступную и иную антиобщественную деятельность» от 3 декабря 1976 г. В настоящее время он не действует на территории РФ (см.: п. 24 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» от 14 февраля 2000 г. // Сборник постановлений Пленумов Верховного Суда Российской Федерации (СССР, РСФСР) по уголовным делам. М., 2001. С.98-104).

родственников в данном случае не придаетея какого-либо уголовно-правового значения. Единственно, что обращает на себя внимание, это указание УК Испании на насилие и угрозы как обстоятельства, допускающие уголовную ответственность за имущественные правонарушения в семье.

Вторая модель решения данной проблемы исходит из допустимости уголовной ответственности за рассматриваемые посяательства, но при соблюдении особого порядка привлечения к ней. Этой модели придерживается, в частности, уголовное законодательство ФРГ, Швейцарии и Польши. Так, в §247 «Кража из семьи» УК ФРГ устанавливается: «Если кража была совершена лицом у своего родственника или опекуна или лица, с которым виновный проживает под одной крышей, то деяние преследуется в уголовном порядке только по жалобе потерпевшего». Это положение распространяется и на случаи совершения в семье некоторых других видов имущественных преступлений — мошенничества (§263), получения выгоды путем обмана (§265а), преступного злоупотребления доверием (§266). Что касается таких имущественных преступлений, как насильственные хищения и вымогательство, то они по УК ФРГ преследуются в общем порядке.

Согласно ст.ст.137-139, 143, 146 и 147 УК Швейцарии незаконное завладение, растрата, кража, неправомерное приобретение данных, мошенничество и мошенническое злоупотребление с установкой для обработки данных преследуются только по жалобе, если указанные деяния совершены в убыток родственнику или члену семьи.

По существу, тот же подход отражен в уголовном законодательстве Польши. В соответствии с УК Республики Польша, если кража, присвоение, вымогательство, обман совершены во вред самому близкому лицу, преследование возбуждается по заявлению потерпевшего (ст.ст.278, 279, 284-287). Ответственность за насильственные хищения возлагается по УК Польши на общих основаниях.

Наконец, в основу решения вопроса о правовой оценке имущественных правонарушений в семье и порядке их преследования в современном континентальном европейском праве кладутся и смешанные (интегративные) подходы. Так, в соответствии со ст.316 УК Голландии, если исполнитель или соучастник кражи и грабежа является супругом(ой) лица, против которого совершено преступление, и если этот супруг(а) не отлучен в судебном порядке от стола и ложа или от собственности, уголовное преследование пресекается. В том же случае, если этот супруг(а) отлучен в судебном порядке от стола и ложа или от собственности, или если преступление совершено против кровного родственника или родственника по мужу (жене) по прямой линии или второй степени боковой линии, то уголовное преследование будет иметь место только после жалобы, поданной на него или на нее лицом, против которого совершено преступление. Согласно ст.ст.319, 324, 338, 348 и 353 УК Голландии указанные положения применяются так-

Взаимодействие уголовного и частного права в сфере имущественных отношений

же к вымогательству и шантажу, присвоению, обману, причинению ущерба кредиторам или управомоченным лицам, уничтожению или причинению ущерба, если указанные деяния совершены в сфере семейных отношений.

Как видно, в уголовном законодательстве Голландии при решении вопроса о допустимости или недопустимости уголовной ответственности за имущественные правонарушения в семье принимается во внимание исключительно наличие брачных отношений между виновной и потерпевшей сторонами. Вопрос о порядке осуществления уголовного преследования за имущественные преступления в сфере семейных отношений решается с учетом степени родства и свойства.

По УК Швеции похищение имущества, мошенничество и другое бесчестное поведение, присвоение чужого имущества и иные случаи злоупотребления доверием, совершенные в отношении супруга или супруги, или кровного родственника по восходящей или нисходящей линии, или родственника по браку, родного брата или сестры, зятя или невестки, или любого другого подобного близкого или родственника обвиняемого, преследуются в уголовном порядке, только если потерпевшая сторона сообщила о преступлении в целях уголовного преследования, потребовала, или если уголовное преследование необходимо в интересах общества (ст.13 главы 8, ст.12 главы 9, ст.10 главы 10). Согласно УК Швеции особый порядок преследования не распространяется на такие имущественные преступления, как тяжкая кража, грабеж или тяжкий грабеж, тяжкое мошенничество, тяжкое присвоение чужого имущества и такое злоупотребление доверием доверителя, которое является тяжким. Таким образом, УК Швеции признает наказуемыми имущественные преступления в семье, но предусматривает особый порядок уголовного преследования за указанные преступления, принимая во внимание такие юридические условия, как наличие супружеских или родственных отношений, свойства, а также степень общественной опасности деяния. При этом вопрос о порядке уголовного преследования решается по усмотрению государственного обвинителя, который может возбуждать или прекращать производство по делу в общем порядке, если уголовное преследование необходимо в интересах общества.

УК России не содержит специальных положений об основаниях и пределах уголовной ответственности за имущественные правонарушения в семье. Поэтому вопрос о допустимости или недопустимости ответственности за указанные посяательства решается в первую очередь исходя из положений СК РФ о режиме имущества супругов и родственников. Согласно ст.33 СК РФ законным режимом имущества супругов является режим их совместной собственности. Этот правовой порядок означает, что супруги сообща владеют и пользуются общим имуществом. Распоряжение таким имуществом осуществляется по взаимному согласию супругов, которое предполагается независимым от того, кем из них совершается сделка по распоряжению имуществом.

В литературе указывается, что по российскому праву в случае тайного завладения мужем находящегося в совместной собственности с женой автомобиля нет состава преступления, проблема решается в рамках гражданского судопроизводства¹; предметом имущественных преступлений не может быть имущество, принадлежащее виновному на праве совместной собственности, в частности, имущество супругов². Как видно из последнего положения, не признается преступлением совершение одним из супругов неправомерного распоряжения имуществом, являющимся совместной собственностью супругов. Такой подход представляется верным. Что касается современной судебной практики, то она по данному вопросу идет еще дальше и не признает хищением незаконное изъятие вещей, которые виновная и потерпевшая стороны «приобрели вместе, на общие средства, когда находились в гражданском браке, совместно проживали, вели общее хозяйство»³.

В то же время в ст.36 СК РФ установлено, что имущество, принадлежащее каждому из супругов до вступления в брак, а также имущество, полученное одним из супругов во время брака в дар, в порядке наследования или по иным безвозмездным сделкам, является его собственностью. Кроме того, согласно ст.42 СК РФ, брачным договором супруги вправе установить режим раздельной собственности на все имущество супругов, на его отдельные виды или на имущество каждого из супругов. Очевидно, правовая оценка имущественных правонарушений между супругами всякий раз будет меняться в зависимости от того, являлось ли имущество, ставшее предметом посягательства, общей или раздельной собственностью. При этом уголовная ответственность не исключается, если предметом имущественного посягательства, совершенного одним из супругов, является имущество, принадлежавшее другому супругу. Не без оснований была привлечена к уголовной ответственности М., которая сожгла гараж своего мужа.

Имущественные отношения между родителями и детьми в соответствии с семейным законодательством РФ основаны на раздельном режиме. Это закреплено в п.4 ст.60 СК РФ: ребенок не имеет права собственности на имущество родителей, родители не имеют права собственности на имущество ребенка. Следовательно, уголовная ответственность за имущественные правонарушения, совершаемые родителями и детьми, не исключается. Между тем СК РФ допускает случаи возникновения права общей собственности родителей и детей (п.5 ст.60 СК). Соответственно, незаконное распоряжение общим имуществом одним из указанных близких родственников следует считать уголовно наказуемым.

¹ См.: Флетчер Дж., Наумов А.В. Основные концепции современного уголовного права. М.: Юристъ, 1998. С.391.

² См.: Уголовное право. Особенная часть. Учебник / Под ред. А.И.Рарога. С.113; Хабаров А.В. Указ. соч. С.17.

³ См.: Определение судебной коллегии по уголовным делам Самарского областного суда №2975 по делу К. // Архив Автозаводского районного суда г.Тольятти Самарской области за 2001 год. Уголовное дело №1-4031.

Взаимодействие уголовного и частного права в сфере имущественных отношений

Что касается режима имущества между другими близкими родственниками (родными братьями и сестрами, дедушками, бабушками и внуками), а также иными родственниками, он специально в действующем законодательстве не назван. Между тем толкование закона дает основание считать, что между вышеназванными родственниками установлен режим раздельной собственности. Исходя из этого обстоятельства, имущественные посягательства между ними признаются уголовно наказуемыми. Этого положения придерживается и судебная практика. Так, приговоре С. золотых изделий, снятых им с убитой родственницы, доводящейся ему тетеи, было обоснованно квалифицировано как кража чужого имущества¹. Также были оценены судом действия К., который в квартире, где он проживал совместно с семьей своей сестры, тайно завладел вещами, принадлежащими семье сестры, скрылся с изъятым имуществом и распорядился с ним по своему усмотрению; Ш., который поджог сарай своего брата, в результате чего это строение сгорело, был привлечен к уголовной ответственности по ч.2 ст.167 УК. Как покушение на умышленное уничтожение чужого имущества общественным способом (ч.3 ст.30 и ч.2 ст.167) квалифицированы действия К., который совершил поджог дома, принадлежащего его бабушке.

В современном уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве РФ не содержится положения об особом порядке привлечения к ответственности за имущественные преступления, совершенные между супругами и родственниками. Значит, в этих случаях современное право России допускает возложение уголовной ответственности в общем порядке. Основанием такого порядка в определенном смысле выступает принцип государственной защиты семьи, закрепленный в ст.38 Конституции РФ.

Между тем не следует забывать, что сфера личной, частной, семейной жизни — область непосредственного проявления свобод человека. Государственное вмешательство в эту сферу всегда несет опасность умаления или ущемления личных прав и свобод. Государству, уважающему права человека, следует как можно осторожнее вмешиваться в личные, в том числе и семейные, отношения. Кетати говоря, такой мыслимый тип отношений семьи и власти в известной мере нашел свое отражение в современном отечественном законодательстве. Так, семейное законодательство РФ исходит из недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в дела семьи, а также признает необходимым регулирование семейных отношений в соответствии с принципом разрешения внутрисемейных споров по взаимному согласию (ст.1 СК РФ). В этой связи представляется, что современная законодательная практика должна избрать компромиссное решение, установив диспозитивность в уголовно-правовой охране имущественных отношений супругов и близких родственников. Следует подчеркнуть, что такое ре-

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1999. №3. С.18.

² См.: Архив Федерального суда Автозаводского района г.Тольяти Самарской области за 2001 год. Уголовное дело №1-4538/01.

шение не только соответствует традициям отечественного права, современной законодательной практике ряда зарубежных стран, но и согласуется с доктриной о расширении круга преступлений, уголовное преследование которых ставится в зависимость от усмотрения (волеизъявления) самого потерпевшего¹. При этом вслед за В.Н.Григорьевым и А.П.Гуляевым можно предположить, что по мере усиления в российском обществе позиций частного права государственное реагирование на посягательства против частных интересов будет все более гибким, более избирательным и компромиссным².

На первый взгляд кажется, что принцип диспозитивности уголовного преследования имеет не столько материально-правовое, сколько процессуальное значение. Между тем этот принцип по существу ограничивает действие уголовного закона об имущественных преступлениях по кругу лиц. Поэтому особый порядок привлечения к уголовной ответственности за имущественные правонарушения в семье должен найти свое закрепление и в уголовно-процессуальном, и в уголовном законодательстве. Действие этого принципа не может быть абсолютным и должно носить ограниченный характер. Современное право не должно исключать и принципа публичности уголовного преследования за внутрисемейные имущественные преступления. При установлении предела действия принципа диспозитивности необходимо, во-первых, исходить из наличия или отсутствия состояния брака или близкого родства³ между сторонами конфликта, а, во-вторых, учитывать степень общественной опасности содеянного, как правило, выраженную в способе совершения имущественного преступления. Если рассматриваемые деяния совершены в отношении имущества, не принадлежащего супругу или близкому родственнику похитителя (например, сожителю, иному родственнику), а также соединены с насилием, угрозами, исполнены общеприемлемым способом или путем неосторожного обращения с огнем либо повлекли тяжкие последствия, то уголовное преследование осуществляется на общих основаниях. В этой связи представляется, что насильственные имущественные преступления в семье ни при каких обстоятельствах не могут преследоваться в частном порядке. Это объясняется тем, что в подобных случаях виновный использует такие способы совершения преступления, которые непосредственно и явно нарушают определяющий принцип построения семейных отношений — добровольность. Преступные деяния, характеризующиеся насилием и угрозами, всегда выражаются в подавлении воли

¹ См.: Шейфер С.А., Петрова Н.Е. Проблемы реформирования производства по делам частного обвинения в духе расширения частных начал в уголовном процессе РФ // Гос. и право. 1999. №6. С.51-56; Тенчов Э. О частных началах в российском уголовном праве // Уголовное право. 2000. №1. С.44-46.

² См.: Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. Общий комментарий и постатейная таблица изменений и дополнений. М.: Учебно-консультационный центр «ЮрИнфоР», 1997. С.28.

³ Понятие близких родственников определяется в ст. 34 УПК РСФСР (ст. 5 УПК РФ). Это формально-определенное, а не оценочное понятие.

потерпевшего, и поэтому сами по себе разрушают указанный принцип права как «несущую конструкцию» семейных отношений. Имущественные преступления, совершенные общеопасным способом, одновременно нарушают не только личные, но и общественные интересы, и на этом основании также должны преследоваться в публичном порядке.

Отсюда — представляется необходимым дополнить УК положением следующего содержания: «если деяние, предусмотренное статьями ... (о краже, неправомерном завладении автомобилем или иным транспортным средством, умышленных и неосторожных уничтожении или повреждении чужого имущества без отягчающих обстоятельств, присвоении или растрате, злоупотреблении доверием, мошенничестве, получении выгоды путем использования ЭВМ, нарушении права на недвижимое имущество путем обмана), совершено сунругом или близким родственником, уголовное преследование осуществляется не иначе как по жалобе потерпевшего и подлежит прекращению в случае примирения его с обвиняемым».

Что касается определения процессуальной формы разрешения таких дел, то наилучшим вариантом было бы отнесение их к делам частного обвинения и подсудности мирового судьи¹.

¹ Подробнее см.: Шейфер С.А., Безверхов А.Г. Имущественные преступления в семье: материально-правовой и уголовно-процессуальный аспекты // Гос. и право. 2001. №6. С.56.

Заключение

Завершая работу об имущественных преступлениях, подведем итог всему изложенному выше.

Ныне, когда частные подходы становятся недостаточными для решения сложных проблем, все более усиливается тенденция синтеза научного знания, проявляющаяся в комплексном характере исследования. Комплексным признается такой методологический подход, который заключается в использовании научных знаний различной отраслевой принадлежности и (или) сочетании нескольких познавательных методов с целью одновременного отображения всех сторон, аспектов, фрагментов объекта познания в их взаимосвязи. Применение комплексного подхода обусловливается многосложностью как самого познаваемого объекта, так и его связей с внешней средой. Комплексный подход состоит как в активном и широком использовании для обоснования теоретических положений одной отраслевой природы знаний других отраслей науки, так и в применении в процессе познания различных принципов, методов и способов одновременно и во взаимосвязи друг с другом. При этом цель комплексного исследования заключается в целостном отображении многосложного объекта познания с учетом взаимодействия всех его сторон, аспектов и проявлений.

Исследование уголовно-правовых норм об ответственности за имущественные преступления требует комплексного подхода, исходя из экономической и юридической природы имущественных отношений, как основного объекта указанных преступных посягательств. С учетом этого обстоятельства в основу настоящего исследования был положен комплексный метод познания и предпринята попытка рассмотрения вопросов криминализации (декриминализации), оснований и дифференциации ответственности за имущественные посягательства под широким («комплексным») углом зрения. Комплексный подход к исследованию уголовного законодательства об имущественных преступлениях состоит в интеграции познавательных достижений науки уголовного права, гражданского права, криминологии, экономической теории и других отраслей знания о закономерностях функционирования и развития имущественных отношений, об обеспечении их эффективного правового регулирования и охраны, а также о путях предупреждения имущественных преступлений и юридических средствах противодействия им.

Экономическое и юридическое понимание имущественных отношений способствует более глубокому видению общественной опасности рассмат-

Заключение

риваемых преступных деяний, позволяет уяснить сущность указанных посягательств вообще и отдельных разновидностей их в частности, указать их место в системе Особенной части уголовного законодательства России, а также установить основания и пределы действия уголовно-правового запрета в сфере имущественных отношений.

Среди комплекса факторов, обуславливающих распространение или, напротив, ограничение проявления общественно опасного поведения в имущественной сфере, основными являются факторы экономического характера. Экономические закономерности, вызывая криминогенные трансформации в сфере имущественных отношений, влияют также и на процессы криминализации и декриминализации, всякий раз побуждая законодателя к адекватному отражению в уголовном законе новых тенденций и характеристик преступлений, посягающих на основы имущественного правопорядка. Экономические категории используются при определении уголовной противоправности преступлений в имущественной сфере, выражают содержание ряда объективных признаков конкретных видов указанных посягательств (родового, видового, непосредственного объектов и предмета преступления, общественно опасных последствий содеянного). Экономические критерии применяются при отграничении преступного от не преступного в сфере имущественных отношений, а также при дифференциации уголовной ответственности в зависимости от размера стоимости предмета имущественного посягательства и причиненного им ущерба.

С учетом указанных обстоятельств экономической анализ должен составить один из компонентов криминологической методологии исследования криминогенных процессов в сфере имущественных отношений. Как представляется, экономический анализ мог бы дополнить и методологию уголовного права в части исследования оснований и эффективности действия уголовно-правовых запретов в имущественной сфере и санкций, применяемых за их нарушение.

Под экономическим анализом следует понимать способ постижения исследуемого объекта с учетом влияния на него экономических законов функционирования и развития, посредством использования экономических категорий и применения экономических методов познания. Одним из основных принципов, составляющих экономический анализ преступности, является исследование криминогенных процессов и нормативных положений уголовного закона с учетом вариативности последних — в рамках конкретного типа экономики.

Современные представления о разных типах экономических порядков («традиционном», «плановом», «рыночном») и их криминогенных последствиях в сфере имущественных отношений позволяют сделать вывод, что объ-

ект и система имущественных преступлений обусловлены, прежде всего, преходящими экономическими факторами: системно-структурными трансформациями в сфере экономики. Экономический анализ генезиса уголовно-правовых запретов в имущественной сфере показывает, что содержащиеся в главе 21 УК РФ нормы о «преступлениях против собственности» представляют собой исторический тип запретов общественно опасных имущественных нарушений последний сложился в условиях плановой экономической системы и получил отражение в современном уголовном законодательстве России с учетом лишь отдельных криминогенных трансформаций — одинакового уровня общественной опасности имущественных преступлений в зависимости от формы собственности (точнее, субъекта права собственности), как возможного объекта преступного посягательства. Одна из основных задач уголовного законодательства о «преступлениях против собственности» состоит в предупреждении общественно опасных деяний, посягающих на право собственности (одного из видов вещных прав) и причиняющих либо угрожающих причинением имущественного ущерба собственнику или иному владельцу имущества.

В условиях рыночной экономики имущественные отношения складываются по поводу осуществления права собственности, иных имущественных прав и законных интересов граждан, организаций, муниципальных образований и государства. В этой связи общественная опасность имущественных преступлений заключается как в отрицании права собственности, так и в существенном нарушении других имущественных прав и охраняемых законом интересов в имущественной сфере, подрыве основ имущественного правопорядка.

Восстановление и развитие в России рыночной экономики, сопровождающиеся количественными и качественными криминогенными изменениями в имущественной сфере, требуют охраны наряду с правом собственности также и других имущественных прав и законных интересов граждан, организаций, муниципальных образований и государства в имущественной сфере, что вызывает необходимость совершенствования системы уголовно-правовых норм об имущественных преступлениях и пересмотра наименования главы 21 УК РФ. При этом расширение сферы уголовно-правового регулирования имущественных отношений следует рассматривать в качестве одного из основных направлений правового обеспечения развивающейся в современной России рыночной экономики.

Уголовная противоправность имущественных преступлений определяется с учетом межотраслевого взаимодействия правовых норм, складывающегося с целью всестороннего регулирования и охраны имущественных отношений. Под последним следует понимать взаимную связь нормативных

Заключение

положений уголовного, гражданского и других отраслей права и законодательства о правах, свободах и обязанностях участников имущественных отношений, которую необходимо учитывать при законодательном конструировании и применении уголовно-правовых норм об ответственности за имущественные преступления.

Постановка и попытка решения проблем, обозначенных в настоящей работе, могут способствовать дальнейшему развитию научных исследований в российском уголовном праве о противодействии имущественным преступлениям и продолжению многовариантного научного поиска оптимальной законодательной модели системы уголовно-правовых норм об этих преступлениях, способной эффективно защитить имущественные права и законные интересы граждан и организаций, охраняемые законом интересы общества и государства в имущественной сфере.

Приложение

Глава УК РФ Имущественные преступления (de lege ferenda)

Статья ... Понятия, используемые в настоящей главе

1. Значительным размером в статьях настоящей главы признается стоимость имущества или иных выгод имущественного характера, в пять раз превышающая минимальный размер оплаты труда, установленный законодательством Российской Федерации на момент совершения преступления.

2. Крупным размером в статьях настоящей главы признается стоимость имущества или иных выгод имущественного характера, в пятьсот раз превышающая минимальный размер оплаты труда, установленный законодательством Российской Федерации на момент совершения преступления.

3. Особо крупным размером в статьях настоящей главы признается стоимость имущества или иных выгод имущественного характера, в пять тысяч раз превышающая минимальный размер оплаты труда, установленный законодательством Российской Федерации на момент совершения преступления.

4. Если деяние, предусмотренное статьями ... (о краже, угоне, умышленных и неосторожных уничтожении или повреждении чужого имущества без отягчающих обстоятельств, присвоении или растрате, злоупотреблении доверием, мошенничестве, получении выгоды путем использования ЭВМ, нарушении права на недвижимое имущество путем обмана) настоящего Кодекса, совершено супругом или близким родственником, уголовное преследование осуществляется не иначе как по жалобе потерпевшего и подлежит прекращению в случае примирения его с обвиняемым.

5. Под хищением в статьях настоящей главы понимается совершенное с корыстной целью противоправное безвозмездное изъятие чужого имущества, причинившее ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества.

6. Неоднократным в статьях ... (о краже, грабеже, разбое, угоне, присвоении или растрате, злоупотреблении доверием, мошенничестве, получении выгоды путем использования ЭВМ, нарушении права на недвижимое имущество путем обмана, вымогательстве) настоящего Кодекса признается совершение преступления, если ему предшествовало совершение одного или более преступлений, предусмотренных этими статьями, а также статьями 209, 221, 226, и 229 настоящего Кодекса.

7. Лицом, ранее судимым за хищение, мошенничество, присвоение, растрату либо вымогательство, в статьях настоящей главы, а также в других статьях настоящего Кодекса, признается лицо, имеющее судимость за одно или несколько преступлений, предусмотренных статьями ... (о краже, гра-

Приложение

беже, разбое, присвоении или растрате, мошенничестве, вымогательстве), 209, 221, 226 и 229 настоящего Кодекса.

8. Вверенным имуществом в статье ... (о присвоении или растрате) настоящего Кодекса признается имущество, которое передано по закону, договору или иным правовым основаниям, не влекущим перехода права собственности, лицу, наделенному в отношении данного имущества полномочиями по владению, пользованию или распоряжению.

9. Под находящимся в ведении имуществом в статье ... (о присвоении или растрате) настоящего Кодекса признается находящееся на балансе и банковских счетах организации имущество, включая денежные средства, в отношении которого лицо наделено административно-хозяйственными функциями.

10. Понятие электрической связи, используемое в статье .. (о незаконном пользовании энергией или связью) настоящего Кодекса, применяется в том значении, в каком оно используется в законодательстве Российской Федерации о связи.

Статья ... Кража

1. Кража, то есть тайное хищение чужого имущества в значительном размере, -

наказывается... (преступление небольшой тяжести).

2. Кража, совершенная:

а) группой лиц по предварительному сговору;

б) неоднократно;

в) с незаконным проникновением в жилище, помещение либо иное хранилище;

г) с причинением значительного ущерба гражданину, -

наказывается ... (преступление средней тяжести).

3. Кража, совершенная:

а) организованной группой;

б) в крупном размере;

в) лицом, ранее два или более раза судимым за хищение, присвоение, растрату, мошенничество либо вымогательство, -

наказывается ... (тяжкое преступление).

4. Кража, совершенная в особо крупном размере, -

наказывается ... (особо тяжкое преступление).

Статья ... Грабеж

1. Грабеж, то есть открытое хищение чужого имущества, -
наказывается ... (преступление средней тяжести).

2. Грабеж, совершенный:

- а) группой лиц по предварительному сговору;
 - б) неоднократно;
 - в) с незаконным проникновением в жилище, помещение либо иное хранилище;
 - г) с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия;
 - д) с причинением значительного ущерба гражданину, - наказывается ... (тяжкое преступление).
3. Грабеж, совершенный:
- а) организованной группой;
 - б) в крупном размере;
 - в) лицом, ранее два или более раза судимым за хищение, присвоение, растрату, мошенничество либо вымогательство, — наказывается ... (особо тяжкое преступление).
4. Грабеж, совершенный в особо крупном размере, - наказывается ... (особо тяжкое преступление).

Статья ... Разбой

1. Разбой, то есть нападение в целях хищения чужого имущества, совершенное с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия, - наказывается ... (тяжкое преступление).
2. Разбой, совершенный:
- а) группой лиц по предварительному сговору;
 - б) неоднократно;
 - в) с незаконным проникновением в жилище, помещение либо иное хранилище;
 - г) с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, - наказывается ... (особо тяжкое преступление).
3. Разбой, совершенный:
- а) организованной группой;
 - б) в целях завладения имуществом в крупном размере;
 - в) с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего;
 - г) лицом, ранее два или более раза судимым за хищение, присвоение, растрату, мошенничество либо вымогательство, — наказывается ... (особо тяжкое преступление).
4. Разбой, совершенный в целях завладения имуществом в особо крупном размере, - наказывается ... (особо тяжкое преступление).

Приложение

Статья ... Неправомерное завладение транспортным средством

1. Неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (угон), —
наказывается ... (преступление средней тяжести).
2. То же деяние, совершенное:
 - а) группой лиц по предварительному сговору;
 - б) неоднократно;
 - в) с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия, -
наказывается ... (тяжкое преступление).
3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные организованной группой либо причинившие крупный ущерб, —
наказываются ... (тяжкие преступления).
4. Деяния, предусмотренные частями первой, второй или третьей настоящей статьи, совершенные с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия, -
наказываются ... (особо тяжкие преступления).

Статья ... Умышленные уничтожение или повреждение имущества

1. Умышленные уничтожение или повреждение чужого имущества в значительном размере, -
наказываются... (преступления небольшой тяжести).
2. Те же деяния, совершенные группой лиц по предварительному сговору либо общеопасным способом, —
наказываются ... (преступления средней тяжести).
3. Умышленные уничтожение или повреждение чужого имущества в крупном размере либо повлекшие по неосторожности смерть человека или иные тяжкие последствия, -
наказываются ... (тяжкие преступления).
4. Умышленные уничтожение или повреждение чужого имущества в особо крупном размере, -
наказываются ... (особо тяжкие преступления).

Статья ... Уничтожение или повреждение имущества по неосторожности

1. Уничтожение или повреждение чужого имущества в крупном размере, совершенные по неосторожности, -
наказываются... (преступления небольшой тяжести).
2. Те же деяния, совершенные путем неосторожного обращения с огнем или иными источниками повышенной опасности, —
наказываются ... (преступления небольшой тяжести).
3. Уничтожение или повреждение чужого имущества в особо крупном

размере, совершенные по неосторожности, либо повлекшие по неосторожности тяжкие последствия, - наказываются ... (преступления средней тяжести).

Статья ... Присвоение или растрата

1. Присвоение или растрата, то есть умышленное противоправное безвозмездное обращение в свою пользу или пользу других лиц чужого имущества, вверенного виновному или находящегося в его ведении, если эти деяния совершены в значительном размере, -

наказываются... (преступления небольшой тяжести).

2. Те же деяния, совершенные:

- а) группой лиц по предварительному сговору;
- б) неоднократно;
- в) лицом с использованием своего служебного положения;
- г) с причинением значительного ущерба гражданину, - наказываются ... (преступления средней тяжести).

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, если они совершены:

- а) организованной группой;
- б) в крупном размере;
- в) лицом, ранее два или более раза судимым за хищение, присвоение, растрату, мошенничество либо вымогательство, — наказываются ... (тяжкие преступления).

4. Присвоение или растрата, совершенные в особо крупном размере, — наказываются ... (особо тяжкие преступления).

Статья ... Злоупотребление доверием

1. Злоупотребление доверием, то есть использование лицом своих полномочий по управлению и распоряжению чужим имуществом, заключению сделок или совершению иных юридически значимых действий вопреки законным интересам доверителя, если это деяние совершено в значительном размере, -

наказывается... (преступление небольшой тяжести).

2. Злоупотребление доверием, совершенное:

- а) группой лиц по предварительному сговору;
- б) неоднократно;
- в) лицом с использованием своего служебного положения, - наказывается... (преступление средней тяжести).

3. То же деяние, совершенное в крупном размере либо причинившее крупный ущерб, -

наказывается... (тяжкое преступление).

4. То же деяние, совершенное в особо крупном размере, – наказывается... (особо тяжкое преступление).

Статья ... Мошенничество

1. Мошенничество, то есть склонение путем обмана к передаче имущества, уступке имущественного права или к совершению иного действия (бездействия) имущественного характера, если это деяние совершено в значительном размере, –

наказывается... (преступление небольшой тяжести).

2. Мошенничество, совершенное:

а) группой лиц по предварительному сговору;

б) неоднократно;

в) лицом с использованием своего служебного положения;

г) с причинением значительного ущерба гражданину, –

наказывается ... (преступление средней тяжести).

3. Мошенничество, совершенное:

а) организованной группой;

б) в крупном размере;

в) лицом, ранее два или более раза судимым за хищение, присвоение, растрату, мошенничество либо вымогательство, —

наказывается ... (тяжкое преступление).

4. Мошенничество, совершенное в особо крупном размере, – наказывается ... (особо тяжкое преступление).

Статья ... Получение выгоды путем использования ЭВМ

1. Незаконное безвозмездное получение имущественной выгоды в значительном размере путем использования ЭВМ, системы ЭВМ или их сети, – наказывается ... (преступление небольшой тяжести).

2. То же деяние, совершенное:

а) группой лиц по предварительному сговору;

б) неоднократно;

в) лицом с использованием своего служебного положения, –

наказывается ... (преступление средней тяжести).

3. То же деяние, совершенное организованной группой либо в крупном размере, —

наказывается ... (тяжкое преступление).

4. То же деяние, совершенное в особо крупном размере, — наказывается ... (особо тяжкое преступление).

Статья ... Вымогательство

1. Вымогательство, то есть принуждение к совершению действия имущественного характера или к отказу от его совершения путем угрозы нарушения прав, охраняемых законом интересов либо шантажа, а равно иным незаконным способом, -

наказывается ... (преступление средней тяжести).

2. Вымогательство, совершенное:

а) группой лиц по предварительному сговору;

б) неоднократно;

в) с применением насилия, -

наказывается ... (тяжкое преступление).

3. Вымогательство, совершенное:

а) организованной группой;

б) в целях получения имущества в крупном размере;

в) с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего;

г) лицом, ранее два или более раза судимым за хищение, присвоение, растрату, мошенничество либо вымогательство, —
наказывается ... (особо тяжкое преступление).

4. Вымогательство, совершенное в целях получения имущества в особо крупном размере, -

наказывается ... (особо тяжкое преступление).

Статья ... Нарушение права на недвижимое имущество

1. Склонение к уступке права на недвижимое имущество или незаконная передача права на чужое недвижимое имущество путем обмана или с использованием доверия, -

наказывается ... (тяжкое преступление).

2. Нарушение права на недвижимое имущество, совершенное:

а) группой лиц по предварительному сговору;

б) неоднократно;

в) лицом с использованием своего служебного положения;

г) путем принуждения к уступке права на недвижимое имущество, совершенное путем угрозы нарушения прав, охраняемых законом интересов либо шантажа, а равно иным незаконным способом, -

наказывается ... (особо тяжкое преступление).

3. Нарушение права на недвижимое имущество, совершенное:

а) организованной группой;

б) с применением насилия;

в) в особо крупном размере, -

наказывается ... (особо тяжкое преступление).

Приложение

Статья ... Незаконное пользование энергией или связью

Незаконное безвозмездное использование подаваемой через присоединенную сеть электрической или тепловой энергии либо газа, а равно незаконное безвозмездное пользование электрической связью, если эти деяния совершены в значительном размере. —

наказываются ... (преступления небольшой тяжести).

Научное издание

Артур Геннадьевич Безверхов
ИМУЩЕСТВЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Публикуется в авторской редакции
Художественный редактор Л.В.Крылова
Корректор Е.А.Краснова
Компьютерная верстка, макет В.В.Хайдоров

Лицензия ИД № 06178 от 1.11.2001. Подписано в печать 03.04.2002.
Формат 60x84/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Ньютон.
Усл.-печ.л. 20.9; уч.-изд.л. 22.5. Тираж 500 экз. Заказ № 358.

Издательство «Самарский университет»
443011, г.Самара, ул. Акад. Павлова, 1

Отпечатано в ООО «Издательский Центр «Книга»
г.Самара, ул. Ново-Садовая, 106, тел.: 35-35-26.
e-mail: slovo@samaramail.ru